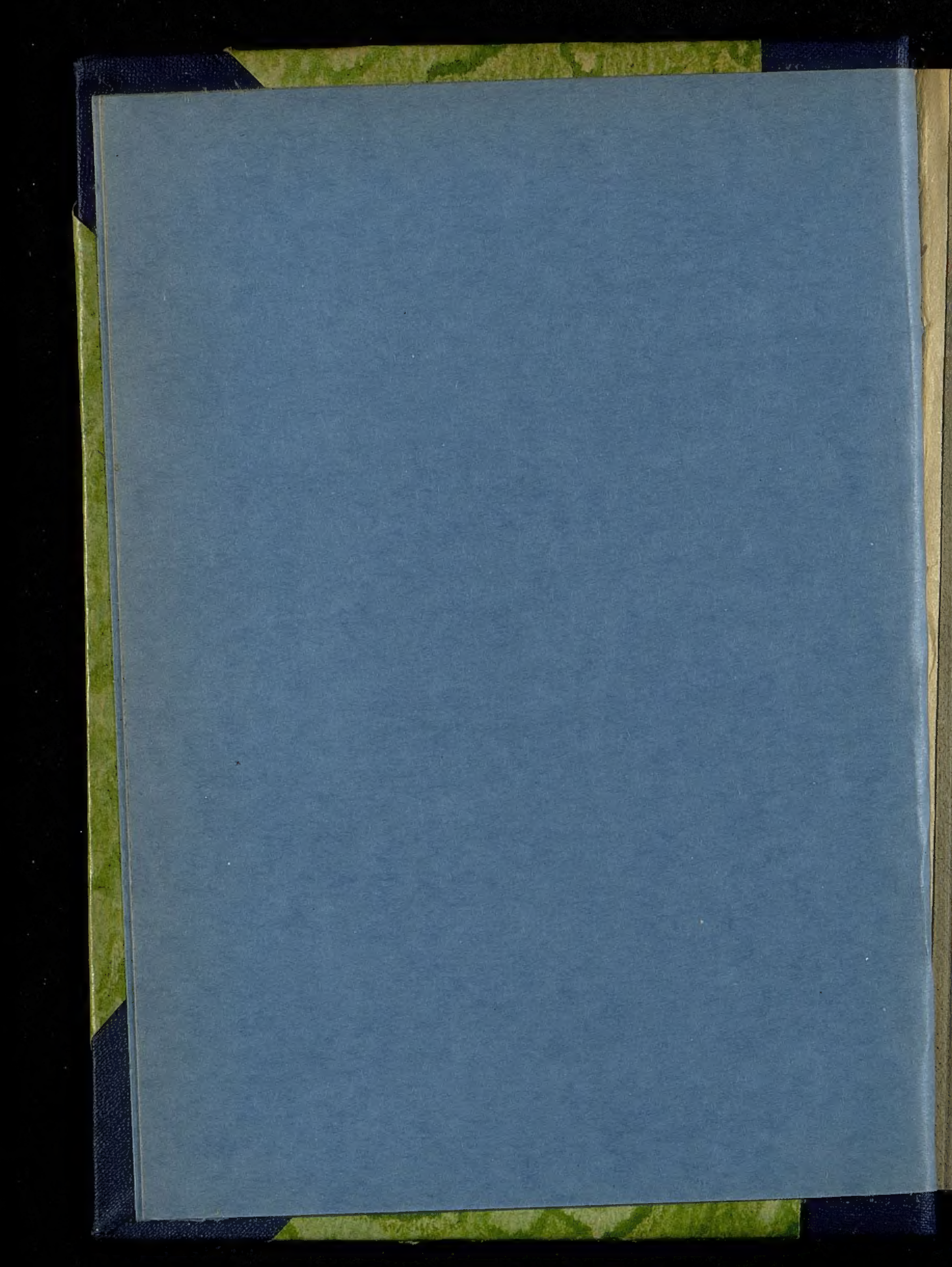
Наживин
Ив.

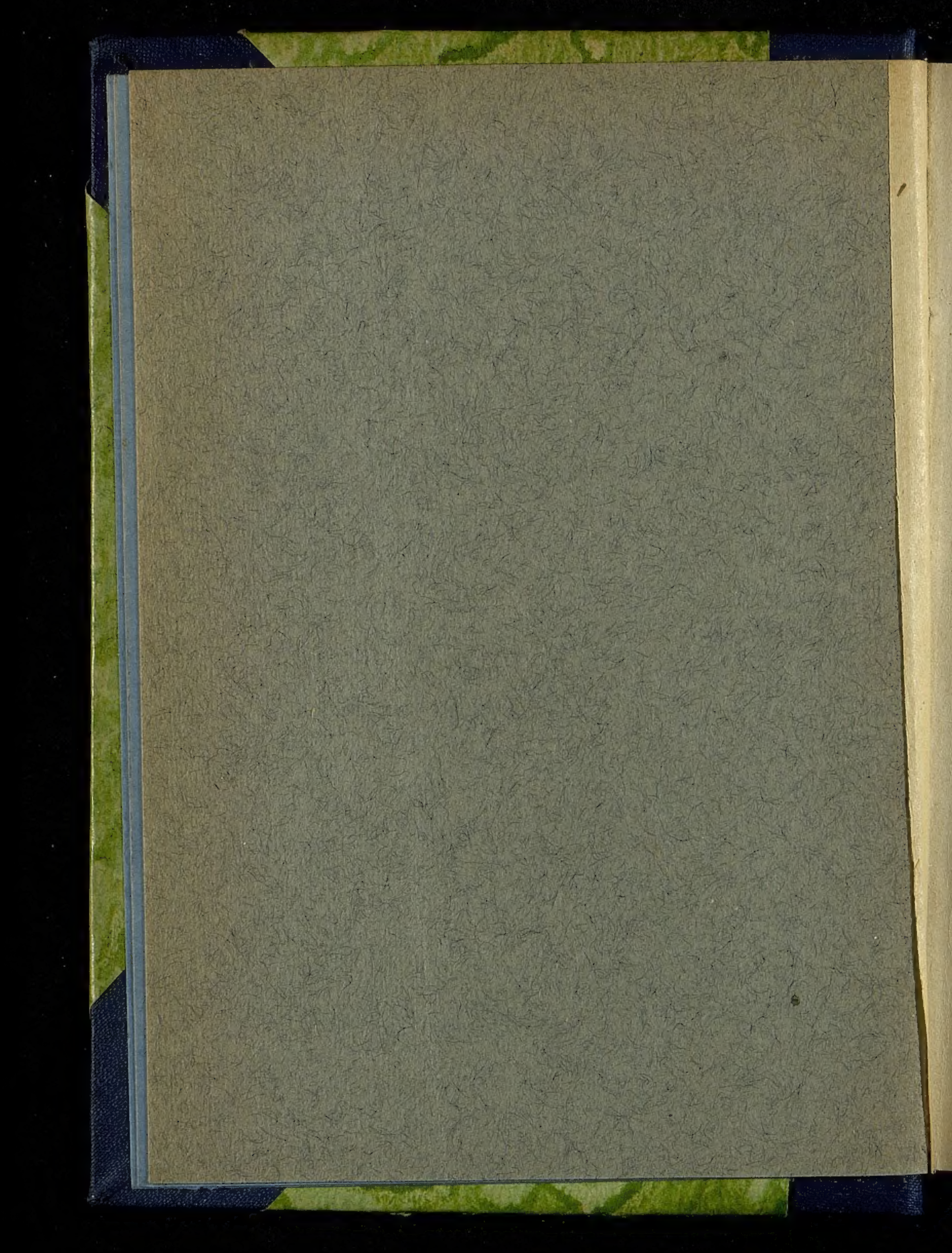
Записки
о
революции.
2 экз.
Вена, 1921.



ИВ. НАЖИВИНЪ

ЗАПИСКИ О РЕВОЛЮЦІИ

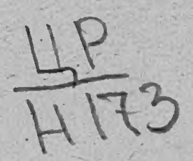
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ".



ИВ. НАЖИВИНЪ

ЗАПИСКИ О РЕВОЛЮЦІИ

ВѢНА
1921
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ“.



Памяти павшихъ подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ за нашу старую Россію, — Великую, Единую, Недѣлимую, — съ безконечной скорбью, глубокимъ уваженіемъ и горячей любовью посвящаю эту книгу.

Отъ автора.

Эта книга о русской революціи является пятымъ томомъ моихъ записокъ, которыя обнимаютъ всю мою жизнь отъ рожденія до текущаго момента и которыя будутъ опубликованы по мѣрѣ возможности.

Точками обозначены въ текстѣ тѣ мѣста, опубликованіе которыхъ преждевременно.

Ив. Наживинъ.

Предисловіе.

Я, сынъ крестьянина Владимірской губерній, писатель, много лѣтъ стоявшій на очень лѣвыхъ позиціяхъ, почти всю революцію провелъ въ своемъ родномъ селѣ — какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя описаны Златовратскимъ въ его „Деревенскихъ Будняхъ", — въ дѣдовскомъ домѣ, такъ что видѣлъ я ее не изъ окна какой-нибудь петроградской или московской редакціи, а въ самыхъ подлинныхъ низахъ народныхъ. Л. Н. Толстой, съ которымъ я долгіе годы былъ близокъ, во время первой революціи не разъ настойчиво говорилъ мнѣ:

— Записывайте, записывайте, записывайте все, что вы видите и слышите! А то потомъ изъ всего этого сдѣлаютъ, какъ сдѣлали изъ французской революціи, какую-нибудь эдакую ученую колбасу и будутъ отравлять ею милліоны людей. Непремѣнно записывайте и какъ можно правдивѣе и точнѣе. ..

Въ книгѣ моей лишь мимолетно говорится о словахъ и жестахъ Керенскихъ, Милюковыхъ, Бронштейновъ и другихъ громкихъ, но пустыхъ героевъ смутныхъ лѣтъ. Главный герой мой — русскій народъ, тотъ народъ, который въ концѣ концовъ и рѣшитъ судьбы революціи, свои и — наши. И очень, очень боюсь я, что въ условіяхъ его — исторически вполнѣ объяснимой, а потому и оправдываемой, — темноты, отсталости во всемъ, усталости отъ этихъ безумныхъ и кровавыхъ лѣтъ, рѣшеніе его не будетъ самымъ мудрымъ. Во всякомъ

случаѣ уже теперь совершенно ясно одно: желанія идеологовъ революціи и его желанія не одно и то же и никакъ не дастъ онъ намъ, его радѣтелямъ, того, чего мы отъ него наивно ждали.

Банкротство наше, лѣвыхъ дѣятелей, теперь совершенно несомнѣнно. Если мы не шарлатаны, а честные работники, мы не имѣемъ права теперь, послѣ четырехлѣтнаго „опыта", приведшаго Россію къ гибели, не пересмотрѣть нашихъ лозунговъ, всей нашей идеологіи и не сказать о результатахъ этого пересмотра массамъ, которыя мы — пусть невольно — ввели въ заблужденіе и, поведя по ложной дорогѣ, погубили. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ какой-то фельетонистъ предложилъ правительству проэктъ: вмѣсто того, чтобы тратить безконечные милліоны на борьбу съ революціей, отдать эти колоссальныя средства революціонерамъ вмѣстѣ съ одной изъ самыхъ богатыхъ областей Россіи съ тѣмъ, чтобы область эту съ помощью этихъ милліоновъ они сдѣлали бы опытнымъ полемъ революціи, на которомъ и примѣнили бы свои теоріи на практикѣ. Если опытъ ихъ удастся, то все человѣчество, конечно, пойдетъ за ними, своими спасителями, а если не удастся, придется смириться имъ. Въ наши дни волею судебъ такимъ опытнымъ полемъ стала вся Россія съ ея необъятными пространствами, съ ея колоссальными богатствами, всѣ безъ исключенія внѣшнія препятствія пали съ легкостью прямо волшебной, — твори, созидай!... И сотворили: въ нѣсколько мѣсяцевъ отъ богатаго, стараго и красиваго дома остался только пепелъ да безобразно торчащія обгорѣлыя трубы, а среди всего это разрушенія, и срама, и крови, — звѣрообразное, страшное, безумное существо, бывшій хозяинъ стараго дома...

Мнѣ хочется надѣяться, — хотя и не велика эта надежда, — что мои бывшіе единомышленники, то есть, все лѣвое крыло нашей общественности, выслушаютъ меня терпѣливо

и безъ раздраженія: наше положеніе битыхъ обязываетъ къ смиренію. Мы представляли себѣ нашу роль въ исторіи, какъ какой-то тріумфальный маршъ по вершинамъ вѣковъ въ поученіе всѣмъ народамъ. Мы ошиблись: намъ предстоитъ не свѣтлое торжество побѣдителей, а униженіе и позоръ побѣжденныхъ и медленная, незамѣтная и тяжелая работа по исправленію нашихъ страшныхъ ошибокъ, работа, плодовъ которой не увидятъ, можетъ быть, даже и наши дѣти. . .

I.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1917 г. газеты вдругъ оборвались и по деревнямъ поползли темные, зловѣщіе слухи о какихъ-то крупныхъ событіяхъ въ Петроградѣ. Какъ-то вечеромъ прибѣгаетъ ко мнѣ изъ земской больницы дѣвочка-телефонистка: кто-то вызываетъ меня изъ города къ аппарату. Я пришелъ къ телефону, — оказалось, со мной хочетъ подѣлиться новостями одинъ изъ моихъ земляковъ, Федоръ Буяновъ, неглупый парень, но съ большой хитринкой, служившій до того долгое время въ Москвѣ приказчикомъ, а теперь, освобожденный, благодаря туберкулезу легкихъ, отъ военной службы, и мирно спекулировавшій на сахарѣ, маслѣ, мукѣ и проч.

— Переворотъ полный, Иванъ Федоровичъ... — взволнованно сообщилъ онъ. — Государь подписалъ отреченіе...

— Кто же на его мѣсто?

— Какъ будто, никто... Республика...

— Не можетъ быть!...

— Какъ будто выходитъ такъ...

Я пошелъ домой, полный самой тяжелой тревоги: съ первыхъ же минутъ понялъ я, что будетъ значить республика въ нашихъ русскихъ условіяхъ при 75% безграмотныхъ, при повальной продажности нашей, при озлобленіи народа, при остервенѣлой, лишенной всякой сдержанности борьбѣ нашихъ малокультурныхъ политическихъ партій.

А между тѣмъ ближайшіе же дни подтвердили страшное сообщеніе моего спекулянта. . .

Наша деревня первые дни какъ-то затаилась, сдерживалась, точно еще не вѣря случившемуся, остерегаясь, чья еще тамъ возьметъ, а потомъ начались митинги и все зашумѣло недобрымъ шумомъ.

Разъ какъ-то, въ началѣ первой нашей революціи, я бесѣдовалъ о ней со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Мнѣ, тогда еще очень „революціонно настроенному", было тяжело его рѣзко отрицательное отношеніе къ революціонерамъ, которое онъ съ такой прямотой и такимъ мужествомъ выражалъ тогда въ своихъ писаніяхъ.

— И вы особенно удивляете меня. . . — сказалъ старикъ, останавливаясь среди снѣжныхъ полей. — Вѣдь вы знаете народъ не изъ окна какой-нибудь петербургской редакціи. . . Ну, скажите по совѣсти: кто первый присталъ въ деревнѣ къ революціи? . . .

Я — увы! . . . — зналъ, кто присталъ къ ней первымъ, но говорить не хотѣлось.

— Ну? . . .

Онъ ждалъ.

— Далеко не лучшіе, Левъ Николаевичъ. . .

— Какъ вы деликатно выражаетесь! . . . — усмѣхнулся онъ. — Пристали въ первую голову худшіе, никуда негодные. . . Такъ неужели же выводъ не ясенъ? . . .

То же повторилось и въ эту революцію: и въ деревняхъ, и въ городахъ, и всюду съ жадностью невѣроятной въ первые ряды очень быстро протискалось все самое ограниченное и тупое, все озлобленное и мстительное, все самоувѣренное и горластое и заполонило собою все и закружилось въ безконечной карусели чужихъ автомобилей и зановистыхъ, но совершенно пустыхъ рѣчей. Тѣ немногіе идеалисты, которые думали было вести „поднявшійся" народъ въ открытую ими

землю обѣтованную, были быстро затерты этой шпанкой революціи, отброшены прочь, объявлены контръ-революціонерами, и обезумѣвшія толпы, забывъ все и вся, съ криками „сарынь на кичку“, бросились на разграбленіе Россіи, то есть, своего дома, самихъ себя. . .

У насъ, въ Булановѣ, первую скрипку схватили наши учителя, Шиповъ и Скобенниковъ, молоденькіе мальчишки-недоучки, столь обычные, къ несчастью, въ нашей народной школѣ, составляющіе главный контингентъ нашего деревенскаго учительства. Скобенниковъ еще пытался быть на что-то похожимъ и бралъ у меня читать журналы, не понимая въ нихъ безъ толмача и десятой доли; это былъ типичнѣйшій неврастеникъ, страдавшій къ тому же порокомъ сердца и туберкулезомъ, и стоило ему заговорить, какъ тотчасъ же онъ закусывалъ удила и летѣлъ, не помня себя, куда кривая ни вынесетъ. А потомъ самъ часто каялся въ томъ, что наговорилъ.

— Никакъ не могу съ языкомъ своимъ справиться . . . — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, смущенно улыбаясь.

— А вы его, подлеца, отрубите . . . — посовѣтывалъ ему разъ кто-то жесткій.

Другой, Шиповъ, маленькій, худенькій, съ исковерканнымъ лицомъ дегенерата — отецъ его былъ рабочій-алкоголикъ сперва и сумасшедшій потомъ — былъ весь пропитанъ одновременно и какимъ-то нестерпимымъ подхалимствомъ, и ядомъ. Когда пріѣзжалъ къ намъ изъ города попечитель школы, Владиміръ Михайловичъ, Шиповъ неизмѣнно состоялъ при немъ въ качествѣ лакея-добровольца и соглядатая, подавалъ ему чай и туфли, ѣлъ его ѣду, курилъ изъ его портсигара и сплетничалъ. Въ свободное отъ занятій время этотъ совершенно малограмотный прохвостъ пьянствовалъ съ мѣстными кулаками и въ пьяномъ видѣ билъ жену. Теперь, когда переворотъ совершился, Шиповъ заломилъ шапку набекрень,

украсилъ себя краснымъ бантомъ, куда-то все бѣгалъ, о чемъ то все шушукался . . .

И на всѣхъ митингахъ, со столовъ и заборовъ, эти два нововявленныхъ вождя народныхъ кричали: „теперь все ваше! . . .“ И замѣчательно: народъ въ большинствѣ случаевъ относился къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ, но выступать противъ нихъ открыто никто не рѣшался — чуть что, и горлопаны начинали дружно орать: „а-а, такъ ты за старый режимъ? . . .“ и объявляли своего противника врагомъ революціи и народа . . .

Я, конечно, не могъ желать возврата стараго, но съ другой стороны я еще болѣе не могъ „работать“ съ горлопанами и проходимцами, которые орали „теперь все ваше“ и всячески льстили новому господину, и потому съ первыхъ же дней я опредѣленно отстранился отъ участія въ этомъ кровавомъ водевилѣ, оставивъ себѣ скромную роль свидѣтеля событій.

У насъ въ округѣ, слава Богу, никакихъ событій еще не было, если не считать бевтолковыхъ митинговъ, но матеріала для лѣтописца было достаточно въ тѣхъ сужденіяхъ, которыя изрекала наша деревня о томъ, что дѣлалось въ столицахъ, гдѣ, конечно, былъ шумъ, гремѣли витіи, вродѣ Керенскаго, и, развивая энергію прямо невѣроятную, изъ конца въ конецъ носились по стогнамъ автомобили, эти шустрыя ласточки революціи. Автомобильныя шины стоили въ то время болѣе 4000 рублей за станъ, и никому изъ этихъ революціонныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ автомобиляхъ и въ голову не приходило спросить себя: да стою ли я со всей моей „дѣятельностью“ этихъ дорогихъ шинъ, которыя я съ такимъ усердіемъ треплю? А тѣмъ временемъ мы, собравшись гдѣ-нибудь на завалинкѣ, разъясняли одинъ другому медлительно и нудно, что республика это когда царь бываетъ вродѣ какъ староста, выборный: хорошъ — ходи еще три года, не уго-

дилъ — по шапкѣ. И балбесамъ льстила эта будущая возможность давать царю по шапкѣ, но хозяйственные, степенные мужики молчаливо не одобряли и любили ставить въ примѣръ свое хозяйство: развѣ это мысленно, чтобы хозяйство шло безъ хозяина? Но громко, вслухъ, при всѣхъ говорить это остерегались . . . И всѣ были въ затрудненіи: вотъ скоро — говорятъ — будутъ голосовать куда-то тамъ такое, такъ за кого же надо подавать голосъ, за царя или за стюдентовъ? Прибѣжавшій съ фронта дезертиръ — ими кишѣли въ это время деревни, — разъяснялъ, что теперь ужъ мужиковъ и господъ больше не будетъ, а будутъ всѣ потомственные почетные граждане. Бабы пугались предстоящаго введенія не то баранскаго, не то барабанскаго брака: какую хошь, ту и взялъ, сколько хошь, столько съ ей и прожилъ, а надоѣла — по шапкѣ. Тревожила ихъ бабье сердце думка о дѣтяхъ, но дезертиры успокаивали ихъ: дѣти пойдутъ въ эдакіе казенные пріюты.

— „Баранскій . . .“, „барабанскій . . .“ — передразнивалъ ихъ кто-то бывалый. — Не барабанскій, а гражданскій . . . Вотъ и дай вамъ, дурамъ, права . . .

— А что, глупѣе тебя, что ли, кобеля гладкаго, будемъ? . . . Тоже умники выискались . . .

Вообще нашу политическую терминологію, которою мы такъ усердно жонглировали въ нашихъ газетахъ и на митингахъ среди крови и безумія, деревня переводила какъ-то по своему и никакъ нельзя было мнѣ въ разговорѣ съ моими бородатыми республиканцами предвидѣть, какъ изуродуютъ они тотъ или иной политическій терминъ, безъ которыхъ часто и разговора вести нельзя было. И потому отъ чтенія газетъ, отъ рѣчи заѣзжаго „оратели“ въ головахъ республиканцевъ получался невѣроятнѣйшій кавардакъ. Такъ, земствомъ у насъ назывался какой-то исконн проклятый аппаратъ для причиненія мужику всякихъ непріятностей и учиненія

всякихъ поборовъ. На знаменитое прямое, равное, тайное... мы смотрѣли, какъ на новый тяжкій видъ натуральной повинности, отъ которой всякій порядочный гражданинъ долженъ всемѣрно отдѣлываться, и потому, когда у насъ назначены были первые выборы въ это новое треклятое волостное земство, почти никто къ „урнамъ“ — ящики изъ-подъ мыла — не явился; наши политическіе заправилы распустили тогда слухъ, что всѣ неявившіеся на выборы будутъ оштрафованы, и назначили вторые выборы; несмотря на эту угрозу, явилось выбирать вмѣсто 3%, какъ на первый разъ, всего 15% выборщиковъ, выбрали завѣдомыхъ горлопановъ и, выбравъ, немедленно стали ругать и выбранныхъ — „вотъ навыбирали всякой сволочи на свою шею!“ — и себя, выборщиковъ; хорошіе, хозяйственные мужики не ходили на выборы и второй разъ и смотрѣли на новое земство вообще какъ на учрежденіе пустое, временное и черезчуръ дорогое: по старому лучше было, когда старшина съ писаремъ за какую-нибудь тысячу цѣлковыхъ, а то и меньше, всѣ дѣла вертѣли: и дешево, и сердито, и понятно, а тутъ, „ишь, паршивые черти, накрутили — и предсѣдатель, и члены, и секлетарь, да еще и гласные какіе-то; корми ихъ всѣхъ, чертей...“ Большевиками мы долгое время называли солдатъ, отмѣченныхъ отличіями, вродѣ унтеръ-офицерскихъ нашивокъ или георгіевскаго креста, а меньшевики были въ нашемъ представленіи обыкновенные солдаты, мелкота. Соціализмъ, о которомъ намъ прожужжали всѣ уши, это, по нашэму мнѣнію, какой-то мистическій способъ — мистическій потому, что неясный, ибо практически мы никакъ не могли представить себѣ, какъ это будетъ, — раздѣла въ собственность всѣхъ денегъ и всего имущества богачей, причемъ, по увѣренію нашего портного, на каждый крестьянскій дворъ при этомъ раздѣлѣ придется по 200.000 р., — видимо, большей цифры ораторъ назвать не могъ. Земельная реформа, всѣ эти соціали-

заціи, націонализаціи, муниципализаціи земли это переходъ сосѣдней казенной или частновладѣльческой земли въ собственность мужикамъ, причемъ о такъ называемой поравенкѣ всероссійской и рѣчи никто не поднималъ: кто что захватить успѣетъ, такъ и ладно. Буржуазіатъ или биржуазы (дезертиры слышали о какой-то биржѣ — отсюда биржуазы) это какой-то таинственный, очень коварный врагъ мужика. Но это отнюдь не богачи просто, такъ какъ деревня рѣшительно не хотѣла считать купца-богача за своего врага, ибо купецъ, фабрикантъ, „народъ кармитъ", такъ какъ купецъ свое дѣло тонко знаетъ — „не трогали пока купца, такъ хлѣбъ-то по двѣ копѣйки былъ, а ситецъ по гривеннику, а теперь, когда всѣ эти комитеты да каперацiи загнали купца за Можай, ни къ чему приступу нѣту, потому сами, дьяволы, ни фиги не умѣютъ и дороговизну такую развели, что хошь вѣшайся". Одно время биржуазами мужики ругали фабричныхъ за то, что тѣ ввели, лодыри, какой-то восьми-часовой рабочій день и грабятъ хозяевъ и народъ, а мужикъ гни на него, подлеца, спину-то отъ зари до зари; въ свою очередь рабочіе считали биржуазами крестьянъ за то, что накопалъ, сукинъ сынъ, картошки двѣсти мѣръ да и гребетъ за нее съ рабочаго человѣка по пятьдесятъ цѣлковыхъ, „а ты голодай" и т. п. Кадеты это особенно вредная порода буржуазовъ, умѣющая ловко стрѣлять и вообще драться, вездѣсущая, всезнающая, хитрая, неуловимая; въ этомъ терминѣ чувствовалось явное смѣшеніе двухъ понятій: кадета, какъ политическаго дѣятеля, и кадета, какъ воспитанника военнаго училища, будущаго офицера, будущаго начальства . . .

Но иногда этотъ терминъ получалъ и иное толкованіе въ устахъ народныхъ. Такъ, шелъ разъ я съ охоты. Прохожу мимо овина Майорова и слышу, что старый Матвѣй что-то ругаетъ своего сына Сережку:

— Дуракъ, пра, дуракъ . . . Кадетъ! . . .

Я вышелъ изъ-за овина.

— Что это ты, старикъ, какъ Серегу-то ругаешь? — спросилъ я.

— А что?

— Какой это такой кадетъ?

— А что-жъ ты въ газету пишешь, а не знаешь, какой кадетъ бываетъ?

— Мы такъ не ругаемся. Это что же такое, кадетъ-то?

— А такъ . . . Мельница пустая . . . — сказалъ Матвѣй. — Туды и сюды . . .

Такъ отозвалось въ душѣ народной кадетское мартовское перекрашиваніе изъ монархистовъ въ республиканцы. И замѣчательнѣе всего тутъ было то, что Матвѣй былъ совершенно неграмотенъ и въ рукахъ газеты отъ роду не держалъ. Впрочемъ, нѣтъ, это не вѣрно, — держалъ, и даже явно предпочиталъ „Русскія Вѣдомости".

Я разсказывалъ уже въ предъидущемъ томѣ, какъ безуспѣшно старался я пріучить моихъ республиканцевъ къ газетѣ. Но тѣмъ не менѣе они повадились брать у меня газеты, — конечно, для нуждъ хозяйственныхъ исключительно. У меня былъ особый столикъ, на который складывались всѣ газеты. И если появлялся какой-нибудь гражданинъ за „газетиной", то я прямо и отсылалъ его къ этому столику. И вотъ подмѣтилъ я, что старый Кузьма всегда старательно отбираетъ только „Русскія Вѣдомости".

— Да почему тебѣ непремѣнно надо эту газету? — спросилъ я.

Кузьма замялся: не обидѣлся бы часомъ? . . . Но потомъ рѣшился:

— Видишь, братецъ ты мой, „Русское Слово" въ куревѣ, къ примѣру, жестко, горчитъ, а „Вѣдомости" берутъ бумагу на совѣсть: ужъ до чего скусно, до чего скусно, и сказать нельзя! Мы съ Матвѣемъ изо всѣхъ газетъ считаемъ

„Вѣдомости“ всѣхъ способнѣе... Ну, а „Русское Слово“, то больше оклеивать стѣны беремъ — картинокъ много въ кетраткахъ-то, оно наклеишь и занятно...

Будущіе демократическіе издатели отнюдь не должны упускать въ своихъ книгоиздательствахъ этой очень важной для деревни стороны дѣла.

Безпристрастіе историка обязываетъ меня, однако, отмѣтить, что среди наиболѣе развитого крестьянство многіе сочувствовали кадетамъ-монархистамъ, но всегда почти прибавляли:

— Жалко только, что по нашему они говорить не умѣютъ...

Нуженъ былъ какой-то особый энциклопедическій словарь, чтобы хоть какъ нибудь столковаться съ деревней въ матеріяхъ политическихъ, нуженъ былъ какой-то особый путеводитель по темнымъ дебрямъ этихъ нечёсанныхъ головъ, — ни путеводителя, ни словаря такого не было и потому всѣ эти наши митинги, всѣ эти нудныя разсужденія надъ непонятной газетиной превращались въ какое-то преступное толченіе воды въ ступѣ... И крестьяне поумнѣе сами чувствовали всю безсмыслицу этой болтовни, очень тяготились безпокойной жизнью, а старики утверждали, что наступили, знать, „послѣднія времена“ и что жидъ Керенскій — несомнѣнный „анчихристъ“...

И новоявленная свобода сказывалась все болѣе и болѣе, все болѣе и болѣе расхлябывалась жизнь, все болѣе и болѣе проступало хулиганство: начались безтолковыя порубки, на береженыхъ посадкахъ въ большомъ и культурномъ лѣсномъ хозяйствѣ Храповицкаго пасся, уничтожая ихъ, скотъ, усиленно истреблялась по лѣсамъ и полямъ раньше охраняемая закономъ дикая птица и звѣрь — „теперь все ваше“ и поэтому все гибло, безжалостно, безсмысленно...

Такъ протянули мы до Пасхи. На праздникахъ отъ бездѣлья языки болтались особенно усердно. Въ волости главари, мѣдныя глотки и мѣдные лбы, что-то особенно шумѣли. Къ намъ въ село, какъ всегда, пріѣхалъ погостить на праздникъ Владиміръ Михайловичъ. Его, хотя бывшаго мужика, но теперь человѣка во Владимірѣ виднаго, избрали членомъ исполнительнаго комитета и онъ былъ полонъ радужныхъ надеждъ, что все образуется и Россія заживетъ по-новому.

— Да неужели же вы, Владиміръ Михайловичъ, серьезно думаете, что все это — настоящая республика? — спросилъ я, указывая на широкій видъ, открывавшійся съ его балкона.

— А что же? Погоди . . . — старикъ всѣмъ говорилъ „ты“. — Поколобродимъ и успокоимся . . . Да еще какъ заживемъ-то! . . .

Мнѣ надо было ѣхать въ Москву. Я простился съ новымъ республиканцемъ и пошелъ домой собираться, но не успѣлъ я пробыть дома и получаса, какъ прибѣгаетъ ко мнѣ горничная Владиміра Михайловича, Маня.

— Скорѣе, скорѣе, Иванъ Федоровичъ: Владиміра Михайловича арестуютъ! . . .

— Какъ арестуютъ? Кто? . . .

— Пріѣхалъ изъ волости солдатишка какой-то, Егоровъ, да нашъ учитель Шиповъ, да акушерка наша, да милицейскій . . .

— Не можетъ быть! . . . Это вздоръ какой-то . . .

— Вѣрно . . . Владиміръ Михайловичъ очень просять васъ придти поскорѣе . . .

Я бросилъ все и пошелъ. На больничномъ дворѣ толпа любопытныхъ изъ сосѣднихъ деревень, какія-то пары съ колокольчиками — онѣ у насъ исполняли роль автомобилей: пара и красный бантъ считались у насъ неизбѣжной принадлежностью всякаго порядочнаго революціоннаго дѣятеля; учитель

Шиповъ давно уже обзавелся всѣмъ этимъ и носился по деревнямъ на страхъ контръ-революціи и на благо народа и только обижался все, что мужики недостаточно низко кланяются ему. Въ уютной квартиркѣ Владиміра Михайловича при выстроенной имъ на свои средства для крестьянъ великолѣпной больницѣ — столпотвореніе вавилонское. На первомъ планѣ юродствуетъ Шиповъ и какой-то толстый и, видимо, выпившій солдатъ, который очень любезно отрекомендовался мнѣ. Оказалось, что это, дѣйствительно, гражданинъ д. Подольново Егоровъ, мой дальній родственникъ . . .

— Вы, вѣроятно, забыли меня . . . — говоритъ мнѣ мой новый знакомый. — Еще когда я служилъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку, я просилъ васъ выслать мнѣ книгъ для развитія. Помните? . . .

Я смутно вспомнилъ его витіеватое, очень почтительное письмо, одно изъ тысячъ писемъ, которыя я получалъ тогда отъ своихъ читателей изъ народа.

— Какъ же, читалъ ваши произведенія, читалъ . . . — покровительственно продолжалъ онъ. — И всегда относился съ полнымъ благоговѣніемъ . . .

— Какъ же это вы относились съ благоговѣніемъ, а теперь врываетесь въ чужой домъ и арестуете ни въ чемъ неповиннаго человѣка, не имѣя на это никакого права? . . . — сказалъ я, съ любопытствомъ глядя на своего ученика и почитателя. — Въ моихъ книгахъ этому людей я не училъ . . .

Оказывалось, что теперь время исключительное, что Владиміръ Михайловичъ, по словамъ акушерки, — она была тутъ же, блѣдная отъ волненія, какъ смерть, — отозвался очень нехорошо о новомъ режимѣ, что онъ — врагъ народа, что враговъ народа надо обезвредить и пр.

— Это неправда, что онъ отозвался нехорошо о новомъ режимѣ . . . — сказалъ я. — Мы только что бесѣдовали съ нимъ на эту тему. Кромѣ того, онъ самъ членъ исполни-

тельнаго комитета. И ни въ какомъ случаѣ онъ не врагъ народа — эта церковь, эта больница, это училище все это возникло благодаря его трудамъ и въ значительной степени на его средства . . . .

Между тѣмъ Владиміръ Михайловичъ среди всеобщаго гвалта взволнованно говорилъ по телефону съ городомъ, съ предсѣдателемъ исполнительнаго комитета.

— Никто не смѣетъ васъ арестовать . . . — говорилъ тотъ. — Напротивъ, вы, какъ членъ правительства, можете арестовать всякого . . .

— Но меня тѣмъ не менѣе арестуютъ! . . .

Шиповъ — въ этой же самой комнатѣ такъ недавно еще подававшій старику изъ усердія и преданности то туфли, то чай, — держался съ величайшей развязностью, пытался читать среди всеобщаго гвалта какой-то имъ самимъ составленный, а потому совершенно безграмотный и невѣроятно напыщенный приговоръ, въ которомъ Владиміръ Михайловичъ выставлялся злодѣемъ, а дѣятельность его, Шипова, называлась глубоко полезной для народа; испуганная, много разъ битая имъ, жена его тащила новоявленнаго революціонера за рукавъ, онъ отмахивался и всѣ галдѣли. Кончилось тѣмъ, что Владиміръ Михайловичъ былъ объявленъ арестованнымъ и подлежащимъ увозу въ волость, а потомъ въ городъ.

Бѣдный старикъ трясущимися руками одѣлся и милиціонеры съ саблями и револьверами вывели его на дворъ, гдѣ толпился празднично одѣтый народъ. И, хотя только благодаря Владиміру Михайловичу въ округѣ не осталось среди молодежи ни одного безграмотнаго, хотя только благодаря ему народъ получилъ медицинскую помощь, только благодаря ему покойниковъ теперь клали тутъ же, на горѣ, вкругъ этой красивой церкви, а не таскали ихъ въ распутицу за десять верстъ, къ „Борисъ-Глѣбу“, изъ огромной толпы, которая однимъ словомъ могла бы остановить безобразниковъ,

не раздалось ни одного голоса въ защиту старика: стоятъ и смотрятъ на все бараньими глазами!

— А странно, знаете, что народный писатель забился въ такое время куда-то и молчитъ . . . — многозначительно сказалъ мнѣ на прощанье мой поклонникъ . . . — Очень, знаете, странно . . .

— И безъ меня говоруновъ много . . . — сумрачно отвѣчалъ я. — Да никто меня на разговоры и не приглашалъ . . .

— Такъ вотъ я приглашаю . . . Пожалуйте завтра въ десять часовъ утра въ волость, мы соберемъ народъ и вы поговорите съ крестьянами . . .

— Ну, что же, можно . . . — отвѣчалъ я, хотя въ душѣ не было никакого желанія, ничего, кромѣ тоски и отвращенія.

Старика увезли. На козлахъ храбро усѣлась бойкая Манюшка. Народъ загалдѣлъ. Всѣ громко говорили, что все это „Васька“ — учитель — съ акушеркой баламутятъ. А акушеркѣ Владиміръ Михайловичъ мѣшалъ своимъ надзоромъ — она, по его же назначенію, завѣдывала въ больницѣ хозяйственной частью и глазъ попечителя не всегда былъ желателенъ ей. И тѣмъ не менѣе ни одного протеста! . . .

А на утро — оно выдалось такое солнечное, радостное, — я поѣхалъ въ волость, въ Подольпово. Оказалось, что безобразники, вопреки обѣщанію, Владиміра Михайловича въ городъ не увезли: онъ и теперь еще сидѣлъ въ клоповникѣ, ожидая отправки. Егоровъ озабоченно носился взадъ и впередъ. Народъ медленно собирался вокругъ волости.

— Что же, скоро начнете? — холодно спросилъ меня мой почитатель.

— Когда прикажете . . . Вы, видимо, начальство здѣсь . . .

— „Прикажете“ . . . — повторилъ лоботрясъ съ полной серьезностью. — Этотъ языкъ пора бросать . . .

Народъ подтянулся къ волости и я поднялся. Въ передней какой-то незнакомый человѣкъ подошелъ ко мнѣ и быстро прошепталъ:

— Не говорите ничего въ защиту Владиміра Михайловича, а то и васъ постановлено арестовать . . .

Я вышелъ. Народъ — крестьяне были все изъ дальнихъ угловъ волости, незнакомые, — встрѣтилъ меня не только холодно, но явно враждебно. Аудиторія, какъ будто, была обработана, подготовлена на всякія художества. Шиповъ, акушерка и ея вотчимъ, фельдшеръ, выжившій изъ ума старикъ, были тутъ же. Шиповъ держался съ подчеркнутой развязностью, хозяиномъ положенія. Егоровъ все носился, озабоченный чѣмъ-то сверхъ всякой мѣры.

Взгромоздившись на столъ, я заговорилъ объ организаціи новаго порядка, о томъ, какъ въ прямыхъ, тайныхъ, равныхъ и всеобщихъ выборахъ — я растолковалъ, что это такое — мы изберемъ сначала земство волостное, потомъ земство уѣздное, потомъ губернское, а потомъ, наконецъ, выберемъ Учредительное Собраніе, которое и установитъ новые порядки, но не успѣлъ я произнести слово „земство", какъ народъ точно взорвало:

— Довольно съ насъ этихъ земствовъ! . . . — яростно закричали вокругъ. — Будя! . . . Къ черту! . . . Не жалаемъ! . . . Мало они нашего брата околпачивали! . . .

Я далъ толпѣ выкричаться и спокойно разъяснилъ, что такое земство: это самоуправленіе, а не управленіе чужихъ чиновниковъ и проч. Объясненіе понравилось.

— А—а, коли такъ, тогда совсѣмъ другое дѣло! . . .

Кто выступалъ на митингахъ, тотъ быстро научается чувствовать отношеніе даже спокойной, безмолствующей толпы къ тому, что ты говоришь, и я чувствовалъ, что съ каждой минутой я все болѣе и болѣе завоевываю аудиторію. Слышались уже одобрительные возгласы, уже поддакивали, уже

задавали вопросы „безъ подковырки“. А у меня главная дума была: какъ помочь старику, чья бѣлая борода виднѣлась мнѣ изъ окошка клоповника?

И вдругъ въ серединѣ моей рѣчи его вывели подъ конвоемъ на крыльцо. Народъ двинулся было къ нему. Моментъ былъ критическій — противъ него чувствовалось явное озлобленіе.

— Куда же вы? — громко и сердито крикнулъ я, струсивъ. — Чего не видали? Если говорить о дѣлѣ, такъ о дѣлѣ, а не желаете, такъ я и брошу. . .

Крестьяне сконфузились, замялись, остановились. Но все дѣло испортилъ было самъ Владиміръ Михайловичъ.

— Иванъ Федоровичъ, поки-ка сюда на минутку. . . — позвалъ онъ меня.

Я разомъ сообразилъ, что подойду я, за мной двинется къ нему и толпа.

— Вы же видите, что я занятъ. . . — отвѣчалъ я рѣзко. — Ну, слушайте, земляки. . .

Я никогда не употреблялъ опозореннаго слова „товарищъ“.

Старика повели къ тарантасу. Толпа снова двинулась было за нимъ, но я снова окрикнулъ ее:

— Стыдно, земляки! Что вы никогда сѣдой бороды, что ли, не видали? Ей Богу, я брошу . . .

— Ну, ну, говори. . . Ишь ты, какой сердитый!

Тарантасъ покатился. Съ крикомъ и свистомъ нѣсколько человѣкъ бросились было за нимъ вслѣдъ, но было поздно: старикъ былъ спасенъ.

— Итакъ я говорилъ, что по новымъ законамъ вы не можете препятствовать вашимъ бабамъ участвовать въ выборахъ, — продолжалъ я. — Если онѣ хотятъ, то могутъ выбирать и онѣ.

— Тебя, тебя выбираемъ! . . . — со смѣхомъ закричали бабы. — Потому ты за насъ постоишь. . .

— А мы не согласны! . . . — смѣялись республиканцы. — Онъ ужъ видно съ вами, суками, снюхался и будетъ все на вашу сторону гнуть. Нѣтъ на то нашего согласія, чтобы баба верховодила! Смотри за своими горшками! . . .

Я разъяснилъ имъ значеніе женской воты въ культурныхъ странахъ, гдѣ женщина упорно борется съ алкоголизмомъ, съ проституціей, гдѣ женскіе голоса безъ сомнѣнія будутъ играть большую роль въ дѣлахъ войны и мира, въ вопросахъ дѣтскаго воспитанія и пр.

И чтобъ еще разъ прощупать ихъ подоплеку, я спросилъ:

— А что, земляки, по совѣсти: будутъ наши бабы выбирать?

Республиканцы задумались.

— Какъ тебѣ сказать? — послышались голоса. — Можетъ, какихъ двѣ-три хабалки на всю волость и найдется, ну, а сурьезная баба ни въ жисть на это дѣло не пойдетъ. . .

— Да почему же?

— Не бабье это дѣло и крышка! . . . Чего тутъ баба понимать можетъ? . . .

И республиканки не протестовали.

Когда я кончилъ свою двухчасовую бесѣду, народъ единодушно весь былъ на моей сторонѣ. Меня благодарили, просили и впредь не забывать, — только бы оповѣщать народъ заранѣе надо, а то многіе не пришли. . .

— Во, а говорили, у Наживина сынъ нехристь какой-то. . . — удивлялась одна борода, наслышанная, видимо, о моемъ бывшемъ „толстовствѣ“. — Нѣ, мужикъ хошь куды. . . Молодчага! . . .

Подольновцы буквально тянули меня за полы, стараясь каждый зазвать къ себѣ чай пить. Одинъ говорилъ, что онъ у моего старика служилъ и жилъ съ нимъ завсегда хорошо, другой увѣрялъ, что видалъ меня маленькимъ парнишкой, третій звалъ на охоту, обѣщая указать хорошія мѣста. На-

конецъ, порѣшили, что всѣ пойдемъ пить чай вмѣстѣ въ трактиръ Пучкова. Я чувствовалъ себя очень усталымъ и потому, выпивъ стаканъ чаю, собрался домой. На прощанье я роздалъ нѣсколько десятковъ книжекъ о выборахъ, объ учредительномъ собраніи, о земствѣ и пр., которыя были со мной. Ихъ брали очень охотно, но на слѣдующій разъ просили, если ужъ я привезу опять книжекъ, такъ ужъ лучше всего . . . календарей! . . .

Добрая лошадка повезла меня въ Буланово. Я былъ радъ, что старикъ выбрался изъ рукъ негодяевъ безъ вреда. И, чувствуя свою силу надъ темной, несчастной толпой, я думалъ, что не обязанъ ли я эту силу использовать въ добрыхъ цѣляхъ. И захотѣлось мнѣ опять попробовать свои силы на этомъ поприщѣ.

А на другой день освобожденный въ городѣ Владиміръ Михайловичъ вызвалъ меня къ телефону и очень благодарилъ меня. Болѣе всего на злобно шумѣвшемъ сходѣ поразилъ его одинъ старикъ-крестьянинъ, который подошелъ къ нему и, злобно скаля желтые клыки, прошипѣлъ:

— У—у, старый чортъ... Вотъ онъ какой! . . . А я еще въ его больницѣ лежалъ.

И задумчиво старикъ повторялъ:

— Очумѣли! . . . Прямо очумѣли. . .

— Ну, что же, вы все еще вѣрите, что это и есть республика? . . .

— Нда, маленько что-то словно не того . . .

II.

Жизнь дорожала не по днямъ, а по часамъ. Моихъ средствъ для большой семьи опредѣленно не хватало. Придуманная А. И. Шингаревымъ, хлѣбная монополія внесла

страшный развалъ въ и безъ того расшатанную экономическую жизнь страны. Надо было изыскивать новые источники дохода. У меня завязались переговоры съ т-вомъ И. Н. Кушнеревъ и К-о объ организацiи большого издательства, въ которомъ я былъ бы отвѣтственнымъ редакторомъ по дѣтскому и популярному отдѣлу. Переговоры шли довольно туго и мнѣ часто приходилось бывать въ Москвѣ. Кромѣ того, кажется, около этого времени я печаталъ тамъ свою книгу „Кикимора", вторую за время войны, которая вмѣстѣ съ „Вечерними Облаками" открывала уже новый перiодъ въ моей писательской дѣятельности: это былъ опредѣленный отказъ отъ прошлаго и первые шаги въ новое.

И тутъ, въ Москвѣ, я видѣлъ, что большой разницы между деревней, Владимiромъ и Москвой въ политическомъ отношенiи нѣтъ. Жизнью верховодила вездѣ толпа — въ газетахъ ее называли демократiей — а какая же разница между дядей Ягоромъ въ деревнѣ и дядей Ягоромъ, который сталъ въ Москвѣ швейцаромъ или истопникомъ? И дядя Ягоръ орудовалъ . . .

Я видѣлъ его труды на городскихъ выборахъ въ Москвѣ.

Конечно, бѣшено трепали дорогiя шины безчисленные автомобили, конечно, тратились бѣшеныя деньги на печатанiе разноцвѣтныхъ партiйныхъ афишъ, въ которыхъ обывателю обѣщался „и рай, и любовь, и блаженство", конечно, всѣ стѣны домовъ и заборы были загажены этими дрянными и лживыми листками — все, „какъ въ Европѣ". А между дядями Ягорами шла молва: ежели подашь по первому номеру, то будетъ тебѣ какою-то таинственной силой выдано 200 р., ежели подашь голосъ по третьему номеру, то, кромѣ какой-то земли и воли, получишь еще корову и лошадь. На выборы въ Москвѣ хлынуло все, что только могло, но о степени сознательности ихъ можетъ сказать та кухарка, надъ которой о ту пору потѣшалась вся Москва. Пошла эта почтенная

женщина на выборы съ бюллетенемъ N. I, потому она вкругъ господъ всю жизнь кормилась — „а вы, голоштанники, чего дадите? Слова? Будя, наслушалась — индо голова распухла! . . .“ Въ хвостѣ передъ „урнами“, однако, какой-то доброжелатель убѣдилъ ее, что не пристало ей, кухаркѣ, голосовать за господъ — довольно ужъ они нашей кровушки попили . . . — и всучилъ ей номеръ N. 3. Уже подходя къ „урнамъ“, гражданка замѣтила, что свой „номерокъ“ она потеряла. Она ахнула и, чтобы нѣсколько часовъ, проведенныхъ ею передъ урнами въ хвостѣ, не пропали такъ, зря, она схватила съ полу первый попавшійся бюллетень — это былъ N. 5, большевиковъ, — сунула его въ ящикъ и въ гордомъ сознаніи исполненнаго передъ родиной долга вернулась къ своей плитѣ.

И не думайте, что это анекдотъ: такихъ гражданъ было сотни тысячъ . . . Да и самъ я былъ въ положеніи, немногимъ развѣ отличающемся отъ положенія кухарки. За кого, въ самомъ дѣлѣ, голосовать мнѣ на муниципальныхъ выборахъ? За кадетовъ? Я не могъ простить имъ ихъ упорно-дарданельской политики, я не могъ примириться съ той поспѣшностью, съ которой они перекрасились изъ партіи монархической въ республиканцевъ. За крайнихъ лѣвыхъ я не могъ голосовать потому, что отъ заборныхъ обѣщаній ихъ сотворить на землѣ рай въ экстренномъ порядкѣ опредѣленно пахло шарлатанствомъ. За промышленниковъ? Прошлое не позволяло — оно тоже, вѣдь, обязываетъ . . . Да и ясно было, что большинства они не соберутъ. И все, что оставалось мнѣ, это меньшевики, съ которыми я никогда не имѣлъ ничего общаго. И я подалъ за меньшевиковъ, и былъ очень огорченъ, что я сдѣлалъ такую глупость, и нисколько не плакалъ, когда они провалились . . . Скажите, чѣмъ же я лучше этой кухарки? И милліоны гражданъ были въ моемъ положеніи — только осторожно помалкивали объ этомъ . . .

Москва дала перевѣсъ на выборахъ революціонерамъ и въ той же Москвѣ не по днямъ, а по часамъ явно усиливалась антисемитская пропаганда, которая находила самый живой откликъ въ революціонно-голодныхъ хвостахъ передъ пустѣющими булочными, передъ кинематографами, передъ „урнами".

— Ишь, сволота! — говорили республиканцы. — Вездѣ пролѣзли... Ишь, автомобилей-то нахватали, величаются... Небось, ни одного жида въ хвостахъ не видно... Ну, погодите, доберемся!...

Разъ, когда я былъ у своего старика въ Москвѣ, ко мнѣ вдругъ явился на квартиру бравый матросъ-кронштадтецъ, молодой, красивый мальчикъ, землякъ мой, полный всяческаго энтузіазма. Нашъ сухопутный владимірскій край всегда комплектовалъ почему-то балтійскій флотъ. Было во флотѣ и нѣсколько человѣкъ изъ нашего Буланова. Однъ изъ этихъ моряковъ, Кирюша Наживинъ, мой родственникъ, въ началѣ революціи прислалъ какъ-то мнѣ пукъ самыхъ страшныхъ кронштадтскихъ газетъ. Просмотрѣвъ ихъ, я написалъ Кирюшѣ письмо, которое и просилъ передать его товарищамъ. Въ письмѣ этомъ я всячески отговаривалъ ихъ отъ тѣхъ художествъ, къ которымъ уже тогда они обнаруживали большую склонность и отъ которыхъ буквально трещала по швамъ вся Россія. Въ отвѣтъ матросы прислали мнѣ безграмотное, но отбитое на Ремингтонѣ письмо, начинавшееся обращеніемъ „дорогой писатель" и полное горячихъ увѣреній въ ихъ полной преданности дорогой родинѣ и свободѣ; они хвалились, что въ Кронштадтѣ у нихъ образцовый порядокъ и строгая дисциплина и заявляли, что кто говоритъ противное, тотъ клеветникъ, буржуй и врагъ народа...

Такъ завязались мои сношенія съ вольнымъ и буйнымъ островомъ Котлиномъ, которому страшно хотѣлось тогда присоединить къ себѣ всю остальную Россію и управлять ею,

отсталой и непросвѣщенной революціоннымъ духомъ, находящейся подъ игомъ какого-то временаго правительства и биржуазовъ. Это были все тѣ же матросы, которые въ день прибытія Ленина выставили на финляндскомъ вокзалѣ почетный караулъ съ музыкой, а чрезъ три дня помѣстили въ петроградскихъ газетахъ письмо съ протестомъ противъ его прибытія въ Россію, выражали сожалѣніе въ своемъ почетномъ караулѣ, — они не знали, ихъ обманули, они брали обратно и свое ура, и свою музыку. Съ другомъ Вильгельма они не желаютъ имѣть ничего общаго... А теперь вотъ они снова стучали уже прикладами по адресу временнаго правительства, предающаго народъ хитрымъ буржуазамъ, и звѣрски избивали офицеровъ.

Явившійся ко мнѣ мальчикъ былъ командированъ какимъ-то комитетомъ во Владимірскую губернію и ему было предписано явиться ко мнѣ за... инструкціями.

— То есть, за какими же инструкціями?! — поразился я.

— А куда я долженъ ѣхать и что дѣлать... — пояснилъ онъ. — А вотъ это мой документъ... Нѣтъ, нѣтъ, прочтите, надо, чтобы все было въ порядкѣ...

Въ документѣ, покрытомъ всякими печатями и росчерками, говорилось, что предъявитель сего командируется во Владимірскую губернію, что всѣ должны оказывать ему въ его дѣятельности всемѣрное содѣйствіе, что по желѣзнымъ дорогамъ онъ имѣетъ проѣздъ безплатный и что въ случаѣ какого либо противодѣйствія Кронштадтъ окажетъ своему делегату всякую подрежку.

Я спросилъ делегата, вѣритъ ли онъ мнѣ.

— Безусловно... — горячо отвѣчалъ онъ. — Иначе комитетъ и не направилъ бы меня къ вамъ...

Началась бесѣда, въ которой я мягко и серьезно старался доказать зеленому апостолу революціи, что въ де-

ревнѣ ему сейчасъ дѣлать нечего, потому что тамъ идутъ теперь полевыя работы, отъ которыхъ крестьянъ не слѣдуетъ отвлекать разговорами, что онъ слишкомъ еще молодъ вообще, чтобы учить людей . . .

— Скажите по совѣсти, вѣдь вамъ самому далеко не все еще ясно? . . . — спросилъ я.

Онъ улыбнулся смущенной дѣтской улыбкой.

— Повѣрите ли, въ глазахъ иногда прямо троится! . . . — сказалъ онъ.

— Ну, вотъ . . . Такъ какъ же можно учить людей, когда самъ путаешься? Надо лучше сперва самому поучиться . . . А разъ ужъ выѣхали, такъ можно заѣхать отдохнуть къ себѣ въ деревню, понабраться силъ для дальнѣйшей дѣятельности, погулять съ дѣвицами . . .

На прощанье мой новый ученикъ горячо обнялъ меня и увѣрилъ, что онъ въ точности исполнитъ всѣ мои „инструкціи“ и только просилъ меня написать въ его комитетъ обо всемъ этомъ, чтобы товарищи не могли обвинить его въ нерадѣніи. Я обѣщалъ, но обѣщанія своего какъ-то не исполнилъ: Господи, да развѣ мыслимо было взять подъ свою опеку всѣ эти милліоны сорвавшихся съ цѣпи мальчиковъ, которые съ полнымъ усердіемъ и часто съ самыми лучшими намѣреніями, сами не понимая того, что дѣлаютъ, разрушали тогда старый домъ своихъ отцовъ, Россію?

Когда вскорѣ послѣ этого прибылъ я, не помню, зачѣмъ, во Владиміръ, я узналъ, что матросикъ мой все-таки не выдержалъ, „инструкцій“ моихъ не исполнилъ, что онъ побывалъ въ нашемъ городѣ и собиралъ какіе-то митинги. Вѣроятно, у слушателей его потомъ тоже въ глазахъ троилось . . . Въ самомъ дѣлѣ, куда же ему было дѣваться съ его сверхъ-сенаторскими полномочіями? Не на гармошкѣ же съ дѣвками играть съ такими „документами“! . . .

Надо сказать, что матросы въ качествѣ апостоловъ новаго строя пользовались у насъ далеко не вездѣ одинаковымъ успѣхомъ. Пріѣхалъ я какъ-то объ эту пору на охоту въ лѣсную и очень зажиточную деревню Вошелово. Обыкновенно вошеловцы встрѣчали меня очень радушно и всегда старались перенять меня какъ-нибудь, чтобы переговорить кто о своихъ нуждахъ, кто о дѣлахъ общественныхъ. А теперь, вижу, народъ опредѣленно хмурится. Дѣло вскорѣ разъяснилось — оказалось, что на дняхъ въ волость явился какой то изъ апостоловъ Кронштадта и на многолюдномъ митингѣ прошелся что-то насчетъ поповъ и церквей. А такъ какъ я тоже „за ново право" стоялъ, по ихъ мнѣнію, то я и являлся до нѣкоторой степени отвѣтственнымъ за матросскія художества.

— На этого никогда нашего согласу не будетъ!... — обидчиво выговаривали мнѣ вошеловцы. — Церкви, говоритъ, закрыть, поповъ обстричь и работать заставить. На эту дурь народъ ни въ жисть не пойдетъ...

— Да я-то тутъ при чемъ, ребятушки? — сказалъ я. — Развѣ вы отъ меня слышали когда-нибудь что-нибудь такое? Ну?

— Это двиствительно... — согласились республиканцы. — А мы думали, что онъ за одно съ тобой...

— Напрасно. За всякаго дурака я не отвѣтчикъ...

— Это что говорить... — послышались голоса. — Ну, только сволочамъ этимъ окоротъ дать надобно, — ишь, что плетутъ!... Эдакъ мы глядимъ, глядимъ да и...

Это „глядимъ, глядимъ да и..." приходилось слышать очень часто, но у русскаго человѣка отъ словъ до дѣла всегда чрезвычайно далеко. Что этому „да и..." время придетъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но что терпѣніе наше очень трудно возмутить, это тоже совершенно вѣрно. Но тѣмъ сильнѣе будетъ въ свое время взрывъ...

Тихій, зеленый, старенькій Владиміръ испыталъ общую со всѣми русскими городами судьбу во время революціи: онъ опустился и запаршивѣлъ невѣроятно, и, какъ и Москва, былъ весь невѣроятно заплеванъ подсолнунами. Кое-гдѣ по площадямъ виднѣлись тесовыя трибуны, выстроенныя спеціально для ораторовъ въ первые дни — теперь онѣ пустовали и производили впечатлѣніе какихъ-то эшафотовъ. И матерые черносотенцы наши при удобномъ случаѣ такъ и говорили нашимъ революціонерамъ: „помните, сукины дѣти, на самыхъ этихъ мосткахъ, съ которыхъ вы баламутили народъ, мы и головы рубить вамъ будемъ . . .“ Конечно, какъ и повсюду, государственные двуглавые орлы были низвергнуты и это было простительно: самъ г. Керенскій, который, конечно, зналъ, что гербъ имперскій совсѣмъ не одно и то же, что гербъ императорскій, тѣмъ не менѣе мужественно-прекраснаго двуглаваго орла замѣнялъ гдѣ могъ какой-то двуглавой мокрой курицей, знаменуя, вѣроятно, этимъ тотъ великій прогрессъ, который подъ его мудрымъ водительствомъ продѣлала свободная Россія. На вывѣскахъ всюду, какъ и въ Москвѣ, виднѣлись безобразныя пятна: то были замазаны слова „поставщикъ двора“, „Высочайшій“, „императорскій“ и проч. Мѣстами на зданіяхъ зловѣще трепались остатки красныхъ флаговъ. Дешевый кумачъ выцвѣталъ подъ открытымъ небомъ съ быстротой невѣроятной и чрезъ нѣсколько дней превращался въ грязную тряпку. Какъ вездѣ и всюду, ярость возставшаго народа и здѣсь съ необычайной энергіей обратилась почему-то на общественные памятники, — точно невѣждамъ хотѣлось стереть свою исторію! — причемъ первое такое заушеніе испыталъ у насъ на себѣ извѣстный царскій приспѣшникъ и камеръ-юнкеръ Пушкинъ, которому ловкимъ ударомъ камня возставшіе граждане снесли половину лица . . .

Вокругъ другого нашего памятника, Александру II, завязалась ожесточеннѣйшая борьба: мѣстные „большевики“

съ дезертирами во главѣ требовали его низложенія, а коренное населеніе во главѣ съ базарными торговками не позволяло этого. Послѣ весьма долгихъ уличныхъ дебатовъ было рѣшено сойтись на компромиссѣ: памятника не уничтожать, а на фигуру царя, чтобы видъ его не оскорблялъ взоровъ возставшаго народа, — надѣть мѣшокъ изъ-подъ отрубей. Такъ простоялъ обезображенный памятникъ нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ бабьи языки работали по угламъ улицъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Надо сказать, что дѣйствительной свободой слова въ тѣ славные дни пользовались у насъ только бабы — граждане мужского пола даже изъ простонародья опасались. И бабы добились таки своего — снова у памятника огромное стеченіе народа. Избрали для освобожденія царя какого-то деревенскаго дѣдушку, который, перекрестившись, и полѣзъ на пьедесталъ. Еще минута, мѣшокъ летитъ внизъ и вдругъ по площади раскатывается: ура-а-а-а . . . А на другое утро нашъ „Старый Владимірецъ“ съ недоумѣніемъ спрашивалъ, кому это кричалъ ура народъ: тому-ли, кто сорвалъ мѣшокъ, или тому, съ кого его сорвали? И — не могъ рѣшить вопроса. И бойкая торговка среди возбужденной, но довольной толпы ярко отчитывала вихрястаго растерзаннаго солдата:

— Ишь, морду-то наѣлъ . . . Раньше, бывало, какъ на вокзалъ гнали васъ, на позицею, такъ прямо сердце кровью обливалось, словно вотъ дѣтей родныхъ провожала, а теперь всѣ мы только Господа Бога и молимъ, чтобы черти унесли куда васъ поскорѣе . . . Житья отъ васъ, дьяволовъ, никакого не стало!

Памятникъ этотъ удалось нашимъ „большевикамъ“ снять, и то обманомъ, ночью, только полгода спустя послѣ ихъ воцаренія, и на мѣстѣ его на томъ же постаментѣ къ 1-ому Мая водрузили они фигуру невѣроятной бабищи съ совершенно невозможными окороками; въ руку ей дали

красную электрическую лампочку, а внизу подписали: III Интернаціоналъ. Граждане однако не могли одолѣть этого слова и свободно передѣлали его въ „интерцентралъ“. Интерцентралъ этотъ простоялъ весьма недолго: при первыхъ же дождяхъ онъ раскисъ, разбухъ, накренился на-бокъ и упалъ, оставивъ послѣ себя кучу какого-то сѣраго, безобразнаго мѣсива.

Вообще параллельно съ яростнымъ уничтоженіемъ памятниковъ шло столь же яростное воздвиганіе ихъ: всѣ медвѣжьи углы наши, всѣ зеленыя захолустья украсились „Карлами Марлами“, Интерценралами и пр. Видѣлъ я разъ въ Москвѣ, какъ открывали памятникъ А. Н. Радищеву: пышные ораторы и сѣрая уже полуголодная толпа и въ особенности эти „красные“ солдаты, эти деревенскіе парни съ красной звѣздой во лбу. Господи, сколько на лицахъ ихъ было равнодушія, скуки, тупого, полнаго непониманія! Сперва они были оживлены, любопытны и на все смотрѣли, какъ на какой-то фокусъ, изъ котораго вотъ сейчасъ что-то выйдетъ, но потомъ, когда они поняли, что то, что они видятъ, это все — Господи, какая скука!

— А кому это памятникъ? — спросилъ я тихонько одного изъ нихъ.

— А чортъ ихъ тамъ разберетъ . . . — пробормоталъ онъ.

Бѣдный Радищевъ! . . .

А въ старинномъ с. Боголюбовѣ, неподалеку отъ Владиміра, несмотря на многократныя попытки солдатъ уничтожить памятникъ Александру II, мужики такъ и не дали это сдѣлать, грозя безобразникамъ винтовками. Памятникъ былъ тамъ цѣлъ еще осенью 1918 г.

Среди витій, гремѣвшихъ по заросшимъ вишневыми садами уличкамъ старенькаго, соннаго Владиміра, особую юркость и краснорѣчіе проявлялъ нашъ булановскій учитель Скобенниковъ, ставшій чуть не лидеромъ партіи максима-

листовъ. Это была довольно ловкая копія маленькаго, но шумнаго Керенскаго. Буквально невозможно перечислить общественныхъ заботъ, которыя легли на хрупкія плечи этого бѣднаго недоучки, еще такъ недавно неумѣвшаго управиться со своимъ собственнымъ языкомъ: не было ни одного учрежденія, гдѣ онъ не былъ бы предсѣдателемъ или, по крайней мѣрѣ, членомъ. Даже въ городской управѣ, и тамъ игралъ онъ одну изъ первыхъ скрипокъ. Вы скажете, что этотъ деревенскій юнецъ не могъ ничего понимать въ городскомъ хозяйствѣ. Такъ что же? Слава Богу, такой пустякъ нашихъ мальчиковъ никогда еще не затруднялъ. Не боги же горшки лѣпятъ. Сегодня не понимаетъ, а завтра, когда все будетъ имъ разрушено и опоганено, пойметъ . . . Вообще, во главѣ общественной жизни Россіи въ это время стояли, большею частью, мальчики и дѣвочки не старше призывного возраста и нисколько не затруднялись новизной своего положенія у кормила государственнаго корабля — напротивъ!

Основныя черты русской революціи — крайняя развязность на почвѣ полнаго невѣжества и крайніе предѣлы безобразія — и здѣсь рѣзали глаза и всякій серьезный человѣкъ, не охваченный честолюбивой мечтой соединить въ себѣ, подобно Керенскому или Скобенникову, всѣ возможныя и невозможныя должности, могъ, къ сожалѣнію, сдѣлать только одно: плюнуть и отойти.

Да неужели же — спросятъ — такъ и не было ничего свѣтлаго въ эти дни? Нѣтъ, я не видалъ ничего, если не считать нѣсколькихъ жалкихъ донкихотиковъ революціи, которые изъ послѣднихъ силъ боролись за свои, уже захватанные толпой идеалы и лозунги, и которыхъ разбушевавшаяся темная сила пугачевщины уже все болѣе и болѣе нетерпѣливо тѣснила къ сумрачному подземелью съ страшной надписью у входа: контръ-революція . . . .

Было такъ томительно тяжко, такъ угнетало это безплодное толченіе воды въ ступѣ и разныя безплодныя нечеловѣческія слова Керенскаго и другихъ героевъ минуты, выскочившихъ неожиданно для самихъ себя и для зрителей на авансцену исторіи, что хотѣлось только одного: уйти какъ можно дальше, гдѣ можно было бы ничего не видѣть, ничего не слышать . . . И снова вспомнилъ я о милой Финляндіи, гдѣ мы такъ хорошо жили во время первой революціи. Правда, теперь революція гремѣла и тамъ, но во-первыхъ, думалось, что въ культурной странѣ она была не такъ глупа и безобразна, какъ у насъ, а во-вторыхъ, мы были бы тамъ иностранцами и могли стоять отъ всего въ сторонѣ. Извѣстія, приходившія оттуда, были крайне противорѣчивы: одни говорили, что тамъ очень хорошо, другіе, что очень плохо. Чтобы не рисковать съ семьей, я съ однимъ изъ моихъ пріятелей-охотниковъ рѣшили съѣздить туда на развѣдку.

За приличную взятку носильщикъ — нашъ булановецъ, Сергѣй Майоровъ, спасавшій на желѣзной дорогѣ свою шкуру отъ мобилизацій, — устроилъ насъ довольно сносно въ невѣроятно переполненномъ поѣздѣ, представлявшемъ изъ себя, какъ это вездѣ и всегда тогда было, одинъ сплошной амбулантный митингъ. Благополучно, хотя и съ громаднымъ опозданіемъ, прибыли мы въ Петроградъ, и я — не могу не отмѣтить этой огромной радости — выйдя на невѣроятно загаженную Знаменскую площадь, буквально ахнулъ отъ восхищенія передъ дивнымъ памятникомъ Павла Трубецкого Александру III. Я раньше видалъ его только на снимкахъ, и онъ очень не нравился мнѣ и вдругъ всталъ онъ предо мной съ такой неожиданностью и сразу властно захватилъ меня, хотя только очень рѣдко захватываетъ меня скульптура. Я долго любовался этимъ удивительнымъ произведеніемъ . . .

Мы заѣхали по одному дѣлу въ Верховную слѣдственную комиссію, въ невѣроятно загаженный Зимній дворецъ,

побывали для какихъ-то формальностей на знаменитой дачѣ Дурново, гдѣ толпились вооруженные оборванцы, побродили по прежде такому стройному и строгому, а теперь опустившемуся городу, поглазѣли на манифестацію офицеровъ-ударниковъ, отправлявшихся на фронтъ на безславную и безсмысленную гибель, какъ потомъ оказалось, отъ рукъ своихъ же обезумѣвшихъ солдатъ и — переѣхали финляндскую границу . . .

Все въ Финляндіи было переполнено бѣженцами изъ Россіи, и дороговизна на все, дѣйствительно, была невѣроятная, но такого рѣзкаго недостатка во всемъ, какъ въ Россіи, еще не было. Начали мы нашу поѣздку съ тихаго, милаго Сердоболя — намъ хотѣлось устроиться подальше отъ такихъ матросскихъ городовъ, какъ Гельсингфорсъ, Выборгъ или Або, — оттуда проѣхали по желѣзной дорогѣ въ очаровательный Іоенсу, гдѣ сѣли на пароходъ идущій чрезъ Нейшлотъ въ Выборгъ.

По дорогѣ до меня долетѣли слухи о подвигахъ стараго писателя Іернефельдта, съ которымъ мы нѣкогда переводили въ уютной тиши Виркбю его драму „Титъ". Во главѣ матросовъ онъ неистовствовалъ въ Гельсингфорсѣ, врывался въ церкви, яростно обличалъ духовенство, говоря, что самъ Богъ уполномочилъ его на эту борьбу. А матросы — они, видимо, не спрашивали уже никакихъ полномочій ни отъ кого — отправляли въ храмахъ свои естественныя надобности и все сокрушали . . .

Бѣдный старикъ! . . .

Былъ самый разгаръ лѣта, канунъ Иванова дня, бѣлыя ночи, которыя такъ мучили меня, бывало, въ Айсбöлэ, и которыя теперь вдругъ раскрылись мнѣ во всемъ обаяніи своей грустно-мечтательной красоты. Я никогда не забуду той свѣтлой ночи, которую я почти въ полномъ одиночествѣ провелъ на палубѣ чистенькаго пароходика, бѣжавшаго по

зеркальнымъ озерамъ между безконечныхъ лѣсистыхъ шхеръ, гдѣ на скалахъ полыхали древніе, языческіе огни Ивановой ночи, и той, которой я наслаждался на терассѣ отеля „Turist“ въ Сердоболѣ, надъ гладью широкой Ладоги, и въ городскомъ саду Выборга, гдѣ такъ грустно-мечтательно играла въ отдаленіи музыка . . .

Ахъ, какъ хороша земля и какъ хороша могла бы быть жизнь людей! . . .

III.

. . . .
. . . .
. . . .

IV.

Населеніе Петрограда, гонимое большевиками и голодомъ, разбѣгалось и попасть въ отходящій въ Москву, переполненный бѣженцами, солдатами и матросами, поѣздъ было очень трудно. И жутко было ѣхать среди этихъ распаленныхъ толпъ, въ ужасной давкѣ и грязи. Я не рѣшился перевозить семью въ такихъ условіяхъ и мы, пока что, рѣшили остаться въ деревнѣ, гдѣ, однако, атмосфера становилась все тяжелѣе и тяжелѣе. Соглашеніе съ т-вомъ Кушнерева состоялось, и я, занявъ мѣсто редактора популярнаго и дѣтскаго отдѣловъ издательства, усердно работалъ, часто выѣзжая по дѣламъ издательства въ Москву. Но въ сравненіи съ другими мѣстностями, въ Булановѣ у насъ было еще очень тихо, очень хорошо — только праздная болтовня эта да солдаты очень донимали. А въ другихъ мѣстахъ все уже полыхало огнемъ. И среди этихъ клубовъ дыма и пламени, охватившихъ несчастную страну, я мелькомъ увидѣлъ знакомую фигурку: коротенькая телеграмма изъ Рязани повѣдала всѣмъ, что

въ Раненбургскомъ уѣздѣ толпы крестьянъ подъ предводительствомъ какого-то „драматурга Полевого“ громятъ и жгутъ подрядъ всѣ помѣщичьи усадьбы. Это былъ тотъ самый безумный старикъ, жалкія статейки котораго я не принялъ для „Русской Иллюстраціи“ и который прислалъ мнѣ тогда за этотъ отказъ смертный приговоръ на открыткѣ. . . Безумный старикъ, значитъ, нашелъ-таки свое мѣсто въ жизни! . . .

Въ Булановѣ же, повторяю, болѣе всего допекали праздно-болтающіе языки и вся эта атмосфера гнетущей вѣковой тьмы. Послѣдовало распоряженіе революціоннаго правительства о праздновaніи перваго Мая по новому стилю, — у насъ смятеніе: что это значитъ? Куда же дѣвать эти выпадающіе вдругъ изъ жизни тринадцать дней? Какъ быть съ тѣми праздниками, которые выпадаютъ въ эти тринадцать дней — не праздновать ихъ значитъ вѣдь оскорбить того или ту святую, которой праздникъ посвященъ. Матвѣй Майоровъ исхитрился и просто оторвалъ отъ своего „численника“ тринадцать листочковъ, но на другой день по численнику было 2-е мая, а у батюшки — 19 Апрѣля да и дни не совпадали, — самъ лѣшій не разберетъ! И потомъ: что это за праздникъ 1-го Мая: „новому ли праву“ это празднуютъ, какъ говорятъ, или какой новый святой объявился? Мой дядюшка Иванъ Мироничъ долго обсуждалъ со своей Стегневной наканунѣ: зажигать лампадку передъ образами, какъ это принято наканунѣ праздниковъ, или не зажигать? И они рѣшили, что каши масломъ не испортишь, что лучше зажечь. И эта лампадка въ русской деревнѣ, зажженная наканунѣ праздника всемірнаго пролетаріата, какъ нельзя лучше, ярче солнца, освѣщаетъ сущность всей этой нашей такъ называемой соціалистической революціи. . . И вся эта смѣшная и глупая канитель продѣлывалась мужичками по командѣ какихъ-то заврaвшихся и зарвавшихся петроградскихъ адвокатовъ и журналистовъ! . . .

Занятому своими личными дѣлами, мнѣ было совершенно некогда митинговать съ мужичками да и не особенно хотѣлось этого, но съ другой стороны нельзя было и такъ, безъ руководства, оставить мятущуюся деревню: доморощенный большевизмъ все болѣе и болѣе поднималъ голову, художества назрѣвали.

Какъ-то въ Москвѣ зашелъ я въ университетъ Шанявскаго къ знакомымъ лекторамъ: не поѣдетъ ли кто къ намъ поговорить съ крестьянами?

— Можно. Вамъ какихъ же лекторовъ нужно, похуже или получше?

— ?!

— Похуже это, видите ли, какой-нибудь студентикъ, котораго мы на соотвѣтственныхъ курсахъ подготовили и который, какъ грамофонная пластинка, бойко отлепортуетъ вамъ по всякому злободневному вопросу.

— Ну, нѣтъ, благодарю покорно. . .

— А если вамъ нужны настоящіе лекторы, то вы должны знать, что это товаръ теперь дорогой. . .

— А примѣрно какъ?

— Проѣздъ туда и обратно по I классу, продовольствіе на мѣстѣ готовое, 25 р. суточныхъ и 25 р. часъ митинга. . .

— Ого! . . .

— А вы какъ думали? Съ благотворительностью разъ навсегда должно быть покончено. Довольно мы благодѣтельствовали! . . . А теперь какъ насъ третируетъ возставшій народъ? Дудки! . . . Интеллигенція это квалифицированные рабочіе, и трудъ ихъ долженъ оплачиваться соотвѣтственно. Фунтъ хлѣба десять рублей, сапоги четыреста? Прекрасно, получи! Но тебѣ нужно узнать, какъ поставить кооперативъ, что такое учредительное собраніе, о политическихъ платформахъ? Великолѣпно — плати по первому классу и четвертной въ часъ. Довольно дурака валяли! . . .

Это было для меня ново. Видимо, сусальныя облака фантастическаго міра, который интеллигенція создавала для себя, разсѣивались и она стала догадываться, что земля это земля. Златовратскій угаръ начиналъ проходить. . .

Отъ такихъ квалифицированныхъ работниковъ мнѣ пришлось отказаться, тѣмъ болѣе, что я отлично зналъ основной ихъ порокъ, интеллигентскую манеру выражать свои — или чужія — мысли въ непонятной для темнаго народа формѣ.

Въ волость я больше не ѣздилъ, но въ Булановѣ по праздникамъ устроилъ нѣсколько собраній, на которыя народъ собирался довольно охотно. Нѣсколько разъ крестьяне даже сами приходили просить меня „поговорить съ народомъ". И не столько для того, чтобы просвѣтить эти темныя головы — въ митинговое просвѣщеніе я не вѣрю — сколько для того, чтобы еще и еще разъ прощупать подлинную подоплеку народную: контрастъ между „творчествомъ" петроградскихъ адвокатовъ, фантазеровъ и авантюристовъ и дѣйствительностью съ каждымъ днемъ становился все рѣзче, все безпощаднѣе. . .

Особенно не повезло фантазерамъ съ соціализмомъ. Я не знаю среды органически болѣе враждебной соціализму, чѣмъ русское крестьянство. Среди русскихъ милліонеровъ я знаю людей съ соціалистической жилкой въ душѣ — и не такая игра природы возможна въ русскомъ человѣкѣ! . . . — но русское крестьянство и соціализмъ это два явленія, которыя, какъ воду и масло, можно смѣшать только насильственно и только на очень короткое время: немедленно обнаружится рѣзкое отталкиваніе, рѣзкое разслоеніе. . .

Приходятъ ко мнѣ какъ-то земляки мои и просятъ поговорить съ народомъ на счетъ разныхъ политическихъ партій.

— А то замаялись мы вчистую. . . — пояснили республиканцы. — Одни — одно, другіе — другое. Прямо какъ въ лѣсу дремучемъ! . . .

Въ условленный часъ я пришелъ въ нашу помѣстительную школу, гдѣ со стѣнъ смотрѣли на меня портреты Владиміра Михайловича и моего отца-старика, выстроившихъ на свой счетъ это прекрасное зданіе. Классъ переполненъ. Встрѣчаютъ меня земляки, какъ всегда, радушно и почтительно.

Человѣку безпартійному, мнѣ было легко дать объективное изложеніе партійныхъ программъ, а потомъ мнѣ важно было не залучить булановцевъ въ сѣти той или иной партіи, а — повторяю — еще и еще разъ выяснить себѣ ихъ подлинную, не литературную, не златовратскую сущность. Я растолковалъ, почему называются такъ лѣвыя и правыя партіи и, начавъ съ крайней правой, я потихоньку пошелъ но дугѣ влѣво. Прошелъ болѣе и менѣе благополучно кадетовъ, перешелъ къ народнымъ соціалистамъ и чувствую, несомнѣнно чувствую, какъ моя аудиторія начинаетъ все болѣе и болѣе затуманиваться. Наконецъ, одинъ не вытерпѣлъ.

— Да куды они гнутъ-то?...

— Соціалисты?

— Ну, да...

Я заговорилъ о конечныхъ цѣляхъ соціализма, заговорилъ не безъ нѣкотораго трепета: моментъ былъ рѣшающій.

Аудиторія опредѣленно уходила. Обнаруживались несомнѣнные признаки нетерпѣнія.

— Ну, это все ни къ чему!... — послышались, наконецъ, голоса. — Ты давай о дѣлѣ то говори...

— Да почему же, земляки, это не дѣло?... Надо все выслушать, всѣхъ знать... Вѣдь, скоро выборы...

И я сталъ имъ разсказывать вкратцѣ о тамбовскихъ мужикахъ, духоборахъ, которые пошли этимъ путемъ и теперь въ Америкѣ, какъ слышно, достигли въ экономическомъ смыслѣ блестящихъ результатовъ. Самъ я не очень вѣрю

въ духоборческій соціализмъ, но надо было добираться до самаго дна.

— Это намъ ни къ чему. — возражали республиканцы. — Съ нашимъ народомъ объ этомъ дѣлѣ и думать нечего... Нѣтъ, ты давай о дѣлѣ говори!...

— Да о какомъ же дѣлѣ?

Наконецъ, одинъ набрался духу и выпалилъ:

— А вотъ о какомъ: будетъ баглачевская казенная дача нашей или не будетъ?

Я прямо остолбенѣлъ.

— Земляки, да почему же она должна быть вашей? Вѣдь, въ ней больше 12.000 десятинъ строевого сосняка. Вѣдь, цѣна ей теперь 50,000.000! Почему же она должна быть вашей?...

— Потому что мы самы баглачевскіе...

Нашъ церковный приходъ назывался раньше баглачевскимъ.

— Я московскій, но Москва не моя...

— То совсѣмъ другое дѣло. Тутъ межа съ межой, рядомъ...

— Мало ли кто съ чѣмъ рядомъ, это не резонъ... — отвѣчалъ я. — А потомъ какъ же вы это хотите захватить такую палестину себѣ, а наши польскіе крестьяне?...

Польскими крестьянами у насъ назывались заклязьменскія деревни, гдѣ совсѣмъ не было лѣсовъ, поля.

— А это ужъ ихъ дѣло... — раздались дружные голоса. — Это какъ ужъ кому пофартило... Мы къ нимъ не лѣземъ и они къ намъ не лѣзь... Что ты больно за чужихъ-то стоишь, ты о своихъ порадѣй!... Можетъ, у нихъ въ землѣ гдѣ кладъ зарытъ, мы на него не заримся...

Я объяснилъ, что такъ не рѣшаетъ земельный вопросъ ни одна партія.

— Такъ что же, это выходитъ, что въ лѣсу по старому и лѣсники будутъ?

— Конечно. Лѣсъ казенный, т. е. всенародный теперь, такимъ же онъ и останется. Можетъ быть, даже еще строже будетъ. . .

— А тогда на кой песъ было и затѣвать всю эту волынку, коли такъ? . . . — протянулъ кто-то разочарованно.

Снова вернулись къ земельному вопросу. Землей мы никогда особенно не интересовались, ея было у насъ довольно, и мы давно побросали дѣдовскія полосы и бросились по городамъ, на болѣе легкій, какъ намъ казалось, трудъ, а пашни наши быстро зарастали частымъ ельничкомъ и березничкомъ. Но теперь о землѣ заговорили, потому пропечатано вездѣ „земля и воля“ — можетъ, и намъ попадетъ какой жирный кусочекъ вродѣ баглачевской дачи.

— Для того, чтобы разрѣшить земельный вопросъ по разуму и по совѣсти, земляки, — сказалъ я, — намъ надо прежде всего узнать, какъ обстоитъ дѣло съ землей въ другихъ областяхъ Россіи. . .

И я сталъ разсказывать, какъ стоитъ земельный вопросъ на Кубани, у сибиряковъ, въ полтавщинѣ, у курянъ, у уральцевъ. Но интереса это не вызвало никакого — интересно было только то, что можно добыть намъ. Россіи не было — была только своя волость, своя колокольня. . .

И, когда я, испытывая тоску и какой-то странный стыдъ, вернулся домой, до меня быстро долетѣлъ слушокъ: тетка Анисья высказала предположеніе, что я — тайный черносотенникъ.

— Да что ты, тетка? — удивился нашъ священникъ, бывшій на бесѣдѣ. — Откуда ты это взяла?

— Да какъ же. . . — отозвалась та бойко: она работала на ткацкой фабрикѣ „Собинка“. — Такая партія да

эдакая партія, а про самую-то главную, небось, ни слова не сказалъ!...

— Про какую главную?

— А про совѣтъ солдатскихъ-то депутатовъ!

— Да развѣ это партія?!

— А то что же? Погляди-ка, во всѣхъ газетахъ только про нихъ и пишутъ. И ты, знать, съ нимъ, батюшка, за одно тянешь...

О пресловутыхъ совѣтахъ, дѣйствительно, стали поговаривать все больше и больше. И нельзя было иначе: они верховодили уже всей жизнью. Въ одну минуту нашъ владимірскій совѣтъ, напримѣръ, рѣшалъ сложнѣйшія юридическія дѣла, арестовывалъ, освобождалъ ранѣе арестованныхъ, выносилъ головоломныя обязательныя постановленія и, говорили, рѣшалъ даже дѣла бракоразводныя.

Вечеромъ того же дня ко мнѣ пришли старики.

— Вотъ что, Федорычъ, говоришь ты тоже, словъ нѣту... — сказали они мнѣ. — Но только, по совѣсти, больно много: пока одно говоришь, ничего, понятно, какъ слѣдоваетъ, а какъ заговоришь про другое, первое ужъ и изъ головы вылетѣло. Всего мужицкой головѣ не удержать... Такъ вотъ и пришли мы попросить тебя — ты хоша и произошелъ, но все же свой намъ, булановскій, насъ, земляковъ, знаемъ, не обманешь, мы тебѣ вѣримъ, — такъ вотъ и посовѣтуй намъ въ одно слово: въ какой уголъ преклонить намъ голову? Куды велишь ты записаться намъ, въ какіе?... Заплутались мы совсѣмъ...

Я сталъ разъяснять этимъ сѣдымъ младенцамъ, что не только не могу я велѣть записаться имъ туда или сюда, но не могу даже и совѣтывать. Мое дѣло все разсказать, а это уже дѣло каждаго отдѣльнаго республиканца выбирать себѣ дорогу по вкусу.

— Да не томи ты, говори напрямки!... Какъ скажешь, такъ и будетъ... Наше слово крѣпко...

— Да нельзя этого, земляки!...

Наконецъ, старый Кузьма исхитрился:

— Да ты самъ-то къ какимъ приписанъ?

— Ни къ какимъ не приписанъ...

— Эхма, пропадай наша головушка!...

Нѣтъ, соціалистами мы опредѣленно не были. И мало этого. Я тоже ни въ какой степени не соціалистъ, но иногда мнѣ опредѣленно хотѣлось, чтобы мужички наши были объ эту пору хоть чуточку соціалистами... Ужъ очень въ это время власть мошны надъ ними была сильна. Малѣйшее прикосновеніе къ ней вызывало страшную злобу и раздраженіе.

Сижу я разъ ранней весной у себя, работаю. Вдругъ слышу на улицѣ шумъ и возбужденные крики: „бери топоры!... Чего на нихъ, сволочей, глядѣть-то?... Колья давай тащи!..."

Встревоженный, я открылъ окно.

— Съ кѣмъ вы это, земляки, воевать собираетесь?

Оказалось, что пришли „какихъ-то шестеро", сидятъ у житницъ и спрашиваютъ, у кого что есть. По виду не русскіе...

— Мало ихъ, стервецовъ, развелось!... Бери колья!... Житья никакого не стало, истинный Господь!...

— Тутъ что-то не такъ, земляки... — сказалъ я. — Воевать мы всегда успѣемъ. А давайте сперва лучше пошлемъ двоихъ-троихъ разузнать, въ чемъ дѣло.

На томъ и порѣшили. Чрезъ четверть часа тѣ возвращаются, крутятъ головами и смѣются. Оказалось, то пришли со станціи Колокша наши земскіе монтеры чинить телефонную линію. Были всѣ они въ кепкахъ — стало быть, не русскіе.

Уставъ, они присѣли отдохнуть у житницъ и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Поѣсть бы пора . . . Надо пройти по мужикамъ, спросить, у кого что есть . . .

Послѣднія зловѣщія слова подслушалъ случайно какой-то мальчуганъ, прилетѣлъ, не помня себя, въ деревню, рассказалъ все отцу и пошла писать: „бери топоры — спрашиваютъ, у кого что есть“, т. е. за мошну трогаютъ!

А эта борьба голоднаго города съ деревней? Чтобы умѣрить аппетиты мужичковъ которые къ этому времени буквально утопали въ деньгахъ — война оказалась для нихъ въ этомъ отношеніи просто благодѣяніемъ, — городъ вводитъ у себя таксу на продукты, а какъ только онъ введетъ ее, такъ все съ базара исчезаетъ: ну-ка, попрыгай! . . . Горожане бросаются по деревнямъ и мужички обдираютъ ихъ до послѣдней нитки; „тае . . . тае . . . ты по Божьи, по Божьи-то норови! . . .

Повезли разъ наши мужички огурцы на „Собинку“.

— Почемъ? — спрашиваютъ рабочіе.

— Пять цалковыхъ.

— Что? Мѣра?

— А ты думалъ возъ?

— А хресть-то на тебѣ есть?

— Есть. А ты ситецъ-то во что вогналъ? Фабриканта ограбилъ, восемь часовъ работаешь, а мы тебѣ плати по красненькой аршинъ? Ну, и ты плати . . .

— Такой цѣны и не слыхано . . .

— А не жалаешь, не надо . . . Н-но, красавица, помахивай . . . Не хотятъ, знать, нашихъ огурцовъ здѣсь — придется самимъ солить да ѣсть . . .

Озлобленные, полуголодные рабочіе проводили этихъ „кулаковъ и буржуевъ“ каменьями. Но голодъ не тетка

и украдкой одинъ отъ другого потащились они по деревнямъ за огурцами.

— Огурчиковъ? Можно, любезный... Шесть цѣлковыхъ...

— Какъ шесть? Да давно ли ты пять просилъ? Третьевось...

— Такъ тогда и брать надо было. А вы замѣсто того въ анбицію да за камни... Нынче, братъ, тоже каменьями лукаться не полагается... Ты думаешь, слабода, такъ тебѣ и можно все? Шалишь, братъ, отвѣтишь... Тебѣ сколько, мѣру али двѣ?...

Иду я разъ какъ-то деревней. Смотрю, у дома Николки Чуркина, барышника и плута, собрались и что-то смѣются возвратившіеся изъ города федеративные соціалисты. Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ смѣемся промежду себя на счетъ городскихъ. До сѣделки мужикъ пробралъ ихъ! Идешь съ четвертью молока по базару-то, такъ за тобой бабенки толпой: „продай, дяденька..." А у самой, стерьвы, инда слезы на глазахъ...

— Голодъ-то онъ не тетка, братъ... Онъ тебя, братъ, научитъ!...

— Ну, не больно тоже учитъ... Не всѣхъ... Есть такія стерьвы, бѣда!... Иду вотъ я какъ-то съ молокомъ по базару, пристаетъ одна: почемъ? Пять цалковыхъ, говорю. Какъ, такой-растакой, пять цалковыхъ? А такція? Эй, милиція, смотри: мужикъ молоко не по такціи продаетъ!... „А-а, такъ тебѣ, сукѣ, по такціи надо? — кричу. — Такъ, на, получай!..." Да какъ о протуваръ четвертью то хвачу... Получай!...

Всѣ захохотали.

— Ай да Стегнеичъ!...

— Да пра!... Всяка сволочь тебѣ такціи уставлять будетъ. Неужто я своему добру сталъ ужъ не хозяинъ? Али я самъ себѣ не господинъ?

— А вотъ погоди, зима придетъ — волками завоютъ...

— И теперь воютъ. Ребятишки такъ мрутъ, что таскать на погостъ не поспѣваютъ...

— А ты что молчишь, Федорычъ? Али мы что не такъ сбрехали?...

— Да вотъ я никакъ, земляки, въ толкъ не возьму, про что вы это разсказываете: про Владиміръ нашъ или про Перемышль?

— Это ты къ чему?

— А къ тому, что, если бы мы съ вами Перемышль такъ осаждали и тамъ народъ бы съ голоду плакалъ, такъ это еще куда ни шло: сдастся скоро крѣпость и конецъ. А вѣдь вы про Владиміръ, про свой городъ, толкуете — чему же тутъ радоваться, что тамъ ребятишки съ голоду мрутъ?...

Собесѣдники мои сразу озлобленно загалдѣли.

— Да, ишь ты!... Онъ тебѣ отработалъ шаля-валя свои восемь часовъ — ишь сволочь, какіе новые баре выискались!... — взялъ тросточку, залѣзъ на мостки эти самые: „таварищи!... граждане!...“ Ему что!... Нѣтъ, ты вотъ съ наше поваляй, тогда и поглядимъ мы, какъ ты такціи-то уставлять будешь... А подметки почемъ? А сахаръ гдѣ? А Ландринъ почемъ? А карасинъ?... „Таварищи“... Нѣтъ, ужъ коли на то пошло, такъ я лучше самъ, своими руками, сожгу все, а дармоѣдовъ кормить по такціи не буду...

И, когда соціалисты эти, поддавшись наускиванію, захватили и скосили знаменитые у насъ частновладѣльческіе заливные „Малиновы Луга“, они тотчасъ же чрезъ волостной совѣтъ поспѣшили внести владѣльцамъ обычную плату. Совѣтъ вскорѣ захваченъ былъ большевиками, которые деньги владѣльцамъ не передали, а возвратили крестьянамъ. У тѣхъ опредѣленно заскребло.

Смотрю разъ, возится около своего двора старый Гришка Голякъ, одинъ изъ бѣднѣйшихъ булановцевъ.

— Ты что, Григорій, какъ нахохлился?

— А-а, глаза мои не глядѣли бы на дьяволовъ!... — сердито отмахнулся онъ рукой. — Вѣришь ли, Иванъ Федоровичъ, инда сна рѣшился... Вертишься, вертишься на печи-то...

— Да въ чемъ же дѣло?...

— Да насчетъ „Малиновыхъ луговъ" все, чтобы ихъ черти взяли!... Ни за что не пройдетъ намъ это дѣло такъ, помяни вотъ мое слово. Будутъ еще намъ за это самое малиновое сѣно портки скидовать да ж... драть, вотъ попомни! И тѣмъ что, совѣтскимъ сволочамъ, надо? Ежели мужикъ хозяину заплатить по совѣсти хочетъ, какое твое дѣло назадъ деньги ворочать? Вотъ лежишь и не спишь, думаешь... Нѣтъ, знать, ужъ не поживемъ по прежнему, по хорошему, не будетъ, знать, душѣ спокою...

— Да тебѣ-то о чемъ очень горевать, Гриша?...

— Да развѣ это жисть, Иванъ Федорычъ? Ну? Гдѣ карасинъ? Гдѣ сахаръ? Какъ я безъ сахару-то жить буду, коли я на одномъ чаю всю жизнь прожилъ? Согрѣешь самоварчикъ, возьмешь хлѣбца съ лучкомъ или съ грибками тамъ солеными, пожуешь, и живъ, и дышешь. А теперь что будемъ дѣлать? На изюмѣ-то, брать, далеко не уѣдешь... Ноги-то и то вонъ ужъ не ходятъ. Камитетъ... камисаръ... каперація — у-у, сволота!...

— Какъ? И кооперація туда же?!...

— А куда же ее ко псу? „Ахъ, мужички, купецъ-разбойникъ васъ обижаетъ... Ахъ, купецъ васъ обираетъ!..." Да нѣшто грабилъ когда купецъ такъ, какъ вы, черти поганые, грабите? Да у купца и было всего вдоволь — бери не хочу! А у васъ что есть? Одна уксусная есенція эта самая осталась да перецъ горошкомъ да стекло на лампу.

А карасину нѣту... Таварищи, чортъ бы васъ въ душу взялъ!...

Нѣтъ, мужички мои соціалистами опредѣленно не были. Да и мы-то тоже не всегда поступали по-соціалистически. Возьмите хоть самого лидера нашего: не успѣлъ онъ изъ скромныхъ адвокатовъ стать какимъ-то сверхъ-естественнымъ главковерхомъ, какъ тотчасъ же перебрался въ Зимній дворецъ и сталъ всемилостивѣйше почивать въ кровати императора Александра III, а въ публичныхъ выступленіяхъ отставлялъ лѣвую ногу впередъ, правую руку закладывалъ за бортъ тужурки и смотрѣлъ эдакъ многозначительно — Наполеонъ и крышка, хотя и подписывался эсъ-эромъ!...

V.

Наконецъ, и у насъ въ округѣ появились откровенно первые „большевики" — наглые, жадные, глупые... Тревога росла. На разлагающемся, страшномъ фронтѣ торжественно началось наступленіе Керенскаго и сперва такъ будто что-то вышло: „уговаривающіе" уговорили-таки солдатъ. И увѣренный, что передъ нимъ въ самомъ дѣлѣ революціонные полки, шустрый адвокатъ телеграммой ходатайствовалъ предъ правительствомъ о награжденіи ихъ красными знаменами, и этотъ бѣдный кн. Г. Е. Львовъ всемилостивѣйше послалъ имъ эти знамена, но не успѣли они прибыть на фронтъ, какъ все тамъ позорно рухнуло и побѣжало, грабя и насилуя свое же, русское населеніе. Гдѣ они теперь, эти флачки позора? Пусть г. Керенскій не позабудетъ ихъ... И мало того, что фронтъ рухнулъ и все побѣжало: въ Минской губерніи, когда женскій батальонъ Бочкаревой, занявъ нѣмецкіе окопы, не захотѣлъ по требованію нашихъ же солдатъ отойти — „потому сказано, безъ анекціевъ и контрибуціевъ" — то солдаты наши стрѣляли по женщинамъ въ затылокъ и принудили-таки ихъ бросить нѣмцамъ то, что

было добыто ими кровью ... Гибли ужасно и безсмысленно офицеры, погибалъ заброшенный флотъ, горѣли прекрасныя старинныя усадьбы, расхищались заводы, лѣса, склады. Пріѣзжавшіе въ отпускъ солдаты и матросы — видно, мои „инструкціи" не подѣйствовали! — привозили съ собой брилліанты, мѣха, золото и, играя въ „двадцать одно", не стѣснялись швырять на конъ по сотенной ... И все больше и яснѣе болѣла душа — за Россію ... И нельзя было отрицать никакъ, что и „мы съ Толстымъ" въ этомъ разрушеніи, въ этомъ позорѣ, во всемъ этомъ горѣ участвовали, хотя, конечно, съ самыми лучшими намѣреніями, ибо надо знать не только то, что сказать, но еще болѣе, какъ сказать, кому сказать, когда сказать, а еще болѣе надо умѣть и промолчать иногда. Нельзя было говорить темнымъ массамъ то, что говорили мы съ Толстымъ. Они неизбѣжно извратили и окровянили все. Не надо церкви? Прекрасно — вотъ висятъ по деревьямъ старенькіе священники и епископы, часто хорошіе пастыри. Не надо воевать за отечество? Прекрасно, — будемъ истреблять милліоны людей за „интерцентралъ". Собственность — кража, грѣхъ? Прекрасно — будемъ срывать съ рукъ замученныхъ офицеровъ золотые перстни. Теперь ясно, что надо было какъ-то быть осторожнѣе. Сознаніе своей виновности и желаніе поправиться росло. И я не скрывалъ отъ себя и отъ людей этого — нѣтъ, мы опредѣленно виноваты, мы, интеллигенція, мы, вожди народные ...

И инстинктивно почти сталъ я искать тѣхъ людей, которые, какъ и я, болѣли этой новой болью за Россію, которые вдругъ почувствовали, что родина есть, что это — реальность, а не выдумка коварнаго биржуазіата.

Для популярнаго отдѣла нашего издательства мнѣ былъ нуженъ рядъ брошюръ по церковнымъ вопросамъ. По совѣту кн. Д. И. Шаховского — онъ, только что потерявшій на войнѣ единственнаго сына, только что попробовавшій устроить

благо человѣчества въ качествѣ министра какого-то идіотскаго „соціальнаго обезпеченія" во временномъ правительствѣ, видимо, былъ растерянъ и сбитъ, — я обратился къ А. В. Карташеву. Самъ А. В., будучи занятъ, не могъ взять на себя ни одной темы, но указалъ мнѣ цѣлый рядъ лицъ, которыя могли бы быть полезны для дѣла. Я просидѣлъ съ этимъ вдумчивымъ, тихимъ человѣкомъ больше часа въ его огромномъ кабинетѣ въ синодальномъ домѣ на Б. Никитской. Дорого было мнѣ въ моемъ собесѣдникѣ не только то, что онъ говорилъ, хотя все это было умно и свѣжо, сколько то, что и онъ болѣлъ глубоко, тяжело, и онъ не думалъ, что исцѣленіе Россіи легко и близко.

— Но что же молчатъ ваши батюшки? — сказалъ я между прочимъ. — Вѣдь какой теперь благопріятный моментъ для церкви, чтобы дѣйствовать, чтобы пріобрѣсти серьезное вліяніе на людей, привлечь къ себѣ народъ уже не за страхъ, а за совѣсть . . .

— Нѣтъ, отъ батюшекъ ничего пока не ждите . . . — грустно и серьезно отвѣчалъ онъ. — И нельзя ждать. Нельзя безнаказанно пробыть двѣсти лѣтъ въ синодскихъ тискахъ. Въ нихъ душа убита и, если бы даже они и захотѣли что дать, они не могли бы. Вотъ, можетъ, новыя условія церковной жизни создадутъ новое поколѣніе духовенства, тогда можетъ быть . . . А пока ждать отсюда нечего . . .

Не помню по какому дѣлу попалъ я, между прочимъ, къ Н. Н. Львову, члену государственной думы и предсѣдателю союза земельныхъ собственниковъ. Встрѣтилъ онъ меня очень холодно и вообще былъ сумраченъ — у него недавно погибъ на войнѣ сынъ-офицеръ да и то, что дѣлалось вокругъ, не могло радовать старика. Мы усѣлись въ маленькой гостинной гр. В. Н. Бобринской, его сестры, гдѣ онъ тогда останавливался, и ледъ быстро растаялъ. Смѣшно вспомнить, но наша бесѣда то и дѣло прерывалась тѣмъ, что мы вста-

вали, долго съ улыбкой трясли одинъ другому руки въ знакъ полнаго сочувствія, а потомъ опять садились и снова продолжали бесѣду.

Между прочимъ, Николай Николаевичъ выразилъ согласіе издать въ очень большомъ количествѣ мою брошюру по земельному вопросу въ Россіи. Мнѣ, такъ долго стоявшему на лѣвыхъ позиціяхъ, нужно было извѣстное мужество, чтобы выступить подъ флагомъ союза земельныхъ собственниковъ, — хотя, правда, въ него входили и крестьяне-хуторяне, — но я пошелъ на это: молчать становилось уже невозможнымъ, отъ имени крестьянства говорилось г. Черновымъ и другими благодѣтелями столько всякого вздора, что не было уже силъ терпѣть. Мнѣ было совершенно ясно, что совсѣмъ не земли не хватаетъ нашему крестьянину въ большинствѣ случаевъ, а знаній, культуры — на западѣ земли у крестьянъ и половины нѣтъ противъ нашихъ, а живутъ они вдесятеро лучше. Соглашеніе съ Николаемъ Николаевичемъ было тѣмъ легче достижимо, что онъ смотрѣлъ на дѣло очень широко. Зашла какъ-то рѣчь о привлеченіи къ дѣлу С. Т. Семенова, извѣстнаго писателя-народника, горячаго, какъ и я, сторонника хуторского хозяйства.

— Я боюсь только, что вы не сойдетесь. . . — сказалъ я. — Онъ все же джорджистъ. . .

— Это ничуть не помѣшаетъ. Это теперь не важно. . . — отвѣчалъ Николай Николаевичъ. — Джорджизмъ это все же государственная точка зрѣнія, а не разбой. Мы прежде всего съ разбоемъ должны бороться, съ расхищеніемъ Россіи. Джорджъ меня нисколько не пугаетъ. . .

Приближался срокъ созыва Совѣта Республики. Николай Николаевичъ нѣсколько разъ горячо уговаривалъ меня принять въ немъ участіе отъ Союза Земельныхъ Собственниковъ, — и въ Совѣтѣ, и въ близкомъ уже Учредительномъ Собраніи.

— Мы не свяжемъ васъ никакими обѣщаніями... — горячо говорилъ онъ. — Съ насъ совершенно достаточно, что вы, писатель такой-то, стоите на государственной точкѣ зрѣнія, что вы не хотите гибели Россіи, что вы хотите идти спасать ее...

— Но я боюсь, что мое участіе подъ вашимъ флагомъ скорѣе повредитъ дѣлу, чѣмъ поможетъ ему... — отвѣчалъ я. — Скажутъ, что вотъ и Наживина помѣщики купили... И будутъ смотрѣть, какъ на продажную шкуру..

— Честные люди не скажутъ, а о мнѣніи людей дрянныхъ безпокоиться не слѣдуетъ. Вы должны это сдѣлать. Помните ту маркизу первой французской революціи, которая, чтобы спасти своего стараго отца, должна была выпивать ежедневно порцію помоевъ изъ грязнаго ведра. Такъ и мы должны это дѣлать ради ... нашей матери, Россіи...

— Я сегодня уже выпилъ свою порцію помоевъ... — сказалъ я. — Я только прочелъ газеты за сегодняшнее утро...

— Ну, мы потомъ поговоримъ еще разъ объ этомъ. А теперь пойдемте завтракать. Я васъ угощу дрофой — Алеша, сынъ, только что привезъ изъ деревни...

Въ красивой помѣстительной столовой — Николай Николаевичъ жилъ тогда въ квартирѣ уѣхавшаго куда-то бывшаго городского головы Москвы М. В. Челнокова, — я познакомился съ Алешей, милымъ, скромнымъ мальчикомъ, который разсказалъ мнѣ объ охотѣ на дрофу и о способахъ приготовленія ея жестковатаго мяса.

— Лучше всего зарывать птицу дня на три въ землю... говорилъ онъ. — Вотъ возьмите этотъ кусочекъ, этотъ помягче...

Я вспоминалъ потомъ объ этой дрофѣ — въ иной уже обстановкѣ.

Переговоры продолжались. И рѣчь шла совсѣмъ не о моей защитѣ помѣщичьихъ правъ. Я опредѣленно заявилъ,

что, по моему мнѣнію, съ земельнымъ „вопросомъ“ въ Россіи надо было разъ навсегда покончить, что надо этотъ больной, вѣчно ноющій зубъ вырвать. Я не думалъ, что у крестьянъ мало земли — не столько земля, сколько культура нужна имъ, — но это состояніе перманентной революціи, эта вѣчная угроза новой пугачевщины мѣшали жить и работать для этой же самой культуры массъ и потому зубъ надо было вырвать: надо было частновладѣльческія земли передать крестьянамъ, но передать, конечно, за выкупъ, ибо за время войны они припрятали въ землю милліарды и нельзя было не извлечь этихъ денегъ изъ ихъ мошны, иначе никогда не наладятся наши финансы, и передать только въ собственность, только хуторянамъ: довольно побаловались мы съ идеальными златовратскими общинами, культивированіе которыхъ обошлось России, думаю, дороже участія ея въ войнѣ съ Германіей. Только хуторянинъ-собственникъ, только хозяинъ-рачитель можетъ и съумѣетъ взять отъ земли и передать странѣ все, что она можетъ дать. Культурныя же имѣнія, эти маяки сельскаго хозяйства въ земледѣльческой странѣ, конечно, должны были быть охранены отъ темной массы пугачевщины всею мощью государства. Все это дастъ намъ сильное, устойчивое крестьянство и богатый внутренній рынокъ для нашей промышленности, а усиленное потребленіе вызоветъ усиленное строительство въ области промышленности и улучшеніе положенія рабочихъ. Словомъ, я опредѣленно говорилъ, что работать съ Союзомъ я могу во имя новой Россіи, во имя новаго крестьянства, крестьянина-хуторянина, во имя культуры и порядка и — моя платформа принималась. . . Они издали мою книжку о землѣ въ 100.000 экземплярахъ и она разошлась въ какой-нибудь мѣсяцъ вся.

Въ концѣ концовъ я не рѣшился выступить подъ флагомъ Союза ни въ Совѣтѣ Республики, ни въ учредительномъ собраніи и не столько изъ политической pruderie, сколько

потому, что я какъ-то всѣмъ нутромъ не вѣрилъ не только въ пользу моей работы въ этихъ почтенныхъ учрежденіяхъ, но и въ самыя учрежденія эти, гдѣ собрались завѣдомые политическіе импотенты вродѣ несчастнаго болтуна Керенскаго, Чернова, никогда не видавшаго Россіи близко, душевно больной Маруси Спиридоновой, черезчуръ ужъ старой и недалекой бабушки Брешковской и проч. Но именно тутъ-то мнѣ и повезло. Не успѣлъ я оставить эти переговоры, какъ разъ звонитъ ко мнѣ въ деревню изъ Владиміра одинъ изъ старыхъ нашихъ владимірцевъ, Б. И. Алябьевъ.

— Партія народныхъ соціалистовъ проситъ васъ, Иванъ Федоровичъ, дать ваше имя для нашего списка въ Учредительное собраніе. . .

— Да вѣдь я не принадлежу къ партіи. . .

— Но вѣдь вы не можете же не сочувствовать намъ. . .

— До извѣстной степени, конечно. . . Вы все же партія порядка, но . . .

— Но? . . .

— Но, Борисъ Ивановичъ, будемъ откровенны: мнѣ думается, что вы называете себя народными соціалистами только потому, что у васъ нѣтъ мужества откровенно назваться . . . кадетами . . .

— Ну, ну, ну . . .

— Да вѣдь я не обидѣть васъ хочу, я только обсуждаю дѣло. Но такъ какъ, повторяю, всѣ теперь должны сплотиться противъ пугачевщины, то я ваше предложеніе пообдумаю. . .

— Хорошо. На той недѣлѣ у насъ собраніе, — милости просимъ побесѣдовать. . .

На собраніе я не попалъ и, вообще, обдумавъ, рѣшилъ и это предложеніе отклонить: на моихъ глазахъ шла лихорадочная подготовка къ выборамъ и въ этой похабнѣйшей комедіи участія принять я не могъ, не могъ, не могъ. . .

По деревнямъ наѣхали солдаты, матросы и такъ какіе-то добрые молодцы съ вихрами и нѣтъ возможности передать всей той невообразимой, безграмотной и озлобленной чепухи, которой они добивали несчастную деревню, и безъ нихъ уже окончательно потерявшую всякую способность думать и не знавшую, куда, въ какой уголъ преклонить ей свою буйную республиканскую головушку. . .

Пріѣзжаю разъ какъ-то на Колокшу. Смотрю, старенькій станціонный сторожъ, который зналъ меня еще ребенкомъ, таинственно киваетъ мнѣ головой, отзывая въ сторону.

— Въ чемъ дѣло, дѣдушка?

— Посовѣтываться маленько, Иванъ Федоровичъ. . . — тихонько проговорилъ старикъ. — Пріѣхали къ намъ намедни въ Иваньково какіе-то два хахаля изъ города и давай уговаривать мужиковъ: подпишись да подпишись подъ Марью Спиридонову. . . Мы уперлись: къ чему это пристало подъ бабу подписываться — нюжли ужъ въ Расеѣ ни одного умнаго мужика не осталось? . . . И кто она такая, эта самая Марья Спиридонова? Тѣ вытащили гумагу, вычитываютъ: въ такомъ-то году застрѣлила какого-то габернатура, потомъ сослали ее въ каторгу, а теперь, вишь, ослобонилась и за насъ ужъ постоитъ. Тутъ мы всѣ какъ одинъ встали: долой! . . . Довольно съ насъ этихъ каторжныхъ! И такъ отъ нихъ никакого житья не стало. . . Такъ и прогнали. . . А теперь вотъ и взяло насъ сумлѣніе: не вышло бы чего. . . въ отвѣтѣ какъ бы не быть. . .

— Я думаю, ничего, обойдется. . .

Эта тема о каторжныхъ была весьма популярна по деревнямъ и смущала очень многихъ. Когда газеты разнесли по деревнямъ біографіи многихъ общественныхъ дѣятелей, которые раньше „страдали за народъ“, а съ переворотомъ стали во главѣ управленія, у деревни, благодаря ихъ прошлому, которое мы всячески, конечно, выхваляли, создалось

убѣжденіе, что „Россіей правятъ теперь каторжники“. И не могу по совѣсти сказать, что эти революціонные послужные списки очень содѣйствовали укрѣпленію въ массахъ новаго строя. . . . .

И замѣчательно было то какое-то полное отупѣніе, съ которымъ выслушивали мужики наши похвалы всѣмъ этимъ наивнымъ альтруистамъ. Ничто такъ не чуждо крестьянину, какъ эта вотъ наша „любовь беззавѣтная къ народу“. Онъ совершенно не можетъ понять, какъ это такъ вдругъ можно что-то тамъ дѣлать „задаромъ“. Онъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ самопожертвованія видитъ какой-то очень хитрый жульническій трюкъ, котораго онъ не можетъ раскусить, и это его очень безпокоитъ. Онъ несомнѣнно убѣжденъ, что и Нарымскій край, и стрѣльба по министрамъ, и наши восхваленія „каторжныхъ“, все это какъ-то клонится къ нашей выгодѣ. Конечно, Керенскіе, забравшіеся потомъ во дворцы и царскіе автомобили, только укрѣпили его въ этомъ его убѣжденіи; ему стало понятно, изъ-за чего мы такъ распинались. . . Замѣчательна въ этомъ отношеніи запись, сдѣланная И. А. Бунинымъ въ орловской деревнѣ. Вотъ какъ тамъ понимали бабушку русской революціи, напримѣръ:

— Бабка-то? . . . Какъ же, знаю. . . Ея патретъ во всѣхъ фальетонахъ печатали. . . — говорилъ одинъ изъ федеративныхъ. — Маленькая такая, а глаза злющіе-презлющіе. . . Говорятъ, сорокъ лѣтъ въ острогѣ на чѣпи содержали, а уморить не могли. . . И до чего же, братецъ ты мой, хитра: въ острогѣ, и то миліёнъ ухитрилась нажить! А теперь вотъ подъ себя мужиковъ скупаетъ. . . Говоритъ: и въ солдатахъ служить не будете, и земли дамъ, и все такое. . . Ну, а мнѣ какая надобность: изъ годовъ я вышелъ, служить не возьмутъ, а земля-то и своя вонъ валяется дарма. . .

И никакія силы не земныя, ни небесныя не засыплютъ этой страшной пропасти между выспренними болтунами этими и народомъ! . . .

Между тѣмъ пришелъ и долго жданный день выборовъ. Выборная комиссія наша, засѣдавшая въ училищѣ, вкругъ „урны“, приспособленной Кузьмой изъ ящика изъ-подъ макаронъ, пригласила меня на выборы вродѣ эдакаго почетнаго гостя, что ли.

— Посиди, погляди, такъ ли мы съ дѣломъ управляемся. . .

По дорогѣ туда остановилъ меня старый Алексѣй Николаевичъ, мужикъ-середнякъ, одинъ изъ лучшихъ хозяевъ деревни.

— А я посовѣтываться съ тобой хотѣлъ, Федорычъ. . . За кого мнѣ номерокъ-то класть?

— Это зависитъ отъ того, чего ты хочешь, дѣдъ. . .

— Извѣстно, чего. . . Чего всѣ хотятъ, кто еще не совсѣмъ совѣсть потерялъ. Первое, хозяина хочу. . . Чтобы выбирали царя поскорѣе да поумнѣе да и жить бы опять въ порядкѣ, по старому, по хорошему. . .

— Такого номера еще нѣтъ, дѣдушка, — скоро будетъ, но пока нѣтъ. . .

— Да что ты? Нюжли въ правду?

— Правда. Впрочемъ, можешь положить N. 2, — они хоть о царѣ прямо и не говорятъ, но это будетъ близко къ твоему дѣлу. . .

Подъ этимъ номеромъ у насъ шла группа „Великой Россіи“ съ ген. А. А. Брусиловымъ во главѣ.

— Ну, и чтобы войну кончать скорѣе. . . — продолжалъ старикъ. — Потому замаялся я безъ сыновей въ чистую. . . Ни одного вѣдь не оставили, всѣхъ угнали. . .

— А тогда надо класть N. 6 (большевики). . .

— А нельзя ли какъ такъ устроить, чтобы и за царя, и войну кончать?....

— Нѣтъ, такъ нельзя...

— А ежели бы положить оба номера, и 2-й, и 6-й?

— Тогда оба будутъ недѣйствительны...

Старикъ тяжело вздохнулъ.

— Ну, паря, и напутали вы — самъ квартальный не разберетъ!...

— Есть грѣшокъ, дѣдушка...

Къ намъ подошелъ послушать Федоръ Миколаичъ, богомольный и упрямый старовѣръ. Онъ былъ сумраченъ и золъ.

— Ну, идемъ, что ли, номера пускать!.. — сказалъ я ему шутя.

— А подите всѣ вы ко псу подъ хвостъ со всѣми номерами вашими!... — злобно отозвался онъ. — Вотъ поднять бы изъ гроба Лександру III, взялъ бы онъ метлу какую покрѣпче да погрязнѣе да всѣхъ васъ со всѣми номерами этими по шеямъ...

Народъ между тѣмъ уже приступилъ къ священнодѣйствію пресуществленія своей темной воли въ свѣтлое будущее, въ рай Маруси Спиридоновой. Бабенки дружно тащили N. 6 — Ваньку обѣщали вернуть съ фронта въ три дня.

— Да вы сбѣсились, тетки?... А за Ванькой-то кто сюда придетъ?

— А кто?

— Вильгельмъ.

— Такъ что? И больно гоже, что придетъ... Вильгельмъ-атъ онъ строгай, онъ лала-то разводить языкомъ не очень дастъ, онъ въ разъ тебѣ порядокъ во-какой наведетъ!... А то ишь черти волю взяли!...

Многіе тянули за N. 3 — звучное „земля и воля" соблазняло, должно быть, хотя и свою землю мы давнымъ-

давно побросали для городовъ, а отъ воли всѣ уже волкомъ выли.

Незадолго передъ этимъ вижу какъ-то, ѣдетъ изъ города Ефимъ. Мужикъ что-то нахохлился.

— Ты что это, Ефимъ? На кого осерчалъ? — спрашиваю я его, подходя.

Ефимъ поднялъ изъ передка тарантаса голые ноги.

— Что это?! — удивился я.

— Слабода, мать ихъ такъ-то . . . — злобно сказалъ онъ. — Вышли изъ-подъ моста четверо . . . подъ самымъ городомъ . . . и разули. . . Вотъ тебѣ и слабода. И пожаловаться некому. . .

Кражи въ это время значительно усилились и мужика очень раздражали и эти налеты и, главное то, что „жаловаться стало некому“: республиканскую милицію мужики — да и всѣ мы — ставили ни во что. . .

Выборы шли чинно и благородно.

Входитъ древняя старушка. Усердно молится Заступницѣ, отвѣшиваетъ низкій, по старинному, поклонъ мнѣ, потомъ комиссіи.

— Батюшка, какъ бы мнѣ номерокъ положить тутъ? — обращается она ко мнѣ.

— Пойдемъ, баушка, положимъ. . .

Такъ какъ выборы были тайные, то столъ съ бюллетенями былъ поставленъ у насъ за перегородкой, чтобы не видно было, кто что кладетъ, а для облегченія безграмотныхъ, бюллетени кучками разложены были въ цифровомъ порядкѣ.

— Ну, вотъ это, баушка, N. 1, — объясняю я. — Дальше N. 2. . . Отсчитай вотъ, какой тебѣ надо, и бери. . .

— Мнѣ бы шестой, батюшка, потому у меня въ солдатахъ двое. . . — отвѣчала баушка. — А по шестому ихъ, вишь, сейчасъ домой отпустятъ. . . Замаялась я, родимый, одна-то. . .

— А шестой съ того края . . .

И, не желая нарушать тайну выборовъ тайныхъ, я притворилъ за баушкой дверь. Слышимъ, усердно молится опять Заступницѣ, потомъ осторожно шуршитъ бумага и появляется баушка: въ одной рукѣ пустой конвертъ, въ другой — бюллетень No I (кадеты).

— Не засуну никакъ, родимый . . . Руки старыя, не владаютъ . . . — говоритъ она мнѣ. — Вложи, сдѣлай милость . . .

— Баушка, да ты не то взяла . . . Я же говорилъ тебѣ, что шестой No съ того края . . .

— Да ужъ больно у васъ полы-то тутъ чистые, кормилецъ, наслѣдить я побоялась . . . — сказала баушка. — Такъ и взяла какой поближе, съ краешку . . .

— Да вѣдь не то у тебя выходитъ-то, баушка . . . Давай я перемѣню . . .

— И-и, полно, кормилецъ . . . Коли Господь дастъ, такъ и съ этимъ дастъ, а коли не дастъ, такъ хошь ты всѣ положи, толку не будетъ. Ничего, ничего, клади давай съ Богомъ . . .

Я всталъ, чтобы идти домой. Я видѣлъ достаточно. Самъ я, все сердитый на кадетовъ, положилъ въ пику имъ за народныхъ соціалистовъ, но баушка своей вотой и наши зажиточныя старовѣрки, вотировавшія за большевиковъ, чтобы поскорѣе пришелъ строгій Вильгельмъ, совершенно ясно сказали мнѣ, что положи я всѣ номера или не положи никакого, результатъ будетъ одинъ: безсмыслица.

А чрезъ нѣсколько дней послѣ выборовъ попалъ я случайно въ деревню Иваньково, гдѣ не хотѣли подписываться подъ каторжную дѣвку Марью Спиридонову.

— Ну, какъ у васъ выборы, земляки? . . .

— Ничего, слава Богу . . . — отвѣчали бодрые голоса. — По 3-ему номеру всѣ валяли . . . „Земля и воля“ и больше никакихъ! . . .

— Вотъ тебѣ и здравствуй! . . . Да вѣдь вы же не хотѣли подписываться подъ Марью Спиридонову . . .

— Такъ мы и не подписывались . . .

— Кто же у васъ по этому номеру прошелъ?

— А кто? . . . — уже недовѣрчиво спросили республиканцы.

— Марья Спиридонова . . .

— Толкуй тамъ еще! . . .

— И толковать нечего . . . Вѣдь на бумажкахъ-то было написано, кто идетъ по номеру . . . Чего же вы глядѣли?

— Да рай теперь все перечитаешь, что вы написали? . . . Глазъ не хватитъ. Намъ и невдомекъ . . .

Надо было видѣть растерянность и недоумѣніе федеративныхъ соціалистовъ предъ неожиданнымъ результатомъ „земли и воли“! Но Маруся и партія соціалистовъ-революціонеровъ могли все же торжествовать: они съ трескомъ прошли по Владимірской губерніи на первомъ мѣстѣ и Маруся стала представительницей нашихъ богомазовъ, подрядчиковъ и старовѣровъ. Правда, все, что мы о ней знали, это то, что она убила нѣкогда человѣка и что ее въ свою очередь изнасиловалъ какой то казакъ, но, очевидно, этотъ политическій стажъ удовлетворялъ моихъ набожныхъ земляковъ . . .

И какъ только выборы окончились, оживленіе, которое они вызвали, сразу упало и по русскому обычаю, послышались ироническія нотки — надъ собой посмѣивались . . . И курьезна была психика массъ: и иваньковцы, не желавшія засилья каторжныхъ дѣвокъ, и булановцы, и нашъ московскій швейцаръ, Иванъ, рязанецъ, и всѣ точно ждали въ глубинѣ души какого-то чуда: вотъ онъ опуститъ свой номерокъ въ щель таинственной „урны“, и сейчасъ же, сію минуту какъ-то откуда-то какимъ-то чудомъ явится и земля, и воля, и миръ, и дешевый хлѣбъ, и сапоги, и все . . . Номера опустили, но ничего не явилось. Попрежнему руководители движенія исто-

щались въ безконечныхъ рѣчахъ и взаимныхъ обличеніяхъ, попрежнему грозно росли у пустѣющихъ магазиновъ безконечные хвосты попрежнему лилась кровь, попрежнему мальчики и дѣвочки носились по запущеннымъ улицамъ въ чужихъ автомобиляхъ . . .

И многіе завяли . . .

И жизнь наша была полна всякихъ неожиданностей.

Шелъ я разъ съ охоты и зашелъ отдохнуть къ одному моему пріятелю, хорошему хозяину, т. е. „кулаку". Онъ былъ гдѣ-то на работѣ. Я залѣзъ на сѣновалъ отдохнуть. Слышу звукъ колесъ и голоса внизу — возвратился. Распрягаютъ молча лошадь. Потомъ слышу мой хозяинъ говоритъ кому-то пониженнымъ голосомъ:

— А слыхалъ: Государя-то Ампиратора, пишутъ, увезли неизвѣстно куды . . .

Многозначительное, злое молчаніе . . .

— Неизвѣстно! . . . Все извѣстно сукинымъ дѣтямъ — намъ только глаза отводятъ, подлецы . . . . — такъ же осторожно отвѣчалъ другой голосъ.

Я сошелъ сверху — мои пріятели сразу изобразили на лицахъ своихъ эдакую федеративно-соціалистическую улыбку: они были увѣрены, что я за „новое право" стою . . .

VI.

И въ душѣ росъ протестъ противъ всего этого кроваваго канкана . . .

Чрезъ Н. Н. Львова и А. А. Евдокимова, извѣстнаго кооператора, съ которымъ мы работали вмѣстѣ въ „Защитѣ", — онъ былъ моимъ землякомъ, ткачемъ съ Баженовской фабрики, находившейся верстахъ въ 16 отъ Буланова, и въ свое время прошелъ всѣ ступени нищеты и революціоннаго подполья, — я узналъ о „Московскомъ совѣщаніи общест-

венныхъ дѣятелей", которому суждено было съиграть извѣстную роль въ борьбѣ за погибавшую Россію.

— Идите туда . . . — говорилъ мнѣ А. А. Евдокимовъ. — Намъ съ вами быть тамъ необходимо. Тамъ есть тенденція къ сдвигу вправо, — мы должны усилить собою лѣвое крыло, чтобы положеніе было устойчивѣе . . .

— Конечно, пойду я туда съ удовольствіемъ . . . — отвѣчалъ я. — Но на счетъ усиливанія лѣваго крыла моей особой не обольщайтесь, голубчикъ . . .

— Ну, ну, ну, не пугайте! . . .

— Я только говорю правду . . .

— Познакомьтесь тамъ съ Бѣлорусовымъ . . . знаете, изъ „Русскихъ Вѣдомостей"? . . . хотя боюсь, онъ испортитъ васъ: онъ тоже правѣетъ неудержимо . . . Во всякомъ случаѣ это очень интересный человѣкъ и честный работникъ . . .

— Знаю, знаю, читалъ . . .

Я въ послѣднее время печаталъ изрѣдка въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" мои письма о революціи въ деревнѣ, но редакціонная цензура очень тяготила тамъ: слишкомъ ужъ они были осторожны. Я часто бывалъ въ редакціи, но съ А. С. Бѣлорусовымъ (настоящая фамилія его Бѣлевскій) какъ-то встрѣчаться не удавалось; а мнѣ очень хотѣлось этого: его статьи за послѣднее время очень нравились мнѣ и вообще имѣли большой успѣхъ.

Интересна судьба этаго умнаго, темпераментнаго и мужественнаго человѣка: долгіе годы революціонной дѣятельности въ рядахъ народовольцевъ, тюрьма, якутская ссылка, долгіе годы эмиграціи, но, когда „изъ искры возгорѣлось пламя", старикъ ужаснулся и, какъ ни трудно вообще старикамъ мѣняться, ломать себя, онъ нашелъ въ себѣ силы признать страшную правду и едва ли не первый среди всеобщей одури революціи поднялъ голосъ о необходимости пересмотра всей интеллигентской идеологіи. Большевики въ

своихъ газетахъ уже опредѣленно грозили ему веревкой. И курьезно: дочь его, родившаяся во тьмѣ сибирской ссылки, гдѣ-то за полярнымъ кругомъ, была, какъ смѣялся старикъ, „ярой черносотенкой“. Потомъ я познакомился съ Алексѣемъ Станиславовичемъ — такъ звали его — и очень полюбилъ его.

Я помню первое, на которое я попалъ, довольно многолюдное засѣданіе Московскаго Совѣщанія, происходившее въ большой юридической аудиторіи университета. За столомъ президіума, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, грузная фигура М. В. Родзянко; рядомъ съ нимъ страшно гримасничаетъ Бердяевъ; дальше знакомыя лица кн. Е. Н. Трубецкого, А. А. Евдокимова, А. С. Бѣлорусова, П. Б. Струве, Щепкина, Леонтьева. И среди публики много знакомыхъ лицъ: вотъ тихій Шингаревъ, вотъ усатый, похожій на отставного англійскаго colonel'я, П. Н. Милюковъ, вотъ Павелъ Рябушинскій, бывшіе министры и московскіе англичане А. И. Коноваловъ и С. Н. Третьяковъ . . . Вдругъ въ дверяхъ сильное движенье, громъ апплодисментовъ пробѣгаетъ по залѣ, всѣ встаютъ — въ аудиторію въ скромныхъ мундирахъ защитнаго цвѣта входятъ бывшіе верховные главнокомандующіе М. В. Алексѣевъ, курносый, простой, мужиковатый, рядомъ съ нимъ подбористый, сухой, горбоносый, похожій на сокола А. А. Брусиловъ, главнокомандующій кавказской арміей усатый, суровый Юденичъ и еще какой-то простоватый генералъ, котораго я въ лицо не знаю. Всѣ они усаживаются въ первомъ ряду. Я сижу во второмъ, рядомъ съ В. Н. Челищевымъ, какъ разъ сзади Брусилова.

Начались рѣчи. Говорили о томъ, что Россія погибаетъ, что всѣ слова уже сказаны, что надо дѣломъ уже спасать родину. Коротко, ясно и умно сказалъ свое слово П. Н. Милюковъ, котораго я заглазно не любилъ, но который

произвелъ теперь на меня самое хорошее впечатлѣніе[1]); по генеральски, сурово отрубилъ то, что было нужно, старый Брусиловъ, а за нимъ поднялся М. В. Алексѣевъ, этотъ царскій палачъ и опричникъ, какъ величали его въ своихъ газетахъ большевики. Рѣчь его была очень пространна, но его слушали, затаивъ дыханіе: такъ умна и блестяще-красива была эта рѣчь! Не употребивъ ни одного низменнаго выраженія, ни разу не возвысивъ голоса, не назвавъ даже имени, старый генералъ такъ выпоролъ г. Керенскаго и другихъ благодѣтелей Россіи, что лучше и желать было невозможно. И долго не смолкала овація . . .

— Слово принадлежитъ представителю доблестнаго войска донского, атаману Каледину . . . — протрубилъ своимъ сильнымъ голосомъ Родзянко.

Брусиловъ усиленно сталъ толкать въ бокъ мирно дремавшаго рядомъ съ нимъ, опираясь на казацкую саблю, простоватаго генерала, котораго я не узналъ. Тотъ проснулся, спокойно оглядѣлся, вяло вошелъ на каѳедру и заговорилъ высокимъ и вялымъ голосомъ. Первое впечатлѣніе — разочарованіе: какой же это казачій атаманъ? Старикъ постепенно овладѣлъ собой, окрѣпъ, но я все же не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія чего-то надломленнаго, грустнаго, кончающагося . . . Никто изъ насъ тогда и не подозрѣвалъ тяжкой драмы, скрывавшейся подъ этимъ кителемъ защитнаго

---

[1]) Съ тѣхъ поръ, — увы, — маститый лидеръ огромной партіи въ Кіевѣ оріентировался на Германію, когда это не выгорѣло, сталъ снова оріентироваться на Бьюкенена и нашелъ гостепріимный кровъ въ Лондонѣ, потомъ послѣ врангелевской катастрофы поѣхалъ въ Парижъ и, забывъ, что онъ вѣдь монархистъ, сталъ брататься съ Керенскимъ и Черновымъ . . . Все вмѣстѣ это на языкѣ простыхъ смертныхъ называется растерянностью, политической неопрятностью, шарлатанствомъ, жалкимъ карьеризмомъ, но на языкѣ всякихъ лицеровъ это только „реальная политика", реальная даже тогда, когда она базируется на такихъ фантомахъ, какъ Керенскій и Черновъ!

цвѣта, никто не зналъ, что смерть уже покрыла своей тѣнью эту скромную фигуру русскаго патріота.

Горячо встрѣтила аудиторія представителей войска Донского, явившихся привѣтствовать собраніе; горячо и ярко вышло привѣтствіе представителей Союза Георгіевскихъ Кавалеровъ. Офицеръ — изящный, ловкій, похожій лицомъ на римлянина лучшей эпохи, — бывшій во главѣ депутаціи, вытащилъ было бумажку, на которой было написано привѣтствіе, сталъ-было читать ее, но такъ безнадежно запутался, что ни взадъ, ни впередъ. Онъ вдругъ скомкалъ бумажку, швырнулъ ее досадливо на полъ и заявилъ:

— Извините, господа . . . Здѣсь слишкомъ много словъ. Я скажу короче: георгіевскіе кавалеры отдадутъ свои головы, но Россіи позорить не позволятъ! . . .

Овація . . .

Настроеніе было очень одушевленное, но подъ конецъ все испортилъ извѣстный Григорій Спиридоновичъ Петровъ, подвизавшійся тогда въ „Русскомъ Словѣ“. Одѣтый въ чудеснѣйшій редингогъ, но съ отекшимъ лицомъ лакея изъ дешеваго загороднаго ресторана, этотъ всероссійскій себѣ-на-умѣ комедіантъ, воплощавшій въ себѣ, казалось, всю тупость и сладковатую пошлость обывателя, взгромоздился на каѳедру и, захлебываясь и не договаривая фразъ, сталъ поносить Германію, Гинденбурга, Макензена, сталъ курить такой ѳиміамъ присутствовавшимъ генераламъ, что всѣмъ сдѣлалось совѣстно . . .

— Да что же это такое? — переглядывались въ аудиторіи. — Какъ онъ смѣетъ позволять себѣ такое шарлатанство здѣсь? . . .

И молоденькій офицеръ съ Георгіемъ, сидѣвшій рядомъ со мной, вдругъ сильно покраснѣлъ и крикнулъ: довольно! . . .

— Довольно! . . . довольно! . . . — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Григорій Спиридонычъ оторопѣлъ.

— Господа, если не угодно . . . я кончу . . . — пролепеталъ онъ.

— Говорите! . . . — крикнулъ кто-то отъ двери.

— Господа, позвольте оратору кончить . . . — вмѣшался Родзянко.

— Я сію минуту кончу, господа . . . — сказалъ Григорій Спиридонычъ и среди нетерпѣливаго кашля, сморканья и откровеннаго шипѣнія залы, давясь словами, кончилъ свое позорное представленіе.

Мальчикъ, видимо, ошибся дверью.

Я хотѣлъ разсказать собранію о подлинныхъ настроеніяхъ деревни, но запись ораторовъ была такъ велика и моя очередь такъ далека, что въ виду общаго утомленія рѣшено было совѣщаніе прервать.

Я не буду подробно описывать другихъ засѣданій Совѣщанія, скажу только, что я посѣщалъ ихъ очень исправно даже потомъ, при большевикахъ, отдыхая въ этой атмосферѣ здраваго разсудка, любви къ родинѣ и вѣры въ будущее. Отмѣчу только еще одинъ-два яркихъ момента.

На каѳедрѣ, среди грома апплодисментовъ, стоитъ не только старый, но уже дряхлый М. В. Рузскій. И старческимъ голосомъ начинаетъ онъ свою рѣчь разсказомъ о томъ, какъ онъ, тогда еще молодой человѣкъ, переходилъ съ русской арміей Балканы.

— А теперь — Тарнополь и Калущъ! . . . И это та же наша русская армія! . . .

И, закрывъ лицо, старый генералъ заплакалъ.

Въ аудиторіи — гробовое молчаніе . . .

Въ другой разъ не помню кто изъ ораторовъ говорилъ, что муки Россіи невыносимы, что время уже явиться кн. Пожарскому и гражданину Минину. Вслѣдъ за нимъ на трибуну поднялся А. А. Брусиловъ.

— Вы слишкомъ нетерпѣливы . . . — своимъ суровымъ басомъ бросилъ онъ аудиторіи. — Французская революція длилась года, а вы уже на одиннадцатомъ мѣсяцѣ пришли въ отчаяніе. Форсировать событія не слѣдуетъ. Мы только что были свидѣтелями тому, что бываетъ съ кн. Пожарскимъ, когда онъ выступаетъ раньше времени . . .

Всѣ поняли, что рѣчь идетъ о ген. Л. Г. Корниловѣ, который, волею адвоката, уже сидѣлъ въ Быховской тюрьмѣ. И, вставъ, всѣ долго апплодировали по адресу преданнаго трусливымъ болтуномъ героя.

— Но не отчаивайтесь, господа . . . — рубилъ старый генералъ. — Не безпокойтесь: когда время придетъ, кн. Пожарскій найдется . . .

Я, повторяю, усердно посѣщалъ собранія Совѣщанія, но, увы, не для усиленія лѣваго фланга . . . Этимъ дѣломъ занимался тутъ, кажется, въ единственномъ числѣ, какой-то Губонинъ, чудакъ, который — отъ имени всего русскаго народа, конечно, не меньше . . . — требовалъ какого-то народовластія въ духѣ 16-го столѣтія. Отвѣчая этому чудаку, бредившему по книгамъ, я, вызывая смѣхъ всего собранія, разсказалъ о нашихъ булановскихъ подвигахъ: нѣтъ, народоправство съ Марьей Спиридоновой во главѣ у насъ рѣшительно не прививалось! . . . Но тѣмъ не менѣе равновѣсіе, о которомъ безпокоился А. А. Евдокимовъ, установилось очень прочное, хотя, кажется, и не совсѣмъ такое, о какомъ мечталъ этотъ милый человѣкъ, все еще рвавшійся иногда отъ печальной земли въ облака . . .

Собранія наши продолжались, но наиболѣе крупныя фигуры постепенно все болѣе и болѣе исчезали изъ нашей среды, — чувствовалось, что центръ тяжести перемѣщается куда-то. Ушелъ въ отчаяніи сперва на Донъ, а потомъ и въ сырую землю тихій, уставшій Калединъ, ушелъ Бруси-

ловъ, котораго большевики, громя изъ пушекъ Москву, сперва тяжело ранили снарядомъ въ ногу, а потомъ засадили старика, не желавшаго идти къ нимъ на службу, въ тюрьму, исчезъ куда-то Родзянко, бѣднаго милаго Шингарева застрѣлили, исполняя, вѣроятно, чью то „инструкцію“, пьяные матросы, Бѣлорусовъ бѣжалъ къ А. В. Колчаку за Волгу, чтобы основать въ Сибири газету, ушелъ царскій палачъ и опричникъ М. В. Алексѣевъ на далекую Кубань, чтобы съ горстью офицеровъ-добровольцевъ, безъ гроша въ карманѣ, продолжать удивительное по дерзости замысла дѣло погибшаго за Россію Корнилова . . .

Я вышелъ изъ того возраста, когда человѣкъ склоненъ видѣть то, что близко его сердцу, исключительно въ розовомъ свѣтѣ. Я вполнѣ ясно видѣлъ, что къ группѣ искреннихъ патріотовъ, людей долга и чести, въ томъ же нашемъ совѣщаніи ясно примѣшивалась слѣпая и тупая контръ-революція, явные хищники, которые думали, что ихъ толстое брюхо и Россія одно и то же. Какъ то, сидя съ А. С. Бѣлорусовымъ въ одномъ изъ редакторскихъ кабинетовъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, на такъ называемомъ „монархическомъ диванѣ“, я сказалъ ему объ этомъ.

— Это вѣрно . . . — сказалъ онъ. — Мы должны понимать, что нашей работой легко могутъ воспользоваться эти хищники, но что же дѣлать? Россію спасать все же надо . . . Не очень сладко разговаривать и съ графомъ Мирбахъ, а приходится . . .

— А что онъ?

— Онъ говоритъ, что не чувствуетъ за нами реальной силы . . .

— И чувствуетъ ее за большевиками?!

— Очевидно! — пожалъ онъ плечами.

— Ну, дорого заплатятъ нѣмцы за это ослѣпленіе! . . .

Но на душѣ у меня все же было не ладно. И не утѣшало соображеніе, что это воронье, эта страшная шпанка примѣшивается въ жизни рѣшительно ко всему и все губитъ: патріотическій подвигъ Пожарскаго — воронье, ожидая труповъ, вьется и надъ его ратью; революція — они горланятъ несуразное въ первыхъ рядахъ, церковь — они зажигаютъ костры, заушаютъ свѣтильники, вродѣ какого-нибудь Нила Сорскаго, сквернятъ церковь, наука — они проституируютъ и науку. Потому то, можетъ быть, я и не могъ никогда цѣликомъ, всей душой примкнуть къ чему бы то ни было, потому-то и остался я въ концѣ концовъ въ сторонѣ отъ всего, не столько участникомъ жизни, сколько ея созерцателемъ . . .

И для того, чтобы работать, приходилось немножко какъ бы прищуриваться, чтобы не видѣть обезкураживающаго воронья, которое отъ нашей работы ждало только жирныхъ труповъ. А работать въ то время прежде всего значило смотрѣть, слушать, думать и откровенно пересматривать то, во что вѣрилось, чѣмъ жилось раньше, сжигая то, чему раньше поклонялся, и преклоняться предъ тѣмъ, что раньше сжигалъ. И все опредѣленнѣе становились контуры новаго жизнепониманія. Бывшій интернаціоналистъ, я къ тому времени понялъ уже, что Россія это прежде всего, практически уже только — мой домъ, домъ дѣтей моихъ, безъ котораго ни они, ни я просто жить не можемъ, и потому безсмысленно и преступно зажигать этотъ домъ со всѣхъ четырехъ угловъ, какъ это сдѣлали съ нашего благословенія массы въ 1917 г. Одинъ изъ огромныхъ уроковъ, данныхъ намъ, сп-деванамъ, былъ въ этой переоцѣнкѣ понятій государства и родины. Оказалось, что это не простой „позорный пережитокъ буржуазнаго періода“, а реальность, крѣпко заложенная въ душѣ человѣка. Пусть это даже очень не хорошо, ибо противорѣчитъ нашимъ всечеловѣческимъ идеаламъ, но это такъ, съ этимъ надо считаться.

Человѣчество подняло красное знамя интернаціонала, братства народовъ, но въ той же Россіи на нашихъ глазахъ оно не только не слилось въ одну огромную братскую семью, но наоборотъ, съ необычайной силой, даже съ яростью какой-то начался какъ разъ обратный процессъ — и это только одинъ изъ безчисленныхъ парадоксовъ революціи — „самоопредѣленія народовъ“, и осколки прежнихъ огромныхъ отечествъ стали ярко окрашиваться въ свои національные цвѣта — Чехія, Венгрія, Польша, Украина, Литва, Грузія, Латвія, даже Крымъ . . . — и, конечно, прежде всего стали заводить свои національныя арміи — не для братскихъ объятій, конечно, хотя тайные учителя и учили нашихъ простачковъ, что цѣль солдатъ — цѣловаться, братаясь . . . Въ каждомъ маленькомъ народцѣ обнаружилось стремленіе не къ тому, чтобы слиться съ другими во всечеловѣчествѣ, чтобы распылиться, а наоборотъ, къ тому, чтобы обособиться, зажить своимъ особымъ, ревниво оберегаемымъ домкомъ. Но если ужъ не всечеловѣчество, а свой домъ, такъ ужъ пусть не жалкая хижинка, а огромный, богатый дворецъ, которымъ была Россія до нашего опыта.

Отечество не выдумка буржуазовъ, а реальность, какъ реально, напримѣръ, чувство особой, пусть даже неразумной любви къ своимъ дѣтямъ. Отечество это мой домъ, мое хозяйство. Но домъ, хозяйство предполагаетъ извѣстную организацію и насильственное разрушеніе цѣлости этого огромнаго, живого, естественно сложившагося въ теченіе столѣтій организма вызываетъ, какъ это узнали мы отлично на своей собственной шкурѣ, страшныя страданія населяющихъ его человѣческихъ существъ. И потому оно должно не только защищаться, но иногда даже — въ борьбѣ за существованіе — и нападать: Россія должна была покорить безпокоившій ее хищный Кавказъ, Россія не могла обойтись безъ бакинской нефти, Россія должна имѣть свой хлопокъ въ Средней

Азіи, Россія должна имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи свободные морскіе берега. Конечно, въ организаціи этого огромнаго хозяйства могутъ быть и огромные недостатки, но нельзя, осердившись на блохъ, бросать шубу въ печь. Нужны не великія, не безплодныя потрясенія — увы: это слова Столыпина! . . . — а медленная, культурная, любовная работа надъ усовершенствованіемъ великой Россіи. И, конечно, въ первую голову школа, школа и школа — не та школа, въ которой свирѣпствовали хуже всякой моровой язвы, Шиповы и Скобенниковы, а школа уже настоящая, серьозная, дѣловая и національная . . .

И какъ ясно было теперь трагическое положеніе стараго правительства: подъ нашимъ натискомъ оно объявляетъ осторожную „весну", мы это принимаемъ за слабость и сейчасъ же ломимъ впередъ, на приступъ и усиленно вызываемъ ту страшную революцію, которой вполнѣ основательно боялось правительство и которой хотѣло избѣжать посредствомъ этой своей „весны". И оно вынуждено снова отмѣнять весну и снова силой гнать насъ назадъ отъ страшной погибели, въ которую мы слѣпо лѣзли . . .

Я, какъ и всѣ, приходилъ раньше въ ярость при видѣ чиновничьей дѣятельности, но, когда увидѣлъ я близко дѣятельность новыхъ чиновниковъ отъ революціи, затопившихъ страну потопомъ безграмотныхъ бумагъ, поднявшихъ цѣну на хлѣбъ прямо до сказочныхъ размѣровъ, сломавшихъ все и вся, тѣ, старые чиновники стали мнѣ казаться буквально свѣтлымъ сонмомъ какихъ-то мудрецовъ. У нихъ все же былъ опытъ, мудрая осторожность, традиція, наконецъ просто извѣстное профессіональное приличіе, что ли, которое обязывало ихъ къ извѣстной порядочности. Но что раздѣлывали эти новоявленные опекуны и строители земли русской! . . .

Я знаю, что часто капиталистъ, промышленникъ беретъ за свой трудъ черезчуръ дорого, что въ этой области

много злоупотребленій, но, глядя на „дѣятельность“ „революціонной демократіи“, этой страшной по своей бездарности и невѣжеству саранчи, въ неимовѣрномъ количествѣ примазавшейся къ торговлѣ и промышленности и все пожравшей, все разрушившей, все, какъ мухи, „засидѣвшей“, я убѣдился, что нарушеніе сложнаго и необычайно нѣжнаго аппарата производства и обмѣна вызываетъ страшныя бѣдствія; я понялъ, что нужна эта погоня человѣка за богатствомъ, нужна эта свободная борьба эгоизмовъ, воль, страстей, — это самый могущественный факторъ усовершенствованія жизни, величайшій стимулъ для возбужденія общественной дѣятельности и инпціативы. Я понялъ, что биржуазъ это не дармоѣдъ, который только пьетъ кофій да катается на автомобилѣ, какъ старались насъ увѣрить на митингахъ, а это общественный работникъ, организаторъ не за страхъ, а за совѣсть народнаго хозяйства и что стыдиться ему рѣшительно нечего. И на столько хорошо понялъ я это, что настоялъ передъ своимъ старикомъ на необходимости его, скромное теперь, лѣсное дѣло преобразовать въ торговый съ моимъ участіемъ домъ, чтобы развить потомъ его дѣятельность, и съ полнымъ удовольствіемъ поставилъ я свое имя — имя писателя и сидевана . . . — на вывѣскѣ и торговомъ бланкѣ. Вѣдь, если борьба, такъ борьба, а не слюнявое „свобода, равенство и братство“, а если свобода, равенство и братство, такъ почему же, канальи, прежде всего ухватились вы за чужіе автомобили и за барскіе особняки и бѣлорыбицу? . . .

Словомъ, многія изъ старыхъ истинъ пошли просто на смарку, а надъ другими поставленъ былъ огромный знакъ вопроса . . . Многое понялъ я. И не одинъ я . . . Пересмотръ идеологіи пошелъ по всей линіи, усиливаясь съ каждымъ днемъ. Въ тихихъ, сосредоточенныхъ бесѣдахъ пересматривался вопросъ рабочій, вопросъ женскій, вопросъ еврейскій, вопросъ земельный, національный, церковный, пересматри-

валось все старое отношеніе къ дѣйствительности. Я никогда не забуду тѣхъ новыхъ бесѣдъ, свидѣтелемъ которыхъ пришлось мнѣ быть объ эту пору въ разныхъ редакціяхъ и въ случайныхъ собраніяхъ интеллигентовъ. Нѣкоторыя фигуры сохранились въ памяти особенно ясно, — вродѣ, напримѣръ, симпатичнаго и талантливаго публициста Н—скаго, бывшаго, кажется, члена центральнаго комитета соціалъ-демократической партіи.

— Знаете, чѣмъ я теперь занимаюсь? — встрѣтилъ онъ разъ меня вопросомъ въ редакціи уже закрытой большевиками „Власти Народа".

— Ну?

— Перечитываю стенографическіе отчеты засѣданій Государственной думы, рѣчи . . . Маркова II . . .

— Ну, и что же?

— Умный былъ человѣкъ! . . .

Усѣвшись на зеленый диванъ — въ дверяхъ стоялъ съ винтовкой красноармеецъ — мы стали вспоминать прошлое.

— И до какой подлости доходилъ я, бывало, въ этихъ кружкахъ, вспомнить стыдно! . . . — говорилъ онъ, улыбаясь своей милой улыбкой. — Когда спрашивали меня, бывало, кто я, я отвѣчалъ всегда: саратовскій мѣщанинъ Н—скій...

— А какъ же отвѣчаете вы теперь?

— А теперь отвѣчаю: столбовой дворянинъ Саратовской губерній Н—скій. Да, теперь я не стыжусь болѣе своего дворянскаго происхожденія — въ концѣ концовъ именно это сословіе вынесло на своихъ плечахъ русскую культуру. И какое безобразіе: все, что ни говорилъ, бывало, мой старикъ, все, какъ стѣнѣ горохъ: разъ говоритъ отецъ, предводитель дворянства, значитъ, чепуха . . .

Знакомыя рѣчи! . . .

Насъ съ нимъ окрестили тамъ „извѣстными черносотенцами", но говорилось это уже ласково, можетъ быть, съ

тайнымъ сочувствіемъ даже: не всѣ сразу сдавали такъ свои позиціи, многіе еще пытались сохранить веселое лицо при дурной игрѣ. Въ душѣ же всѣ уже были болѣе или менѣе „на томъ берегу". Еще шумѣла только Е. Д. Кускова, про которую, смѣясь, говорили, что она всегда дойдетъ туда, куда слѣдуетъ, но непремѣнно съ опозданіемъ на полгода...

Стали расходиться. Уже простившись, отъ дверей, одинъ изъ собесѣдниковъ вдругъ обратился къ намъ:

— Господа, а помните ли вы городового?

— ?!?

— ... Помните ли вы этого скромнаго труженика, который, часто съ огромной семьей, жилъ въ Москвѣ на сорокъ рублей въ мѣсяцъ въ одной тѣсной комнатушкѣ, который за эти сорокъ рублей — одинъ фельетонъ!... — охранялъ нашъ покой днемъ и ночью, обмерзалъ на морозѣ, когда нужно, погибалъ отъ пули, и никогда не ропталъ?...

— Помнимъ ... — отозвались задумчивые голоса.

— А помните ли вы, какъ въ благодарность за все это мы называли его?

— Помнимъ: Фараономъ ...

— И что же, по совѣсти: стыдно?

— Пожалуй, немножко и стыдно... — сказалъ кто-то одинъ.

— И немножко хорошо, и немножко слава Богу ... Ну, прощайте, господа, и помните городового!...

Помню одну изъ бесѣдъ въ секретарской тоже уже закрытыхъ „Русскихъ Вѣдомостей", въ этой огромной комнатѣ съ книжными шкапами вдоль стѣнъ и съ большимъ пожелтѣвшимъ и запылившимся бюстомъ Юпитера Олимпійскаго подъ самымъ потолкомъ. Говорили все на ту же больную тему о пересмотрѣ идеологіи.

— Намъ предстоитъ не только пересмотръ всей нашей идеологіи, но и колосальная работа по пересмотру всей

нашей литературы . . . — сказалъ я. — Разумѣется, не писателей должны мы будемъ исправлять, а свое отношеніе къ нимъ. Намъ придется иначе размѣщать ихъ на страницахъ исторіи нашей литературы, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ . . .

— Это вѣрно . . . — согласился одинъ изъ собесѣдниковъ. — До шестидесятыхъ годовъ русская литература должна быть пересмотрѣна . . .

— Почему до шестидесятыхъ только, а не до сороковыхъ? — возразилъ я. — Пересматривать, такъ ужъ пересматривать . . . И боюсь, какъ бы не пришлось намъ немножко потревожить многіе изъ . . . поставленныхъ нами памятниковъ — напримѣръ, тому же Гоголю на Арбатской площади . . .

— Ну, вѣчно вы съ вашими парадоксами! . . . — съ неудовольствіемъ отозвался Н. М. Іорданскій. — Какъ вы любите парадоксы! . . .

— Люблю . . . — сознался я. — Парадоксъ великолѣпно помогаетъ выразить свою мысль въ наиболѣе яркой, въ наиболѣе задѣвающей вниманіе, мысль собесѣдника формѣ . . .

— Но Гоголь-то все-таки причемъ?

— Гоголь едва ли не первый началъ высмѣивать Россію и уродовать ее, дѣлать изъ нее каррикатуру . . . — сказалъ я. — Если бы онъ оставилъ намъ только свои „Вечера на хуторѣ“ да „Тараса Бульбу“ . . . даже „Исповѣдь“ и „Письма къ друзьямъ“, пожалуй . . . я не тронулъ бы его монумента, но я не со вчерашняго дня ненавижу его „Ревизора“ и „Мертвыя души“ . . .

Со всѣхъ сторонъ раздались протесты.

— Да, да, да! . . . Я не со вчерашняго дня думаю объ этомъ . . . — говорилъ я. — Пусть среди чиновниковъ были большіе уроды, но не всѣ были уроды, пусть на Руси были скверные помѣщики, но не всѣ были только Чичиковы,

Плюшкины, Ноздревы, Собакевичи. Долгъ честнаго писателя былъ въ томъ, чтобы, показавъ уродовъ, показать и не уродовъ, показать тѣхъ, кѣмъ строилась, на комъ тысячу лѣтъ держалась Россія — держалась же она на чемъ-нибудь, строилась же она кѣмъ-нибудь! . . . А если ты не умѣешь показать другой стороны медали — на примѣрѣ Констанджогло Гоголь показалъ, что онъ не умѣетъ . . . — то молчи совсѣмъ и не выставляй матери на посмѣшище . . . Ноздревъ, Собакевичъ, Коробочка, а какъ же смѣлъ онъ просмотрѣть женъ декабристовъ, какъ просмотрѣлъ онъ кн. Андрея Болконскаго, погибшаго вмѣстѣ съ другими помѣщиками за Россію подъ Бородинымъ? Вы помните сцену его прощанія съ отцомъ, эти изумительныя слова съ обѣихъ сторонъ? — „Князь Андрей, если я узнаю, что мой сынъ убитъ, мнѣ будетъ больно, но если я узнаю, что онъ повелъ себя не такъ, какъ слѣдовало князю Болконскому, мнѣ будетъ стыдно . . .“ И тотъ просто отвѣтилъ: „батюшка, этого вы могли бы мнѣ и не говорить . . .“ И это было вѣрно, это были не слова, — своимъ поведеніемъ подъ Бородинымъ онъ доказалъ это. Вѣдь, это сцена изъ Плутарха! И это происходило не на площади, гдѣ любятъ дѣйствовать Керенскіе, а въ деревенской глуши, не для апплодисментовъ галерки, а для себя. А Ростовы? Это не герои, но это и не уроды, это люди живые и милые. А Пьеръ? А Левинъ? Истинный художникъ долженъ дать и свѣтъ, и тѣни въ своей картинѣ; его отличительный признакъ это волшебное умѣніе вызвать любовь, симпатію въ тому, что онъ описываетъ. Съ Гоголя и началось это высмѣиваніе Россіи; высмѣивали кто во что гораздъ: одинъ освистывалъ духовенство, не желая знать, что среди духовенства были и Сергій Радонежскій, и преподобный Нилъ Сорскій, и старецъ Зосима, и тысячи другихъ свѣтлыхъ и тихихъ подвижниковъ, Островскій живописалъ купца-звѣря, Салтыковъ спеціализировался на высмѣиваніи чиновничества

и. т. д. И, наконецъ, какъ апоѳеозъ всего, явился Горькій, который высмѣялъ осмѣивателей, заушилъ всю интеллигенцію и та превознесла его выше небесъ. Идеаломъ человѣчества, его наиболѣе счастливымъ достиженіемъ былъ объявленъ пьяный, съ провалившимся носомъ босякъ Ванька-Пляши-Нога и его воняющая сивухой подруга Катька-Заверни-Подолъ, какъ разъ тѣ герои, которые идутъ теперь въ авангардѣ міровой революціи . . . Вотъ до чего можетъ довести подлый, блудливый языкъ! . . . Мы серчали на правительство — оно совсѣмъ не было такъ ужъ звѣрски плохо, какъ знаемъ мы теперь, — серчали на свое безсиліе создать жизнь болѣе человѣческую, а били нашими обличеніями по всей Россіи, учились и учили не любить ее, а стыдиться . . . И, если начался пересмотръ всей нашей идеологіи, который я благословляю, то пересмотримъ и то, на чемъ эта идеологія выросла, литературу, и на первое мѣсто въ дѣтскомъ и юношескомъ воспитаніи выдвинемъ не тѣхъ, кто ловчѣе освистывалъ Россію, какъ это мы дѣлали до сихъ поръ, а тѣхъ, кто любовно и бережно описывалъ ее и училъ насъ любить ее . . . До сихъ поръ мы относились къ Россіи, какъ крыловская свинья, которая, наѣвшись подъ дубомъ желудей, равнодушно говорила, что на дубъ ей наплевать, пусть сохнетъ, только бы желуди были, отъ которыхъ она жирѣетъ.

— А вы замѣтили, — вставилъ кто-то, — какъ вообще богата крыловскими мотивами наша революція? . . . Медвѣдь, убившій муху на лбу своего друга, пустынника, а вмѣстѣ съ ней и самого пустынника, — это мы, старое правительство и Россія. Лебедь, щука и ракъ это наши партіи. Мартышка и очки — „товарищи“ и культура, а моськи, лающія на слона — ихъ можно слышать на каждомъ митингѣ, въ каждомъ номерѣ газеты. Ворона съ сыромъ — толпа на митингѣ, соблазняемая лисой отъ партіи . . .

Такія рѣчи раньше были немыслимы въ такомъ мѣстѣ — теперь онѣ не вызывали уже протеста, теперь ихъ уже слушали . . .

— О монументѣ Гоголя я, конечно, пошутилъ . . . — продолжалъ я. — Конечно, я не трону его: я не „большевикъ" съ перекрестка и стирать своей исторіи я не намѣренъ. Гоголь мой весь и я буду беречь его. До сихъ поръ мы были какими-то приживальщиками въ Россіи, а теперь въ насъ пробудилась душа собственника. У меня есть моя семья, мой домъ, и есть моя Россія, — это то же мой домъ, только большой. И это чувство крѣпкое, тысячелѣтнее и я радъ, что оно проснулось, потому что тѣ, что сейчасъ вертятъ Россіей и губятъ ее, чужаки, у нихъ психика пчелы-воровки: утащилъ половчѣе и ладно . . .

И слушали, и соглашались. И это было ново . . .

И, помню, разъ сидѣли мы съ тѣмъ же А. С. Бѣлорусовымъ тамъ же, въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей" и бесѣдовали. Вокругъ насъ шла обычная редакціонная суета. Я что-то взволновался и повысилъ голосъ. Алексѣй Станиславовичъ сперва нетерпѣливо завозился на диванѣ а потомъ, сдѣлавъ звѣрское лицо, вдругъ яростно прошепталъ:

— Да тише же вы! . . . Развѣ не видите, что тутъ жиды? . . .

И онъ показалъ глазами на весьма корректнаго господина въ блестящемъ пенснэ на холеномъ вылизанномъ лицѣ съ чудеснымъ портфелемъ подмышкой . . .

И это было въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей"! . . . Куда же это мы поѣхали?!

. . . .

VII.

Но вотъ разгулявшійся звѣрь сорвалъ послѣднія цѣпи и начался пиръ на весь міръ! . . . Еще въ началѣ осени

1917 г. даже слѣпымъ стало совершенно ясно, что революція съ головокружительной быстротой вырождается въ пугачевщину. И съ замираньемъ сердца всѣ ждали, что же будетъ дальше . . .

А дальше вдругъ оборвались газеты, стала почта и телеграфъ и страшныя вѣсти, какъ сказочные драконы, сѣя панику, поползли по деревнямъ. Что дѣлалось вдали, въ центрахъ, точно никто не зналъ, но слухи были ужасны: совсѣмъ обезумѣвшія солдатскія толпы громили изъ пушекъ Москву, громили Кремль, эту кружевную сказку изъ камня, эту изумительную поэму, которая только чудомъ могла быть создана на высокомъ берегу рѣки Москвы, созданіе, которое всегда меня и восхищало, и умиляло на столько, что, если я куда ѣхалъ по дѣлу, по близости отъ Кремля, я всегда свертывалъ поближе къ нему, чтобы еще разъ полюбоваться имъ . . . Если во мнѣ пробудились національныя струны, сознаніе и чувство, что Россія — моя, то болѣе всего пробужденію этого сознанія содѣйствовалъ грохотъ солдатскихъ пушекъ, громившихъ мой Кремль . . .

При первыхъ слухахъ о разгромѣ Москвы я бросился изъ деревни во Владиміръ, чтобы при первой же возможности ѣхать въ Москву. Я бѣгалъ на вокзалъ почти къ каждому поѣзду и, перехватывая бѣгущихъ массами изъ Москвы людей, разспрашивалъ ихъ о томъ, что тамъ дѣлается. Изъ противорѣчивыхъ разсказовъ ихъ ясно было только одно: безуміе достигло послѣднихъ предѣловъ. Но ѣхать туда было нельзя: говорили, что въ Кусковѣ какая-то застава и въ Москву никого не пропускаютъ. А у бѣднаго Владиміра Михайловича — я останавливался всегда у него — въ Москвѣ застряла жена и старикъ страшно волновался за ея судьбу. Отважная Манюшка вызвалась пробраться туда и вызволить какъ-нибудь хозяйку. Вслѣдъ за ней, не вытерпѣвъ, поѣхалъ и я.

Пушки уже замолкли. Еще болѣе опустившаяся, обезображенная ослѣпшими окнами и разбитыми зданіями Москва имѣла какой-то взъерошенный и отпѣтый видъ. Всюду вооруженные представители — не старше 18-тилѣтняго возраста — побѣдоноснаго пролетаріата, при видѣ которыхъ буквально душа сжимается: эти — по лицамъ видно — не остановятся не только передъ разрушеніемъ Кремля, этимъ „все ни по чемъ". И когда увидѣлъ я съ этой удивительной — такой во всей Европѣ нѣтъ! . . . — Красной площади разстрѣлянныя Никольскія ворота, и сильно поврежденную снарядомъ угловую, къ рѣкѣ, башню и могилы, подъ стѣной, несчастныхъ слѣпыхъ и озлобленныхъ людей, погибшихъ обманомъ за несбыточное и за чуждый и непонятный имъ „интерцентралъ", и исклеванныя пулями крѣпостныя стѣны, и жалкія красныя тряпки, болтавшяся надъ древними башнями, въ душѣ моей поднялся глухой, но властный протестъ. Я отлично понималъ причины всего этого, я не желалъ бы осуждать, зная, что въ исторіи виноватыхъ не бываетъ, но сердце оказалось сильнѣе разсудка: простить такихъ вещей даже невиновнымъ нельзя! . . . И, разбитые снарядомъ, замолкли старые куранты на изящной Спасской башнѣ, и не слышно было ихъ задумчивыхъ, грустныхъ и нѣжныхъ переливовъ, которые своими свѣтлыми гирляндами обвивали жизнь всякаго москвича съ колыбели до могилы . . .

Автомобили, дожигая послѣдній бензинъ, носились какъ бѣшеные, переполненные матросами, сомнительными дѣвицами, растерзанными солдатами съ революціонными вихрами и какими-то страшнаго вида оборванцами съ винтовками, съ которыми они, видимо, не всегда и умѣли обращаться какъ слѣдуетъ. И вся эта пестрая и не лишенная извѣстной живописности толпа съ полной развязностью лѣзла туда, куда раньше входъ былъ ей жизнью запрещенъ. И одному Господу Богу извѣстно, сколько на этой почвѣ разъигрывалось забавнѣйшихъ сценъ! . . .

Величественный магазинъ Елисѣева на Тверской. За сверкающими прилавками величавые, какъ какіе-то жрецы, прикащики. Избранные посѣтители... Вваливается двое „лохматыхъ", новые хозяева жизни.

— Ну-кась, отрѣжь-ка намъ балыку... — развязно обращаются они къ одному изъ жрецовъ.

— Вамъ какого? — презрительно цѣдитъ тотъ сквозь зубы.

— Какого? — нѣсколько опѣшили передъ неожиданнымъ затрудненіемъ покупатели. — Отрѣжь... всякаго...

Въ отдѣленіе готоваго платья къ Мюръ и Мерилизъ входитъ парочка: онъ, повидимому, рабочій, но одѣтый уже въ новенькій чудесный костюмъ, — это стоило тогда уже очень крупныхъ денегъ, — и она — типичнѣйшая тульская или рязанская Матрешка.

— Ну-кась, барышня, покажьте-ка моей бабѣ шелковое платье какое полутче...

Барышня съ видомъ оскорбленной невинности начинаетъ показывать дорогія шелковыя платья. Наконецъ, выборъ сдѣланъ.

— Ничего, это будетъ ладно. Завертывай давай...

— То-есть какъ завертывать? — не выдерживаетъ барышня. — Я думаю, надо сперва помѣрить...

— Ну, вотъ тебѣ, еще примѣривать!... — говоритъ супругъ. — Это вамъ, буржуямъ, надо примѣривать, а у насъ и такъ сойдетъ... Давай знай, завертывай...

Платье сдѣлано было, конечно, на какую-нибудь московскую куколку — можно себѣ вообразить, какія затрудненія испытывала съ нимъ потомъ весьма кругленькая Матрешка!...

Сижу я разъ въ ожиданіи поѣзда на переполненномъ и загаженномъ выше всякаго вѣроятія вокзалѣ. Вокругъ, въ залѣ I класса, густая, ревущая толпа растерзанныхъ солдатъ-

мѣшочниковъ. Рядомъ, за моимъ же столикомъ, усѣлся одинъ изъ этихъ негоціантовъ: вшивая папаха, растерзанная шинель, разбитыя валенки. И неловко ему, не знаетъ онъ, что дѣлать ему со своими руками, съ ногами, какъ поразвязнѣе сѣсть, и въ то же время и носъ буржуазу утереть хочется, показать, что и мы не лыкомъ шиты . . .

— Эй, товарищъ, дай-кась мнѣ каклетовъ! . . . — обращается онъ къ лакею.

Тотъ подаетъ. Каклеты быстро исчезаютъ.

— Еще каклетовъ! . . .

И эти исчезли.

— Кофію! . . . — командуетъ негоціантъ.

Подается кофій. Стаканъ до верху заполняется сухими баранками — получается какая-то не очень аппетитная мурцовка.

— Еще кофію! . . .

И этотъ стаканъ послѣдовалъ туда же. И все поглядываетъ разгулявшійся промышленникъ на меня: ловко ли? Я спокойно наблюдаю.

— Еще кофію! . . .

И, наконецъ, не выдерживаетъ:

— Такъ, что ли, у васъ, у буржуазовъ, кофій-то пьютъ? . . . — обращается онъ ко мнѣ.

— Не совсѣмъ, другъ мой. . . — отвѣчаю я.

— То-то тошнитъ, словно, маленько. . . — добродушно признается онъ. — Видно на все тоже сноровку имѣть надо, братецъ ты мой. . .

И въ расходахъ эти новые хозяева не стѣснялись: каклеты, шелковыя платья, лихачи, балыкъ, свѣжіе огурцы зимой, все подавай. . .

Сидимъ мы разъ компаніей въ литературномъ кафе Бома на Тверской, посѣщавшемся, главнымъ образомъ, пишущей братіей и артистами. Вдругъ вваливается компанія:

два матроса-балтійца и одинъ лохматый. Занимаютъ столикъ, ѣдятъ, пьютъ, не считая, и все о чемъ-то перешептываются. Кончили.

— Сколько?

— 89 р. — отвѣчаетъ дѣвушка.

Матросъ швыряетъ — не даетъ, а именно швыряетъ съ вызывающимъ шикомъ, — ей керенку въ 250 р.

— Пал-лучай...

— Нѣтъ ли помельче? — говоритъ та. — У меня сдачи нѣтъ...

— А нѣтъ и не надо... — отвѣчаетъ онъ. — Возьми себѣ всю...

И шумно, съ эффектнымъ трескомъ удаляются.

— А не знаете ли вы, кто этотъ молодой человѣкъ? — спрашиваю я моего собесѣдника. — Вотъ этотъ въ волосахъ и въ длинномъ капотѣ какомъ-то... Я постоянно встрѣчаю его тутъ. И всегда держится съ такимъ значительнымъ видомъ...

— Какъ? Вы не знаете Юрочки Саблина?...

— Какой такой Юрочка? Первый разъ слышу...

— Вы провинціалъ... Да вѣдь это бывшій главковерхъ всѣми вооруженными силами совѣтской республики на... позвольте: на какомъ, въ самомъ дѣлѣ, фронтѣ? Кажется, на донскомъ...

— Да чего же онъ тутъ околачивается?

— Онъ уже разжалованъ, кажется...

Вскорѣ этотъ лохматый, страшно увѣшанный оружіемъ Юрочка былъ объявленъ почему-то лѣво-бѣло-эсеромъ, соціалъ-предателемъ, приспѣшникомъ буржуазіата, врагомъ народа и проч. и арестованъ, а потомъ былъ назначенъ опять главнокомандующимъ обороной Краснаго Харькова, который онъ, однако, не оборонилъ.

Разъ съ однимъ изъ этихъ новыхъ типовъ у меня была довольно интересная бесѣда въ вагонѣ-ресторанѣ нижегородскаго поѣзда, куда я какимъ-то чудомъ протискался. Онъ сидѣлъ за однимъ столикомъ со мной, въ хорошемъ костюмѣ, въ крахмальной рубашкѣ, очень смущенный непривычной обстановкой, но всѣми силами старавшійся скрыть это. Онъ обратился ко мнѣ съ какимъ-то вопросомъ, я отвѣтилъ и завязался разговоръ.

— А скажите, вы, должно быть, изъ сормовцевъ? — спросилъ я между прочимъ.

Онъ такъ весь и вспыхнулъ.

— Да. Но позвольте, почему же вы узнали, что я . . . ну . . . изъ рабочихъ?

Я не могъ не улыбнуться.

— Этого не скроешь, голубчикъ. . . — отвѣчалъ я. — Вотъ вы взяли вилку и по одной манерѣ, какъ вы это дѣлаете, я могу сказать вамъ, кто вы. . .

— Да не можетъ быть! . . .

— Да вѣдь угадалъ же я. . .

— Да что, въ самомъ дѣлѣ, развѣ на насъ какая печать Каинова, что ли?

— Не Каинова, конечно, но . . . попа и въ рогожѣ видно. . . Для этого нужны года соотвѣственной тренировки. . .

Чудакъ былъ очень озадаченъ.

Я пріѣхалъ въ Буланово. Тамъ гудѣли новоявленные „большевики“: побѣда была за большевиками, стало быть, надо было и перемазываться въ большевики. Во главѣ и этого перемазыванія сталъ учитель Шиповъ, бывшій до сего эсъэромъ, за нимъ Сережка Майоровъ, тотъ самый, который скрывался отъ мобилизацій въ носильщикахъ Николаевскаго вокзала, и Ванька Керовъ, дуралей и пропойца раньше, а теперь членъ совѣта рабочихъ депутатовъ отъ Собинки, разъѣзжавшій на тысячныхъ хозяйскихъ лошадяхъ. Словомъ,

вся дрянь выплыла наверхъ. Бабы у колодцевъ стрекотали о томъ, какъ и когда будутъ „дѣлить" буржуевъ; другія назначали срокъ, когда буржуевъ будутъ рѣзать — конечно, въ число булановскихъ буржуазовъ попалъ и мой дядюшка, и вся моя родня, и я самъ съ семьей. Вчерашніе пріятели и пріятельницы при встрѣчѣ старались не кланяться, глядѣли волкомъ. Настроеніе было таково, что даже жена, человѣкъ вообще спокойный, начала нервничать и говорить о необходимости переѣзда.

Народъ былъ точно опоенъ, отравленъ чѣмъ-то; его узнать стало нельзя. И это вездѣ и всюду. Какъ-то въ Москвѣ встрѣтилъ я одного изъ моихъ друзей дѣтства, „Ванъ Ликсѣича" Ф., который, бывало, въ дѣтствѣ, самъ себѣ дирижируя тросточкой и закрывъ въ упоеніи глаза, съ такими чувствительными переливами насвистывалъ: „Очи черныя, очи страстныя. . ." Они окончательно разворились и „Ванъ Ликсѣичъ" служилъ теперь прикащикомъ у одного изъ своихъ родственниковъ.

— Ну, какъ живешь, старина? . . .

Жилось ему, благодаря страшной дороговизнѣ, конечно, плохо.

И онъ заключилъ свой разсказъ неожиданно:

— Проклятые буржуи! . . .

Если бы трусившая мимо насъ голодная извозщичья кляча запѣла бы вдругъ по-французски марсельезу, едва ли былъ бы я удивленъ болѣе: даже „Ванъ Ликсѣичъ" и тотъ! . . . Что же было дивиться на булановское хулиганье, терроризировавшее бѣднаго мужика-середняка? „Убьютъ . . . зарѣжутъ . . . сожгутъ . . . — боязливо шепталъ онъ. — Имъ что? . . ."

Я и самъ думалъ, что женѣ одной въ этой обстановкѣ жить трудно и все примѣривалъ, какъ бы уѣхать куда. Рѣзко отличительной чертой этого времени была необыкновенная

страсть къ передвиженію. Горѣло всюду, всюду лилась кровь потоками, всюду, охваченные какимъ-то безуміемъ, люди плясали вкругъ невидимаго трона торжествующаго сатаны пляску смерти, но москвичамъ все же казалось, что въ Харьковѣ лучше, харьковцы бѣжали въ Одессу, одесситы ѣхали въ Ростовъ, а ростовцы въ Харьковъ или Кіевъ. И въ какихъ невозможныхъ условіяхъ ѣхали теперь люди, и какихъ денегъ это стоило — часто за право сѣсть въ поѣздъ уплачивались цѣлыя состоянія! . . . Нелѣпость всѣхъ этихъ передвиженій была очевидная, но точно вотъ что подкалывало: бѣги, бѣги! . . . Можетъ быть, просто заботы о выборѣ мѣста, о переѣздѣ отвлекали отъ тяжелыхъ думъ и въ суетѣ этой люди отдыхали. . .

Я поѣхалъ посмотрѣть, не найду ли я чего во Владимірѣ. Городокъ опакостился еще больше. И надъ всей этой грязью, неуютомъ, злобой, голодомъ побѣдно рѣяли новыя кумачныя знамена. Надъ дворянскимъ собраніемъ красовалась вывѣска: „народное собраніе", гимназія была украшена вывѣской съ изображеніемъ толстомордой бабы съ распущенными волосами и надписью по кудрявымъ облакамъ: „Пролетарская академія художествъ", въ женской гимназіи была устроена пролетарская музыкальная школа, золотой куполъ на старинныхъ Золотыхъ воротахъ былъ весь изрѣшеченъ пулями забавлявшимися отъ нечего дѣлать красноармейцами, но всего лучше была вывѣска на бывшей уѣздной земской управѣ, на которой было начертано:

Ты иди-ка, народъ, ко свободѣ
По совѣтско-федеративной дорогѣ. . .

Никакихъ квартиръ въ переполненномъ городѣ не было да и вообще впечатлѣніе было одно: бѣжать, бѣжать безъ оглядки, бѣжать куда угодно, бѣжать вопреки даже разуму!... И бѣжать не ради безопасности даже, а просто для того только, чтобы не видѣть ничего этого . . .

Тутъ я узналъ новость: управлявшій всѣми учрежденіями нашей губерніи нашъ учитель Скобенниковъ не выдержалъ и скончался. Его похоронили безъ участія духовенства, но съ красными знаменами и съ музыкой. Но съ уходомъ его шума не убавилось — охотниковъ на его мѣсто было хоть отбавляй . . .

И уже появились первые признаки раздраженія народнаго противъ новыхъ властителей. Началось съ недалекаго отъ Владиміра Павловскаго посада.

Тысячная толпа рабочихъ и крестьянъ подступила вдругъ къ мѣстному совдепу, занявшему, конечно, одинъ изъ лучшихъ домовъ города.

— Подавай сюда совѣтскихъ! . . .

Тѣ выходятъ.

— Въ чемъ дѣло, товарищи?

— Будетъ ли хлѣбъ нашимъ семьямъ, жалаемъ знать . . .

— Будетъ. Вотъ только поналадится немножко транспортъ и все будетъ . . .

— Нѣтъ, мы жалаемъ знать, будетъ ли онъ сегодня къ вечеру — мы сегодня хлѣба не получили ни крошки . . .

— Такъ что саботажъ . . . биржуазы . . .

— Довольно лала разводить: отвѣчайте прямо, будетъ сегодня намъ хлѣбъ или нѣтъ? . . .

— Товарищи, надо имѣть терпѣніе. Революція въ опасности . . . Ножъ въ спину.

— Довольно разговоровъ . . . Дадите хлѣба или нѣтъ? . . .

— Такъ что сегодня хлѣба нѣтъ . . .

— Ну, и ладно . . . Подвози, земляки, пожарныя трубы . . . Нефту подвози . . . Карасинъ . . . Все волоки . . .

Солдаты-фронтовики, находившіеся въ толпѣ, взялись за свои винтовки. Трубы начали поливать керосиномъ совдепъ съ четырехъ угловъ. Изъ оконъ выстрѣлили. Фронтовики отвѣтили огнемъ же. И запылалъ домъ. Совѣтскіе стали пры-

гать въ окна, но ихъ тутъ же растрѣливали фронтовики. Многіе погибли въ огнѣ . . .

Конечно, на другой же день явилась карательная экспедиція, были произведены многочисленные аресты, а потомъ военно-полевой судъ надъ этими „возставшими кулаками" и разстрѣлы — крестьянъ и рабочихъ.

Это былъ первый, если не ошибаюсь, предостерегающій раскатъ грома на всю Россію. А вскорѣ поднялось крестьянское возстаніе въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. Оказывалось, что и это возстали „кулаки". И ихъ жестоко усмирили. Болѣзнь латыши и китайцы загоняли внутрь. Взрывъ откладывался на неопредѣленное время.

Около этого времени появилось въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" объявленіе, что одна интеллигентная семья ищетъ компаньоновъ для совмѣстнаго поселенія въ провинціи и обученія дѣтей. Я созвонился по телефону — оказалось, что это извѣстный милліонеръ-мануфактуристъ А. Н. Коншинъ, переводчикъ анархиста Крапоткина на русскій языкъ, пайщикъ народнаго издательства „Посредникъ", въ которомъ я столько лѣтъ работалъ! Мы встрѣтились, но сколько ни говорили, договориться ни до чего не могли: свое имѣніе въ Корчевскомъ уѣздѣ, которое предлагалъ Александръ Николаевичъ для совмѣстнаго поселенія, въ революціонной обстановкѣ не улыбалось даже самому владѣльцу . . . А объ обученіи и воспитаніи дѣтей думать было необходимо: русской школой новые владыки вертѣли туда и сюда и уѣздные комиссары народнаго просвѣщенія — изъ недоучившихся семинаристовъ и сапожниковъ — продѣлывали надъ ней такіе эксперименты, что отдать туда своихъ дѣтей могъ развѣ только сумасшедшій . . .

И я рѣшилъ попробовать un coup de tête — пробраться въ Швейцарію. Въ обстановкѣ революціи и войны это было задачей весьма сложной, но не невозможной. Издательство наше не удерживало меня: всѣмъ уже ясно было, что скоро

всѣ дѣла вообще станутъ за отсутствіемъ топлива и сырья, благодаря сказочной дороговизнѣ всякой работы. Для полученія пропусковъ у меня были связи въ новомъ правительствѣ, — управляющій дѣлами совѣта народныхъ комиссаровъ В. Д. Бончъ-Бруевичъ, съ которымъ мы въ старину на страницахъ „Образованія“ дрались изъ-за духоборовъ: онъ доказывалъ, что они, какъ и онъ, соціалисты а я тянулъ ихъ въ анархисты, къ себѣ. Потомъ я доставлялъ ему много матеріаловъ, когда онъ былъ завѣдующимъ сектантскимъ отдѣломъ Императорской академіи наукъ. Лично знакомъ съ нимъ я не былъ.

VIII.

Я никогда не забуду своего перваго визита новому правительству.

Въ условленный часъ я пріѣхалъ въ Кремль и прошелъ въ управленіе дѣлами совѣта народныхъ комиссаровъ, помѣщавшееся въ зданіи суда. Всюду невѣроятная неряшливость и неразбериха. Всюду латыши, латыши, латыши и евреи, евреи, евреи. Антисемитомъ никогда я не былъ, но тутъ количество ихъ буквально рѣзало глаза, и все самаго зеленаго возраста. Какъ-то потомъ я сказалъ объ этомъ одному знакомому еврею.

— Ну, что же, — засмѣялся онъ. — Раньше для насъ была 5% норма, а теперь для васъ . . .

— Дорого вамъ обойдется это . . .

Онъ только пожалъ плечами.

Одинъ изъ еврейчиковъ, горбоносый, кудрявый, въ коричневой курткѣ, видимо, изъ личныхъ секретарей Бонча, — такъ сокращенно звали мы его въ нашихъ литературныхъ кругахъ — подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что мнѣ угодно. Я отвѣтилъ, что мнѣ по личному дѣлу надо видѣть г. Бончъ-Бруевича. Онъ сказалъ, что тотъ сейчасъ освободится, и указалъ глазами на чистаго, плотнаго, румянаго

господина въ золотыхъ очкавъ, который, стоя, оживленно бесѣдовалъ тутъ же съ почтительными просителями.

Просителей было немного и все разнокалиберные какіе-то, большею частью, демократія, конечно. У дверей во внутренніе покои на красномъ бархатномъ креслѣ сидѣлъ съ винтовкой въ рукахъ молодой латышъ.

Очередь дошла до меня. Я назвалъ себя.

— А—а, очень радъ . . . — улыбаясь, сказалъ онъ. — Ну, подождите немного, я сію минуту отпущу просителей и тогда мы съ вами потолкуемъ какъ слѣдуетъ. Посидите минутку . . .

Я прислушался къ рѣчамъ просителей. Вотъ чистенькій старичокъ жалуется на притѣсненія, которыя чинитъ милиція открытой имъ вегетаріанской столовой.

— Да, да . . . — добродушно поддакиваетъ Бончъ. — Да, да . . . Товарищъ Н., — обращается онъ къ черномазому секретарю, который, стоя сзади него, что-то все чертитъ въ блокнотѣ. — Запишите и распорядитесь. Это надо прекратить. Такія столовыя милиція и всѣ мы должны поддерживать — это очень симпатичное начинаніе . . . Запишите все . . .

Обрадованный старичокъ кланяется, благодаритъ, опять кланяется и снова и снова пересказываетъ свои злоключенія съ милиціей, Бончъ ласково поддакиваетъ, а черномазый записываетъ въ книжечку . . . Раньше такими дѣлами вѣдалъ участковый приставъ, а теперь онѣ восходятъ до самого государственнаго секретаря . . .

За чистенькимъ старичкомъ идетъ депутація отъ елецкаго совѣта, который уже успѣлъ прославиться своей жестокостью, въ составѣ солдата бобрикомъ, какого-то жуткаго косого и еще одного лохматого. Эти отзываютъ Бонча въ сторону и начинаютъ докладывать ему что-то многозначительнымъ шопотомъ. Я едва улавливаю отдѣльныя слова: разстрѣлъ . . .

буржуазія . . . крутыя мѣры . . . Не слышу я и отвѣта Бонча, но вижу, что онъ какъ бы въ чемъ-то извиняется, какъ бы упрашиваетъ и только два слова долетаютъ до меня, но за то весьма многозначительныхъ: германское командованіе. Тѣ уходятъ, видимо, неудовлетворенные . . .

Какая-то барышня въ сквозящихъ чулочкахъ, ссылаясь на какихъ-то знакомыхъ, проситъ о мѣстѣ. Разумѣется, удовлетворитъ — „запишите, товарищъ . . .“

Представители какого-то петроградскаго завода — я не разслышалъ, какого, — просятъ о ссудѣ рабочимъ въ . . . 20,000.000 рублей. На головахъ у этихъ рабочихъ хорошія шляпы, которыя они и не думаютъ снимать передъ статсъ-секретаремъ, на плечахъ великолѣпные англійскіе мэкинтоши, на ногахъ нелѣпыя желтыя гетры. Держатся два этихъ фрукта не только развязно, но нахально, вызывающе-дерзко, какъ хамы — другого слова я не подберу.

— Какъ же, слышалъ . . . Но — 20,000.000, товарищи! . . . — говоритъ растерянно Бончъ. — Вѣдь, это прямо грабежъ . . . Такъ нельзя . . . Я долженъ переговорить съ товарищемъ Зиновьевымъ . . .

— Да что же это будетъ? — наперебой загалдѣли господа въ гетрахъ. — Товарищъ Зиновьевъ посылаетъ къ товарищу Бончу, а товарищъ Бончъ желаетъ разговаривать съ товарищемъ Зиновьевымъ. Мы ужъ цѣлую недѣлю такъ околачиваемся. Когда рабочіе нужны были, намъ сулили золотыя горы, а теперь ходи да клянчи . . .

Они размахивали руками и непозволительно орали. Бончъ, видимо, терялся подъ этимъ напоромъ.

— Да вы идете пока, позавтракайте у насъ, товарищи . . . — говорилъ онъ. — А я сейчасъ переговорю по прямому проводу съ товарищемъ Зиновьевымъ. Товарищъ Н., вызовите товарища Зиновьева къ аппарату . . .

— Довольно мы завтракали!... Сыти... Вы намъ развязку дѣлайте: туды ли, сюди ли... А то мы глядимъ, глядимъ да и... Такъ съ народомъ шутить нельзя.

— Готово... — доложилъ черномазый. — Товарищъ Зиновьевъ у аппарата...

— Извините, я сейчасъ... — кинулъ мнѣ Бончъ съ неловкой улыбкой. — Видите, какъ насъ рвутъ...

Онъ исчезъ. За нимъ вскорѣ вызвали къ прямому проводу и петроградскихъ молодцовъ въ гетрахъ. Больше ихъ я не видѣлъ и чѣмъ кончилось ихъ дѣло, не знаю, — вѣроятно, судя по всему, получили полное удовлетвореніе. Чрезъ четверть часа Бончъ вышелъ ко мнѣ, вытирая потъ и красный, какъ изъ бани.

— Ну, теперь потолкуемъ... — садясь рядомъ со мной, сказалъ онъ. — Я получилъ ваше письмо. Я думаю, что вамъ можно будетъ помочь. Только надо будетъ переговорить съ Владиміромъ Ильичемъ — я не знаю, какъ онъ взглянетъ на это...

— Какой Владиміръ Ильичъ? — спросилъ я.

— Ленинъ... — съ нѣкоторымъ удивленіемъ пояснилъ онъ. — Книгопечатаніе за-границей дѣло новое и надо его обсудить...

Мотивомъ моей поѣздки за-границу я выставилъ желаніе начать тамъ издательское дѣло. Я, дѣйствительно, мечталъ объ этомъ и даже получилъ справочныя цѣны изъ Лейпцига: онѣ были прямо изумительны по своей дешевизнѣ; повышеніе противъ цѣнъ до военнаго времени было едва замѣтно. Достаточно сказать, что у насъ въ это время номеръ газеты стоилъ уже 50 коп., а германскія газеты въ Кіевѣ продавались по старой цѣнѣ въ 10 пфениговъ, т. е. 4½ коп. Я мечталъ приступить тамъ къ давно задуманному полному собранію своихъ избранныхъ сочиненій.

— Что же может имѣть правительство противъ этого?

— Съ одной стороны, конечно, намъ важно дать народу хорошую книгу по дешевой цѣнѣ, но съ другой стороны появленіе на рынкѣ дешевой заграничной книги вызоветъ паденіе у насъ заработной платы . . . — сказалъ онъ. — Вотъ мы съ Владиміромъ Ильичемъ и обсудимъ это дѣло . . .

— Но позвольте . . . — возразилъ я. — Вѣдь, не можете же вы запретить мнѣ, вольному совѣтскому гражданину, выѣздъ за-границу?

— Разумѣется.

— Ну, такъ я и ѣду туда не книжки печатать, а по своимъ личнымъ дѣламъ. Какъ разъ у меня умерла въ Маріенбадѣ теща . . . А буду я тамъ что печатать или нѣтъ, это мое дѣло . . . При чемъ же тутъ Владиміръ Ильичъ? . . .

— Положимъ. Такъ и поѣзжайте съ Богомъ . . .

— Я вотъ и прошу васъ по старой памяти оказать мнѣ въ этомъ содѣйствіе.

— Съ удовольствіемъ. По моему, самое лучшее вамъ подождать недѣли двѣ-три, пока возстановится правильное сообщеніе съ Берлиномъ, и тогда вы поѣдете съ полнымъ удобствомъ . . .

— Едва ли это будетъ такъ скоро . . .

— Ну, ужъ если вамъ такъ не терпится, мы можемъ послать васъ, если хотите, въ качествѣ правительственнаго курьера съ бумагами въ Берлинъ къ товарищу Іоффе . . . — сказалъ онъ. — Я знаю, что вы не нашъ, но я знаю, что, если вы за дѣло возьметесь, вы честно выполните его . . .

— На какой же я правительственный курьеръ, Владиміръ Дмитріевичъ, когда у меня на рукахъ четверо малышей? — засмѣялся я, пораженный.

— Такъ что же? Въ вашемъ распоряженіи будетъ цѣлый вагонъ, а намъ безразлично, кого вы съ собой въ этотъ вагонъ посадите . . .

— А скажите, путь теперь черезъ фронтъ безопасенъ?

— Васъ не тронутъ. А кромѣ того дипломатическому курьеру дается надежная вооруженная охрана . . .

— Ну, хорошо, спасибо . . . Я подумаю . . . — сказалъ я.

— А вы вотъ теперь скажите, почему вы не работаете съ нами . . . — сказалъ Владиміръ Дмитріевичъ. — Вы знаете же, какъ мы нуждаемся въ такихъ людяхъ.

— Не могу . . .

— Почему?

— Потому что ваши представители на мѣстахъ это почти исключительно воспитанники арестантскихъ ротъ, Владиміръ Дмитріевичъ, и дѣянія ихъ таковы, что принимать въ нихъ участіе не манитъ . . .

— Вотъ, вотъ, вотъ . . . — взорвался Бончъ. — Ахъ, эта проклятая русская интеллигенція! Вся на одинъ ладъ . . . Какъ всѣ вы боитесь черной работы! . . .

— Нѣтъ, не черной работы боюсь я, но грязныхъ рукъ . . . Это совсѣмъ не одно и тоже . . . А кромѣ того какъ же вы хотите, чтобы я, не будучи большевикомъ, согласился слѣпо выполнятъ вашу программу? А если я не буду выполнять ее, меня объявятъ соціалъ-предателемъ и съѣдятъ . . .

Я сталъ разсказывать ему о подвигахъ нашихъ владимірскихъ владыкъ. Бончъ ахалъ и бѣгалъ по комнатѣ.

— Садитесь къ столу и пишите обо всемъ, что вы мнѣ только что разсказали . . . — сказалъ онъ. — Я немедленно пошлю туда спеціальную слѣдственную комиссію и мы поставимъ къ стѣнкѣ всѣхъ этихъ проходимцевъ . . .

— Нѣтъ, писать я ничего не буду . . .

— Почему?

— Потому что у меня тамъ заложники, дѣти . . .

— Мы дадимъ вамъ спеціальную военную охрану, отрядъ латышей . . .

Я опять засмѣялся.

— Да я первый сбѣгу отъ нихъ ночью черезъ окошко!...

— Ай-ай-ай... — укоризненно покачалъ онъ головой. — Какъ можете вы такъ говорить о нихъ? Эти юноши такъ преданы народному дѣлу и революціи...

— Не знаю. Я видѣлъ ихъ по пути изъ Москвы во Владиміръ — они ѣхали куда-то съ особымъ карательнымъ порученіемъ... Могу васъ увѣрить, что такого мерзкаго сквернословія, такого охальства, такой разнузданности я никогда еще не видалъ!...

— Ну, ну, ну....

Я скоро простился и ушелъ. На прощанье Бончъ далъ мнѣ всякіе пропуски на случай, если мнѣ понадобится еще разъ видѣть его. На одномъ изъ нихъ была маленькая, но характерная помарка: въ заголовкѣ сперва было напечатано: „Временное Рабоче-Крестьянское Правительство. Петроградъ, Смольный“, но теперь слово „Временное“ было зачеркнуто чернилами: съ учредилкой всѣ счеты были уже покончены, видимо...

Выйдя, я рѣшилъ воспользоваться случаемъ и осмотрѣть кремлевскія разрушенія.

У Никольскихъ воротъ испорченныя проволочныя загражденія. Памятникъ на мѣстѣ убійства великаго князя Сергія Александровича снесенъ, но рѣшетка цѣла. На площади — австрійскія орудія изъ Перемышля и всюду груды кирпича, вывороченнаго снарядами изъ старыхъ стѣнъ. Повреждены всѣ соборы безъ исключенія, больше всѣхъ Успенскій; есть попаданія и въ Ивана Великаго. Очень пострадалъ Николаевскій дворецъ, въ стѣнахъ котораго много пробоинъ, наскоро задѣланныхъ тесомъ: изъ дворца слышится треньканье балалайки, въ окнахъ мелькаютъ сѣрыя шинели... На площадкѣ около Александра II нѣсколько заржавленныхъ пушекъ безъ замковъ, а у большого дворца въ уголкѣ два

броневика . . . Я зашелъ въ Благовѣщенскій соборъ, въ Чудовъ монастырь, гдѣ томился, боролся и былъ замученъ за Россію патріархъ Гермогенъ, долго бродилъ тихонько среди гробницъ Архангельскаго собора, читая въ большомъ волненіи надписи на нихъ: тутъ вся старая исторія Москвы и Россіи . . . И тихо теплилась „неугасимая" надъ прахомъ Іоанна Грознаго — то душа старой Руси теплится — и лежатъ на гробницѣ, какъ въ старину, народные гроши, и властно поднимаются въ душѣ чувства, не имѣющія ничего общаго съ „интерцентраломъ", и мнится, что злое навожденіе это пройдетъ и снова встанетъ Русь и пойдетъ своей широкой исторической дорогой . . .

Я пошелъ было въ Успенскій соборъ, но онъ былъ уже запертъ. Я снаружи осматривалъ его тяжелыя раненія.

Старенькій дворцовый гренадеръ — помните вы ихъ, этихъ чистенькихъ, тихенькихъ, всегда чрезвычайно вѣжливыхъ старичковъ? — подошелъ ко мнѣ. Увы, шинелька его требовала ремонта и сапоги откровенно „просили каши".

— Что, баринъ? Бѣду нашу осматриваете?

— Да. Невесело что-то у васъ, дѣдушка . . .

— Не весело, баринъ . . . — проговорилъ тихо старикъ и, оглядѣвшись на израненный Кремль, осторожно и злобно уронилъ: — ишь, сволочи, что сдѣлали, на что и у татаръ рука не подымалась! . . .

Эти слова больно ударили по сердцу. Да, а вѣдь все это были рязанскіе, тульскіе, ярославскіе парни . . .

Мнѣ не разъ приходилось бывать потомъ въ Кремлѣ то по своимъ личнымъ дѣламъ — о нихъ ниже — то хлопотать за какого-нибудь новоявленнаго саботажника и контръ-революціонера, то по порученію нашей фирмы, которая никакъ не могла отправить въ харьковское отдѣленіе отпечатанные учебники. Бончъ встрѣчалъ меня всегда очень предупредительно, всячески старался помочь, но большею частью

всѣ его добрыя намѣренія ни къ чему не приводили: все тонуло въ невѣроятномъ хаосѣ большевистскаго управленія. Особенно характеренъ былъ случай съ богатой владимірской старухой С., которую наши заправилы отвели въ тюрьму за то, что она отказалась выдать имъ на большую сумму уже аннулированныхъ декретомъ процентныхъ бумагъ.

— Да за что же въ тюрьму? — недоумѣвалъ Бончъ. — Разъ бумаги аннулированы, то совершенно безразлично, у нея они на рукахъ или въ совѣтѣ. Это просто печатная бумага теперь . . . — наивно разсуждалъ онъ, совершенно, очевидно, не подозрѣвая, что эта печатная бумага продолжаетъ исправно котироваться на биржѣ. — И она глупая старуха, что заводитъ изъ-за этого скандалъ, и они дураки . . .

Они, конечно, дураками не были и вполнѣ понятно, „аннулированные“ займы предпочитали прибрать къ рукамъ.

— Ну, такъ вотъ . . . Вы поѣдете отсюда къ товарищу Лацису въ комиссаріатъ внутреннихъ дѣлъ . . . помѣщается онъ, кажется, въ отелѣ „Національ“, а, можетъ быть, впрочемъ, и въ отелѣ „Метрополь“, адресъ вы узнаете въ нашемъ справочномъ бюро по телефону . . . Такъ вотъ вы поѣдете туда съ моей карточкой къ товарищу Лацису и все ему разскажете. И скажите ему, что я прошу его сдѣлать немедленно распоряженіе объ освобожденіи арестованной по телеграфу . . .

Я позвонилъ въ справочное бюро.

— Абонентъ выбылъ и аппаратъ снятъ . . . — отвѣтила мнѣ барышня.

— Барышня, вы ошибаетесь . . . — сказалъ я. — Абонентъ не выбылъ и аппаратъ не снятъ. Это правительственное учрежденіе, справочное бюро, и находится въ Кремлѣ.

— Ну, не знаю . . . Справьтесь у начальницы . . .

Полтора часа справокъ и мнѣ даютъ, наконецъ, желанный номеръ. Оказывается, статсъ-секретарь ошибся: мини-

стерство внутреннихъ дѣлъ помѣщалось съ товарищемъ Лацисомъ и не въ „Метрополѣ“, и не въ „Націоналѣ“, а въ зданіи бывшей Ссудной казны. Туда и направилъ я депутацію отъ рабочихъ и служащихъ завода С., пріѣхавшихъ хлопотать за свою хозяйку.

Товарищъ Лацисъ принялъ ихъ очень сурово и резолюціей не замедлилъ:

— За такія распоряженія слѣдовало бы Бонча арестовать . . . — рѣшилъ революціонный латышъ. — Владимірскій совѣтъ совершенно правъ. Идите.

Опять къ Бончу, опять къ Лацису и опять къ Бончу и — такъ ничего и не вышло. И ни съ чемъ депутація — все очень почтенные люди — уѣхала назадъ.

— Нѣтъ, видно у латышей, правящихъ Россіей, правды не найти . . . — говорили они.

Старая С. была выпущена долгое время спустя, послѣ того, какъ родственники ея внесли совѣту крупную контрибуцію.

Это было лѣтомъ 1918 г. И тогда уже мнѣ казалось, что такъ называемые народные комиссары это какіе-то призраки, что власть ихъ — пустая фикція, что декреты ихъ это просто лишь новый поводъ къ новому грабежу, что сами они — жалкія щепки, которыя, сами не зная, куда, уносятся кровавымъ потокомъ. Потомъ, къ осени это впечатлѣніе еще болѣе усилилось. О комиссарахъ говорили и писали, что это нѣмецкіе шпіоны, что они продались Германіи за деньги, что это агенты какого-то тайнаго всемірнаго еврейскаго кагала и другія агитаціонныя глупости и пошлости. Если ты хочешь успѣшно бороться съ врагомъ, то первое условіе для этого успѣха — развѣдка, хорошее знакомство съ врагомъ, а не выдумываніе о немъ всякой чертовщины. Совершенно несомнѣнно, что среди безчисленныхъ комиссаровъ, полонившихъ Русь, огромный процентъ завѣдомыхъ мерзавцевъ и катор-

жанъ, но въ Кремлѣ засѣли типичнѣйшіе интеллигенты, кабинетные буквоѣды, фантазеры, по странной ироніи судьбы выкинутые революціонной бурей вслѣдъ за бойкимъ адвокатомъ въ правительство, себѣ и Россіи на позоръ и на погибель. Изъ нихъ лично я зналъ только Бонча. О немъ въ нашихъ литературныхъ кругахъ было два противоположныхъ мнѣнія: одни говорили, что это ловкій аферистъ, который своего не упуститъ, другіе увѣряли, что это простачекъ, по недоразумѣнію попавшій въ очень грязную исторію. Я думаю, что правда ни у тѣхъ, ни у этихъ: это былъ усердный литераторъ-работникъ, съумѣвшій поставить большое издательское дѣло, но партійныя связи и обязательства, игра случая, темпераментъ, толкнули его на постъ министра въ новомъ правительствѣ, а каковъ онъ былъ министръ, это совершенно ясно изъ его разсужденій о процентныхъ бумагахъ и изъ заботливости его о вегетаріанской столовой.

И какъ всѣ властители, ничего они такъ не боялись, какъ правды. Сознаніе, что они только жалкія щепки въ кровавомъ бѣшеномъ потокѣ, у нихъ въ глубинѣ души зародилось, кажется, очень скоро, но они отмахивались, отмалчивались, когда люди приходили къ нимъ и говорили, что дѣлается за кремлевскими стѣнами, за линіей латышскихъ штыковъ.

Разъ, помню, былъ я у Бонча по дѣлу на дому. Онъ жилъ въ кавалерскомъ корпусѣ, въ довольно скромной квартиркѣ. И вообще жили они просто. И столъ былъ простой. Роскошью были только царскія тарелки съ государственными гербами, на которыхъ они ѣли, да царскій автомобиль, въ которомъ раскатывалъ Бончъ по Москвѣ. Самъ Бончъ былъ въ этотъ разъ занятъ и меня приняла его жена, та самая сѣренькая В. М. Величкина, очень скромный литераторъ, съ которой я встрѣчался нѣкогда въ „Посредникѣ“.

Мы говорили объ общемъ положеніи. Я разсказывалъ о подвигахъ владимірскихъ хулигановъ, ставшихъ у власти,

о растущемъ голодѣ, о гибельности хлѣбной монополіи, о крѣпнущемъ озлобленіи нашего владимірскаго мужичка.

— Будьте увѣрены, что по твердой цѣнѣ хлѣба вамъ крестьянинъ не дастъ — сказалъ я.

— Дастъ . . . — отвѣчала Вѣра Михайловна, укрѣпляя на своемъ крошечномъ носикѣ непослушное пенснэ. — А не дастъ, мы примемъ по отношенію къ нему самыя суровыя мѣры . . .

— Совсѣмъ дѣло обстоитъ теперь не такъ . . . — сказалъ я. — Теперь можно опасаться, какъ бы онъ не принялъ по отношенію къ вамъ суровыхъ мѣръ . . . Вы понимаете, что онъ нисколько не большевикъ и не соціалистъ . . .

Она только глазками жалобно заморгала . . .

А, когда вышелъ Бончъ и какая-то старая дама-просительница съ воплями бросилась къ нему, умоляя спасти ея приговореннаго въ Рыбинскѣ къ разстрѣлу сына-офицера, онъ явно ничего не могъ сдѣлать и бѣгалъ отъ нея, какъ затравленный звѣрь, и только все повторялъ:

— Ну, что же я могу? . . . Ничего я не могу . . .

А. Н. Коншинъ, тоже бывавшій въ Кремлѣ — Бончъ былъ его товарищемъ по университету и они вмѣстѣ дѣлали что-то потомъ для духоборовъ, — разсказывалъ мнѣ, что, когда онъ говорилъ съ Бончемъ объ эпидеміи разстрѣловъ, свирѣпствовавшей тогда въ Россіи, тотъ со слезами на глазахъ говорилъ ему:

— Да, надо бороться . . . Пусть лучше разстрѣляютъ меня, но я буду бороться съ этими безобразіями . . .

И недаромъ поэтому къ осени 1918 г. въ московской чрезвычайкѣ уже раздавались, какъ говорили, голоса, что въ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ есть неблагонадежные элементы, что и его надо почистить . . .

IX.

Въ Булановѣ у колодцевъ бабы нѣсколько разъ уже назначали день, когда какіе-то таинственные „они“ будутъ вырѣзывать насъ, булановскихъ буржуазовъ. Было вполнѣ ясно, что все это одна пустая болтовня, но тѣмъ не менѣе на нервы это дѣйствовало. Да и вообще хотѣлось не видѣть этого одурѣнія и смятенія людей, которыхъ съ дѣтства зналъ за нормальныхъ и которые метались теперь по своей темной, убогой жизни, какъ отравленные тараканы по грязной избѣ.

Одинъ изъ моихъ старыхъ пріятелей, Ив. Арк. Б—ій, съ которымъ мы въ молодые годы дружно „толстовствовали“ вмѣстѣ и который жилъ теперь въ древнемъ Боголюбовѣ, очень звалъ меня поселиться тамъ съ нимъ рядышкомъ. И въ одинъ прекрасный день я поѣхалъ туда. Атмосфера стараго села была много чище и здоровѣе булановской — надо сказать, что изъ всѣхъ деревень нашего края Буланово, неизвѣстно, почему, рѣзко выдѣлялось своимъ безпардоннымъ безпутствомъ, — но квартиры были ужъ очень тѣсны и я, отказавшійся уже отъ мысли ѣхать за-границу въ обстановкѣ войны и революціи, рѣшилъ попытать счастья еще разъ во Владимірѣ.

Съ большимъ удовольствіемъ провелъ я этотъ день въ семьѣ Ивана Аркадьевича. Тутъ впервые познакомился я съ его милой сестрой, Марьей Аркадьевной, женщиной исключительно трагической судьбы. Дочь генерала-отъ-кавалеріи, орловскаго помѣщика, въ молодости эта дѣвушка съ нѣжнымъ лицомъ дорогой камеи, которое при малѣйшемъ волненіи все вспыхивало розовымъ огнемъ, примкнула къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Какъ-то разъ ея товарищи оставили двѣ бомбы въ мѣстѣ, гдѣ онѣ могли грозить опасностью стороннимъ людямъ. Марья Аркадьевна рѣшила сама разрядить ихъ. При разряжаніи вторая бомба разорвалась у нея въ рукахъ. Какимъ-то чудомъ она осталась цѣла, но руки

были страшно изуродованы. По оторваннымъ пальцамъ полиція быстро нашла ее въ одной изъ больницъ. Арестъ, судъ и — каторжныя работы. Въ тюрьмѣ она вышла замужъ за одного изъ своихъ партійныхъ товарищей М., который при Керенскомъ комиссарилъ потомъ въ разлагающейся арміи, но вскорѣ разошлась съ нимъ и уже въ ссылкѣ, одинокая и безпомощная, не видя просвѣта впереди, она вышла замужъ за одного политическаго ссыльно-поселенца, крестьянина. И вдругъ революція, и она очутилась на свободѣ почти безъ всякихъ средствъ съ двумя малютками на рукахъ. Теперь мужъ ея жилъ у себя въ деревнѣ, гдѣ-то далеко на югѣ, а она, пока что, жила съ семьей своего брата въ болѣе чѣмъ скромной и тѣсной квартиркѣ въ Боголюбовѣ. А дома, въ Орловской губ., возставшій народъ все старался оттягать у нея съ братомъ послѣдній кусочекъ земли въ 40 дес. — „довольно вы нашей кровушки попили!“

И въ немъ, и въ ней рѣзко сказался тотъ переломъ, тотъ откатъ съ прежнихъ позицій, о которомъ говорилъ я выше. Въ рѣчахъ обоихъ слышались національныя нотки. У Ивана Аркадьевича уже намѣчалось примиреніе съ церковью, желаніе вникнуть, понять то, что мы раньше однимъ махомъ, съ плеча „отрицали“ . . .

— Да, и вотъ въ концѣ жизни приходится убѣдиться, что все, что я съумѣла сдѣлать болѣе или менѣе хорошо, это . . . рожать дѣтей . . . — по обыкновенію, вспыхнувъ и улыбаясь своей милой улыбкой, проговорила Марья Аркадьевна:

— Можетъ быть, и начать надо было съ этого . . . — отвѣчалъ я. — И этимъ и ограничиться . . .

Она показывала мнѣ свои альбомы. На одной изъ фотографій была изображена прелестная группа: на широкой лужайкѣ предъ красивой барской усадьбой лежали трое дѣтей — сама Маруся, ея братъ, Иванъ Аркадьевичъ, совсѣмъ

еще мальчикъ, и кто-то изъ его пріятелей, съ умной, плутовской рожицей, на которой игралъ съ трудомъ сдерживаемый смѣхъ.

— Теперь знаменитость . . . — сказала она, указывая на мальчика.

— Кто же это?

— Борисъ Савинковъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ расли . . . А вотъ это другая знаменитость . . . — улыбаясь, проговорила Марья Аркадьевна, показывая фотографію молодой женщины съ сухимъ, непріятнымъ лицомъ за тюремной рѣшеткой — болѣе всего нехорошъ былъ этотъ ротъ съ сухими, плотно сжатыми губами и какіе-то деревянные глаза. — Это Маруся Спиридонова . . . Мы съ ней прожили въ каторгѣ и въ ссылкѣ болѣе десяти лѣтъ вмѣстѣ . . .

— Это очень интересно. Разскажите, что это за человѣкъ . . .

— Прежде всего это совершенно больной человѣкъ . . . — сказала Марья Аркадьевна. — Истеричка въ самой высокой степени. Часто по цѣлымъ недѣлямъ она лежала безъ сознанія, мучимая кровавыми кошмарами: ее преслѣдовали, она преслѣдовала, и только все муки и кровь, кровь и муки . . . И такъ цѣлыми недѣлями. И всегда при ней состоялъ кто-нибудь изъ подругъ, потому что, если оставить ее одну, она забываетъ ѣсть, она не перемѣнитъ бѣлья. А въ общемъ самая обыкновенная женщина . . . Теперь боготворитъ Ленина . . .

— Марья Аркадьевна, а не думаете ли вы, что вашъ долгъ былъ сказать все это громко, для всѣхъ? . . . — сказалъ я. — Вѣдь, эта, видимо, ненормальная женщина шла въ головѣ движенія, легко могла стать предсѣдательницей учредительнаго собранія. Подумайте: ненормальный человѣкъ — предсѣдатель учредительнаго собранія огромной страны! . . .

— Можетъ быть, и надо было бы, но я не могла . . . Все же товарка по ссылкѣ . . . — сказала Марья Аркадьевна. — А это вотъ тоже знаменитость . . .

На фотографіи просто толстая, обыкновенная дѣвица.

— Это Биценко . . .

— Какая Биценко?

— Какъ, вы не знаете Биценко? — засмѣялась Марья Аркадьевна. — Эго та самая Биценко, которая ѣздила въ Брестъ заключать миръ съ Германіей . . .

— Не можетъ быть! . . . — нелѣпо воскликнулъ я.

— Отчего? Все можетъ быть . . . — сказала она. — Но все же иногда и я, знаете, въ тупикъ становлюсь: откуда у людей берется эта . . . отвага? Какъ можно браться за такое страшное по своей отвѣтственности дѣло, не понимая въ немъ ни іоты? А вотъ поѣхала, что-то обсуждала тамъ, что-то подписала . . . Какъ, вѣроятно, хохотали нѣмцы! . . .

Можетъ быть, опубликовывая эту интимную бесѣду, я и совершаю нескромность, но я увѣренъ, что такъ любящая Россію милая Марья Аркадьевна извинитъ меня: правда, ради той же Россіи, должна же быть кѣмъ-нибудь сказана.

Только поздно вечеромъ уѣхалъ я изъ Боголюбова. И видѣлъ, какъ на станціи безобразничали невѣроятно преданные дѣлу народа и Россіи латыши.

Да, откатъ продолжался. Ужъ если такіе подвижники, какъ Иванъ Аркадьевичъ съ сестрой, задумались, значитъ, дѣло очень серьезно. И оно было очень серьезно и Маруся Спиридонова и Биценко не только не мѣшали этому широкому отходу со старыхъ позицій, но только своимъ отсутствіемъ въ рядахъ отступающихъ подчеркивали его серьезное значеніе. На гигантскомъ россійскомъ пожарищѣ пробивалась зелененькая травка, новая и въ то же время старая, старая травка. Но отъ этого она была не менѣе мила и радостна . . .

. . . .

И во мнѣ продолжалась медленная, кропотливая переоцѣнка всѣхъ прежнихъ цѣнностей. Особенно думалось въ это время о православіи — сколько разъ въ жизни подходилъ

я такъ къ нему!... Мнѣ какъ-то вдругъ открылось, что раціоналистическая религія, къ которой я столько времени старался пріобщиться вслѣдъ за Толстымъ, это такая же нелѣпость, какъ сухая вода или холодный жаръ, что разсудку въ этой области совершенно нечего дѣлать, что разрушить тутъ онъ можетъ многое, но создать не можетъ ничего, что религія это созданіе иной — высшей или низшей, это все равно, но иной — силы въ человѣкѣ, но отнюдь не разсудка. Толстой говорилъ мнѣ какъ-то объ обрядовой сторонѣ религіи, говорилъ горячо, страстно, что это все, что угодно, только не религія. А, можетъ быть, какъ разъ наоборотъ, все это — и дымъ кадильный и умиленное чувство во время пѣнія „Иже херувимы", и величавый звонъ колокольный, и постъ... — и есть религія, а то, что проповѣдывалъ онъ, — не религія, а подновленная и приспособленная къ XIX вѣку для борьбы съ правительствомъ александрійская философія, тщетная попытка объяснить необъяснимое, объять необъятное? И вспоминались мнѣ слова о. Митрофана: переплыть море можно и на хорошемъ пароходѣ, и на лодкѣ, и на плоту, но мы выбираемъ наилучше оснащенный пароходъ, православіе. Я вносилъ теперь въ нихъ серьезную поправку: пусть православіе и не самый лучшій пароходъ, пусть это только дырявый плотъ, но этотъ старый, дырявый плотъ — свое, родное, то, что для переправы подставила намъ судьба... Ничего законченнаго въ этой области у меня еще не было — все это было только нащупываніе въ темнотѣ...

Въ это время я часто ходилъ въ церковь — то въ нашъ старый Успенскій соборъ, то въ не менѣе старый Княгининъ дѣвичій монастырь — и иногда бралъ съ собой въ храмъ дѣтей: пусть они сами потомъ, если съумѣютъ, каждый для себя рѣшаютъ религіозныя проблемы, но они должны знать родную обстановку, родной бытъ, должны знать и любить родную старину, а не быть какими-то Иванами

Непомнящими, какими-то бѣгунами въ своей странѣ. И, когда читалъ я по старымъ закоптѣлымъ стѣнамъ Успенскаго собора золотую вязь Лаврентьевской лѣтописи о томъ, какъ татарове поставили шатры своя на Студеной горѣ, какъ безплодно пытались они овладѣть городомъ, и какъ потомъ „поятъ шатры своя и отъидоша и взяша Суздаль", глубокое волненіе охватывало меня и я слышалъ, какъ въ душѣ моей властно говорятъ древніе голоса суздальской земли. Конечно, я европеецъ и изъ живыхъ Анатоль Франсъ самый любимый писатель мой, но все же Дмитрій Донской мнѣ ближе Жанны Даркъ и лаврентьевская лѣтопись ближе и понятнѣе Legenda Sanctorum . . .

Церковная служба часто глубоко трогала меня и отдѣльные моменты ея прямо поражали своей вѣковой, продуманной красотой. Если въ Успенскомъ соборѣ было немножко холодно, оффиціально, то тепломъ и уютомъ вѣяло всегда отъ церковной службы въ Княгининомъ монастырѣ, а особенно, если служилъ этотъ серьезный, набожный и милый о. Александръ. И думалось, что въ концѣ концовъ то, о чемъ молилась Церковь, чего она жаждетъ, это какъ разъ то, о чемъ мечтали мы въ лучшіе, чистые моменты нашей революціонной дѣятельности: мы мечтали о всеобщемъ мирѣ народовъ и Церковь уже тысячу лѣтъ молится о мирѣ всего міра, хочетъ, чтобы мы обняли другъ друга и единомыслили; мы желаемъ облегчить всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ и она призываетъ молиться о всѣхъ страждущихъ, недугующихъ, плѣненныхъ, путешествующихъ, плодоносящихъ, добро дѣющихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ; мы хотимъ, чтобы всѣ были сыты, и она проситъ у Бога изобилія плодовъ земныхъ и благорастворенія воздуховъ; мы хотимъ вырвать человѣка изъ грязи земной и сдѣлать его свѣтлымъ дѣлателемъ жизни свѣтлой, и Церковь возноситъ наши сердца горѣ и благословляетъ взыскующихъ града . . . Но какая

страшная разница: толпа на митингѣ и та же толпа въ храмѣ, ораторъ, неистовствующій на трибунѣ, и этотъ величавый, кроткій, набожный о. Александръ въ сіяніи золотой ризы, въ облакахъ кадильныхъ воскуреній, Маруся Спиридонова съ ея кровавыми кошмарами и эти тихія, черныя монахини съ кроткими лицами, такъ стройно, такъ трогательно, такъ красиво поющія свои прекрасные гимны. Я не забывалъ объ обратной сторонѣ медали и у Церкви, и у оратора, но я думалъ, что, если взять лучшую часть какъ здѣсь, такъ и тамъ, то спорить и озлобляться было бы не о чѣмъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, все же сердце устремилось бы въ концѣ концовъ за храмомъ: тамъ все же жертва кровавая, тутъ все же жертва безкровная, тамъ все требуется отъ людей, здѣсь — все отъ себя. А это такая огромная разница! . . .

Какъ то объ эту пору получилъ я письмо отъ одного дряхлаго попика съ мозолистыми руками, великаго постника, почти нищаго. Онъ написалъ мнѣ, что онъ прочиталъ мою „Исповѣдь" и теперь за всякой литургіей поминаетъ онъ мою Мирушу и молится за меня. И эта вотъ молитва далекаго, едва знающаго меня старца-священника, за Волгой, въ глуши, была и осталась для меня дороже всѣхъ писемъ отъ „глубокоуважающихъ" читателей съ выраженіемъ горячаго „сочувствія" . . .

. . . .

И что замѣчательно, такъ это то, что этотъ процессъ происходилъ уже въ тысячахъ другихъ сердецъ, запуганныхъ кровавымъ смрадомъ жизни. Иногда въ интимной бесѣдѣ это обнаруживалось тамъ, гдѣ меньше всего можно было ожидать такихъ изломовъ души и устремленій. Извѣстный марксистъ проф. С. Н. Булгаковъ уже принялъ священническій санъ; мой сверстникъ, писатель С. Н. Дурылинъ, съ которымъ мы „толстовствовали" вмѣстѣ въ „Посредникѣ" — онъ очень умѣренно и весьма неувѣренно, я совершенно неумѣренно

и чрезвычайно увѣренно — былъ уже секретаремъ Всероссійскаго Церковнаго Собора и студентомъ духовной академіи въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. Старый С. П. Подьячевъ, одинъ изъ моихъ любимыхъ писателей, какъ слышно, готовился уйти въ Оптину пустынь . . .

Разъ какъ-то вечеромъ приходитъ ко мнѣ посумерничать одинъ ci-devant. Всю жизнь работалъ онъ въ газетахъ, воевалъ въ качествѣ эсъ-эра съ властью предержащей, терпѣлъ всякія заушенія и гоненія и никогда не имѣлъ запасныхъ панталонъ. Теперь, на склонѣ лѣтъ, онъ объявленъ былъ, конечно, контромъ, врагомъ народа и лишенъ — а онъ семейный человѣкъ — послѣдняго скуднаго куска хлѣба. Разгромъ душевный полный . . .

— И выходитъ, что вся жизнь была отдана ошибкѣ . . .— понурившись, тихо говоритъ онъ.

— Вы ошибаетесь, голубчикъ . . . — говорю я. — Продѣланный нами огромный опытъ отрицанія имѣетъ колоссальное значеніе положительное . . . Мы сослужили людямъ огромную службу. На насъ будутъ учиться . . .

Онъ безнадежно махнулъ рукой и послѣ долгаго молчанія тихо спросилъ:

— А у васъ, кажется, есть связи у митрополита Сергія?

— Найдутся. На что вамъ? . . .

Онъ долго молчалъ, борясь съ волненіемъ.

— Поговорить бы надо . . .

— Не секретъ о чемъ?

Опять молчаніе. Сѣрыя сумерки въ плохо топленой комнатѣ, сѣрое грустное лицо, синія трясущіяся губы голоднаго человѣка.

— Въ монастырь уйти хочу . . . совсѣмъ . . .

— Но, другъ мой . . . — опѣшивъ отъ неожиданности, говорю я. — Вѣдь, для этого прежде всего надо повѣрить въ Бога хоть немного! . . .

И послѣ тяжелой паузы, посинѣвшими губами, загнанный человѣкъ едва выговорилъ:

— Справлюсь и съ этимъ . . . какъ-нибудь . . .

Пусть это обычная интеллигентская эстетика, пусть это обычное интеллигентское „вскую шаташася языцы", но характерно, что эти языцы стали шататься именно въ эту сторону . . . Скажутъ: большевиковъ испугались . . . Да, но не разстрѣловъ ихъ, не издѣвательствъ испугались — у этого атеиста-монаха хотя бы по части гоненій былъ очень серьезный стажъ и голодать ему было не впервые, — испугались паденія человѣческаго, испугались, до чего человѣкъ дойти можетъ . . .

И именно этимъ испугомъ предъ глубиной паденія человѣческаго и объясняются эти многотысячные крестные ходы, которые поднимались въ это тяжкое время по градамъ и весямъ россійскимъ. Я не знаю, затрудняюсь сказать, насколько велико было ихъ религіозное значеніе; можетъ быть, это были даже просто манифестаціи, послѣднее, что осталось, средство протеста противъ творившагося. Я бывалъ на этихъ крестныхъ ходахъ не разъ. Главный контингентъ этихъ огромныхъ толпъ, чтобы тамъ ни говорили большевики въ своихъ газетахъ о шелкахъ и золотѣ буржуазовъ, былъ опредѣленно простонародный, крестьянскій, „сѣрый". И огромная, огромная тоска чувствовалась въ этихъ безмолвныхъ толпахъ, съ поникшими головами и хмурой душой подъ торжественно-грустное пѣніе бредущихъ за древними святынями . . .

И какая жажда чуда слышалась тутъ! . . .

Вслѣдъ за глубокочтимой въ нашемъ краѣ древней чудотворной иконой Боголюбской Божіей Матери, мы подошли многотысячной толпой къ древнимъ Золотымъ воротамъ, видѣвшимъ нѣкогда шатры татарскіе; тамъ обыкновенно служится молебенъ. Въ обычное время, когда на крестный ходъ

этотъ стекалось иногда до 200.000 человѣкъ, войска и полиція поддерживали порядокъ, но теперь народъ былъ предоставленъ самому себѣ, тысячная толпа сгрудилась у воротъ и массивная, тяжелая икона никакъ не могла со своими длинными носилками повернуться, по обычаю, ликомъ къ народу: и такъ пробовали, и эдакъ — толпа не пускала. И издали опредѣленно видно было, что хоругвеносцы никакъ не могутъ повернуть икону. И сейчасъ же побѣжалъ по толпѣ волнующій слушокъ:

— Заступница отвернулась отъ насъ . . . Матушка и глядѣть на насъ не хочетъ. Прогнѣвали Господа . . .

И настроеніе было таково, что мѣстный совдепъ въ полномъ составѣ вышелъ безъ шапокъ къ крестному ходу . . .

Обезсиленные въ борьбѣ сами съ собой, люди требовали чуда, требовали опредѣленнаго вмѣшательства неба . . .

Я разсказалъ объ этомъ чудѣ моему земляку, одному изъ редакторовъ „Русскихъ Вѣдомостей“, Н. М. Іорданскому, а когда на другой день я встрѣтился съ нимъ въ редакціи, онъ сообщилъ, что послѣ моего ухода ему пришлось выдержать жестокій натискъ со стороны старой няни.

— Эхъ, вы, болтуны, болтуны . . . — укоризненно говорила старуха. — Вотъ отъ васъ и пошла по Россіи вся эта смута. Вишь, Матушка съ народомъ совладать не съумѣла, Божья сила тѣсноты одолѣть не могла! . . . А вѣдь волосы у тебя сѣдые, дѣти ужъ взрослые, а вы что распускаете . . . Какъ только не стыдно вамъ, а еще образованные люди называетесь? . . .

Это былъ голосъ подлинной, не митинговой Руси . . .

Одинъ мой знакомый во время знаменитаго молебствія у поврежденной большевистскимъ снарядомъ древней иконы Николая Угодника на Никольскихъ воротахъ, когда собралось на молебенъ болѣе 600.000 человѣкъ, когда свершилось тамъ чудо — разорвался самъ собою красный флагъ, ви-

сѣвшій надъ этой иконой — и потрясенная толпа запѣла гигантскимъ хоромъ „Христосъ Воскресъ“, былъ въ это время у Бонча въ Кремлѣ. Вмѣстѣ они поднялись на зубчатую стѣну, гдѣ, покуривая, въ шапкахъ, конечно, стояли, глядя на молебствіе, революціонные латыши. И какъ только увидѣлъ Бончъ это страшное черное море головъ человѣческихъ, залившее не только всю Красную площадь, но и всѣ прилегающія къ ней улицы, у него невольно вырвалось:

— Ну, поднялась стихія — значитъ, мы погибли! . . .

Но гибель фантазеровъ и преступниковъ, захватившихъ власть, была еще далеко впереди, а пока на долгіе мѣсяцы была обезпечена тьма, голодъ, страхъ, изувѣрство . . .

Но жизнь все же творила свое таинственное дѣло.

— Вотъ, господа, когда все кончится, — сказалъ я, какъ-то въ одной литературной компаніи, начиная бесѣду о будущемъ, какъ и всѣ, этой сакраментальной формулой „когда все кончится“, — мы приступимъ съ вами къ великолѣпному изданію „Красавица Русь“. Это будетъ рядъ чудесныхъ, толстыхъ томовъ-монографій, посвященныхъ одинъ Владиміру, другой, скажемъ, древнимъ сѣвернымъ церковкамъ, третій Волгѣ, четвертый Кіеву и т. д. Не только прошлое наше, но и все живописное настоящее наше должны быть представлены въ нашемъ трудѣ съ возможной полнотой. Иллюстраціи въ краскахъ сдѣлаютъ намъ лучшіе художники, а надъ текстомъ должны будемъ потрудиться мы . . .

И вчерашній членъ ц. к. с. д. р. п. Валентиновъ потребовалъ, чтобы я оставилъ за нимъ Владиміръ, который, какъ оказывалось, онъ хорошо зналъ, другой интернаціоналистъ требовалъ Суздаля, старый эсъ-эръ хотѣлъ потрудиться надъ Ростовымъ Великимъ. И я, какъ добрый царь, щедро, радуясь, раздавалъ эти богатыя дары-темы . . .

Травка пробивалась по пожарищу бодро и весело . . . — „вотъ когда все это кончится . . .“

X.

Но это не только не кончалось, но наростало въ ужасѣ, безобразіи, наглости, глупости . . . Мы въ мартѣ переѣхали уже изъ опостылѣвшаго Буланова во Владиміръ, гдѣ нашъ предводитель дворянства, простой и милый А. А. Протасьевъ, который помогъ мнѣ вывернуться, когда по ошибкѣ писарька я чуть не попалъ-было въ дезертиры, уступилъ намъ большую половину своей холодноватой, но свѣтлой и помѣстительной квартиры. Тутъ мы уже не были такъ на виду и уже по одному этому дышалось немножко легче. Въ городѣ шло совершенно ненужное уплотненіе квартиръ, выдуманное только для того, чтобы напакостить буржуазамъ. Совѣстливые бѣдняки упорно отказывались отъ этого вторженія въ чужія квартиры, но находилось, конечно, не мало и такихъ, которые не прочь были положить ноги на столъ своего ближняго. Чтобы какъ-нибудь застраховать себя отъ нежелательнаго сосѣдства, я одной изъ своихъ комнатъ придалъ видъ „редакціи“ и написалъ на входныхъ дверяхъ „редакція книгоиздательства ‚Зеленая Палочка‘“. Мѣстные большевики нѣсколько разъ покушались залѣзть ко мнѣ, но мое положеніе „редактора“ спасало меня отъ этого вторженія завоевателей.

Вообще всѣ заботы новыхъ правителей были направлены не на устроеніе жизни, а исключительно на то, чтобы хоть какъ-нибудь доѣхать биржуава. Не успѣли провести это пресловутое уплотненіе, какъ придумали новый налогъ на собакъ. Конечно, деньжонокъ было имъ очень нужно, ибо аппетиты росли не по днямъ, а по часамъ, но налогъ все же провели обязательно въ пику буржуазу: за собаку простую потребовали 25 р., за охотничью — 50 р., а за комнатныхъ болонокъ и шавокъ по 100 р., такъ какъ держутъ ихъ только буржуи. И сотни семей, и безъ того раззоренныхъ, должны были своими руками убивать своихъ ни въ чемъ неповинныхъ любимцевъ . . .

Голодъ росъ не по днямъ, а по часамъ. При скромномъ столѣ нашемъ намъ не хватало уже ста рублей въ день, объ обновленіи гардероба нечего было и думать. Мучились съ дровами, съ молокомъ, масломъ: осадившая городъ, разжирѣвшая крестьянская армія продолжала свою политику вымариванія. Обувь за деньги почти нельзя было купить и я вымѣнялъ своего Франкотта на пару ботинокъ и они оказались никуда негодными черезъ двѣ недѣли. Добывать необходимыя средства становилось все труднѣе и труднѣе... И часто, купивъ муку, голодные убѣждались съ отчаяніемъ, что это не мука, а какая то гадость, поддѣлка, а сахаръ не сахаръ, а кусочки старой штукатурки, — человѣкъ-звѣрь распоясался, и грабилъ, и издѣвался, и страшно было жить, нестерпимо . . .

Вокругъ все рушилось, гибло, страдало . . . Одинъ попалъ въ тюрьму, другого соціализировали до нитки, третьяго выбросили съ семьей безъ куска хлѣба на улицу по случаю его предполагаемой контръ-революціонности. Вотъ газета приноситъ извѣстіе, что редакторъ „Ранняго Утра“, старый Н. Л. Казецкій, который покровительствовалъ мнѣ въ самомъ началѣ моей литературной карьеры и все требовалъ, бывало, что бы „Иванъ Федоровичъ валялъ дальше“, писалъ бы ему въ газету, назначенъ теперь, на старости лѣтъ, мести улицы въ Звенигородѣ, другой номеръ сообщаетъ, что за что-то тамъ такое разстрѣляны братья-офицеры Черепъ-Спиридовичи, тѣ самые съ голыми колѣнками мальчуганы, которые такъ смущали меня своимъ присутствіемъ, когда я, лѣтъ двадцать тому назадъ, пріѣзжалъ по дѣлу къ ихъ дѣдушкѣ, богатому пароходчику, жившему тогда въ этомъ бѣломъ особнякѣ у Ильи Пророка . . . А вотъ зловѣщимъ раскатомъ разнеслась вѣсть объ убійствѣ Государя, этого несчастнаго, беззащитнаго и совсѣмъ ужъ теперь безопаснаго человѣка; передавали ужасающія подробности этого безсмысленнаго убійства, гово-

рили, что его застрѣлили съ больнымъ сыномъ на рукахъ, а потомъ всю семью сожгли . . . И вспомнился мнѣ яркій майскій день, и огромныя ревущія отъ восторга толпы народа на празднично разукрашенныхъ улицахъ Москвы, и молодой царь на бѣломъ конѣ, и пестро-золотая свита его, и золотыя кареты, и блестящія войска, а я, тогда молодой, предъ которымъ вся жизнь была впереди, сижу у окна съ красавицей Маней . . . Да, жить пережить — не поле перейти . . . Бѣдный царь! . . .

Долженъ отмѣтить, что революціоннаго восторга это извѣстія въ массахъ отнюдь не возбудило, — напротивъ, всѣ какъ-то нахмурились.

Я сидѣлъ у редактора „Власти Народа“, Гуревича, еврея, когда намъ подали телеграмму, что приговоръ екатеринбургскаго совѣта признанъ московскими властями „правильнымъ“. Гуревичъ, поблѣднѣвъ, показалъ мнѣ, что большинство подписей подъ этимъ документовъ — еврейскія.

— Эта бумажка будетъ стоитъ евреямъ 50.000 головъ . . . — сказалъ онъ.

— Если не больше . . . — поправилъ я, знавшій, что говорилось въ послѣднее время по деревнямъ, въ голодныхъ хвостахъ передъ пустыми булочными, всюду.

А пресса буквально захлебывалась отъ восторга. И что было всего омерзительнѣе, такъ это то, что вчерашній хамъ, до изступленія оравшій „ура“, теперь до изступленія поносилъ этого несчастнаго человѣка. И тутъ хамы интеллигентные соперничали въ низости съ хамами неинтеллигентными и трудно сказать, кто былъ гаже. Какимъ заушеніямъ ни подвергались „Романовы“ и все романовское въ газетныхъ статьяхъ, въ митинговыхъ рѣчахъ, въ спеціальныхъ, наскоро состряпанныхъ „исторіяхъ“! И впопыхахъ упускалась изъ виду даже обязательная въ такомъ случаѣ, казалось бы, революціонная

точка зрѣнія на исторію, сводящая значеніе въ ней личности къ нулю. Вѣдь, если личность, дѣйствительно, нуль, то значитъ, и нечего такъ вопить противъ „Романовыхъ", потому что это только рядъ нулей, а если эта точка зрѣнія не вѣрна, если личность не нуль, то достаточно вспомнить, чѣмъ была Россія 300 лѣтъ тому назадъ, когда народъ призвалъ Романова спасти его, и чѣмъ стала она въ концѣ XX в., чтобы опять таки не очень ужъ орать противъ этихъ ненавистныхъ „Романовыхъ": изъ крошечной страны, раздираемой и заливаемой кровью въ безконечной смутѣ, она выросла въ гиганта, богатства котораго неописуемы, предъ которымъ лежало безбрежное будущее.

Въ общемъ довольно благополучно прожили мы во Владимірѣ до Іюня. И вдругъ разъ, когда я былъ по дѣламъ въ Москвѣ, я получилъ отъ А. С. Бѣлоруссова предупрежденіе, что въ цѣломъ рядѣ городовъ вокругъ Москвы — и въ томъ числѣ во Владимірѣ, — послѣ завтра назначено возстаніе „бѣлыхъ". Я бросился домой. Къ моему удивленію въ городѣ ничего не знали. Снестись съ Москвой было невозможно: и телефонъ, и телеграфъ находились подъ строгимъ присмотромъ... Вдругъ грянулъ громъ возстанія въ Ярославлѣ, въ Арзамасѣ, въ Муромѣ, — какъ же нѣтъ приказа у насъ? Всѣ заметались — надо бы Ярославль поддержать. Но приказъ не приходилъ. Меня путаница эта страшно смущала. Я предчувствовалъ бѣду...

Страшно были ликвидированы Ярославль, Муромъ и Арзамасъ и на нашемъ базарѣ появились побѣдоносные красноармейцы; всѣ безъ усовъ, конечно, въ шлемахъ, украшенныхъ красными лентами въ знакъ полнаго торжества, и стали продавать брилліанты, плюшевыя одѣяла, господское платье, дорогія шторы, мѣха, золотыя вещи. Мужички все это охотно покупали — нельзя, соціалисты... И вдругъ прибѣгаетъ ко мнѣ X.

— Приготовьтесь, Иванъ Федоровичъ: сегодня вечеромъ въ 11 часовъ выступленіе. Вамъ надо увезти дѣтей: на вашей улицѣ будетъ особенно жарко . . .

— Да вѣдь это же безсмыслица! . . . Вы дождались возвращенія красныхъ и поднимаетесь . . .

Пожимаетъ плечами.

— Такъ. Но есть приказъ. Увезите дѣтей . . .

— Куда? Можно въ Доброе село? . . .

— Нѣтъ. Вѣроятно, ихъ будутъ гнать какъ разъ въ томъ направленіи.

— Ну, такъ я увезу ихъ къ себѣ въ Буланово, а самъ сейчасъ же вернусь . . .

— Мнѣ приказано занять телефонную станцію . . . — сказалъ онъ. — Вы позвоните мнѣ часовъ въ 11 изъ Буланова и я скажу вамъ всѣ новости . . .

Мы крѣпко пожали другъ другу руки, а потомъ я обнялъ милаго юношу. Онъ былъ только немножко взволнованъ, но нисколько не пугался и, по своему обыкновенію, смѣялся: онъ во всемъ ухитрялся какъ-то видѣть комическую сторону.

Я пошелъ искать лошадей. Я скоро встрѣтилъ своего булановскаго родственника, отца храбраго матроса Кирюши; за приличное вознагражденіе — 100 р. обратно, всего за 28 верстъ, — онъ согласился увезти моихъ ребятъ въ деревню и потомъ привезти ихъ обратно. Къ вечеру мы собрались и поѣхали — будто, за грибами. Измученная, голодная лошадь совсѣмъ не везла и мы почти все время по тяжелой песчаной дорогѣ шли пѣшкомъ. Ничего не подозрѣвавшія ребятишки веселились, радуясь пріятной прогулкѣ.

У Орлова перевоза встрѣтили мы булановцевъ, Федора Буянова, который раньше усердствовалъ въ пользу меньшевиковъ, а теперь перемазался уже въ большевики и, спекулируя на Ландринѣ и коровьемъ маслѣ, съ удовольствіемъ говорилъ о „диктатурѣ пролетаріата“, и Мишутку Наживина,

брата Кирюши, который для пущаго страха вырядился матросомъ. Милые молодые люди пришли захватить чужіе, частновладѣльческіе луга, но были разочарованы: ихъ кто-то успѣлъ уже выкосить! . . .

Пріѣхавъ, мы остановились не у дяди, у котораго было тѣсно, а рядомъ, у Василія Ивановича. Поздно ночью, послѣ 11, я прошелъ къ телефону, позвонилъ и съ трепетомъ ждалъ отвѣта, знакомаго мужского голоса. Отвѣчаетъ барышня. Я прошу дать домъ одного знакомаго. Оттуда отвѣчаютъ, что въ городѣ все спокойно. Значитъ, что-то сорвалось . . .

На утро, усталый, я проспалъ немного. Вставъ, спрашиваю Василія Ивановича, не слышно ли чего со стороны города. Онъ таинственно сообщилъ мнѣ, что на зарѣ слышались перекаты массовой стрѣльбы и нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Я немедленно собрался и пѣшкомъ побѣжалъ на Колокшу, сѣлъ на первый отходящій поѣздъ и поѣхалъ. Въ городѣ все было спокойно. Я пошелъ за справками: оказалось, что стрѣльба была въ воображеніи Василія Ивановича, — въ самый послѣдній моментъ, когда бѣлогвардейцы одѣлись и прощались уже со своими семьями пришелъ приказъ отложить. Участники возстанія были очень раздосадованы . . . Бросался въ глаза недостатокъ конспираціи: оказалось, что вечеромъ, за часъ до возстанія, милиціонеры ходили по улицамъ и кричали: „закрывайте окна . . . Сейчасъ стрѣльба будетъ . . .“ — какъ будто закрытыя окна кого-то отчего-то могли гарантировать! . . .

Вызвавъ семью по телефону изъ деревни, я тотчасъ же уѣхалъ по дѣламъ въ Москву. Но не успѣлъ я пробыть въ Москвѣ и трехъ дней какъ жена сообщаетъ мнѣ по телефону, что противъ меня булановцами начато дѣло по обвиненію меня въ — контръ-революціонности! . . . Оказалось, что крестьяне приступили къ дядѣ съ требованіемъ или возвратить деревнѣ часть своей усадьбы, — она у него была старинная,

родовая, широкая — или же заплатить за эту часть міру 300 р. въ годъ. Усадьба и вся того по нашимъ цѣнамъ не стоила, но было приказано „додушивать бржуазовъ“ и не свести на этомъ декретѣ старыхъ счетовъ было бы непростительно. Дядя вышелъ изъ себя и, какъ раньше онъ грозилъ земскому начальнику своимъ богатымъ братомъ и вызывалъ его на единоборство „по любкамъ“, такъ теперь онъ закричалъ на мірскихъ делегатовъ, грозя имъ, что вотъ погодите немного, вамъ пропишутъ, а для большаго вѣса прибавилъ:

— Иванъ Федорычъ сказывалъ, что и двухъ недѣль вашимъ чертовымъ совѣтамъ не продержаться . . . Погодите, сукины дѣти! . . .

Я, между прочимъ, и въ глаза дяди въ этотъ пріѣздъ не видалъ.

Хулиганье наше обрадовалось дурацкой выходкѣ и состряпало соотвѣтственный приговоръ и потребовало, что бы всѣ подписались. И всѣ, даже мои пріятели, даже родственники подписывались: „плачешь, а подписываешь . . .“ — говорили мнѣ потомъ эти совсѣмъ уже оторопѣвшіе, перепуганные люди, которыхъ уже подхватило и несло куда-то теченіемъ противъ ихъ воли. Огромное большинство крестьянъ уже одумалось, уже испугалось того, что было надѣлано, но народъ какъ-то обезсилѣлъ и сопротивленія уже не оказывалъ.

Впрочемъ, вообще конъюнктура для мужика была очень благопріятна: муку онъ продавалъ по 300 за пудъ уже, картошку по 50 за мѣру. Если бы его прижало, можетъ быть, онъ и возопилъ бы. Да и нигилизмъ какой-то обнаружился въ народѣ, — точно всѣмъ все равно стало, точно не стало у людей ничего завѣтнаго . . . Помню, иду я мимо храма Христа Спасителя и вижу, сидитъ на памятникѣ Александра III, у самой головы царя самый обыкновенный ситцевый калужскій мужичонко и молоточкомъ тюкаетъ по статуѣ, корону по при-

казанію новаго начальства отбиваетъ, и дѣлаетъ все это съ самымъ равнодушнымъ видомъ: это для него только поденная или сдѣльная работа. Приказано корону отбить, отобьетъ, прикажутъ снова надѣть — надѣнетъ . . .

Получивъ это пріятное извѣстіе, я поѣхалъ къ Бончу и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло: хочешь-не хочешь, а выкручивайся! Онъ выдалъ мнѣ особую охранную грамоту, которая гласила, что „предъявитель сего, писатель Иванъ Ф. Наживинъ лично мнѣ давно и хорошо извѣстенъ. Въ политическихъ партіяхъ Наживинъ не состоитъ, но занимается общественно-полезной дѣятельностью, издавая хорошія книжки для народа. Посему совѣтскимъ властямъ необходимо оказывать ему полное содѣйствіе, если онъ будетъ имѣть нужду обратиться въ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.“

— Ну, вотъ . . . — сказалъ мнѣ Бончъ, вручая свою грамоту. — Теперь можете спать спокойно. И не надо такъ огорчаться на темный народъ. Вотъ на дняхъ пришлось намъ защищать такъ же отъ народа П. А. Крапоткина . . . Онъ поселился подъ Москвой въ усадьбѣ и мужички тотчасъ же начали всячески изводить его. Разумѣется, намъ пришлось послать своихъ людей разъяснить населенію, что хотя онъ и князь, но князья бываютъ разные . . . Теперь, кажется, живетъ уже болѣе или менѣе спокойно . . .

Конечно, я испытывалъ нѣкоторую принципіальную неловкость прикрываться такой грамотой, но, въ сущности, что же было дѣлать? Не тѣмъ, такъ другимъ, а защитить себя и семью отъ натиска хулигановъ, которые вдругъ такъ полюбили, будто бы, революцію, надо же было.

Я, вернувшись домой, пошелъ къ нашему комиссару юстиціи. До переворота онъ былъ частнымъ повѣреннымъ, крѣпко проворовался, отбылъ свой тюремный стажъ и потому былъ теперь комиссаромъ юстиціи. Это былъ очень неглупый парень, который очень энергично боролся со всевозможными худо-

жествами юной власти и, гдѣ могъ, спасалъ жертвъ ея дикаго, безграничнаго произвола. Онъ въ то время уже „обезпечивалъ себѣ тылъ“, какъ у насъ выражались, отлично понимая, что ничто не вѣчно подъ луной, а тѣмъ болѣе власть побѣдоносного „пролетаріата“. Я вручилъ ему свои грамоты и былъ принятъ съ полнымъ вниманіемъ въ огромномъ кабинетѣ предсѣдателя окружного суда. Оказалось, что приговоръ булановцевъ еще не поступалъ, но если онъ и поступитъ, то —

— Такія ябеды мы большею частью сами направляемъ къ прекращенію . . . — сказалъ комиссаръ. — Но если бы почему либо сдѣлать это было бы нельзя, то я совѣтывалъ бы вамъ тотчасъ же, какъ поступитъ жалоба, подать контръ-жалобу по обвиненію этихъ господъ въ клеветѣ. Увѣряю васъ, мы съ большимъ удовольствіемъ упечемъ ихъ. Вѣдь мы отлично понимаемъ, что завтра эти октябрьскіе большевики будутъ съ полнымъ усердіемъ пѣть „Боже царя храни“ и развѣшивать насъ по деревьямъ . . .

Случайно встрѣтивъ на улицѣ нашего главнаго дѣятеля, Федора Буянова, который игралъ не послѣднюю роль въ составленіи приговора, но держался со мной, какъ большой другъ, я показалъ ему свою грамоту, такъ, къ слову. И приговоръ вскорѣ безслѣдно исчезъ . . .

Не успѣлъ я ликвидировать это „дѣло“, жена телефонируетъ мнѣ, что какіе-то солдаты реквизировали мой ремингтонъ — у нихъ къ ремингтонамъ обнаружилась такая же страсть, какъ и въ автомобилямъ; ѣду во Владиміръ и съ помощью все той же грамоты послѣ длительныхъ хлопотъ отбиваю свою машину, которая въ тѣ времена цѣнилась уже въ 7000 р. Такъ все время и уходило на отбиваніе аттакъ побѣдносно шествующаго все впередъ и впередъ пролетаріата: не мытьемъ, такъ катаньемъ, не тѣмъ, такъ другимъ . . .

Между тѣмъ докатилась до насъ и эпидемическая волна этихъ безсмысленныхъ общественныхъ работъ, — безсмысленныхъ потому, что вездѣ безработные насчитывались десятками тысячъ, получали отъ казны ежедневное довольно приличное содержаніе, нужды въ неумѣлыхъ рукахъ буржуазіи не было, конечно, никакой, но надо было отмстить буржуазамъ за ту рану, которую нанесла вождю пролетаріата, Ленину, еврейка Капланъ, совсѣмъ не биржуазка! Меня съ семьей не тронули, но большинство моихъ знакомыхъ отправилась мыть полы въ казармахъ, мести улицы, чистить отхожія мѣста. И въ этомъ распоряженіи, какъ и во всемъ, сказалась мудрость новаго начальства: всѣ домовладѣльцы были записаны въ число буржуазовъ, хотя дома ихъ были уже націонализованы и они не были уже домовладѣльцами; и каждому извѣстно, что среди домовладѣльцевъ въ провинціальномъ захолустьѣ есть такіе, которые сами ходятъ ежедневно на поденщину, чтобы заработать себѣ на пропитаніе. И вотъ эти полунищіе старики и старухи пошли на эти новыя постройки пирамидъ для новыхъ фараоновъ, а многіе обезпечившіе себя весьма недурно недомовладѣльцы остались въ сторонкѣ . . . Потомъ созвали интеллигентныхъ женщинъ шить мѣшки, а такъ какъ нитокъ не было, то приказали шить безъ нитокъ и десятки женщинъ, сидѣли и, держа на колѣнахъ холстину, дѣлали видъ, что шьютъ! . . .

Отправляясь на работы, всѣ трепетали передъ наглыми красноармейцами, но тутъ ожидало всѣхъ нѣчто совсѣмъ изумительное: отношеніе красноармейцевъ къ плѣненной буржуазіи оказалось не только вполнѣ корректнымъ, но часто даже трогательно-сердечнымъ. Такъ, небольшая группа нашихъ дамъ была назначена вымыть въ полы въ казармахъ. Явились.

— Вы зачѣмъ? — спрашиваютъ солдаты, валявшіеся по койкамъ, давившіе насѣкомыхъ, игравшіе на гармоникахъ

и вообще предававшіеся разумнымъ развлеченіямъ на досугѣ, не въ примѣръ прежнимъ, контръ-революціоннымъ солдатамъ.

— Мыть полы у васъ . . .

— Пустяки. И сами вымоемъ, когда нужно . . .

— Нельзя, приказано . . .

— Не дадимъ, и все тутъ! . . . Нечего дурака-то валять, будя! . . .

— Да вѣдь и намъ, и вамъ достанется . . .

— Ну, коли такъ, такъ садитесь на окошко и глядите, не пойдетъ ли эта лохматая сволочь наша (т. е., г. г. комиссары и вообще начальство), а мы разомъ вымоемъ . . . Берись, ребята! . . .

Мигомъ вытащили ведра, швабры и моментально казарма была вымыта.

— Ну, идите теперь по домамъ . . .

— Нельзя, намъ надо быть здѣсь по наряду до шести часовъ . . .

— Ну, сидите, а мы вамъ на гармошкѣ съиграемъ . . .

Безъ слезъ бѣдныя женщины не могли разсказывать объ этомъ . . .

За то отношеніе „совѣтскихъ“ было возмутительно. Крики „разстрѣляемъ“, „въ нагайки“, „сгноимъ въ тюрьмѣ“, безобразная ругань, — все было. Были даже и побои. Нещадили ни пола, ни возраста, ни больныхъ . . .

Вообще эти новыя соціалистическія войска съ красной пентаграммой во лбу — на ушко наивные дурачки шептали, что это еврейскій знакъ изъ Каббалы — были и для меня загадкой, отъ которой всѣ мы шарахались въ сторону вмѣсто того, чтобы подойти поближе и попытаться разгадать ее. Разъ я сдѣлалъ попытку разгадать этого новаго сфинкса, который то продавалъ по базарамъ краденыя у буржуазовъ плюшевыя одѣяла въ крови и золотыя вещи, то вмѣсто буржуазовъ самъ, своей охотой мылъ полы, остерегаясь только

„косматой сволочи“. Это было въ редакціи „Власть Народа“, гдѣ мы бесѣдовали о своихъ дѣлахъ подъ охраной такого сфинкса съ винтовкой. И мнѣ захотѣлось поговорить съ нимъ не какъ съ „товарищемъ“, а по старому, какъ съ „землячкомъ“.

— А что это вы караулите насъ, землячокъ?... — спросилъ я.

— Приказано смотрѣть, чтобы никто ничего изъ редакціи не выносилъ...

— Чего же нельзя намъ выносить?

— Ничего нельзя...

— Ну, вотъ я получилъ деньги — можно ихъ вынести?...

— Это можно... — усмѣхнулся сфинксъ.

— Ну, а газеты вотъ со стола взять можно?

— И это, должно, можно...

— Такъ чего же нельзя?

— А ничего нельзя... — совершенно равнодушно отвѣчалъ онъ.

— Такъ. А скажите: довольны вы службой?...

— Нѣтъ. Безпокойно стало. Занятіями хошь и не очень утруждаютъ, а безпокойно: то туды пошлютъ, то сюды... Думаю уйти, какъ кончатся три мѣсяца.

— А зачѣмъ вы пошли въ армію?

— А куды было дѣваться? Пришелъ съ войны, туды сунулся за работой, сюды — нигдѣ ничего нѣту. Не подыхать же съ голоду... Вотъ и пошелъ. Тутъ и жалованье даютъ и кормятъ ничего себѣ...

— А можно посмотрѣть винтовку?

— Сдѣлайте милость...

На винтовкѣ столько ржавчины, что затворъ едва дѣйствуетъ.

— Однако, землячокъ, ружьецо-то ты довелъ до точки!...

— А на кой оно мнѣ чортъ, это ружьецо-то? . . . — совершенно равнодушно отвѣчалъ бѣдный парень.

И я понялъ, что армія коммунистовъ это въ огромномъ большинствѣ армія подкупленныхъ голодныхъ людей. Вотъ и весь ея секретъ. А если она не разбѣгалась по домамъ, то держалъ ее голодъ, если побѣждала, то потому, что въ нея были вкраплены отряды отчаянныхъ матросовъ, латышей, китайцевъ и каторжниковъ, которые въ нужный моментъ не стѣснялись потораплива́ть въ наступленіи своихъ товарищей изъ пулеметовъ въ спину . . . Но, конечно, и извѣстная отпѣтость русскаго человѣка, этотъ особенный его нигилизмъ, позволяющій ему поденно или сдѣльно равнодушно сбивать корону съ царя, предъ которымъ онъ вчера лежалъ во прахѣ, съиграли тутъ извѣстную роль . . .

Не легко было во Владимірѣ, не легче и въ Москвѣ, куда я часто ѣздилъ по дѣламъ. Старикъ мой совсѣмъ одряхлѣлъ, совсѣмъ растерялся: онъ все никакъ не могъ понять, какъ это допустили, что солдаты такую власть взяли, кто далъ имъ такое право . . . Его скромная квартирка была уже уплотнена какимъ-то путейскимъ чиновничкомъ, у котораго по очереди гостила то жена, то любовница, которыхъ по очереди онъ и потѣшалъ игрой на гитарѣ.

Я же уплотнялъ собою квартиру одного богатаго знакомаго фабриканта Ш., гдѣ такъ же жили для уплотненія и П—іе.

Послѣ дня утомительной бѣготни и хлопотъ сидимъ, бывало, компаніей за столомъ и пьемъ чай и мечтаемъ, какъ и что будемъ мы дѣлать, „когда все это кончится“ . . . За окномъ черная ночь — освѣщенія на улицахъ уже никакого нѣтъ, — и эта новая страшная московская тишина. И вдругъ издали слышится: ту-ку-ту-ку-ту-ку . . . — идетъ грузовикъ. Остановка, пауза, залпъ — разстрѣляли: сзади, за домомъ, помѣщалось одно изъ многихъ мѣстъ, приспособленныхъ для

разстрѣловъ враговъ совѣтской власти. Потомъ нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ, — добиваютъ. И опять ту-ку-ту-ку . . . — увозятъ трупы. Чрезъ часъ снова вдали слышится стукъ автомобиля, снова пауза, снова залпъ, снова разрозненные выстрѣлы и опять автомобиль удаляется, чтобы чрезъ часъ-два явиться съ новой порціей... И такъ иногда до разсвѣта . . .

И всякій разъ какъ за окномъ стучалъ автомобиль, мои компаньоны обрывали разговоръ, глаза ихъ дѣлались круглыми, они прислушивались.

— Кажется, около насъ остановился . . .

Я успокаивалъ ихъ: нѣтъ, прошелъ мимо. Да и зачѣмъ онъ здѣсь остановится? Они удивлялись моему спокойствію.

— Да чего же очень-то безпокоиться? — отвѣчалъ я. — Вѣдь, въ концѣ концовъ, все равно отъ чего умереть, отъ испанки или отъ пули „коммуниста“. А кромѣ того не надо и преувеличивать опасности: если отъ революціи погибнетъ даже милліонъ людей, то и то это будетъ только менѣе 1%.

— Да, но мы не хотимъ попасть въ этотъ 1%! . . . — злыми голосами отвѣчали они мнѣ.

— А не хотите — сопротивляйтесь, боритесь . . . — такъ же зло отвѣчалъ я.

А то вдругъ темной ночью побѣгутъ зарывать стеклянныя банки съ драгоцѣнностями и съ деньгами — это былъ самый любимый спортъ русской буржуазіи въ то тяжкое время. Цѣны на банки съ притертыми крышками въ это время въ Москвѣ стояли совершенно сумасшедшія: брались нарасхватъ. Многіе изъ этихъ спортсмэновъ умерли, а другіе просто-на-просто въ страхѣ забыли, куда они дѣвали свои цѣнности — огромное количество кладовъ откроется въ Москвѣ вѣка спустя послѣ насъ! . . . А бѣдный М. В. Алексѣевъ, Верховный Главнокомандующій, выѣхалъ, какъ говорятъ, изъ Москвы на Донъ съ 400 р. въ карманѣ . . .

Вообще, хотя эти люди были и чужды мнѣ, меня связывали съ ними дѣловыя отношенія, во первыхъ, а во вторыхъ, охота и я отдыхалъ у нихъ отъ разныхъ „идейныхъ“ разговоровъ, отъ этого нашего постояннаго интеллигентскаго кипѣнія. Иногда мы мечтали вмѣстѣ о будущихъ охотничьихъ экскурсіяхъ нашихъ, а то шли въ кино или въ „Летучую Мышь“, или составляли небольшую партію въ карты. И во всемъ этомъ я находилъ прямое удовольствіе — въ этомъ былъ отдыхъ отъ тяжелыхъ думъ, отъ заботъ, отъ всего, что окружало. „Для чего люди одурманиваются?“ — спрашивалъ Толстой, разсуждая о рюмкѣ хорошаго вина и о сигарѣ, выкуренной въ компаніи съ пріятелями, и рѣшалъ: для того, чтобы скрыть отъ себя свою ужасную преступность. Я думаю, во-первыхъ, что „одурманиваются“ сказано вообще слишкомъ сильно, никакого особеннаго „дурмана“ въ этомъ нѣтъ, а во-вторыхъ, не потому это дѣлается, что надо скрыть какую-то преступность — ея не было, ибо всѣ одинаковы . . . — а для того только, чтобы отдохнуть, забыться на минуту, дать себѣ передышку на для всѣхъ тяжеломъ пути жизни.

Жестокіе это люди, эти добрые моралисты! . . .

Да, тамъ залпы, тамъ добиваніе плохо застрѣленныхъ, а мы ничего себѣ, сидимъ, пьемъ чай. Нервы изумительно огрубѣли и притупились и это обездушеніе человѣка, — можетъ быть, самое ужасное слѣдствіе большевистскаго режима. Я лично какъ-то ничего уже особенно не пугался. Да и всѣ тоже. Помню, въ день убійства графа Мирбаха и возстанія лѣвыхъ эсъ-эровъ я ѣхалъ домой. Я сидѣлъ уже въ переполненномъ вагонѣ, какъ вдругъ гдѣ-то рядомъ раздался ужасающій взрывъ. Все даже затряслось вокругъ. Раньше какая бы паника! . . . А теперь только суетливое любопытство — гдѣ? кто? кого? — а потомъ сразу шутки и смѣхъ:

— Крути, Гаврила! . . . Поѣхали! . . . Насъ теперь не догонишь! . . .

Помучаешься въ Москвѣ, ѣдешь мучаться во Владиміръ, гдѣ властно нарастаетъ голодъ и холодъ и нищета. Уже не видно почти ни одной кватиры безъ этихъ ужасныхъ бѣлыхъ билетиковъ на окнахъ: тамъ продается мужская шуба, тамъ мебель, тамъ швейная машинка, тамъ велосипедъ, — распродается, чтобы спастись отъ голода и холода, все то скромное, часто убогое имущество, которое скоплено было человѣкомъ въ теченіе долгой трудовой жизни. И эти бумажки, бѣлые сигналы гибели и раззоренія, какъ больно щемятъ они душу! . . . И мы отдали уже Франкоттъ за пару ботинокъ и грамофонъ съ пластинками — по старой цѣнѣ рублей на 700 — за полтора пуда муки. А покупали все это добро новые господа жизни, коммунисты и мужички . . .

А среди этой всеобщей гибели жизни взрывами бомбы продолжалось веселое творчество новыхъ правителей земли Суздальской. Комиссаръ финансовъ только что придумалъ налогъ съ вывѣсокъ, а комиссаръ народнаго просвѣщенія объявилъ на этихъ самыхъ вывѣскахъ буквы ѣ и ъ подлежащими немедленному уничтоженію, какъ явно контръ-революціонныя. Для того, что бы перемазать вывѣску, надо прежде всего, конечно, подсолнечное масло, которое населеніе и въ пищу употребляетъ уже только каплями, югъ отрѣзанъ, подвоза его нѣтъ, но съ другой стороны обвиненіе въ контр-революціонности по тѣмъ временамъ тоже было не шуткой. И вотъ бѣдные биржуазы начинаютъ одинъ испуганно замазывать контр-революціонныя буквы мѣломъ, другіе заклеиваютъ ихъ кусочкомъ картона на кнопкахъ, третьи пытаются просто отковырнуть ихъ, но дождикъ мѣлъ смываетъ, картонъ размокаетъ и снова контръ-революція смотритъ со старой вывѣски во всѣ глаза и снова надо мучиться и изобрѣтать средство для ея уничтоженія. А въ это

время тотъ же „наркомпрос“ извѣщаетъ почтенныхъ гимназистовъ и гимназистокъ, что вставать при входѣ учителя въ классъ и вѣжливо отвѣчать ему — буржуазный предразсудокъ, что можно — конечно, сидя — спорить съ нимъ и всячески ему пакостить. Гимназисты на декретъ этотъ отвѣютъ своему печальнику — онъ то же былъ изъ недоучившихся гимназистовъ — пѣніемъ въ перемѣну контр-революціоннаго гимна „Боже, царя храни . . .“

И не думайте, что такъ весело проводили время только въ провинціи. Такіе же наркомпросы въ столицахъ разрѣшили поступать въ высшія учебныя заведенія безъ всякаго экзамена всякому желающему. И вотъ люди, не знающіе четырехъ правилъ ариѳметики, шли слушать лекціи въ технологическій институтъ, а люди, едва умѣющіе читать, записывались въ университетъ. . . А если профессора они не понимали, то говорили, что онъ нарочно такъ читаетъ, что онъ саботируетъ народную власть, и предъявляли къ нему обвиненіе въ контрреволюціи . . .

Но эти мальчики, новые учащіеся, были люди не промахъ; вскорѣ они подали правительству ходатайство: люди они рабочіе и учиться наукамъ и работать одновременно у станка имъ не подъ силу и потому просятъ они отъ работы ихъ освободить, а чтобы могли они учиться, назначить имъ . . . приличное жалованье. Правительство рѣшило, что, если такой студентъ представитъ удостовѣреніе отъ какой-нибудь рабочей организаціи, что онъ, дѣйствительно, снѣдаемъ жаждой просвѣщенія, то ему будетъ положено отъ правительства 1500 р. въ мѣсяцъ. Конечно, рабочія организаціи охотно выдавали такія удостовѣренія — рука руку моетъ — и студенты приступили къ занятіямъ, которыя шли такъ успѣшно, что на бумагѣ на одномъ факультетѣ числилось 8000 слушателей, а посѣщали лекціи въ нетопленомъ университетѣ . . . 6 человѣкъ! . . .

И тоска, и смѣшно, и некуда дѣваться!...

И приходятъ люди, и жалуются, и тоскуютъ, и плачутъ. А за окнами ночь, мракъ, тишина умирающаго города. Гость прекрасный піанистъ, хочется послушать хорошей музыки, но, обсудивъ, рѣшаемъ не играть — того и гляди, полетитъ въ окно камень:

— Ишь, буржуи, сволочь, веселятся!... А говорятъ еще, голодъ....

И сидимъ, и тоскуемъ...

Грохотъ тяжелыхъ сапоговъ, приближающіеся грубые голоса, тяжело вдругъ подымаются звуки обезображенной нами до неузнаваемости, такой прекрасной въ замыслѣ Марсельезы:

— Вставай, подымайся, рабочій народъ... Да иди, чертище, скорѣе!... П-падымайся рабочій народъ... Что ты тамъ путаешься, собачья душа?...

То пьяные красноармейцы возвращаются откуда-то въ казармы...

И вдругъ опять совершенно неожиданный изломъ жизни, какая-то дикая гримаса ея.

Эти люди терпѣливо сносили всякое издѣвательство, чистили ретирады, мыли полы, сносили и заключеніе и разстрѣлы своихъ близкихъ, сносили все, но вотъ на какомъ-то спектаклѣ въ Большомъ театрѣ въ Москвѣ въ царскую ложу входятъ члены мѣстнаго совдепа, должно быть, — такъ, какіе-то добрые молодцы съ жирными подбритыми затылками — и моментально вся зала, какъ одинъ человѣкъ, встаетъ съ своихъ мѣстъ и разражается дикимъ протестомъ противъ нахаловъ. Скандалъ принялъ такіе грандіозные размѣры, что спектакль пришлось бросить на половинѣ. Нахалы не унимались и на слѣдующій вечеръ опять бросили вызовъ публикѣ и опять страшный скандалъ поднялся въ залѣ, и опять добрыхъ молодцевъ заставили изъ царской ложи уйти...

И часть интеллигенціи уже мирилась съ торжествующимъ хамомъ. Студенты московскаго университета цѣлой группой подошли къ профессору, новоявленному большевику, и спросили его: неужели же онъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣритъ въ то, что говоритъ?

— Разумѣется, нѣтъ ... Но это прекрасная пропаганда — для будущаго ...

Конечно, пить-ѣсть и профессору нужно.

„Нашъ извѣстный поэтъ“, К. Д. Бальмонтъ, который такъ недавно еще, казалось, похвалялся, что онъ „сынъ солнца“, что „въ жилахъ его течетъ царственная кровь“ — онъ былъ помѣщикъ изъ-подъ Шуи, мой землякъ, — теперь издалъ препоганенькую брошюрку: „Революціонеръ ли я?“, въ которой и доказывалъ, конечно, что онъ революціонеръ, что даже во второмъ классѣ гимназіи онъ былъ уже эсъэромъ...

И не одни поэты расписывались такъ предъ торжествующимъ хамомъ въ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Одна изъ „бѣлыхъ“ организацій назначила какъ-то пробную мобилизацію офицеровъ — на зовъ явилась едва десятая часть ихъ. А когда, нѣкоторое время спустя, большевики объявили регистрацію офицерства, на приказаніе ихъ явилось ни много, ни мало, какъ слишкомъ 40.000 человѣкъ, т. е. цѣлый корпусъ! Такъ въ затылокъ и стали всѣ. И невѣроятно тяжкое впечатлѣніе произвело это на патріотическую Москву: цѣлая армія хорошо знающихъ военное дѣло людей покоряется кучкѣ прохвостовъ!

И, помню, въ тотъ же вечеръ регистраціи ко мнѣ вдругъ звонятъ. Въ чемъ дѣло? Оказывается, въ одной близкой семьѣ попалъ въ эту исторію членъ семьи, артиллерійскій капитанъ и вотъ требуется, чтобы я похлопоталъ, поручился за него, что онъ не контръ, не врагъ народа, что съ большевистской точки зрѣнія онъ совсѣмъ паинька.

— Да позвольте!... Да какъ же я могу дать ему такую аттестацію, если даже онъ на это и согласенъ? А что будетъ потомъ? Какъ будутъ смотрѣть на это его товарищи? И такъ могу я поручиться за это? Что вы, одумайтесь!...

Но одуматься хотѣли немногіе. И всюду эти немногіе, гдѣ только могли, всѣми силами саботировали новой „строй“: то на Тульськомъ заводѣ утечетъ за ночь вся нефть, то батареи такъ перепутаютъ, что и концовъ не найдешь, то огромная партія стали для пулеметовъ окажется никуда негодной...

XI.

. . . .

XII.

. . . .

XIII.

Черныя тучи безумья и слѣпой злобы все болѣе и болѣе сгущались вокругъ. Для „додушенія“ буржуазовъ было придумано еще новое средство: выселеніе изъ квартиръ. Къ вамъ являлись чужіе, безстыжіе люди и говорили, что вы должны освободить вашу квартиру „въ двадцать четыре часа“, — революціонный гимнъ мы, изуродовавъ, заимствовали у французовъ, а оффиціальный жаргонъ — у старыхъ полицейскихъ приставовъ. Ничего своего!... Впрочемъ, двадцать четыре часа на эвакуацію давались рѣдко, а то и два часа, и говорилось вамъ, что вы „не имѣете права“ взять съ собой ни вашу мебель, ни даже запасной одежды, а только двѣ смѣны бѣлья. Иногда, впрочемъ, позволялось взять и мебель — сколько видѣлъ я ихъ въ Москвѣ, этихъ плачущихъ семей, сидѣвшихъ въ безплодныхъ ожиданіяхъ „ломового“ (ихъ не хватало — лошади отъ безкормицы падали сотнями...) подъ холоднымъ дождемъ на своихъ вещахъ, выкинутыхъ изъ гнѣзда побѣдоноснымъ хулиганомъ!...

— А въ вашей квартирѣ будутъ жить теперь рабочіе...

— А мы куда дѣнемся?

— А куда угодно. Можете въ ихъ подвалъ...

— Но... но я артистка... я пою....

— Вотъ тамъ въ подвалѣ и споете. Ха-ха-ха!...

Въ квартиры эти вселялись рабочіе съ окраинъ, но тутъ получилось нѣчто неожиданное. По истеченіе мѣсяца домовый комитетъ, фактическій хозяинъ націонализованнаго дома, предъявлялъ новому квартиранту счетъ: за отопленіе столько-то, за освѣщеніе столько-то, за канализацію, ремонтъ, дворниковъ — столько-то и пр., и пр., и пр., — въ общей сложности получалась по тогдашнимъ цѣнамъ сумма на столько кругленькая, что, какъ ни велики были въ это время заработки рабочихъ, онъ невольно скребъ въ затылкѣ. И разсуждалъ: раньше за двадцать пять рублей я имѣлъ квартиру въ 3 комнаты, двѣ изъ нихъ я сдавалъ за 30 р. жильцамъ отъ себя — квартира стало быть мнѣ оставалась даромъ да пять рублей шло на отопленіе, да и не зависѣлъ я ни отъ кого, а это что же получается?... Но съ другой стороны откуда же домовый комитетъ возьметъ на всѣ эти расходы?... Съ теченіемъ времени охотниковъ переселяться въ эти дорогія квартиры среди рабочихъ становилось все меньше и меньше, но это ничуть не охлаждало рвенія начальства...

Къ одному моему знакомому, жившему на Бутыркахъ, въ своемъ небольшомъ особнячкѣ, явилась такая компанія завоевателей и языкомъ пристава приказала:

— Приказываемъ вамъ очистить вашу квартиру сегодня къ вечеру, оставивъ въ ней все какъ есть. Сюда перейдетъ изъ дворницкой вашъ дворникъ, а вы съ семьей переселитесь въ подвалъ. Неисполненіе этого приказа чрезвычайной районной комиссіи повлечетъ за собой конфискацію всего вашего имущества и выселеніе ваше съ семьей изъ Москвы въ двадцать четыре часа...

Дѣлать нечего, полѣзъ бѣдняга въ подвалъ, гдѣ не было ни печей, ни даже пола. И то, и другое пришлось спѣшно налаживать, такъ какъ подходили уже холода.

Чрезъ нѣсколько дней являются снова, производятъ повальный обыскъ и находятъ два пуда керосина.

— А—а! . . . Запасы! . . . А мы сиди въ темнотѣ . . . Къ стѣнкѣ! . . .

Напрасно бѣдняга указывалъ, что этотъ керосинъ накопленъ имъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ изъ того, что онъ получалъ по карточкамъ, — „къ стѣнкѣ“ и конецъ . . . И только энергичное вмѣшательство сосѣдей спасло несчастнаго отъ дальнѣйшаго издѣвательства, а, можетъ быть, и кровавой расправы: за пулей тогда не стояли — „патроновъ не жалѣть“, сказалъ приставъ.

Мой старый пріятель П., бывшій раньше редакторомъ въ одной огромной издательской фирмѣ, которая была теперь „соціализирована“, оказался на улицѣ и пошелъ служить въ американскомъ христіанскомъ союзѣ молодежи. Его обвинили въ сношеніяхъ съ представителями союзныхъ державъ, укрывшимися въ Вологдѣ, схватили и бросили въ казематы Чрезвычайки на Б. Лубянкѣ. Онъ просидѣлъ тамъ — вѣрнѣе, простоялъ, такъ какъ сѣсть было нельзя, благодаря невѣроятному количеству клоповъ, покрывавшихъ почти сплошнымъ ковромъ все, что было въ казематѣ, — двое сутокъ. Все время внизу, въ подвалѣ, грохотали залпы, а его товарищи по каземату исчезали одинъ за другимъ: разстрѣливали . . . Его сынъ явился ко мнѣ съ просьбой похлопотать за отца. Я поѣхалъ къ нашему общему знакомому Карлу Ландеръ, который въ былое время литераторомъ четвертаго сорта околачивался около „Посредника“, а во время революціи 1905, какъ я разсказывалъ въ III части моихъ записокъ, вдвоемъ съ П. составлялъ „Союзъ христіанскій борьбы“. Изъ прошлаго Карлуши помню я одинъ, но довольно харак-

терный фактъ. Когда жилъ онъ въ „Посредникѣ", у него умеръ ребенокъ-первенецъ; бѣдненькая, совсѣмъ молодая жена его растерялась: Карлуша рѣшительно не хотѣлъ хоронить ребенка церковнымъ способомъ, но съ другой стороны не предпринималъ ничего, чтобы похоронить его „вольно".

— Да ты помогъ бы женѣ-то . . . — говорили ему возмущенные друзья. — Вѣдь, она изъ силъ выбилась . . .

— Напрасно . . . — отвѣчалъ онъ. — Пусть кому нужно, тотъ и хоронитъ . . . А мнѣ это совершенно безразлично . . .

Теперь у большевиковъ Карлуша занималъ очень видный постъ и я думалъ, что онъ выручитъ стараго соратника своего по „христіанскому союзу". Но я ошибся: Карлуша даже не принялъ меня . . . Впрочемъ, П. какъ-то съумѣлъ самъ выкарабкаться . . .

Другого моего пріятеля, милаго N., который долженъ былъ во Владимірѣ одинъ занять телефонную станцію, схватили и бросили въ тюрьму — нужны были заложники . . .

Схватили . . . схватили . . . схватили . . . разстрѣляли . . . разстрѣляли . . . разстрѣляли . . .

Началась паника. Всѣ бросились бѣжать — кто куда. Издавались сторожайшіе приказы о невыѣздѣ, полученіе пропусковъ обставлялось страшными трудностями — для того, чтобы выѣхать изъ Москвы въ Нижній или изъ Владиміра въ Рязань теперь въ „свободнѣйшемъ въ мірѣ" государствѣ нужны были пропуска . . . — но это не останавливало: всѣ лгали, изворачивались, платили и куда-нибудь бѣжали . . . И точно чугунная крышка придавила собой всю жизнь . . .

А голодъ надвигался все болѣе и болѣе страшной тучей. Цѣна хлѣба дошла уже до 300 р. за пудъ у насъ, а въ Петроградѣ, говорили, хлѣбъ продавался уже по 30 р. фунтъ и давно шла уже въ ходъ конина. Но и по этой цѣнѣ доставать хлѣбъ становилось все труднѣе и труднѣе. Голодающій народъ бро-

сился изъ городовъ по едва живымъ желѣзнымъ дорогамъ въ болѣе хлѣбородныя мѣстности за пудомъ хлѣба, за полупудомъ крупы. „Заградительные“ соціалистическіе отряды, которыми правительство хотѣло во что бы то ни стало поддержать хлѣбную монополію, разстрѣливали этихъ мѣшочниковъ, отбирали у нихъ хлѣбъ, отбирали послѣдніе гроши, но ничто не помогало; въ глазахъ стояла голодная смерть и люди завѣдомо шли на всякую муку, только бы спастись отъ голода. Питались картошкой, за которую соціалистическіе мужички грабили уже по 60 р. за пудъ. Владимірскій совѣтъ нашелъ эту цѣну чрезвычайной, установилъ таксу въ 15 р. и картофель моментально исчезъ съ базаровъ. Чтобы добыть ее, конечно, не по таксѣ уже, обыватель ночью, какъ воръ, крался въ подгородныя деревни и, заплативъ за нее все, что требовали федеративные соціалисты, опять воромъ въ черной тьмѣ пробирался домой, трясясь, какъ бы не попасть на красноармейца: оберутъ . . . отнимутъ . . . убьютъ . . . Молока нельзя было часто достать уже ни по какой цѣнѣ — еще на вещи мужички мѣняли, но за деньги давали только очень неохотно, а то и просто не давали . . .

Страшно усились грабежи и разбой. И невѣроятно реагировало на это крестьянство: воровъ подвергали пыткамъ, публичнымъ избіеніямъ часто въ теченіе нѣсколькихъ дней, порціями, чтобы продлить муку, на глазахъ у дѣтей, у всѣхъ, но — ничто то не помогало и кладовыя и амбары трещали по всѣмъ швамъ . . .

Озлобленіе противъ новыхъ владыкъ росло не по днямъ, а по часамъ. Изумительно быстро нарасталъ антисемитизмъ — попутно съ углубляемой революціей, — и нарасталъ открыто.

Играютъ разъ дѣтишки въ саду. За заборомъ слышны грубые голоса. Конечно, курносыя мордочки сейчасъ же туда. Тѣ воззрились.

— А вы не жиды будете? . . .

— Нѣтъ . . . — говорятъ ребята.

— А—а, ну то-то! . . . А то скоро всѣхъ жидовъ рѣзать будемъ . . .

И спокойно проходятъ мимо. Дѣти спрашиваютъ объясненій.

И помню среди этой заживо разлагающейся жизни, среди этихъ панически мятущихся толпъ обезумѣвшихъ людей встрѣтилъ я разъ на Тверской моего давняго соратника по революціи кн. Дм. Ив. Шаховского. Въ старенькой шляпенкѣ, въ черной накидкѣ на плечахъ, исхудалый до невозможности, со страдальческимъ лицомъ, онъ торопливо бѣжалъ куда-то по загаженной улицѣ.

— Погодите минутку, Дмитрій Ивановичъ . . . — крикнулъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ . . . — какъ то испуганно, надрывно отвѣчалъ онъ, махая рукой. — Какъ нибудь въ другой разъ . . . Некогда . . .

И по тону голоса, по всему видно было, что не недостатокъ времени мѣшаетъ ему остановиться, а что весь онъ — одна сплошная боль . . . И вспомнилась мнѣ наша молодость и наше старое: „впередъ . . . на бой . . . На смерть! . . .“, и съ грустью смотрѣлъ я вслѣдъ этому милому человѣку, внуку декабриста, всю жизнь отдавшему на служеніе народу, на созданіе новой Россіи . . .

А вкругъ безпокойная, подавленная толпа, этотъ по новому неопрятный городъ, и тоска, тоска . . . И вдругъ музыка. Что такое? Идетъ какой-то совѣтскій „полкъ“ — такъ, человѣкъ триста-четыреста. „Полкъ“ старается, видимо, не ударить лицомъ въ грязь, но эти разнокалиберные, вихрястые солдатишки, эти жалкія лошаденки, эти винтовки на веревочкахъ — Господи, какое безобразіе, какое убожество! . . . И встаетъ въ памяти картина изъ далекаго уже дѣтства:

яркій солнечный день, ширь полей, а по шоссе могучей лавиной идетъ мой любимый Сумской драгунскій полкъ. Стройные ряды солдатъ, по бокамъ и во главѣ эскадроновъ усатые офицеры, впереди хоръ трубачей на бѣлыхъ коняхъ, и топотъ лошадей, и лязгъ оружія, а въ дѣтской душѣ восхищеніе, восторгъ предъ этой грозной красотой . . .

Въ деревняхъ тоже творилось что-то невообразимое. Въ хлѣбородныхъ мѣсностяхъ крестьяне для того, чтобы не отдавать правительству хлѣбъ по твердой цѣнѣ, по которой, дѣйствительно, отдать его было невозможно, такъ какъ производство его себѣ стоило въ пять разъ дороже, — прятали хлѣбъ по лѣсамъ, закапывали его въ землю и между ними и продовольственными отрядами красной арміи мѣстами происходили настоящія сраженія съ пулеметами и даже съ пушками съ обѣихъ сторонъ, сраженія, въ которыхъ иногда побѣждали и красные, но иногда и крестьяне.

И вездѣ свирѣпствовали уже комитеты бѣдноты, эта, кажется, послѣдняя уже ставка „коммунистовъ" на бѣднѣйшее крестьянство. Но и съ ними определенно не везло. Часто въ комитеты бѣдноты проходили отборные, матерые кулаки. Дѣлалось это такъ. Призываетъ какой-нибудь Миронъ Васильичъ, хорошій хозяинъ, то-есть, „кулакъ", къ себѣ „бѣдноту" эту самую и спрашиваетъ, кому сколько хлѣба надо. Тѣ — обыкновенно въ нашихъ мѣстахъ семьи три-четыре на среднюю деревню — говорятъ. Онъ выдаетъ, тѣ благодарятъ, но онъ требуетъ отъ нихъ, отъ „бѣднаго комитета", удостовѣренія въ томъ, что хлѣба у него больше нѣтъ.

— Да, батюшка, Миронъ Васильичъ, да нѣшто намъ жалко? . . . Да давай мы напишемъ тебѣ, что у тебя пудовъ сто не хватаетъ . . .

— Пишите!

Пишутъ, прикладываютъ печать бѣднаго комитета и Миронъ Васильичъ уже спокойно везетъ въ городъ и продаетъ

тамъ буржуазамъ всѣ свои остатки по 300, по 400 р. за пудъ: и отъ большевиковъ бѣднымъ комитетомъ застраховался, и заработалъ надо бы лучше, да некуда. А иногда въ благодарность бѣдный комитетъ его даже въ предсѣдатели выбиралъ... А какъ зарабатывали мужички при коммунистическихъ порядкахъ видно изъ того, что одинъ изъ моихъ сосѣдей-булановцевъ, однодушникъ, подсчитывалъ при мнѣ, что, если продать его весь урожай, по рыночной цѣнѣ, то за хлѣбъ, картофель и крупу онъ выручитъ около 80.000 р.! И это у однодушника!...

— Вотъ распродать такъ все да переѣхать хоша въ Сибирь или въ другое какое мѣсто, гдѣ нашъ рупь еще чего-нибудь стоитъ, купить недвижимость или торговлю завести, вотъ тебѣ и биржуазъ!...

— Да тебѣ и здѣсь словно ничего, Кузьма Иванычъ...

— И здѣсь на Господа не жалуемся, живемъ по маленьку...

Въ комитеты бѣдноты и въ коммунистическую партію записывались всѣ, кому нужно было спастись отъ обвиненія въ контръ-революціонности, получить отъ казны по дешевой цѣнѣ реквизированную гдѣ-нибудь у биржуаза лошадь или дровъ изъ лѣсу, получить хлѣба, спасти свою коровенку отъ реквизиціи въ пользу красной арміи... Это было новое привиллегированное сословіе...

Но параллельно уже намѣчалось осенью 1918 г. и обратное теченіе. Мой читатель и почитатель солдатъ Егоровъ, арестовавшій въ Булановѣ Владиміра Михайловича, чуя скорый конецъ, уже выписался изъ большевиковъ: довольно ужъ попилъ онъ коньячку на мужицкія денежки по разнымъ совѣтамъ да комитетамъ!... Нѣкоторые матросы, вернувшись домой, уже открыто заявляли, что „ошиблись маленько: безъ биржуаза тоже прожить невозможно, потому биржуазъ человѣкъ, оказывается, намъ нужный...“ Это потому, что они

уже наѣлись: у нѣкоторыхъ, говорили, было скоплено тысячъ по сто. Встрѣчаешь, бывало, такого большевика — почетъ и уваженіе . . .

— А-а, Ивану Федорычу . . . Ну, какъ тамъ въ Москвѣ-то эти дьяволы, вертятся еще? . . .

— Постой: какіе дьяволы? Да давно ли ты самъ въ большевикахъ ходилъ?

— Кто? Я? Да нюжли ты и въ правду подумалъ, что я большевикъ? Да вѣдь я это на смѣхъ, чудакъ человѣкъ! . . .

И смотритъ, растлѣнный, на тебя безстыжими глазами . . .

А хозяйственный мужикъ уже опредѣленно задумался.

— Что же, Федорычъ, думаете вы тамъ въ Москвѣ о дѣлѣ-то или все еще лала разводите? . . . — спросили разъ меня мои федеративные республиканцы.

— О какомъ дѣлѣ?

— Да о хозяинѣ то? . . .

— Какъ же, думаютъ . . .

— Кого же думаете поставить?

— Да одни думаютъ одного, другіе другого, но больше всего выходитъ такъ, что лучше по закону: кому чередъ, тотъ и служи . . .

— А за кѣмъ же чередъ теперь?

— Пока что за Алексѣемъ . . .

Наслѣдникъ тогда былъ еще живъ.

Республиканцы разомъ загалдѣли.

— Ну, нѣтъ, на это нашего согласія не будетъ! . . . Куды онъ годится? И молоденькій совсѣмъ, и больной, говорятъ . . . Опять бабы хвостомъ крутить начнутъ, бестолочь эта пойдетъ . . . Нѣтъ, это не мадель! . . . Теперь надо такого хозяина ставить, чтобы въ Петербурхѣ кулакомъ стучалъ, а чтобы Расея вся тряслась.

— Да гдѣ же вы такого возьмете? Такого нѣтъ . . .

— А Михайла?

— Михайла не такой. Онъ кулакомъ стучать не можетъ . . .

— А по нашему больно бы хорошъ, словно . . . Нѣтъ, ты такъ тамъ и скажи, что жалаютъ владимірскіе мужики Михайлу и никакихъ гвоздей . . .

— Ладно . . . Только вотъ, земляки, вы все отъ Москвы да отъ чужого дяди чего-то ждете, а сами-то что думаете дѣлать?

— А что подѣлаешь, коли они всю силу забрали? Съ голыми руками тоже не очень сунешься . . . А все-таки думаемъ, что къ одному концу ужъ надо. Такъ, прямо сила не беретъ, такъ исхитряться надо какъ ни на есть . . .

— Да какъ же вы исхитритесь?

— А такъ, что какъ попался гдѣ какой сукинъ сынъ въ укромномъ мѣстечкѣ, такъ ему и конецъ тутъ . . . Ужъ мужики поговариваютъ . . . Потому силы не стало . . . Ловить и бить по одиночкѣ . . . Таварищи, сволочи, — ишь что съ Расеей то сдѣлали . . .

Такъ завершили къ осени 1918 г. кругъ своего политическаго воспитанія мои федеративные соціалисты . . .

XIV.

Прямой опасности со стороны большевиковъ мнѣ не грозило. Напротивъ, они относились ко мнѣ не только вполнѣ корректно, но и предупредительно, но тѣмъ не менѣе зима стояла у порога страшной угрозой, безъ хлѣба, безъ отопленія, безъ освѣщенія и возможно безъ желѣзныхъ дорогъ даже. Да наконецъ и просто денегъ не хватало на жизнь. Правда, денегъ достать было можно — пойти съ поклономъ къ новымъ хозяевамъ, какъ многіе пошли изъ моихъ бывшихъ „единомышленниковъ“. Пошелъ старый, жалкій Буланже, Ив. Ив. Горбуновъ публично расшаркивался передъ новой властью, литературный проходимецъ Свирскій публично сравнилъ раненаго Ленина съ распятымъ Христомъ и хорошо, говорятъ,

заработалъ поэтому на своихъ жалкихъ книжонкахъ. Пошелъ безъ всякаго стыда Горькій. И мнѣ предлагали печатать у нихъ мои книжки и условія были блестящія, но марка меня смущала и, слава Богу, „къ ногамъ народнаго кумира“ я не склонилъ своей совсѣмъ негордой головы. Я поставилъ условіемъ „никакихъ измѣненій въ текстѣ“, они не приняли этого условія и я воспользовался благовиднымъ предлогомъ, чтобы почтительно отойти въ сторону.

И тутъ по пути узналъ я маленькій секретъ новой власти. Переговоры эти я велъ съ Лебедевымъ-Полянскимъ. Раньше онъ былъ пѣвчимъ въ архіерейскомъ хорѣ у насъ во Владимірѣ, и пѣвалъ, бывало, въ моемъ любимомъ Княгининомъ монастырѣ, („Еще игуменья, старая чертовка, разъ двугривенный на чай мнѣ дала — голосъ понравился . . .“ — сказалъ мнѣ онъ), а теперь былъ важной персоной въ комиссаріатѣ народнаго просвѣщенія. И онъ проговорился:

— Теперь грѣха таить нечего . . . — сказалъ онъ. — Когда мы вырвали власть у Керенскаго, мы сами были убѣждены, что больше двухъ недѣль не продержимся . . . А теперь, когда мы удержались годъ, значитъ, уцѣлѣемъ . . .

Я усумнился.

— Ну, все равно . . . — легко согласился онъ. — Если даже и уйдемъ, то предварительно такъ все разрушимъ, что вы не въ силахъ будете возстановить старое . . . Вы говорите: надоѣли населенію? Чепуха . . . Вотъ когда вы насъ будете ловить голыми руками на улицахъ и перегрызать намъ зубами горло, тогда повѣримъ, что надоѣли. А что вы ворчите-то, — наплевать! Вѣдь, вы и при царяхъ ворчали, а жилось-то тогда какъ! . . .

Жилось страшно трудно. И вдругъ получается письмо, въ которомъ извѣщали насъ, что послѣ недавно умершей въ Маріенбадѣ матери Анны, въ Минскѣ осталось имущество, изъ котораго кое-что приходится и на долю Анны. Надо было

устраивать это дѣло. И вотъ мы рѣшили, спасаясь отъ голода, ѣхать на югъ, въ Крымъ или на Кубань, гдѣ большевиковъ уже не было, а затѣмъ, устроивъ семью, я поѣду по дѣлу наслѣдства въ Минскъ.

Въ эти тяжелые дни собрать компанію было совсѣмъ не трудно, такъ какъ всѣ куда-нибудь да ѣхали, а въ одиночку ѣхать было жутко: окончательно развалившаяся армія и просто разбойники по дорогамъ грабили, рѣзали, стрѣляли . . . Насъ собралось четыре семьи: мы, Коншины, П—іе и ихъ родственникъ нижегородскій пивоваръ Е., съ молодой женой, человѣкъ тупой, грубый и не симпатичный . . .

Начались безконечные хлопоты о пропускахъ и заграничныхъ паспортахъ: Минскъ и Кіевъ, куда намъ надо было, были уже заграницей. И тутъ мы съ Коншинымъ могли воочію убѣдиться, какъ призрачна власть знаменитаго совнаркома. Несмотря на всѣ самыя высокія протекціи — Бонча, Карахана, Чичерина, — намъ понадобилось три недѣли, чтобы собрать въ кучу всѣ нужные документы. Въ концѣ концовъ на рукахъ у меня оказалось: одинъ заграничный паспортъ, виза украинскаго консула, охранная грамота и 28 пропусковъ, при чемъ въ числѣ нихъ были четыре пропуска на имя Вѣры Ивановны Наживиной, которая, какъ оказывалось, имѣла право: 1 — ѣхать въ Кіевъ, 2 — получить билетъ II или III класса до Кіева, 3 — выѣхать обратно изъ Кіева въ Москву и 4 — получить билетъ II или III класса по своему выбору изъ Кіева на Москву. Надо замѣтить, что Вѣрѣ Ивановны Наживиной, имѣвшей такія широкія права въ Совѣтской республикѣ, было въ это время уже цѣлыхъ четыре года . . . Буквально всю жизнь загромоздили безсмысленной печатной бумагой за номеромъ. О такой канцелярщинѣ не грезилъ самый заядлый бюрократъ стараго времени! . . . Никто ничего толкомъ не зналъ, никто ничего не понималъ и болѣе чѣмъ когда-либо огромную роль во всей этой канители играла „керенка“. Въ

это время въ Москвѣ существовалъ уже цѣлый рядъ тайныхъ организацій — съ участіемъ совѣтскихъ „работниковъ" — по перевозу испуганныхъ биржуазовъ за предѣлы совѣтской республики. Цѣны были на всѣ кошельки, отъ 500 р. съ семьи до 5000 съ человѣка — по этому послѣднему тарифу буржуазъ ѣхалъ безъ всякихъ пропусковъ, со всѣмъ возможнымъ въ тѣ времена комфортомъ и съ полной гарантіей сохранности цѣнныхъ бумагъ, драгоцѣнностей, одежды и денегъ . . .

У Коншина не хватало какого-то важнаго звена въ нужной цѣпи документовъ, а получить это звено можно было только черезъ чрезвычайку.

— Какъ же быть? Идти ли мнѣ туда? — спросилъ онъ Бонча.

— Нѣтъ, знаете, лучше ужъ не ходите . . . — смутился немножко тотъ. — Съ вашей фамиліей это не безопасно. Какънибудь уладимъ и безъ нихъ . . .

А, когда я разъ, придя въ отчаяніе, зашелъ посовѣтываться, что мнѣ дѣлать дальше, къ коменданту Александровской ж. д., тотъ — такъ эдакій писарекъ съ манерами — энергично посовѣтывалъ мнѣ „плюнуть" на всѣ эти пропуски и документы и захватить съ собой только керенокъ побольше.

— И проѣду? — спросилъ я.

— Разумѣется . . .

Онъ оказался правъ: всѣ эти помпезные документы и пропуски въ пути почти не понадобились и вообще люди, ѣхавшіе совсѣмъ безъ всякихъ бумагъ, испытывали лишеній ничуть не больше.

Въ это время умерла вдругъ отъ модной „испанки" жена Бонча, бѣдная Вѣра Михайловна. Мы съ Коншинымъ были въ Кремлѣ по дѣламъ, связаннымъ съ отъѣздомъ, и рѣшили сдѣлать Бончу визитъ de condoléance — не отблагодарить его было-бы просто неловко: онъ очень старался

для насъ, хотя изъ стараній его большого толка и не было. И просто жалко было его — онъ все болѣе и болѣе запутывался въ большевистскихъ тенетахъ и, хотя и дѣлалъ bonne mine, но mauvais jeu было слишкомъ ужъ ясно. И хотѣлось посмотрѣть, какъ это у нихъ выйдетъ.

И вотъ въ той самой гостинной, гдѣ такъ недавно еще, поправляя непослушное пенснэ на носикѣ-пуговкѣ, Вѣра Михайловна грозила принять самыя суровыя мѣры по отношенію къ непослушному крестьянству, стоитъ гробъ въ цвѣтахъ, а въ гробу маленькая, тихая, сѣдая женщина съ незначительныхъ даже въ смерти личикомъ . . . Поетъ свои „стихи" хоръ сектантовъ, которымъ покровительствовалъ Бончъ, толпятся любопытные, среди которыхъ узнаю много бывшихъ друзей-толстовцевъ, за стѣной рыдаетъ ихъ дѣвочка, теперь сиротка. И понесли Вѣру Михайловну на Ваганьково, и пѣли за гробомъ трезвенники, и рѣяли красные флаги, и игралъ революціонные гимны оркестръ латышей, и шли дѣти какихъ-то пріютовъ, и везли вѣнки съ красными лентами.

. . . .

Наконецъ, насталъ и день отъѣзда.

. . . .

Утромъ я поѣхалъ проститься со старикомъ. И сжалось сердце: такой былъ онъ слабый, жалкій, сбитый съ толку! . . . И былъ онъ мягокъ и грустенъ . . .

На вокзалѣ съ величайшимъ напряженіемъ — однимъ носильщикамъ было роздано 600 р., — погрузились и безъ большихъ неудобствъ, хотя и въ тѣснотѣ, благополучно доѣхали до Орши. Пріѣхали поздно ночью — ни гостинницы, ни постоялаго двора, ни комнатушки, все переполнено. Пришлось съ дѣтишками ночевать на вокзалѣ, на сквознякѣ . . . Въ 2 часа ночи заняли мы очередь у чрезвычайки и въ 11 часовъ утра были, наконецъ, приняты по горло занятыми товарищами. За столомъ молоденькіе еврейчики, жалкіе, обор-

ванные. Первымъ стоитъ членъ правленія нашей фабрики, упитанный, розовый и корректный биржуазъ, А. С. П—ій.

— Вы кто? — спрашиваетъ новое начальство.

— Наборщикъ московской типографіи т-ва Кушнерева...

Я такъ и обмеръ. Онъ былъ больше похожъ на негра, чѣмъ на наборщика. Засмѣются и поведутъ... Ничуть не бывало!

— А-а, знаю... — снисходительно говоритъ начальство. — У васъ есть еще отдѣленіе въ Кіевѣ...

— Я туда и ѣду...

— Пропустить!...

Моя очередь. Представляю свой паспортъ, грамоту, 28 пропусковъ. Хмурятся.

— Не хорошо вотъ у васъ тутъ написано, что въ политическихъ партіяхъ вы не состоите... — говоритъ еврейчикъ съ яркимъ акцентомъ. — Ужъ лучше было бы, если бы вы были откровеннымъ черносотенникомъ...

— Не могу же я перемазываться на склонѣ лѣтъ... — говорю я.

— Такъ-то оно такъ, но... лучше бы... Пойду посовѣтуюсь съ предсѣдателемъ...

Уходитъ въ сосѣднюю комнату и начинается тамъ типичный еврейскій гвалтъ. Я понимаю только одно слово: политика.

Наконецъ, выходитъ и недовольно сообщаетъ мнѣ, что такъ и быть, меня пропустятъ. Я повеселѣлъ, а то душа совсѣмъ ушла было въ пятки...

— А вы? Коншинъ? Извѣстный фабрикантъ? Такихъ намъ и надо... Товарищи, возьмите его...

Тотъ пытается протестовать, указываетъ на грамоты Бонча, Карахана, Чичерина.

— А наплевать намъ на Бонча!... — авторитетно, съ ужасающимъ акцентомъ заявляетъ молодой человѣкъ. —

Мало ли они чего тамъ напишутъ! . . . Сказано: власть на мѣстахъ и крышка . . . Возьмите его, товарищи! . . .

И два оборванца со штыками уводятъ бѣднаго Александра Николаевича. Не онъ ли долгіе годы субсидировалъ народническій „Посредникъ", сѣявшій столько „разумнаго, добраго, вѣчнаго", не онъ ли первый въ Россіи, не смотря на свои милліоны, перевелъ и издалъ книги анархиста П. А. Кропоткина, не у него ли были всевозможныя грамоты отъ совнаркома? . . . И вотъ спасибо сердечное сказалъ ему „русскій" народъ! . . .

Съ сестрой его, Е. Н. Моравской, трясущимися руками мы начертили срочную телеграмму Бончу. Она стала ждать отвѣта, а мы, вытерпѣвъ два обыска, отъ чрезвычайки и отъ таможни, — причемъ Е. П. П—ую раздѣли донага, — мы поѣхали въ телѣгѣ въ Оршу-Товарную, гдѣ уже были нѣмцы.

Каски, тесаки, удары нагайки по еврейскимъ и крестьянскимъ спинамъ, раскатистое нѣмецкое „rrraus" и „zurück!" — крестьяне такъ и звали нѣмцевъ „цурюками" — два часа ожиданія и рогатка растворяется. Визитъ къ консулу „украинскому", визитъ къ представителямъ Бѣлоруссіи, нѣсколько часовъ безрезультатныхъ хлопотъ, чтобы насъ направили не въ Кіевъ, а въ Минскъ, но ничего не помогло.

— Kijew — Dampfer!

— Нельзя ли какъ по желѣзной дорогѣ? . . .

— Nein. Dampfer!

И дѣйствительно, нельзя: нѣмцы скоро отступаютъ и потому забираютъ все: желѣзная дорога завалена лѣсомъ, дровами, ржавымъ желѣзомъ, старымъ кирпичомъ, рваными войлоками — не до пассажировъ! . . .

Вокругъ солдаты, солдаты, солдаты. За лѣсомъ выщелкиваетъ пулеметъ. Играетъ горнистъ. Суровая отрывистая нѣмецкая рѣчь. На базарѣ типичная сценка:

Надъ торговкой стоитъ германскій лейтенантъ и, ударяя ее плетью по спинѣ, рѣшительно говоритъ:

— Fünf!

— Sechs! — настойчиво твердитъ та.

— Fünf! — еще настойчивѣе повторяетъ германецъ.

— Sechs!

Нѣмецъ перевертываетъ плеть и, ударивъ торговку уже толстымъ концомъ ея, еще настойчивѣе говоритъ:

— Fünf!

— Fünf! — соглашается та.

— Ja wohl! . . . — удовлетворенно говоритъ лейтенантъ и отходитъ.

Два нашихъ солдата, уже безъ вихровъ, въ полномъ порядкѣ, — нѣмцы дурака валять не позволяютъ, — издали смотрятъ на эту картинку, но — помалкиваютъ.

Но бѣлаго хлѣба сколько! . . . Сколько сахару! . . . Предлагаютъ германскіе солдаты даже коньякъ, шампанское, водку . . .

Къ нашимъ сундукамъ подходитъ пожилой германскій офицеръ. Корректенъ до конца ногтей.

— Оружіе есть?

— Нѣтъ.

— Патроны?

— Нѣтъ . . .

— Взрывчатыя вещества?

— Нѣтъ.

— Революціонныя писанія? . . .

— О, нѣтъ! . . . — даже засмѣялся я.

— Милостивый государь, вы находитесь въ военной зонѣ. Напоминаю вамъ, что, если при обыскѣ у васъ найдутъ что-либо изъ этихъ вещей, вы будете отвѣчать по законамъ военнаго времени . . .

— Я понимаю . . .

Пристально смотритъ мнѣ въ глаза.

— Можете не открывать вашихъ сундуковъ. Пропустить!...

Я благодарю и мы ѣдемъ за 4 версты въ деревню „Пустынька", гдѣ начинается пароходство по Днѣпру. На прощанье соціалистическій мужичокъ беретъ съ насъ за двѣ подводы 350 р.

Слава Богу, „заграницей"!...

XV.

Сѣрая, бѣдная деревенька Пустынька. Избы только что за-ново перенумерованы — для правильности поборовъ нѣмцы устроили: № 1—2 яйца ежедневно, № 2 — кринку молока, № 3 — два фунта хлѣба и т. д., аккуратно... Внизу тихая излучина Днѣпра. Лѣсъ вокругъ... Слѣва взорванный большевиками большой желѣзнодорожный мостъ черезъ Днѣпръ. Справа за бугромъ сожженная нѣмцами деревня — проявили какое-то ослушаніе. Она, впрочемъ, уже отстраивается. На этомъ берегу нѣмецкіе часовые, на томъ дурятъ солдаты-большевики, забавляясь иногда стрѣльбой „на огонекъ". Было нѣсколько случаевъ раненій среди крестьянъ отъ этой забавы. Но что же дѣлать? Скучно стоять такъ, безъ дѣла... Ночью, когда я шелъ отъ блохъ на сѣновалъ, гдѣ спалъ хозяинъ, надо мной провизжала пуля: хозяинъ прошелъ съ фонаремъ и вотъ большевичокъ попробовалъ, попадетъ или нѣтъ. Не попалъ, но близко...

Деревенька переполнена бѣгущими буржуями. Многіе проѣхали совсѣмъ безъ пропусковъ, „на керенкѣ". Намъ достается ужасающее логовище, полное дыма, грязи и клоповъ — я своихъ собакъ никогда не держалъ въ такомъ помѣщеніи! За то мы безъ конца ѣдимъ бѣлый хлѣбъ — причемъ Вѣрочка не рѣшается попробовать булочку, увѣряя, что „булочка бѣлая не бываетъ": уже забыла совсѣмъ

бѣлый хлѣбъ! — ѣдимъ яйца, курятину, а въ чай кладемъ сахару доверху, не считая: во Владимірѣ въ послѣднее время мы сидѣли уже на противномъ сахаринѣ... Хозяинъ, развитой мужикъ, не только мой читатель, но и почитатель. Онъ оказывается бывшимъ членомъ той кавказской интеллигентской земледѣльческой общины — что-то вродѣ Гудермесъ, — въ которую нѣкогда приглашали и меня. Община давно распалась — всѣ переругались и разошлись. Онъ выражаетъ мнѣ сочувствіе и не могу сказать, что мнѣ доставляетъ большое удовольствіе выслушивать похвалы всѣмъ тѣмъ старымъ глупостямъ и наивностямъ, отъ которыхъ я самъ уже отказался. Но дѣлать нечего!...

— А когда придетъ пароходъ?

— Сегодня въ ночь. А утромъ отвалъ...

Но пароходъ не пришелъ ни въ ночь, ни завтра, ни послѣзавтра. Всѣ страшно томились, ходили одинъ къ другому въ гости, пили чай, ходили на базаръ въ Оршу, сидѣли на бережку, глядя, какъ на той сторонѣ шалаются большевики. Иногда какой-нибудь изъ этихъ воиновъ поднималъ винтовку и выпускалъ всю обойму въ какой-нибудь камень или корягу, высунувшуюся изъ воды. Нѣмцы съ презрѣніемъ смотрѣли на эти дикія забавы...

Наконецъ, пришелъ пароходъ — ужаснѣйшая, грязнѣйшая, съ выбитыми стеклами посудина, называвшаяся по странной ироніи „Любовью". Ночью, въ полномъ мракѣ, среди раскатовъ „rrraus!..." и „zurück!" пассажиры ринулись на приступъ. Ворвался въ гущѣ штурмующей колонны на пароходъ и я и буквально обмеръ: холодище, сквозняки, вонь, грязь и давка такая, что прямо ужасъ беретъ! Такъ раньше не возили у насъ даже арестантовъ...

Съ огромными усиліями удалось отвоевать мѣста — конечно, на полу: женѣ съ малышами во II классѣ, а намъ съ Люсей въ III, на дровахъ. Съ нами же помѣстились

и Коншины — Александра Николаевича черезъ сутки выпустили и онъ догналъ насъ. Нѣкоторые изъ пассажировъ вошли въ положеніе дѣтей и по мѣрѣ возможности старались облегчить нашу горькую участь . . .

Утромъ отвалили. Къ счастью, погода была прекрасная, солнечная и тихая, и милыя картины Приднѣпровья скрашивали наши бѣдствія. Во всѣхъ попутныхъ мѣстечкахъ мы голодной ордой бросались на приступъ лавокъ, платили за все, несчитая, и опустошали ихъ до-чиста. Иногда съ большевистскаго берега отваливала наперерѣзъ намъ лодка съ вооруженными шелопаями и у пассажировъ уходила душа въ пятки. Но на пароходѣ былъ у насъ нѣмецкій караулъ, а наверху, у рубки, красовался пулеметъ и потому все кончалось благополучно. Среди пассажировъ встрѣтили знакомаго студентика изъ Москвы; онъ только что вырвался изъ когтей смоленской чрезвычайки и разсказывалъ пассажирамъ о тѣхъ ужасахъ, которые онъ тамъ пережилъ: какъ пытали какихъ-то двухъ польскихъ легіонеровъ, какъ разстрѣляли какого-то старенькаго графа Ланского съ Евангеліемъ, какъ стригли и мучили архіерея. Настоящій кошмаръ! . . .

Проѣхали Могилевъ, откуда бѣжалъ народъ толпами: на дняхъ, по Брестскому договору, городъ этотъ долженъ былъ отойти къ большевикамъ. Проѣхали Быховъ съ его тяжелымъ, теперь полуразрушеннымъ мостомъ. Тутъ сидѣли недавно въ тюрьмѣ жертвы трусливаго адвоката, генералы Корниловъ и Деникинъ, отсюда со своими текинцами совершилъ орелъ свой смѣлый перелетъ на Кубань, чтобы, убѣжавъ изъ австрійскаго и керенскаго плѣна, пасть отъ снаряда, пущеннаго рукой обезумѣвшихъ . . . .

И сидимъ въ грязи, на дровахъ, на осеннемъ сквознякѣ...

— Ну, какъ, Александръ Николаевичъ, обстоитъ теперь дѣло съ идеалистическимъ анархизмомъ, который мы съ вами проповѣдывали?

— А что же?... Ничего... — крѣпится тотъ, ежась. — Не сразу, потихоньку...

Проходитъ еще день мученій, и еще, и еще...

— Ну, а теперь какъ? — шучу я.

— Да, какъ будто что-то не того... — признается наконецъ онъ...

Въ Лоевѣ мы пересѣли на другой пароходъ, нисколько не лучшій, и довольно благополучно, на шестнадцатый день по выѣздѣ изъ Владиміра прибыли въ Кіевъ. Стоила намъ эта поѣздка болѣе 5000 р. Кіевъ, эта всегда милая мать городовъ русскихъ, находящаяся однако теперь за-границей, былъ переполненъ до-нельзя и кипѣлъ котломъ. Но историческая оперетка съ переодѣваніями, которую силились поставить тутъ профессоръ Грушевскій, писатель Винниченко и австрійскіе агенты, едва чувствовалась. Только изрѣдка промелькнетъ эдакій запорожецъ изъ Гоголя да пройдетъ, возбуждая всеобщее веселое любопытство, какой-нибудь вояка съ неотросшимъ еще „оселедцемъ". И всѣхъ смѣшатъ новыя вывѣски: парикмахерская сдѣлалась „перукерьской", женская уборная стала „жиночей вбиральней", куда „вхідъ чоловікамъ заборрненъ", а отходъ поѣздовъ назывался „отхідомъ потягивъ". Но чуствовалось, что все это совершенно несерьозно, что нѣтъ подъ этимъ никакой реальной почвы. Вскорѣ пришлось мнѣ бесѣдовать съ однимъ „війсковымъ старшиной", а по старому полковникомъ.

— А скажите, полковникъ, откровенно: много среди вашего офицерства настоящихъ украйнофиловъ, щпрыхъ украинцевъ?

— Я лично знаю двухъ... — улыбнулся онъ. — Но, вѣроятно, ихъ нѣсколько больше. Впрочемъ, перемажутся и эти въ нужную минуту...

— Такъ что же, значитъ, единая, недѣлимая?...

— Какое же сомнѣніе можетъ быть въ этомъ?!...

На гетмана многіе негодовали, видя въ немъ прежде всего честолюбца, который ради личной карьеры не остановился и предъ отдѣленіемъ Малороссіи отъ Россіи, играя тѣмъ въ руку Германскому генеральному штабу. Я не особенно вѣрилъ и вѣрю этому: надо же было какъ-нибудь изворачиваться, чтобы спасти хотя нѣсколько губерній отъ краснаго пожара и безумья и преступленій. И на ушко передавали въ Кіевѣ слушокъ о пріемѣ гетманомъ одной вліятельной русской депутаціи — будто бы отъ Союза Земельныхъ Собственниковъ, — которая ребромъ поставила ему вопросъ о его „сепаратизмѣ".

— Да, господа, я, конечно, стою за самостійную Украину, — будто бы отвѣчалъ имъ гетманъ. — Но эту самостійную Украину, когда придетъ время, я положу къ ногамъ Его Императорскаго Величества . . .

Въ наслѣдственныхъ дѣлахъ выходили осложненія и я, устроивъ свою семью у шурина, на Махаринецкомъ сахарномъ заводѣ, около ст. Казатинъ, въ Бердичевскомъ уѣздѣ, самъ поѣхалъ въ Минскъ, къ нашему повѣренному. У насъ въ Москвѣ о здѣшнихъ желѣзныхъ дорогахъ разсказывали чудеса: быстрота, образцовый нѣмецкій порядокъ, просторъ. Все это оказалось вздоромъ: поѣзда за отсутствіемъ топлива и смазочныхъ матеріаловъ едва тащились, ѣхать приходилось, большею частью, въ III кл., а то и просто въ донельзя загаженной теплушкѣ, забитой несчастными пассажирами плечомъ къ плечу. Правда, было нѣсколько скорыхъ поѣздовъ, напоминавшихъ „старый режимъ", но попасть на нихъ, да и то не всегда, можно было только уплативъ 200—300 р. контрибуціи носильщику. И всѣ ѣздили такъ, „на керенкахъ", а иначе и не сядешь. И вездѣ нужны то „украинскіе", то нѣмецкіе пропуска, для которыхъ тоже нужны керенки, и вездѣ ощупыванія, досмотры; но и тутъ керенка помогала. Словомъ, всюду и вездѣ хозяйничали пчелы-воровки и нехорошо было

на душѣ отъ этого всеобщаго развала и растлѣнія. И нѣмцы не отставали отъ нашихъ: брали взятки и беззаконничали. Но волнующееся крестьянство они держали желѣзной рукой. Одно село попыталось разгромить сосѣднюю богатую экономію. Нѣмцы тотчасъ прислали охрану — 6 человѣкъ. Мужики какъ-то исхитрились и ночью перерѣзали нѣмцевъ. На утро заговорила артиллерія, и мужики выдали виновныхъ, которые тутъ же и были разстрѣляны. И, уходя, нѣмцы оставили на охрану громаднаго имѣнія только одного солдата, предупредивъ крестьянъ, что если хоть волосъ одинъ упадетъ съ его головы, всѣ сосѣднія деревни будутъ сметены съ лица земли. Перепуганные крестьяне выбрали отъ себя караульныхъ охранять нѣмца: онъ гулять — за нимъ караулъ, онъ „до вѣтра" — его сторожатъ. Чрезъ двѣ недѣли измученные крестьяне послали ходоковъ въ Харьковъ просить снова дать имъ нѣсколько нѣмцевъ для охраны имѣнія, но имъ отказали: „...rrrraus! . . . Будетъ одинъ! . . ."

Кое-какъ добрался я до Минска. И онъ переполненъ, опустился и по ночамъ сидитъ въ темнотѣ: электрическую энергію нѣмцы берутъ главнымъ образомъ для себя. Но кафе переполнены, вездѣ чудесная нѣмецкая музыка, все дорого, но всего вдоволь. Изъ разговоровъ съ повѣреннымъ оказалось, что у насъ не хватаетъ одного документа, который добыть можно было или въ Гельсингфорсѣ, куда совсѣмъ проѣхать было нельзя, или въ Екатеринодарѣ, куда проѣхать было просто трудно. Я рѣшилъ ѣхать въ Екатеринодаръ тѣмъ болѣе, что мнѣ хотѣлось посмотрѣть Добровольческую армію. Да и вообще я рѣшилъ поселиться съ семьей въ томъ благодатномъ краѣ... И я понималъ, что времени терять не слѣдуетъ: Малороссія представляла изъ себя одинъ сплошной ометъ соломы, готовый каждую минуту вспыхнуть жаркимъ огнемъ...

До Екатеринослава я ѣхалъ въ скоромъ поѣздѣ великолѣпно. Отъ Екатеринослава до Ростова мы едва тащились въ слу-

жебномъ отдѣленіи съ кондукторами, все время опасливо поглядывая въ окна: тутъ хозяйничала разбойничья шайка какого-то Махно, нападающая даже на поѣзда... Въ Ростовѣ — каюсь, не безъ удовольствія — я увидѣлъ первыхъ жандармовъ, вѣжливыхъ и исполнительныхъ, какъ въ старину. Въ густой толпѣ, заполнившей вокзалъ, мелькали офицеры и солдаты въ погонахъ, — то ѣхали новые бойцы на Кубань. И у перрона стоялъ въ полномъ порядкѣ великолѣпный сверкающій скорый поѣздъ . . .

Утро. Широкіе просторы Кубани. Всюду слѣды недавнихъ боевъ: окопы, мѣстами сожженныя постройки, новенькіе кресты надъ одинокими могилками въ степи. И всего на станціяхъ въ изобиліи. Конечно, противъ прежняго и здѣсь цѣны страшно возрасли, но въ сравненіи съ московскими онѣ невѣроятно низки: чудесный бѣлый хлѣбъ, котораго тамъ не достанешь и по 20 р. за фунтъ, здѣсь продается по 40 к., жирная курица, за какую въ Москвѣ взяли бы рублей 60, здѣсь продается за 3—5 р. Только съ сахаромъ слабовато...

Переполненный вокзалъ Екатеринодара, трецвѣтныя знамена, которыхъ я столько времени не видѣлъ и на которыя не могу смотрѣть теперь безъ волненія; молодые, статные и по молодому суровые казаки-кубанцы съ винтовками въ рукахъ поддерживаютъ у всѣхъ входовъ порядокъ. Беру извощика и ѣду въ городъ искать пристанища. Въ гостиницахъ и думать нечего найти комнату . . .

Ровный, бодрый, мѣрный шагъ, — что такое? Батальонъ идетъ. Въ рядахъ — только офицеры, старые и еще безусые, бѣлые, черные, красные, синіе, всякіе . . . Вотъ они, наконецъ! . . . Хочется снять шляпу и, вставъ, пропустить ихъ — на смерть — съ непокрытой головой. Но проклятый ложный стыдъ мѣшаетъ . . .

Я оставилъ у одного аптекаря свой багажъ, а самъ поѣхалъ на трамваѣ въ окружный судъ, гдѣ чиновники очень

быстро оборудовали мнѣ все дѣло. Съ вечернимъ поѣздомъ я могъ уже выѣхать въ Минскъ, а остающіеся часы рѣшилъ употребить на хотя бы поверхностное ознакомленіе съ работой Кубани на національное дѣло.

Что ни шагъ, то волнующая сцена. Вотъ на остановкѣ трамвая осторожно входитъ молоденькій поручикъ. Лицо милое, истомленное; въ одной рукѣ грязный походный мѣшокъ, другая на перевязи. И когда онъ поднимается, его солдатская шинель распахивается и я вижу, что весь бокъ его защитной рубашки въ крови. Я быстро встаю, чтобы уступить ему свое мѣсто. Онъ просто благодаритъ меня. Должно быть, изъ подъ Армавира, гдѣ идутъ теперь жестокіе бои . . .

А вотъ идетъ старый, весь сѣдой, высокій и худой, немножко похожій на великаго князя Николая Николаевича, солдатъ. За плечами сумка походная, на плечѣ винтовка, грязный весь, закоптѣлый. И ведетъ онъ за руку мальчика лѣтъ шести, а сзади скромно одѣтая пожилая дама. Вглядываюсь: лицо интеллигентное и на смятой фуражкѣ офицерская кокарда. И не удивляешься, когда знаешь, что перенесли они, когда самъ старый Алексѣевъ шелъ по невылазной грязи пѣшкомъ и ледяныя рѣки въ бродъ переходилъ наравнѣ со всѣми. Не удивляешься, но шапку снять хочется очень . . .

А вотъ группа старыхъ казаковъ поджидаетъ трамвая.

— Ну, какъ дѣла, старички? . . .

— Ничего, теперь слава Богу . . . Задали перцу — теперь будутъ помнить . . .

— Неужели и вы дрались?

— Ого! . . . Спросите-ка про стариковъ . . .

Посмотрѣвъ на изуродованный большевиками памятникъ Екатерины II, захожу по пути въ редакцію шульгинской „Россіи“, чтобы сообщить послѣднія новости изъ Кіева и Москвы и разузнать о здѣшнихъ дѣлахъ. Опрашивающіе

меня сотрудники — въ особенности какой-то Антонъ Антонычъ — политически-задорны и это очень непріятно: хочется большей серьозности ... Какъ муха на рогахъ вола, они, кажется, думаютъ, что и они пашутъ. Но пашутъ не они, — пашетъ тотъ сѣдой офицеръ съ винтовкой на плечѣ, тотъ милый мальчикъ съ окровавленнымъ бокомъ, тѣ старики-кубанцы, которые „задали перцу" ...

Вдругъ отворяется дверь и входитъ — Н. Н. Львовъ! Онъ сумраченъ и подавленъ — его Алеша, тотъ милый, скромный мальчикъ, который такъ недавно еще угощалъ меня своей дрофой, только что погибъ въ сраженіи съ большевиками, но погибъ героемъ, красиво. Бой достигъ страшнаго напряженія. Молодые казаки-кубанцы дрогнули и образовался прорывъ. Офицерская рота — Алеша былъ одинъ изъ первыхъ — бросилась закрыть его и, сраженный пулей, Алеша палъ ...

Больно слушать это, и сладко, и вспоминается такой же молоденькій, такой же наивно-самоотверженный Петя Ростовъ съ его изюмомъ ...

Одинъ сынъ палъ въ бою съ германцами, другой — съ „большевиками" ... Кто посмѣетъ сказать, что этотъ, сумрачный теперь старикъ, сдѣлавшій съ Корниловымъ пѣшкомъ весь Ледяной Походъ, ходившій въ цѣпь съ винтовкой, — только свои имѣнія, свою мошну защищаетъ? Такъ себя не защищаютъ, — защитить себя легче, уѣхавъ Парижъ или въ Швейцарію, — такъ защищаютъ только то, что дороже себя ...

Николай Николаевичъ вяло принималъ участіе въ разговорѣ и, къ моему большому удовольствію, становится на мою сторону: да, надо больше вдумчивости, больше серьезности... Онъ сказалъ мнѣ, что здѣсь основывается серьозная, популярная газета для народа и что я долженъ непремѣнно принять въ ней участіе. Я, конечно, съ радостью соглашаюсь

— вотъ только семью сюда перевезу . . . И тутъ же, въ этой маленькой, тѣсной, неопрятной комнатѣ, среди шума и болтовни старикъ садится писать свою очередную статью . . .

Вечеромъ мы условились встрѣтиться съ нимъ въ политическомъ отдѣлѣ, на Графской, гдѣ я долженъ былъ повидать и В. В. Шульгина. Но Николай Николаевичъ задержался на какомъ-то засѣданіи, а Шульгинъ заболѣлъ. Тутъ, въ штабѣ, вообще свирѣпствовала испанка и одинъ изъ офицеровъ валялся тутъ же на диванѣ въ пріемной политическаго отдѣла.

Я воспользовался случаемъ, чтобы познакомиться съ золотопогонниками, врагами народа — ихъ тутъ было нѣсколько. Они разсказывали мнѣ объ эпической кубанской борьбѣ . . .

Лучшіе бойцы это, конечно, офицерскіе отряды; великолѣпно дерутся казаки-старики, слабѣе — молодые; кубанцы вообще лучше терцевъ. Хороши отряды изъ бывшихъ красноармейцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, и перебѣжчиковъ.

— Какъ? Да неужели же вы не боитесь идти въ бой рядомъ съ ними? . . . — удивился я. — Вѣдь, вы въ каждый моментъ можете ожидать измѣны . . .

— Не было ни одного случая измѣны . . . Дерутся прекрасно . . .

Съ той стороны лучше всего, отчаянно дерутся матросы, злы въ бою китайцы, слабы красноармейцы. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ достигло крайняго, нечеловѣческаго предѣла. Красные, занявъ какую-нибудь станицу, грабятъ все, что можно, насилуютъ женщинъ, не разбирая возраста, и за пулей не стоятъ. Въ Ростовѣ, напримѣръ, они отрѣзали у мертвыхъ юнкеровъ половые органы и вставили ихъ мертвецамъ въ холодѣющіе руки, — такъ тѣ и пошли въ могилу. Казаки тоже страшно озлоблены противъ красныхъ, а въ особенности противъ матросовъ и китайцевъ, которыхъ запарываютъ на смерть желѣзными шомполами, закапываютъ по шею

въ землю, а затѣмъ отрубаютъ саблями головы, оскопляютъ, десятками развѣшиваютъ по деревьямъ . . . И это приноситъ свои тяжелые плоды: въ плѣнъ не сдаются даже тѣ, которые хотѣли бы сдаться, а это безъ нужды увеличиваетъ число жертвъ, которое и безъ того очень велико, особенно среди офицеровъ . . . И потому нельзя было не привѣтствовать приказа Деникина о гуманномъ обращеніи съ плѣнными. Истребляя такъ „красныхъ", бѣлые часто истребляли своихъ лучшихъ друзей и помощниковъ, которые, оставаясь часто поневолѣ въ рядахъ красныхъ, тайно очень помогали этой сторонѣ: я уже разсказывалъ, какъ тамъ на военныхъ заводахъ часто за ночь выпускали всю нефть, портили сталь, путали баттареи, портили телеграфъ и пр.

— А какъ теперь положеніе арміи?

— Въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ очень хорошо. Настолько хорошо, что по русскому обычаю, дремать стали немного. Грѣха таить нечего: Ставрополь просто проспали. Ну, да ничего: вернемъ. Главнокомандующій самъ туда поѣхалъ . . . Вотъ снаряженія очень не хватаетъ, это бѣда и большая. Ну, да скоро подвезутъ союзники. Да танковъ бы нѣсколько — тогда пойдетъ писать . . .

Много и съ восторгомъ всѣ и всюду разсказываютъ о знаменитой волчьей сотнѣ полковника Шкуро, совсѣмъ молодого кубанскаго офицера. Личность его уже окутывалась въ толпѣ поэтическимъ флеромъ легенды. Храбрость его, энергія и простота политики, дѣйствительно, прямо легендарны: пройти въ день чуть не сотню верстъ, забраться въ глубочайшій тылъ противника и произвести тамъ панику, на это у Шкуро равныхъ нѣтъ. А набиралъ онъ первое время войско себѣ такимъ образомъ.

Беретъ онъ съ собой пять-шесть надежныхъ казаковъ, трубача, является въ какую-нибудь станицу и собираетъ народъ.

— Казаки . . . — провозглашаетъ онъ. — Объявляю въ вашей станицѣ мобилизацію. Чрезъ два часа всѣ казаки на коняхъ, въ походномъ порядкѣ должны собраться у церкви. Пошевеливайтесь, старички . . .

Собираются казаки.

— Батюшка, молебенъ! . . .

Молебенъ кончился.

— Ну, съ Богомъ! . . . — командуетъ молодой герой. — Трубачъ, походъ! . . .

И пошла станица въ походъ . . .

И, слушая все это, я далъ себѣ слово поскорѣе развязаться со своими личными дѣлами, чтобы пріѣхать сюда и самому, своими глазами видѣть эту красочную эпопею.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте . . . — радушно говорили офицеры. — Много интереснаго увидите . . .

— Я васъ на своемъ аппаратѣ прокачу . . . — говоритъ молоденькій летчикъ съ Георгіемъ. — Отлично полетаемъ . . .

— А я могу угостить поѣздкой на броневикѣ . . . — говоритъ пожилой полковникъ со знакомъ Ледяного Похода на груди. — Постреляемъ . . .

Говорилъ я съ ними и на серьезныя темы дня. Конечно, семья не безъ урода и передѣлаться сразу старое кадровое офицерство не можетъ, но въ общемъ впечатлѣніе осталось очень хорошее: офицеръ выросъ и думаетъ. О простомъ возвратѣ къ старому я и рѣчей не слыхалъ. Россія изъ мукъ своихъ должна выдти обновленной. Пусть она будетъ монархіей, но монархіей европейской, правовой, новой . . . Говорилъ я между прочимъ и объ антисемитизмѣ: нотки его слышны теперь повсюду. Я говорилъ, что будущая Россія должна быть страной культурной и варварскіе пріемы управленія оставить прошлому. И я встрѣтилъ въ собесѣдникахъ и пониманіе, и серьезность, и сочувствіе.

И здѣсь, и на Дону, и вездѣ очень жаловались на „буржуевъ". Они не понимали задачи момента, они не шли на помощь Россіи и Добровольческой Арміи. А нужда ея была велика. Не было теплыхъ вещей, не было даже перевязочныхъ средствъ для раненыхъ, у сестеръ не было бѣлья и одѣвались онѣ въ рваныя солдатскія шинели . . . И у всѣхъ было сознаніе, что такъ продолжаться не можетъ, что государственная власть, тяжелая поступь которой многимъ уже слышалась въ отдаленіи, должна будетъ взять этихъ господъ за шиворотъ самымъ серьознымъ образомъ . . .

Проѣзжая чрезъ Ростовъ, изъ газетъ я узналъ, что въ городѣ сегодня панихида по женщинамъ-доброволицамъ, павшимъ въ бою съ большевиками. Имена все громкія, съ княжной Черкасской во главѣ. Національное дѣло ширилось, росло, но параллельно росло и то тяжелое явленіе, которое было уже у насъ послѣ первой революціи, явленіе, выражавшее общественный упадокъ: кутежи всюду шли самые отчаянные, всѣмъ словно море стало по колѣна. Въ школахъ среди дѣтей снова начался всевозможный развратъ. Кокаинисты и морфинисты среди молодежи процвѣтали.

— У насъ за граммъ кокаина можно купить любую гимназистку съ четвертаго класса . . . — сказалъ мнѣ одинъ новороссійскій врачъ.

Въ Гомелѣ у меня не оказалось германскаго пропуска на Минскъ, но меня выручилъ одинъ молодой еврей-минчанинъ.

— У меня есть просроченный пропускъ моей тещи . . . Сейчасъ я его приспособлю . . . — сказалъ онъ.

Онъ поскребъ что-то ножичкомъ, подрисовалъ что-то карандашикомъ и я превратился въ какую-то Таню Рабиновичъ, 64 лѣтъ. По этому пропуску мой любезный спутникъ досталъ мнѣ билетъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ подошли къ нѣмецкому оберъ-кондуктору.

— У меня, знаете, пропускъ не совсѣмъ въ порядкѣ... — сказалъ я.

— А билетъ есть?

— Есть... Я предложилъ бы вамъ 50 марокъ...

— Вы намъ портите цѣны!... — съ большимъ неудовольствіемъ вмѣшался по-русски мой спутникъ. — И двадцати хватило бы вполнѣ...

— Я хочу чтобы попрочнѣе...

— И за двадцать было бы вполнѣ прочно.... Вы набиваете цѣны...

Оберъ между тѣмъ расшаркивался: я долженъ сѣсть въ его купэ... все будетъ чудесно... я могу быть совершенно покоенъ... Не угодно ли мнѣ чаю?...

Я все боялся, что онъ скажетъ мнѣ „Durchlaucht“ или „Exzellenz“.

И я чудесно пріѣхалъ въ качествѣ Тани Рабиновичъ — да продлитъ Господь ея дни!.... — въ Минскъ. Ревизовавшіе въ пути пассажировъ германскіе караулы дѣлали видъ, что меня въ купе совсѣмъ нѣтъ. А вѣдь раньше въ Германіи этого не было!...

Я все благополучно кончилъ въ Минскѣ и только бы мнѣ выѣхать, какъ вдругъ грянула телеграмма: въ Германіи революція! Гордая, до тѣхъ поръ непобѣдимая, изумительная армія не хотѣла придти домой просто битой арміей и вотъ она пошла арміей революціонной... Минскіе „бундовцы“ вышли на площадь съ красными флагами, нѣмецкіе солдаты тоже одѣли красныя ленточки и митинговали. И пронесся глухой слухъ, что одного лейтенанта убили. И въ то время, какъ на Соборной площади и въ городскомъ театрѣ лились бунтарскія рѣчи, полныя вѣковѣчной, никогда еще не исполнявшейся надежды, у нашего повѣреннаго въ слабо освѣщенной квартирѣ его собралось небольшое общество: былъ чай и музыка. Кромѣ меня былъ одинъ корректный ротмистръ

изъ штаба Фалькенгайма, уже въ штатскомъ, двѣ красивыхъ пѣвицы нѣмецкой оперы и богатый еврей-фабрикантъ изъ Москвы съ молодой женой. Пѣвицы о чемъ-то тревожно совѣщались. Я прислушался — онѣ безпокоились о... своихъ туалетахъ: здѣсь оставить, ограбятъ большевики, везти — ограбятъ въ дорогѣ, пожалуй! А бравый ротмистръ подсчитывалъ силы контръ-революціи:

— Офицерскій корпусъ у насъ насчитываетъ теперь 600.000 хорошо владѣющихъ оружіемъ людей. Не забывайте нашего зажиточнаго крестьянства, которому съ соціалистами не по пути. Затѣмъ наши католическія провинціи . . . Ничего, побороться можно . . .

А потомъ была красивая музыка . . . И подъ тревожащія душу звуки ея я думалъ о семьѣ своей, брошенной въ пучину всего этого безумія, о своемъ бѣдномъ, запуганномъ старикѣ... И вдругъ вспомнилось, что не вспомнилъ я о Мирушѣ, что все рѣже и рѣже вспоминаю я о ней, что не хватаетъ уже у меня силъ вызвать дорогую къ себѣ изъ холодной пучины забвенія... И стало страшно, и грустно, грустно безъ конца...

А на углу Захарьевской, въ угрюмыхъ сумеркахъ, стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ молодой, оборванный, грязный и слѣпой еврей и, прося о милостынѣ, пѣлъ слабымъ и пріятнымъ теноркомъ что-то скорбное и надрывное, какъ умѣютъ пѣть только евреи. И его милое, тихое лицо, обращенное къ холодно-замкнувшемуся небу, и скорбная пѣснь-мольба казались мнѣ прообразомъ всего бѣднаго человѣчества, и просились на глаза слезы . . .

Жизнь продолжала ткать свой причудливый яркій коверъ, вѣчно новый и вѣчно прежній . . .

XVI.

Я бросился скорѣе на желѣзную дорогу, чтобы бѣжать къ семьѣ, — пожаръ изъ Германіи легко могъ переброситься

въ волнующуюся „Украину“. Но пока ничего особеннаго вокругъ не было: нѣмецкіе солдаты держались спокойно, отдавая честь офицерамъ, и несли обычную службу. Поѣзда шли. Хорошенькая еврейка бѣженка изъ-подъ Могилева, смѣясь, разсказывала свои злоключенія . . .

И вдругъ, подъѣзжая уже къ Гомелю, я узнаю новость: тамъ производятся обыски и все, что на пассажирѣ имѣется свыше 10.000 р., отбирается.

— То есть, временно какъ-нибудь, вѣроятно? . . .

— Нѣтъ, совсѣмъ . . .

— Не можетъ быть! Это какая-то нелѣпость.

— Фактъ.

Со мной было около 40.000. Я разсовалъ половину денегъ куда только можно было, а 23.000 оставилъ на виду. Не вѣрилось, чтобы можно было придумать такую чепуху, а кромѣ того у меня было удостовѣреніе нашей фирмы, что я командированъ въ Кіевъ по дѣламъ правленія.

Гомель, всѣхъ насъ арестуютъ и, какъ преступниковъ, ведутъ въ тѣсную клѣтушку пограничной стражи, опрашиваютъ, 13.000 у меня отбираютъ, 10.000 оставляютъ, остальныхъ не находятъ — все по „закону“, который въ видѣ уже замусленной телеграммы виситъ тутъ же на стѣнѣ. Удостовѣреніе фирмы не дѣйствуетъ. Мнѣ любезно предлагаютъ жаловаться, а за протоколомъ просятъ явиться завтра въ 9 ч. утра къ начальнику пограничной стражи. Курьерскій поѣздъ, на который у меня былъ уже билетъ, уходитъ на моихъ глазахъ . . .

Провожу ночь въ невѣроятно грязныхъ еврейскихъ номерахъ, иду къ полковнику пограничной стражи, встрѣчаютъ меня очень любезно и — возвращаютъ отобранныя у меня деньги.

— Вы свой . . . — любезно поясняетъ мнѣ молоденькій адьютантъ. — Съ жидами мы не такъ поступаемъ . . .

Я не знаю, какъ поступали они съ жидами, но тѣ въ долгу не оставались, увѣряя всѣхъ, что тутъ „грабятъ“ отчаянно, что кутежи этихъ „грабителей“ здѣсь стали притчей во языцѣхъ. Но мнѣ нѣтъ времени вникать въ эти дѣла —, я несусь въ Кіевъ, а оттуда въ Казатинъ, къ своимъ.

Всего въ пути я пробылъ теперь 13 дней — раньше и четырехъ за глаза было бы. И эта колоссальная потеря времени, эти умирающія желѣзныя дороги, эти новыя, безсмысленныя границы, досмотры, допросы, грабежъ краснорѣчиво сказали мнѣ, до чего довели мы бѣдную Россію, то-есть, самихъ себя . . .

А дома Люся тяжело больна и надо выждать нѣсколько дней ея выздоровленія, чтобы тронуться въ далекій путь на Кавказъ. Мы выжидаемъ и вдругъ снова попадаемъ въ самую гущу „возставшаго народа“! . . .

Писатель Винниченко съ компаніей — все писатели и писатели въ роли спасителей человѣчества! . . . — рѣшилъ, что пора дѣйствовать. Моментально стали всѣ желѣзныя дороги, оборвались газеты, почта, телеграфъ — мы очутились, какъ въ океанѣ, вдали отъ береговъ, и должны довольствоваться трухлявыми бюллетенями новой „директоріи“, — такъ назвали себя бойкіе писатели — написанными на томъ галиційскомъ нарѣчіи, котораго здѣсь никто толкомъ не понимаетъ, какъ не понимаютъ и тѣхъ прокламацій, которыми насъ угощаютъ. Прокламація на непонятномъ народу нарѣчіи это, конечно, верхъ остроумія и государственной мудрости! И такъ сидимъ мы день, два, три, недѣлю, отрѣзанные отъ всего міра — мы не знаемъ не только того, что дѣлается въ Парижѣ или Берлинѣ, но не знаемъ даже, что происходитъ въ сосѣднемъ уѣздѣ. Раньше земля жила какъ бы одной жизнью, раньше была извѣстная степень единенія людей, теперь наша Махаринецкая волость — островъ затерянный въ океанѣ... безсмыслицы... Только слухи противорѣчивые,

нелѣпые ползаютъ по деревнямъ. И слышно, что попрежнему рѣжутся великороссы съ донцами и кубанцами, галичане съ поляками, поляки избиваютъ бѣгущихъ домой нѣмцевъ и жгутъ живьемъ въ синагогахъ евреевъ цѣлыми массами — это освобожденные народы подъ сѣнью краснаго знамени сливаются въ одну братскую семью! . . .

Объявляютъ въ округѣ мобилизацію и народъ идетъ воевать за землю, и многіе уже получили свою долю въ три аршина на сосѣднемъ кладбищѣ, и за самостійную Украину, придуманную писателями, хотя я не знаю буквально ни одного крестьянина здѣсь, ни одного солдата, которые были бы за отдѣленіе отъ Россіи. Это кажется имъ такимъ дикимъ абсурдомъ, что они и говорить серьезно объ этомъ не хотятъ. Такъ наши владимірцы и рязанцы по мановенію писателя Ленина шли воевать за чуждый имъ соціализмъ, съ которымъ они не имѣютъ рѣшительно ничего общаго, который они органически ненавидятъ. Тамъ ихъ обманывали на интеллигентскомъ жаргонѣ, здѣсь имъ „морочатъ головы“ на какомъ-то дикомъ діалектѣ, и отбираютъ оружіе, и реквизируютъ скотину, и ставятъ всю жизнь кверху ногами. И все валится въ пропасть безсмыслицы, и обрываются всякія связи между людьми, и нельзя никуда уйти изъ этого Бэдлама. Поѣзда, если идутъ, то идутъ, какъ имъ Богъ на душу положитъ, и иногда вдругъ останавливаются среди чистаго поля: нѣтъ топлива. Пассажиры дѣлаютъ между собою складчину и ѣдутъ покупать уголь, сами привозятъ его, сами грузятъ на паровозъ и ѣдутъ дальше. А нельзя достать угля, ломаютъ заборы сосѣдніе, полы въ товарныхъ вагонахъ, лавки въ вагонахъ пассажирскихъ, а то стоятъ день, два, три, недѣлю, мерзнутъ, голодаютъ, продаютъ съ себя все, до обручальныхъ колецъ включительно, чтобы кормиться . . . Я знаю человѣка, который отъ Ростова до Кіева ѣхалъ въ такихъ условіяхъ двѣ недѣли! . . .

— Паны играють . . . — такъ опредѣлилъ мнѣ смыслъ здѣшнихъ „великихъ“ событій одинъ неглупый старикъ-хохолъ. — И Господи Боже мой, чего только ни навыдумывали: и соціалы, и демократы, и ботики, и полуботики[1]), и „специалисты“. Начепляетъ на себя гильзивъ, а у рушници затвора нема, и шалается безъ дѣла, сморкатый: я — соціалъ! . . . Раньше, когда этихъ соціаловъ не было, такъ, бывало, въ полночь съ завода на село идешь, и гроши при тебѣ, и ничего, а теперь и днемъ-то пронеси только, Господи! . . . Вотъ тебѣ и ботики-полуботики! . . .

Да, паны-писатели взыграли, а у хлопцевъ чубы трещатъ. И не хочется имъ, чтобы они трещали, и упираются, а все идутъ. И пробуютъ какъ-то по своему разсуждать, что-то провидѣть во мглѣ грядущаго.

— Что же вы охотниками къ Петлюрѣ не идете?

— А вотъ побачимо, якъ жидки . . . Колы воны пiйдуть, то и мы пидемо . . . Воны люди мозговитые . . .

— А какъ же жидки? . . .

— А воны такъ же, якъ и во время войны: и туды крутыть, и сюды, а нейдеть . . .

Вокругъ кипитъ. Вчера въ Казатинѣ шло настоящее сраженіе между „возставшимъ народомъ украинскимъ“ и тоже возставшимъ народомъ германскимъ, который съ великими усиліями продирается къ себѣ домой. Трещали винтовки, четко стучалъ пулеметъ, играли въ небѣ прожекторы и ракеты, проливалась кровь. Случайно во славу писателя Винниченко и бухгалтера Петлюры погибло много дѣтей, возвращавшихся изъ школы. На огромномъ заводѣ у насъ сегодня всю ночь не спали, тревожно ожидая чего-то . . .

А я спалъ и чудесно. Я какъ-то отбоялся уже. Тотъ мозговой центрикъ, который завѣдуетъ безпокойствомъ, у меня

[1]) Полуботьковцы.

переутомился и какъ-то замеръ. Я уже не тревожусь. Чего тревожиться? Живется здѣсь тяжело — въ крохотной квартиркѣ насъ сгрудилось 12 человѣкъ, — но бываетъ и хуже; мы, по крайней мѣрѣ, сыты и теплы. Глупость, жестокость вокругъ? Теперь этимъ никого не удивишь. А смерть если, такъ что же, чѣмъ смерть отъ шальной пули сумасшедшаго хуже смерти отъ тифа или грудной жабы? Да, вдали гудитъ аэропланъ, трещатъ винтовки, а тутъ, подъ окнами, дѣтишки безмятежно возятся со снѣгомъ, иззябшіе люди, стоя на льду, ловятъ въ озерѣ окуней на блесну, синички перезваниваютъ въ обнаженномъ саду . . . Это — жизнь. И я легко и свободно ухожу въ ея широкій потокъ, не тревожась о залпахъ. Вѣдь, и они въ концѣ концовъ неизбѣжная составная часть этой жизни борьбы . . .

Во всякомъ случаѣ я свое казатинское сидѣнье использовалъ довольно хорошо: несмотря на тѣсноту, духоту, гвалтъ бѣдныхъ дѣтишекъ въ этой давкѣ, я писалъ эти свои записки. И какъ хорошо работалось! . . .

Иногда на тревожно притихшій заводъ попадали представители „возставшаго народа“, эти до нельзя оборванные парни съ винтовкой на веревочкѣ. Мы спрашивали ихъ:

— Да неужели же вы, русскіе люди, хотите непремѣнно отдѣлиться отъ Россіи?

Но этотъ вопросъ казался имъ всѣмъ безъ единаго исключенія такой пустяковиной, что они даже въ обсужденіе его не входили.

— Зачѣмъ отдѣлиться? . . . Сколько годовъ изъ одного горшка щи ѣли, а теперь будемъ отдѣляться? Это пустое все . . .

— Пока жили вмѣстѣ, по хорошему, у васъ въ Москвѣ хлѣбъ былъ, а у насъ штаны на ногахъ, — пояснялъ другой. — А раздѣлили насъ всѣ эти гетманы, чтобы ихъ черти побрали, у васъ хлѣба нѣтъ, съ голоду подыхаете, а мы безъ рубашекъ ходимъ . . .

— Такъ какъ же это, отдѣляться не хотите, а пошли за Петлюрой?

— Петлюра землю всѣмъ обѣщалъ, потому и пошли за нимъ, а не затѣмъ, что бы отдѣляться . . . Онъ всѣмъ, кто идетъ, квитки на землю раздаетъ: всякій, кто винтовку взялъ, по пятнадцати десятинъ получитъ . . .

Самъ я этихъ „квитковъ" не видалъ, но всѣ о нихъ упорно говорили. И это, кажется, фактъ. Но если это фактъ, то до какой же низости можетъ дойти человѣкъ-политиканъ! Обѣщать то, чего исполнить невозможно, за этимъ мы не стоимъ нисколько. А какъ же потомъ, когда счетъ будетъ предъявленъ къ оплатѣ? Всегда какъ-нибудь извернуться можно . . .

Но о возможности получить землю, о своемъ непреклонномъ желаніи добиться ея, всѣ крестьяне говорили въ одинъ голосъ, и старые, и молодые. И характерна была у меня въ этомъ отношеніи одна бесѣда съ небольшой группой хохловъ. Благодаря двумъ телеграммамъ, полученнымъ мою отъ „директоріи" — о нихъ будетъ ниже — у нихъ создалось впечатлѣніе, что я человѣкъ тамъ, наверху, свой, и что я могу довести до свѣденія, кому это вѣдать надлежитъ, все, что угодно.

— Нѣтъ, отъ земли народъ теперь не откажется . . . — говорили мои собесѣдники. — Тамъ въ остальномъ пусть все будетъ хоть по старому, по паньски, а землю подай . . .

— И заплатить за нее панамъ, что слѣдуетъ, мы готовы, получи, — добавлялъ другой, — и царя ставьте, все, какъ слѣдуетъ, но только отъ земли не откажемся . . .

И тутъ и выяснять не приходилось, какъ именно подай имъ землю: ни о какой соціализаціи они и не разговаривали, а „подай" значило продай мнѣ въ собственность. И все же шли за соціалистами, которые никакъ не хотѣли этой собственности! Происходило какое-то взаимное широкое надува-

тельство: „вожди“ точно надѣялись, что со временемъ они просто смогутъ отказаться отъ этой своей соціализаціи, только бы удержать власть надъ довѣрившимися имъ людьми, а эти люди было точно увѣрены, что только бы землей то имъ завладать, а тамъ они всѣхъ этихъ „соціаловъ“ всегда успѣютъ послать къ чортовой матери.

И дѣла у вставшаго во главѣ народа бухгалтера Петлюры шли хорошо: его фронтъ замѣтно продвигался къ Кіеву и по мѣрѣ его продвиженія впередъ, у насъ слава Богу становилось все тише и тише въ смыслѣ пальбы и другихъ военныхъ удовольствій. Но смута въ народѣ стояла великая — въ концѣ концовъ всѣ какъ-то не вѣрили, что изъ всего этого что-то выйдетъ путное. То и дѣло поднимались слухи, что вотъ оттуда-то идетъ сильный нѣмецкій отрядъ съ артиллеріей и что скоро Петлюрѣ капутъ.

И вдругъ по окрестнымъ селеніямъ, уцѣлѣвшимъ еще экономіямъ и сахарнымъ заводамъ — возставшій народъ усиленно уничтожалъ ихъ, — появились агенты Петлюры: Кіевъ былъ наканунѣ паденія и Петлюрѣ надо было во что бы то ни стало для торжественнаго въѣзда въ завоеванный городъ — бѣлую лошадь! Я сперва не повѣрилъ этимъ слухамъ о бѣлой лошади, но фактъ былъ на лицо: бѣлую лошадь для гордаго завоевателя искали дѣйствительно. И нашли . . .

Мнѣ было немножко смѣшна эта маленькая вѣковѣчная комедійка съ бѣлой лошадью, отъ которой не въ силахъ освободиться даже революціонеры. Я въ это время читалъ кое-что по исторіи и въ широкихъ историческихъ перспективахъ какъ все это было мелко и глупо! Я читалъ въ это время о византійскомъ царѣ Никифорѣ, который, самъ того не желая, свергъ съ престола эту властную, великолѣпную царицу Ирину, занялъ ея мѣсто, а чрезъ нѣсколько лѣтъ изъ его черепа пилъ во время кутежа болгарскій царь, имени котораго

я уже не помню. Но Петлюры потому и Петлюры, что они не въ силахъ ничего этого помнить, что они ничего не видятъ и не слышатъ, кромѣ той или иной идеи, подъ тяжелую власть которой они попали. Они, въ сущности, плѣнники, а имъ кажется, что они кого-то за собой ведутъ!

И вотъ Петлюра со своей бѣлой лошадью торжественно, подъ лживый звонъ колоколовъ вошли въ завоеванный ими Кіевъ и свѣтлая свобода, за которую онъ, по словамъ его не всѣмъ понятныхъ прокламацій на иностранномъ нарѣчіи, борется, осѣнила насъ своими свѣтлыми крылами: комендантомъ Кіева приказано свободнымъ гражданамъ новоявленной республики украсить во имя этой радостной свободы свои дома флагами и коврами, всѣ газеты новой властью закрыты, такъ какъ, конечно, идея самостійной Украины улыбается только очень и очень немногимъ господамъ, всѣ желѣзныя дороги стоятъ и я прячу эти свои записки въ укромное мѣстечко, ибо вездѣ идутъ обыски и аресты, всѣмъ приказано торжествовать, а не возражать. А освобожденный народъ краснорѣчивыми, напыщенными приказами призывается не безобразничать и не грабить. Но увы, не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ новый приказъ новаго начальства констатируетъ, что, „къ сожалѣнію“, великій освобожденный народъ украинскій не внялъ голосу своихъ вождей, что всюду и вездѣ разбрасываются прокламаціи съ призывомъ бить жидовъ, что вездѣ начались волненія и „грабунки“ — такъ нѣжно называется на новомъ языкѣ разбой, — и Петлюра грозитъ уже освобожденному народу — разстрѣломъ! . . .

Въ Одессѣ, по слухамъ, высаженъ какой-то иностранный дессантъ и въ порту стоятъ уже иностранные дредноуты. И какъ раньше острили, что Скоропадскій потому и Скоропадскій, что скоро онъ падетъ, такъ теперь обыватель, которому вся эта кровавая канитель опредѣленно надоѣла, по

секрету объясняетъ, что Петлюра потому и Петлюра, что не миновать ему петли. Такъ проходитъ слава міра сего! . . .

До сѣдыхъ волосъ дожилъ я и все мнѣ казалось, что тайно отъ меня люди дѣлаютъ какое-то важное дѣло, знаютъ что-то такое, чего я не знаю, и я, лѣнивый созерцатель отъ природы и авансомъ невѣрящій людямъ, шелъ туда и сюда, бесѣдовалъ и съ Толстымъ, и съ земцами, и со священниками, и съ Ригъ-Ведой, и съ писателями всякими: авось, проговорятся, авось я выпытаю у нихъ какъ-нибудь ихъ секретъ . . . И только очень поздно догадался я, узналъ ихъ тайну, что — увы! . . . — никто изъ нихъ, какъ и я, ничего не знаетъ и что то важное дѣло, которое дѣлается жизнью — если оно важное и если оно дѣло — дѣлается помимо ихъ, вопреки имъ, несмотря на нихъ, что они въ этой пестрой игрѣ слугатъ — только пѣшки . . .

Да, „утренній вѣтеръ все вѣетъ, поэма творенія продолжается, но мало ушей, которыя слышать ее . . .“ — слышать ее, можно только отойдя въ сторону. Такъ, но гдѣ же та сторона, куда я могъ бы отойти? Рѣшительно, люди дѣлаютъ землю слишкомъ тѣсной! . . .

Прекрасно сказалъ въ Кіевѣ Мятлевъ:

Викторія, викторія!
Оконченъ славный бой!
Петлюра, Директорія,
Флагъ желто-голубой,
Народа правомочія,
Сіяніе зари,
И прочее, и прочее,
И — чортъ васъ всѣхъ дери!

XVII.

Кровавая комедія продолжалась. По лицу освобожденной „Украины“ шли погромы и разбой, а въ Кіевѣ собрался уже

такъ называемый трудовой конгрессъ. Ничего новаго эти трудовые люди не сказали: „товарищи“ — и затѣмъ все, что полагается по революціонному катехизису . . . Только одинъ делегатъ сказалъ весьма коротенькую, но многозначительную рѣчь, которой, какъ всегда это бываетъ съ важными явленіями, никто не замѣтилъ. Делегатъ этотъ сказалъ собранію приблизительно такъ:

— Товарищи, давайте дѣлать дѣло, а не разговаривать! Пославшіе меня къ вамъ крестьяне прямо и опредѣленно заявили мнѣ и велѣли передать это вамъ, что выбираютъ они въ послѣдній разъ . . .

Значитъ, сыты! Такъ и слѣдовало ожидать.

И пресловутая „самостійность“ опредѣленно расползалась по всѣмъ швамъ. Разсказывали о маленькомъ комическомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто при торжественномъ въѣздѣ въ Кіевъ Петлюры и бѣлой лошади. На одномъ изъ перекрестковъ въ ряды войскъ по недосмотру впутался какой-то зазѣвавшійся мужичокъ на подводѣ и разстроилъ ряды побѣдоносной арміи. Солдаты потеряли, наконецъ, терпѣніе и одинъ изъ нихъ неожиданно для всѣхъ на чистѣйшемъ русскомъ нарѣчіи выпалилъ:

— Да ну же, заворачивай, ты, Мазепа! . . .

Но на эту выходку вниманія никто не обратилъ — сдѣлали видъ, что этого не замѣтили, а тѣ, что замѣтили, сразу же зашептались что дѣло не чисто и что среди самостійниковъ Петлюры затесалось немало большевиковъ . . . Но самостійники вниманія на это не обращали: они приказали прежде всего перемазать во всемъ Кіевѣ вывѣскй — конечно, подъ страхомъ всевозможныхъ каръ. Здѣсь, въ Кіевѣ, перемазывали русскія вывѣски на галиційское нарѣчіе, а у насъ, во Владимірѣ, перемазывали ихъ, чтобы уничтожить контрреволюціонныя ѣ и ъ, и такъ какъ у маляровъ не хватало рабочихъ рукъ, чтобы исполнить эту огромную работу, то

цѣны за этотъ трудъ брались съ буржуевъ прямо невѣроятныя. Но и этого мало: группа какихъ-то особенно предпріимчивыхъ украинцевъ собралась у памятника гетмана Богдана Хмѣльницкаго, на которомъ стояла надпись: „Богдану Хмѣльницкому — единая, недѣлимая Россія“. „Недѣлимая“ показалась имъ оскорбительной и вотъ по очереди, взобравшись на постаментъ, милые люди стали отковыривать въ этомъ словѣ двѣ первыхъ его буквы. Правда, если бы имъ удалось достичь своей цѣли, получилась бы опредѣленная безсмыслица: „Богдану Хмѣльницкому — Единая, дѣлимая Россія“, но за смысломъ въ наше революціонное время никто не гонится, и надо было видѣть то стараніе, съ какимъ ковыряли демонстранты двѣ ненавистныя имъ буквы, которыя, однако, рѣшительно не поддавались ихъ усиліямъ. Люди, наблюдавшіе съ грустью эту сценку, такъ и не дождались конца представленія и ушли, оставивъ „Единую, Недѣлимую“ непоколебленной подъ усиліями самостійниковъ.

Жить въ Казатинѣ намъ становилось все болѣе и болѣе тяжело. Мы своей большой семьей опредѣленно стѣняли нашихъ родственниковъ, квартирка которыхъ была очень скромныхъ размѣровъ. Надо было уѣзжать. Но какъ рѣшиться пуститься въ плаваніе по этому бурному морю съ маленькими ребятишками среди зимы, по разбитымъ дорогамъ, среди ружейной и орудійной пальбы возставшаго народа? Я рѣшилъ обратиться съ просьбой о помощи къ предсѣдателю директоріи В. К. Винниченко, съ которымъ мы не одинъ годъ сотрудничали въ миролюбовскомъ „Журналѣ для всѣхъ“. Я написалъ ему письмо съ просьбой оказать мнѣ содѣйствіе, помочь какъ-нибудь выбраться изъ самостійной Украины дальше, на Кавказъ. Но такъ какъ въ возможность помощи со стороны явно безсильной, явно уже падающей подъ напоромъ большевиковъ директоріи мнѣ не особенно вѣрилось, то я, не дожидаясь отвѣта, рѣшилъ самъ съѣздить въ сторону Одессы

на развѣдку: можно ли провести туда малышей и правда ли, что тамъ, подъ крыломъ оккупировавшихъ Одессу союзниковъ, живется недурно?

Скрѣпя сердце, занялъ я мѣсто въ нестерпимо загаженномъ, съ выбитыми стеклами вагонѣ III класса и первое, что увидѣлъ я на тяжеломъ пути своемъ, это бѣженцы-евреи изъ Житомира и Бердичева: революціонныя войска Петлюры ворвались туда, въ эти очень еврейскіе города теперь, когда власть директоріи, казалось, укрѣпилась и — произвели еврейскій погромъ по самому послѣднему слову науки, съ участіемъ не только пулеметовъ, но даже броневиковъ и артиллеріи! Раньше, конечно, о такихъ погромахъ у насъ никто не слыхивалъ. За погромомъ послѣдовалъ дикій грабежъ, причемъ пострадали уже не одни только евреи, а и вообще зажиточные жители. Число жертвъ среди евреевъ насчитывалось сотнями.

И я смотрѣлъ на этихъ несчастныхъ, жалкихъ людей, перепуганныхъ, не знающихъ, куда бѣжать — какъ и я — и мнѣ вспоминалась одна сценка въ Москвѣ, когда разъ мы сидѣли въ одной изъ редакцій и разсуждали о печальныхъ судьбахъ русской революціи.

— Удивляюсь, господа, какъ это можете вы, люди неглупые, разсуждать столько времени надъ выѣденнымъ яйцомъ . . . — сказалъ одинъ умный циникъ. — Хотите, я разскажу вамъ исторію этой нашей революціи въ трехъ словахъ?

— А ну?

— Господа, мы побаламутимся еще нѣкоторое время болѣе или менѣе глупо и кроваво, а затѣмъ великая русская революція закончится неслыханнымъ еще, можетъ быть, въ исторіи еврейскимъ погромомъ и все станетъ болѣе или менѣе на свое мѣсто.

— И все? — спросилъ кто-то.

— И все . . . — тихо отвѣчалъ тотъ.

Сперва показалось это просто злымъ анекдотомъ, но чѣмъ больше я всматривался въ кипящій вокругъ меня водоворотъ самостійной Украины, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждался, что эта краткая исторія великой русской революціи, можетъ быть, не такъ ужъ анекдотична. Достаточно сказать, что въ то время какъ бѣженцы изъ Бердичева, сломя голову, неслись въ Житомиръ, бѣженцы изъ то же уже разгромленнаго республиканскими войсками Житомира неслись на Бердичевъ, а въ поѣздѣ изъ Умани, который влился на узловой станціи въ нашъ поѣздъ, шестнадцать человѣкъ евреевъ были зарѣзаны восставшими солдатами такъ просто, здорово живешь: подойдутъ, зарѣжутъ, какъ теленка, а потомъ мертвымъ тѣломъ вышибутъ окошко и выбросятъ трупъ на насыпь. И тутъ же среди хмурыхъ, иззябшихъ пассажировъ идетъ самая откровенная проповѣдь все новыхъ и новыхъ погромовъ. Ораторами выступаютъ, главнымъ образомъ, солдаты. Они увѣряютъ, что евреи создали свои особые полки, что они дерутся за пановъ, что они стрѣляли изъ оконъ по возставшему народу и проч. Я позволилъ себѣ усумниться:

— Если бы вы разсказали мнѣ, милый человѣкъ, что евреи убѣгали отъ республиканскихъ войскъ со скоростью сорока верстъ въ часъ, это было бы нелѣпо, конечно, но я все же постарался бы повѣрить вамъ хотя изъ вѣжливости, но еврейскіе полки и проч., это знаете, все вещи совсѣмъ ужъ невѣроятныя . . .

Сразу начинаетъ орать: не только полки, не только стрѣляли, но даже кипяткомъ возставшій народъ изъ оконъ обливали, они стоятъ за старый режимъ и проч. И смотритъ на тебя злыми звѣриными глазами. Что онъ вретъ, это несомнѣнно, но возражать не приходится: большинство опредѣленно на его сторонѣ. И вообще въ это время возражать

суверенному народу было не принято, чтобы онъ ни мололъ.

Тутъ, въ возставшей Украинѣ, я долженъ былъ отказаться отъ одного изъ обвиненій, которое обыкновенно выдвигалось противъ стараго правительства революціонными партіями. Всѣ мы слишкомъ ужъ охотно увѣряли всѣхъ и каждаго, что народъ нашъ очень толерантенъ и что знаменитые еврейскіе погромы наши это дѣло рукъ только правительства и его агентовъ. Теперь старое правительство ушло, но никогда „при старомъ режимѣ“ — я долженъ засвидѣтельствовать это — не достигали погромы такой ярости и такого размаха. Бердичевъ и Житомиръ и рѣзня въ уманскомъ поѣздѣ это было только начало, только цвѣточки — ягодки были еще впереди, ягодки начались тогда, когда слетѣлъ Петлюра и стали на его мѣсто большевики и разныя разбойничьи шайки подъ предводительствомъ разныхъ „батекъ“: тогда погромы приняли массовой стихійный характеръ и возставшій народъ русскій соперничалъ въ усердіи съ возставшимъ народомъ украинскимъ въ дѣлѣ поголовнаго истребленія освобожденнаго еврейства . . .

Поѣздъ шелъ версты четыре, пять въ часъ . . . Мучилъ холодъ и грязь. Вши были повсюду и было немножко страшно: мерзкое сѣренькое созданіе это разносило тифъ, который свирѣпствовалъ въ краѣ необычайно. Часто въ сельскую церковь приносили утромъ сразу по нѣсколько гробовъ. Вымирали цѣлыя семьи. И слушаешь эти разсказы, и видишь вокругъ эту гибель еще такъ недавно огромной и богатой страны, и тяжко становится на душѣ. А раньше, раньше, — помните:

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора . . .

Наконецъ, мы — одинъ адвокатъ-еврей изъ Кіева и я — не выдержали и въ Жмеринкѣ пошли разъискивать себѣ мѣста поуютнѣе. Въ хвостѣ поѣзда, сплошь состоявшаго изъ разбитыхъ товарныхъ и третьекласныхъ вагоновъ, стоялъ какой то старый вагонъ-салонъ. На площадкѣ его виднѣлся проводникъ. Мы подошли къ нему.

— Чей это вагонъ? — спросили мы его.

— Генерала Грекова, — отвѣчалъ онъ. — Военнаго министра . . .

— А нельзя какъ-нибудь намъ пристроиться тутъ?

Онъ въ священномъ ужасѣ замахалъ руками.

— Мы предложили бы вамъ по сто рублей . . .

— И толковать нечего. Идите, идите! . . .

Мы ушли на переполненный народомъ и загаженный вокзалъ. Смотримъ, минутъ черезъ пять бѣжитъ нашъ проводникъ.

— Пожалуйте . . . Я переговорилъ съ вѣстовымъ. Устроимъ какъ-нибудь . . . Только ужъ уговоръ: не кашляйте, не разговаривайте . . . А ежели выдти понадобится, тихонько постучите мнѣ въ стѣнку и я провожу . . .

Мы обрадовались, захватили свои вещи и пошли въ генеральскій вагонъ, но не со стороны вокзала, а съ противоположной. Вѣстовой усиленно занималъ военнаго министра бесѣдой, а проводникъ быстро впустилъ насъ въ вагонъ и заперъ въ одномъ изъ купе. Мы напились чаю и сразу же завалились спать. Въ теплѣ и на просторѣ чувствовалось послѣ перенесенныхъ лишеній очень хорошо.

Такъ докатились мы на четвертый день — раньше на проѣздъ этотъ нужно было всего десять часовъ — до Одессы или точнѣе до „Первой Заставы", предпослѣдней станціи передъ Одессой: дальше поѣзда не шли. Тутъ приходилось брать подводу и восемь верстъ ѣхать до города темными полями, гдѣ стояли другъ противъ друга французскіе часовые

и петлюровцы и гдѣ тѣмъ не менѣе пассажировъ грабили и раздѣвали. Революціонный извозчикъ запросилъ съ насъ двоихъ за восемь верстъ триста рублей и мы взгромоздились на телѣгу и по невѣроятной дорогѣ, по буеракамъ, въ полномъ мракѣ потянулись къ городу. Изрѣдка темноту прорѣзывала синеватая молнія выстрѣла. Иногда вырисовывались въ темнотѣ фигуры какихъ-то оборванцевъ съ винтовками. Разъ насъ остановили и спросили, куда мы ѣдемъ и кто мы такіе. Мы отвѣтили — причемъ могли солгать, видимо, все, что угодно, — и насъ пропустили.

Особенно жутко было, когда проѣзжали мы разрушеннымъ страшнымъ взрывомъ пригородомъ, гдѣ были раньше склады снарядовъ. Изуродованные взрывомъ зданія безобразно и страшно поднимались въ темное небо и ни одной души человѣческой не было видно среди всего этого мрака и смерти.

Говорятъ, что это работа нѣмецкихъ агентовъ, а другіе увѣряютъ, что это большевики постарались. Гдѣ правда, неизвѣстно, но ужасъ всей этой безсмыслицы и преступленія гнететъ душу . . .

Но вотъ и городъ. Онъ едва-едва освѣщенъ: топлива для электрической станціи не хватаетъ. И въ скудномъ освѣщеніи этомъ, имѣющемъ какой-то жуткій, мѣдный отблескъ, чуется большая тоска, какое-то тяжелое умираніе. Мы беремъ уже городского извозчика и начинаемъ безъ конца ѣздить по полутемнымъ улицамъ въ поискахъ за ночлегомъ. Но нигдѣ нѣтъ ни одного угла.

— Послушайте, — говоритъ мой спутникъ швейцару одной изъ гостинницъ. — Мы дадимъ вамъ пятьсотъ рублей: дайте намъ, пожалуйста, номеръ . . .

— Если бы вы обѣщали мнѣ десять тысячъ, — отвѣчаетъ тотъ, — такъ и тогда я не могъ бы дать вамъ комнаты. Если хотите, ночуйте на моей кровати, а я какъ нибудь на лѣстницѣ перебуду ночь, а завтра поищете себѣ помѣщенія . . .

Мы поѣхали дальше. Но комнаты нигдѣ не оказывалось. Мой спутникъ потерялъ терпѣніе.

— Все, что намъ остается, это публичный домъ ... — сказалъ онъ.

— Слуга покорный! ... — сказалъ я.

— Ну, тогда придется ночевать на троттуарѣ ...

— Давайте искать еще ...

Скверный красный фонарь надъ входомъ въ какую-то берлогу привлекъ наше вниманіе. Оказалось, грязненькій и вонючій „домъ свиданій“. Мы вошли и попросили пріюта. Корридорный отвѣтилъ, что насъ пустить онъ не можетъ, такъ какъ сюда ходятъ только парами и на короткое время. Мы уговорили его, однако, предложивъ заплатить сразу за нѣсколько паръ, за всю ночь. Онъ потребовалъ съ насъ 75 р. и впустилъ насъ въ омерзительное вонючее стойло, гдѣ въ клопахъ и провели мы время до утра.

Городъ былъ окупированъ французами. Вездѣ на улицахъ слышалась французская рѣчь. На рейдѣ мирно дремали страшныя стальныя чудовища, французскія суда. Какое оживленіе, какой шумъ царили раньше въ этой огромной гавани, а теперь пустыня и смерть! Отношенія между французами и населеніемъ были холодны. Населеніе, привыкшее за время германской оккупаціи къ строгому порядку, негодовало на французовъ, что ихъ оккупація странѣ рѣшительно ничего не даетъ, такъ какъ французы рѣшительно ничѣмъ на занимаются, только по кафе сидятъ да за женщинами бѣгаютъ, а на ихъ глазахъ жулики раздѣваютъ прохожихъ. И было смѣшно слушать эти обывательскія жалобы: да почему же именно французы должны оберегать васъ? Почему вы сами ничего не предпринимаете? Почему вы все ждете чего-то отъ чужого дяди? Но обыватель разсуждать не хотѣлъ — онъ просто проводилъ параллель между нѣмцами и французами и безъ всякаго колебанія отдавалъ предпочтеніе первымъ,

какъ людямъ распорядительнымъ, аккуратнымъ, хозяйственнымъ . . .

Въ городѣ не хватало отопленія и голодъ наросталъ съ каждымъ днемъ: всѣ окрестности были въ рукахъ петлюровцевъ и подвозъ продовольствія былъ очень затрудненъ. Говорили, что въ ближайшіе дни французская зона будетъ расширена до ста верстъ и тогда будетъ легче. Ее, правда, расширили скоро до ст. Раздѣльной, но положеніе не улучшилось. А цѣны, дѣйствительно, на все стояли безумныя: селедка, напримѣръ, которую раньше ѣли только босяки, стоила 25 р., а за двѣ картофелины къ ней съ насъ взяли 8 р. и т. д. И въ общественной атмосферѣ чувствовалась какая-то неопредѣленность, всѣ понимали, что такъ продолжаться не можетъ и словно ждали, что вотъ кто-то скоро придетъ и скажетъ, что надо дѣлать. И евреи ворчали на добровольцевъ — ихъ былъ тутъ небольшой отрядъ — и добровольцы негодовали на евреевъ, и всѣ ворчали другъ на друга вообще и не было выхода.

И въ интеллигентскихъ кругахъ чувствовалась та же распутица, то же бездорожье. Здѣсь настроеніе было совсѣмъ иное, чѣмъ въ той же Москвѣ, гдѣ революціонная идеологія давно уже треснула по всѣмъ швамъ. Здѣсь говорили еще на революціонномъ жаргонѣ, здѣсь вѣрили еще въ какія-то завоеванія революціи, здѣсь словно пытались еще увѣрить сами себя и одинъ другого, что никакого крушенія революціи не произошло и все обстоитъ благополучно. Иное настроеніе было среди бѣженцевъ съ сѣвера, среди которыхъ я встрѣтилъ не мало знакомыхъ. Эти уже явно отцвѣли и продолжали втихомолку тотъ пересмотръ прежней идеологіи, о которомъ разсказывалъ я выше.

Особенно интересна и содержательна была встрѣча съ Ив. А. Бунинымъ, однимъ изъ моихъ любимыхъ писателей.

— Да, легкомысленны были мы, Иванъ Федоровичъ, легкомысленны! . . . — говорилъ онъ. — Теперь грѣха таить уже нечего . . . Я помню, получилъ я у себя въ деревнѣ извѣстіе объ убійствѣ Столыпина — теперь трудно и повѣрить, что я бѣгалъ по терассѣ и визжалъ отъ радости . . .

— А теперь визжать не стали бы? — съ улыбкой спросилъ я.

— О, нѣтъ! . . . — отвѣчалъ онъ.

— А какъ у васъ въ Орловской настроеніе среди крестьянъ? . . .

— Опредѣленно монархическое: царя и никакихъ разговоровъ! . . .

Немало разговоровъ вели мы съ нимъ и на литературныя темы. Бесѣда его отличалась чрезвычайной живостью и рѣчь всегда была остроумна, а характеристики мѣтки и выпуклы до скульптурности. Онъ много разсказывалъ мнѣ о Горькомъ, этомъ, по выраженію Чехова, „казакѣ Ашиновѣ русской литературы“, о Купринѣ, Андреевѣ и только фигура Чехова вырисовывалась изъ его разсказовъ въ мягкомъ вечернемъ освѣщеніи, когда все тихо и свѣтло и такъ легко любится и дышется.

. . . .

Повидался я и съ почтеннымъ Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ, который устроился у своихъ родственниковъ тутъ и, видимо, жилъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Добрый старикъ наединѣ чувствовался совсѣмъ „созрѣвшимъ“, но на людяхъ считалъ еще необходимымъ дѣлать пріятное мартовское лицо . . .

Побывалъ я съ И. А. Бунинымъ и на литературной „средѣ“ здѣсь, но впечатлѣніе вынесъ самое убогое: среди крови и разрушенія родины, поэтъ Максъ Волошинъ читалъ свои звучные, удивительно-русскіе новые стихи, а потомъ публика „высказывалась“ по поводу нихъ. И Господи, сколько

пошлости выливала на васъ эта бойкая высказывающаяся публика! Одинъ еврейчикъ упрекалъ поэта въ томъ, что онъ какъ будто „относится отрицательно“ къ нашей великой революціи и что это, пожалуй, будетъ темнымъ пятномъ на свѣтлыхъ ризахъ поэта. Другой съ замашками привычнаго говоруна утверждалъ, что поэтъ можетъ ко всему относиться такъ, какъ ему угодно, что пора намъ перестать предъявлять къ писателямъ требованія быть непремѣнно „идейными“ и революціонными, что поэтъ долженъ быть свободенъ и проч. Третій опредѣленно протестовалъ противъ націоналистическихъ настроеніей поэта. А въ душной залѣ опредѣленно не хватало электричества и мѣдные оттѣнки слабаго тока придавали всей этой праздной болтовнѣ мистическій, подчеркнуто жуткій характеръ и за окномъ изрѣдка грохали выстрѣлы студенческихъ патрулей, охотившихся за жуликами...

Совсѣмъ иное впечатлѣніе вынесъ я съ лекціи знаменитаго В. М. Пуришкевича. Публика буквально ломилась въ большую залу Русскаго Театра и я едва досталъ билетъ у барышниковъ. Среди публики было много и учащихся, и мелкихъ чиновниковъ, и даже евреевъ и рабочихъ, спеціальнаго подбора не было, и лекція вышла однимъ сплошнымъ тріумфомъ для этаго талантливаго, мужественнаго, подкупающаго своей искренностью даже противниковъ, оратора. Особенно характерны были въ революціонной Одессѣ тѣ мѣста его рѣчи, гдѣ онъ съ полной откровенностью говорилъ о своемъ неизмѣнившемся міровоззрѣніи крайняго монархиста — публика подчеркивала ихъ бурными апплодисментами и иногда настоящей оваціей. Потомъ говорилъ онъ о необходимости объединить всѣ русскія арміи, борющіяся противъ большевиковъ, подъ единымъ командованіемъ и во главѣ этого командованія поставить человѣка, которому довѣряла бы вся Россія, который былъ бы по самому положенію своему выше неизбѣжной борьбы генеральскихъ самолюбій, такъ вредящей великому дѣлу.

— И такой человѣкъ у насъ, слава Богу, есть . . .

Аудиторія затаила дыханіе.

— Этотъ человѣкъ — великій князь Николай Николаевичъ . . .

Аудиторія разражается шумной и долгой оваціей по адресу и оратора, и великаго князя.

— Мы, монархисты, уже не разъ дѣлали попытку, — признается ораторъ, нервно жмуря какъ всегда глаза, — уговорить великаго князя взять верховное командованіе въ свои руки, но онъ твердо отказывается, говоря, что онъ не возьметъ на себя этого дѣла раньше, чѣмъ почувствуетъ, что вся Россія ждетъ отъ него этого подвига . . .

Снова въ аудиторіи бурные крики и апплодисменты. Революція подмокла и здѣсь опредѣленно.

Объ этомъ же узналъ я и отъ двухъ коллегъ изъ „Одесскихъ Новостей", съ которыми пришлось бесѣдовать на эту тему въ редакціи.

— Вы не можете себѣ представить, что тутъ раньше дѣлалось! . . . — разсказывалъ мнѣ одинъ изъ нихъ. — Теперь еще что! . . . Вѣдь въ первые дни переворота въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ было что-то шестьдесятъ тысячъ зарегистрированныхъ членовъ! Купцы, барыни, спекулянты, всѣ подѣлались вдругъ соціалистами-революціонерами . . .

— А теперь сколько же ихъ? — спросилъ я.

— Человѣкъ шестьдесятъ наберется . . . — отвѣчалъ онъ.

— Ну, ну, ну . . . не преувеличивайте, коллега, не пугайте москвича! . . . — пошутилъ другой. — И двухъ десятковъ нѣтъ . . .

Послѣ лекціи мы съ моимъ спутникомъ по вагону генерала Грекова, кіевскимъ адвокатомъ-евреемъ, зашли поужинать въ знаменитую „Лондонскую гостинницу", гдѣ, какъ говорили, дѣлалась теперь высокая политика. Гостинница

была слабо освѣщена, но тѣсно въ залахъ было невѣроятно. Мелькали въ толпѣ фигуры разныхъ знаменитостей Москвы и Петрограда изъ міра политики, промышленности, финансовъ. Лакей встрѣтилъ насъ извѣстіемъ, что все уже съѣдено и онъ ничего не можетъ предложить намъ.

— Но какъ же такъ? ... Поищите хоть чего-нибудь ...

Онъ пожалъ плечами и убѣжалъ куда-то, а потомъ, вернувшись, сообщилъ намъ, что онъ можетъ дать намъ одну селедку и крылышко утки. Мы были рады и этому и сѣли за одинъ изъ столиковъ ...

Скромная трапеза наша была скоро окончена и мы засидѣлись за бутылкой прекраснаго удѣльнаго вина. Какой-то полувоенный типъ стоялъ не совсѣмъ твердо на ногахъ неподалеку отъ насъ и внимательно ко мнѣ присматривался. Потомъ вдругъ онъ направляется ко мнѣ и говоритъ:

— Ваша физіономія мнѣ очень нравится ... Очень симпатична ... Позвольте представиться: такой-то ... Помѣщикъ Таврической губерніи ... Вы, вѣроятно, москвичъ? ...

— Да.

— Сразу видно. Оч-чень симпатичная физіономія ... А вы?

Мой спутникъ назвалъ себя.

— Еврей? ... — грозно вдругъ нахмурился полувоенный человѣкъ.

— Да ...

— Это уже хуже ... Но, впрочемъ, и среди евреевъ бываютъ порядочныя люди иногда ... Ваша физіономія располагаетъ къ вамъ ... Вы оба симпатичнѣйшія люди ... Выпьемъ вмѣстѣ ... Эй, человѣкъ, вина! ...

Я сдѣлалъ лакею суровый знакъ, чтобы онъ не подавалъ вина ни въ какомъ случаѣ, а самъ извинился, что мы очень заняты и должны теперь же покинуть „Лондонъ“. Тотъ и слышать ничего не хотѣлъ и требовалъ уже пить на

брудершафтъ. Выпили брудершафтъ и новый пріятель нашъ повелъ сразу аттаку:

— Вотъ хоть у него морда и симпатичная, — говорилъ онъ, указывая на моего спутника, — но все же онъ жидъ. Не вѣрь ему!... Жидъ всегда оберетъ. Поручи лучше всѣ твои дѣла мнѣ — о, я мастеръ по этой части!... А жида берегись, — это такія бестіи, что у-у... Поручи лучше твои дѣла мнѣ...

Я сказалъ, что я только скромный литераторъ и что никакихъ дѣлъ, которыя можно было бы поручить моему новому другу, у меня нѣтъ. Онъ точно пропустилъ мое заявленіе мимо ушей и продолжалъ настаивать. Потомъ оттащилъ меня за рукавъ въ сторону и вдругъ, понизивъ голосъ, выпалилъ:

— А тысячу пудовъ казеннаго угля не купишь?... Великолѣпный уголь! Сдѣлаешь блестящее дѣло, въ городѣ топлива-то совсѣмъ вѣдь нѣтъ...

Напрасно увѣрялъ я его, что углемъ я никогда не торговалъ, онъ не хотѣлъ ничего слушать и требовалъ, чтобы я назначилъ ему рандеву на завтра, чтобы окончательно покончить это блестящее дѣло. Мы насилу отдѣлались отъ него. На прощанье онъ мнѣ крикнулъ вдогонку:

— А жидовъ берегись пуще огня... Это такіе мерзавцы, что у-у!...

Я все узналъ, что мнѣ нужно было отъ Одессы. Узналъ, что развалъ нашъ продолжается неудержимо, что спасенія еще не видно ни откуда, что на помощь союзниковъ разсчитывать не приходится и что вести семью въ этотъ умирающій городъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Мало того, даже и дальше ѣхать черезъ Одессу почти невозможно: за отсутствіемъ топлива пароходство по Черному морю почти прекратилось...

Я собрался домой.

XVIII.

Утромъ пріѣхалъ я снова на извозчикѣ на „Первую Заставу" и ровно въ девять часовъ занялъ очередь въ хвостѣ за билетами на снѣгу, на морозѣ: вокзалъ былъ занятъ революціонными комендантами какими-то и другимъ начальствомъ и простыхъ смертныхъ туда не пускали. Когда же пойдетъ поѣздъ? Неизвѣстно: когда придетъ, тогда и пойдетъ. А когда придетъ? Неизвѣстно. И вотъ часъ за часомъ стоимъ мы на вѣтру, на морозѣ, голодные и холодные, и ждемъ поѣзда. Приходитъ онъ только въ три часа, но билеты начинаютъ выдавать уже затемно, часовъ въ шесть. Я теряю терпѣніе и иду къ поѣздной прислугѣ: нельзя ли устроиться въ служебномъ отдѣленіи, гдѣ хоть и грязно, но по крайней мѣрѣ стекла не выбиты, тепло? Можно: 200 р. Я даю соціалистическимъ желѣзнодорожникамъ — они шли со своимъ „Викжелемъ" въ авангардѣ революціи — двѣсти рублей и лѣзу въ грязный вагонъ. Въ немъ уже тѣсно — то, уплативъ контрибуцію, набилась туда буржуазія . . .

Проходитъ часъ, два, три; поѣздъ стоитъ. Публика начинаетъ волноваться. Выбираютъ делегацію въ начальству, чтобы узнать свою участь. Оказывается, что поѣздъ отправить, пожалуй, и можно было бы, да машинисты ушли въ городъ.

— Какъ ушли? Зачѣмъ? . . .

— А чортъ ихъ знаетъ, зачѣмъ . . . Вѣроятно, въ „очко" играть . . .

— Какъ же намъ быть? . . .

— Потерпѣть . . .

— Но позвольте: намъ же ѣсть нечего! . . . Здѣсь даже хлѣба купить невозможно . . . И потомъ страшный холодъ — среди пассажировъ есть больные, старики, дѣти, масса военно-плѣнныхъ изъ Австріи, которые совсѣмъ раздѣты . . .

Ничего не помогало!.... Къ счастью, среди пассажировъ нашелся инженеръ, который заявилъ, что вмѣсто машиниста онъ самъ поведетъ поѣздъ, только бы нашелся кочегаръ. Нашелся и кочегаръ-доброволецъ. Начальство милостиво разрѣшило такую комбинацію и новый машинистъ нашъ отправился въ депо за паровозомъ. Скоро онъ вернулся оттуда съ горестнымъ извѣстіемъ: брошенный паровозъ остылъ, трубы замерзли и полопались. Запаснаго паровоза въ депо не оказалось. Что дѣлать? Рѣшено было срочно телеграфировать въ „Раздѣльную“ о высылкѣ паровоза. „Раздѣльная“ отвѣтила, что паровозовъ у нея нѣтъ. Телеграфировали въ „Бирзулу“. Станція отвѣчала, что паровозъ высылается въ скоромъ времени. Оставалось ждать...

Наконецъ, просидѣвъ въ разбитомъ поѣздѣ болѣе сутокъ, мы тронулись въ путь. На ближайшей отъ меня скамейкѣ валялся сыпно-тифозный плѣнный. Случайная сестра ухаживала за нимъ. На одномъ изъ перегоновъ другой плѣнный на полномъ ходу поѣзда, окоченѣвъ, а, можетъ быть, и просто обезсилѣвъ отъ голода, свалился подъ колеса и ему въ двухъ перегонахъ отъ станціи, гдѣ было его село, отрѣзало обѣ ноги. Насъ согнали съ нашихъ мѣстъ и истекающаго кровью несчастнаго положили на нашу скамейку въ невѣрятно переполненномъ и перетопленномъ вагонѣ. Топлива не хватало, но прислуга разрушала какіе-то товарные вагоны и взломаннымъ поломъ ихъ топила желѣзную печку такъ, что дышать въ вагонѣ было невозможно... А когда кто-нибудь изъ буржуазовъ пробовалъ протестовать, прислуга говорила:

— А жарко, поди въ теплушку. Ить, тожа разсуждаютъ... Много васъ тутъ...

И чему въ пути приходилось изумляться болѣе всего, это терпѣнію публики. Раньше, бывало, стоитъ скорому поѣзду задержаться гдѣ-нибудь на часъ, какъ со всѣхъ сторонъ летятъ горячіе протесты, составлются бунтарскія

телеграммы въ министерство, пишутся дерзкія жалобы въ станціонную жалобную книгу, а теперь вмѣсто десяти часовъ мы шли до Казатина трое сутокъ, шли въ разбитыхъ, полныхъ вшей, теплушкахъ, и хоть бы кто слово протеста вымолвилъ! . . . Только тяжело иной вздохнетъ отъ времени до времени, очевидно всѣмъ нутромъ чувствуя, что съ революціонными желѣзнодорожниками разговаривать безполезно . . .

По пріѣздѣ домой, я нашелъ у себя неожиданную телеграмму, которая гласила: „Вчінено черезъ министра шляхівъ даты вамъ купэ до Одесси. 92. Членъ директоріи Макаренко" — это былъ отвѣтъ на мое письмо къ Винниченко. Я видѣлъ, въ какомъ состояніи находятся желѣзныя дороги, и понималъ, что перевозить дѣтей въ такихъ условіяхъ совершенно невозможно, и потому сталъ просто выжидать, что будетъ дальше. Черезъ три дня на мое имя вдругъ поступила новая телеграмма: „Прохаэмо повідомити чи вы одержали купэ до Одесси. 191. Канцелярія директоріи." Такая предупредительность новаго правительства къ скромному писателю меня прямо тронула и я, захвативъ обѣ телеграммы, рѣшилъ попытаться: авось, въ самомъ дѣлѣ мнѣ дадутъ мѣсто въ одесскомъ поѣздѣ. Я поѣхалъ въ Казатинъ и прошелъ и къ начальнику станціи и къ коменданту.

— Что они тамъ дурака-то валяютъ? . . . — дали мнѣ суровый отвѣтъ измученные люди. — Какое купэ, если нѣтъ ни одного здороваго класснаго вагона? И послѣдніе-то вагоны, что были у дороги, они заняли подъ свои министерства и не разгружаютъ . . .

Дѣйствительно, на Кіевъ наступали уже московскіе большевики и директорія всѣ свои министерства погрузила въ поѣзда и въ такомъ амбулантномъ состояніи выжидала того или иного окончанія развивающихся „великихъ событій".

— Значитъ, нельзя сдѣлать ничего? . . .

— Рѣшительно ничего . . .

Дѣлать было нечего, надо опять было ждать. Но не поблагодарить правительство за его заботливость и вниманіе было невозможно и я направился на телеграфъ, чтобы послать В. К. Винниченко соотвѣтствующую телеграмму.

— Извините, я принять вашей телеграммы не могу... — отвѣчалъ мнѣ телеграфистъ. — По-русски телеграфировать теперь воспрещено — надо на украинской мови...

— Не могу же я выучиться незнакомому языку въ пятнадцать минутъ... — отвѣчалъ я. — Будьте любезны, переведите сами мою телеграмму на вашъ языкъ.

— Да я самъ его не знаю!... — воскликнулъ тотъ. — Мы теперь на новомъ языкѣ такія телеграммы откалываемъ, что едва-ли кто что въ нихъ и разбираетъ...

— Такъ какъ же мнѣ быть? Не поблагодарить мнѣ неловко...

— А вотъ пойдемте на платформу, можетъ, поймаемъ какого синежупанника и попросимъ его помочь намъ...

Петлюровцы любили тогда щеголять въ синихъ жупанахъ и вообще придавать себѣ эдакій видъ изъ „Тараса Бульбы".

На наше счастье мы разомъ обрѣли синежупанника, который охотно согласился помочь намъ въ бѣдѣ. Но по тому, какъ взялся онъ за дѣло, мнѣ стало ясно, что съ переводомъ и онъ немножко затрудняется. Телеграмма была, однако, послана, а я по черновику потомъ убѣдился черезъ знатоковъ дѣла, что въ десяткѣ словъ моей телеграммы было не менѣе десятка ошибокъ. Въ этомъ не было рѣшительно ничего удивительнаго, если даже государственные акты, которые издавало новое правительство на новомъ языкѣ превращались, по мнѣнію многихъ украинцевъ, въ какую-то никому непонятную абракадабру. Одинъ щирый говорилъ, что надо писать такъ, а другой — иначе, приходили кое-какъ къ соглашенію, но тогда являлся третій патріотъ и заявлялъ,

что все тамъ переврано и такой „дурницы“ издавать отъ имени правительства невозможно!...

Директорія не помогла. Ѣхать было невозможно, но и не ѣхать было нельзя: мы страшно стѣсняли хозяевъ и въ помѣщеніи и тѣмъ, главнымъ образомъ, что уничтожали ихъ продовольственные запасы, что по тому времени граничило даже въ нѣкогда благодатной Малороссіи прямо съ бѣдствіемъ. Да и большевистская опасность все грознѣе и грознѣе надвигалась съ сѣвера. Кіевъ былъ уже занятъ и директорія, спасаясь, сидѣла въ своихъ поѣздахъ у насъ въ Казатинѣ: такъ и былъ одинъ поѣздъ военнаго министерства, другой министерства шляхівъ, третій — народнаго просвѣщенія и т. д., причемъ подъ поѣздами этими всегда стояли въ полной готовности къ бѣгству исправные паровозы подъ парами.

Затихшія было съ продвиженіемъ петлюровскихъ войскъ къ Кіеву, наши снѣжныя поля снова начали оживать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе: тѣ же петлюровскія войска, тая буквально на глазахъ, продвигались теперь въ обратномъ порядкѣ съ тою только разницей, что раньше шли они только непосредственно вдоль линіи желѣзной дороги, теперь же они захватывали несравненно болѣе широкую полосу: надо было кормиться какъ-нибудь „грабунками“.

Наконецъ, появились они и на нашемъ заводѣ — сперва какой-то отрядъ изъ знаменитаго черноморскаго коша, а потомъ, когда тотъ ушелъ, слѣдомъ за нимъ явился 4-й полкъ сѣчевыхъ стрѣльцовъ или артиллеріи, по нашему. Сперва явились, какъ и полагается, квартирьеры и, какъ и полагается для революціонныхъ квартирьеровъ, заняли подъ помѣщеніе войскъ самое лучшее помѣщеніе, квартиру директора, въ красивомъ особнякѣ въ саду. На другой день отрядъ, все отступая, пошелъ куда-то, захвативъ съ собой — четырехъ жеребцовъ-производителей, цѣна которыхъ по этому времени исчислялась, конечно, въ нѣсколько сотенъ тысячъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ по уходѣ отряда на заводъ принесли свѣденія, что жеребцы продавались солдатами на базарѣ сосѣдняго мѣстечка всего за 4000 р., но такъ какъ всѣ знали этихъ великановъ, то никто ихъ купить и не рѣшился. Такъ и увели ихъ храбрыя войска за собой. Бросились мы въ директорскую квартиру: окна выбиты, письменные столы и книжные шкапы съ величайшей любовью и стараніемъ разбиты въ мельчайшія щепочки, все, что горитъ, было сожжено, а по угламъ и даже на самыхъ видныхъ мѣстахъ, для красоты, солдаты оставили свои слѣды . . . мало привлекательнаго вида и запаха. Это было уже прямо сдѣлано только для непосредственнаго удовольствія буржуевъ. Оказалось, что въ сосѣднемъ селѣ Махаринцы они ранили троихъ крестьянъ при грабежѣ, одного убили и одного взяли за непочтительность заложникомъ, чтобы разстрѣлять гдѣ-то потомъ. Офицеры же революціонныхъ войскъ, а въ особенности какой-то юный поручикъ, хваставшійся, что онъ только-что кончилъ курсъ львовскаго университета, очень сорили деньгами, давая десятки рублей за малѣйшую услугу: видимо, десятки эти доставались имъ очень легко.

Не только буржуи, но и крестьянство замерло въ ужасѣ при появленіи этихъ вандаловъ. Та свобода, о которой краснорѣчиво говорилось въ едва понятныхъ прокламаціяхъ директоріи, оказалась плодомъ довольно горькимъ и не было въ виду силы, которая могла бы обуздать эти безстыжія толпы наглыхъ солдатъ. И съ каждымъ часомъ ихъ развязность расла. Такъ, ѣхали къ намъ на заводъ какіе-то пьяные солдаты въ саняхъ, навстрѣчу попадается одинъ изъ махаринецкихъ крестьянъ. Тѣ моментально его заворачиваютъ и съ револьверомъ въ рукахъ приказываютъ ему ѣхать передомъ, проминать снѣжную дорогу для нихъ. А сзади ѣдутъ завоеватели и орутъ пьяныя пѣсни. И врываются въ дома, и берутъ все, что только попадаетъ подъ руку . . .

Встрѣтивъ какъ-то около конторы группу этихъ воиновъ, я вступилъ съ ними въ разговоръ о текущихъ событіяхъ. Держались эти вполнѣ корректно и говорили такъ не глупо, что въ мою душу стало закрадываться сомнѣніе: да не пропустилъ ли я чего въ жизни народной, не просмотрѣлъ ли чего-нибудь важнаго — вѣдь, вотъ говорятъ же эти молодые люди вещи совсѣмъ не глупыя? Можно съ разсужденіями ихъ не соглашаться, но съ ними можно разговаривать по-человѣчески ... Но съ другой стороны раздѣлали же они подъ орѣхъ директорскую квартиру, грабятъ же они заводъ, уничтожая въ корнѣ возможность получить тотъ сахаръ, въ которомъ такъ нуждаются теперь по всей Россіи. Или это какія-нибудь паршивыя овцы примѣшались къ этому стаду?

— А какъ съ большевиками-то вы справитесь? — спросилъ я.

— Большевики это дѣло пустое ... — отвѣчали они увѣренно. — Съ ними въ разъ управимся. Вотъ только бы главное-то дѣло покончить ...

— Какое главное дѣло? — спросилъ я, недоумѣвая.

— А чортовыхъ жидівъ всѣхъ вырѣзать ... — отвѣчали молодые люди.

— Какъ жидівъ вырѣзать?! ... — изумился я. — Да вѣдь вы же республиканцы, вы же стоите за свободу, равенство и братство?! ...

Оказалось, что да, но для жидовъ дѣлается спеціальное исключеніе изъ свободы и равенства и братства, потому они полки свои собираютъ, чтобы за старый порядокъ стоять,[1]) потому, что они кипяткомъ этихъ воителей обливали и пр.

---

[1]) Такъ въ сознаніи возставшаго народа преломились тѣ организаціи самообороны, которыя устраивались евреями по городамъ противъ погромовъ!

И сразу все стало ясно: и тѣ разумныя рѣчи — напѣтое, и эти погромныя рѣчи — напѣтое. Все съ чужихъ словъ въ этомъ бѣдномъ мятущемся стадѣ и — нѣтъ ему спасенія! . . . .

Не успѣли пройти эти первые безобразники, какъ являются квартирьеры отъ другихъ, а за ними и другой отрядъ, невообразимый сбродъ изъ разрозненныхъ ржавыхъ пушекъ, какихъ-то пѣшихъ оборванцевъ съ пиками, и настоящихъ солдатъ съ винтовками, и какихъ-то всадниковъ, нацѣплявшихъ на себя рѣшительно, все, что только можно было нацѣпить. Они негодуютъ на безчинства своихъ предшественниковъ, они грозятъ имъ жестокой расправой, но — въ первую же ночь мѣстный кооперативъ рабочихъ на заводѣ и кооперативная лавка на селѣ оказываются разграбленными. И всю ночь слышна безцѣльная пальба воиновъ, и волнуютъ тяжелые слухи объ учиненномъ ими еврейскомъ погромѣ въ сосѣдней Бѣлиловкѣ. И сахаръ съ завода грабятъ они буквально на глазахъ у всѣхъ и сдѣлать рѣшительно ничего нельзя. Администрація, знавшая о моихъ сношеніяхъ по телеграфу съ директоріей, проситъ меня съѣздить съ однимъ изъ директоровъ въ Казатинъ, чтобы поискать у власти какой-нибудь защиты для завода, которому уже грозила опредѣленная опасность: многіе изъ сосѣднихъ сахарныхъ заводовъ были разгромлены населеніемъ и этими разбойниками буквально до основанія, сахарная промышленность, одна изъ опоръ всей мѣстной экономической жизни, разрушалась бандитами въ корнѣ.

Поѣхали и стали искать поѣздъ начальника осаднаго корпуса, уже прославившагося атамана Коновальца, австрійскаго офицера. Но кого бы мы ни спрашивали, раздраженные люди хмуро отвѣчали:

— Коновалецъ? . . . А тутъ гдѣ-то на путяхъ болтается. Поищите въ поѣздахъ сами . . .

Мы лазили изъ одного поѣзда въ другой — всѣ были заняты, какъ я говорилъ, министерствами и вообще всяческимъ начальствомъ — но Коновальца не находили. Стали искать какого-нибудь другого начальства, но ничего подходящаго опять не нашли. Наконецъ, попадаемъ какъ-то къ коменданту станціи.

— Бросьте, господа, время по пустому тратить! . . . — сказалъ онъ откровенно. — Ничего мы сдѣлать не въ состояніи . . . Для того, чтобы удержать хулигановъ — а вся наша армія это теперь лишь разрозненныя банды хулигановъ, — нужна надежная часть, а ея у насъ нѣтъ. Подрывъ сахарной промышленности? Ну, такъ что же, пусть подрывъ — сдѣлать мы ничего не можемъ . . .

— Скажите, г. комендантъ, каково же настроеніе въ правительствѣ? — спросилъ я.

Тотъ молча посмотрѣлъ на меня одно короткое мгновеніе, потомъ въ глазахъ его заигралъ смѣхъ и онъ коротко уронилъ одно только слово:

— Центропаника . . .

Мы поклономъ поблагодарили его за откровенность и снѣжными полями, полными какой-то тревоги даже въ самомъ воздухѣ, казалось, поѣхали домой.

Мой спутникъ, главный бухгалтеръ завода, человѣкъ очень вѣжливый и почтенный, выбившійся на дорогу изъ крестьянъ, тихонько говорилъ мнѣ:

— И что съ народомъ сдѣлалось, не понимаю! Точно вотъ отравили его весь. Или онъ всегда такой былъ, а мы только воображали его себѣ инымъ? Вотъ вамъ одинъ фактикъ изъ послѣдняго времени. Я, знаете, жилъ до сего времени въ Тулѣ, тоже на сахарномъ заводѣ служилъ. Но стало голодно, большевики надоѣли и рѣшилъ я перевезти семью сюда, гдѣ похлѣбнѣе. И захотѣлось намъ съ женой передъ отъѣздомъ изъ Тулы побывать на могилкѣ Льва Николаевича

Толстого: кто знаетъ, можетъ, никогда больше въ тѣ края и не попадешь, такъ неловко, знаете, какъ-то не проститься... Собрались, поѣхали. Графиня — мнѣ показалось, знаете, что она очень нуждается, — очень любезно встрѣтила насъ, разсказала намъ многое, а затѣмъ пошли мы на могилку. Подходимъ, а за рѣшеткой, у самой могилки, яснополянская молодежь сидитъ: бренчатъ на балалайкѣ, плюютъ подсолнышками, визжатъ эти мерзкія пѣсни свои. И знаете, все это съ эдакимъ подчеркиваньемъ предъ буржуями: на-те, молъ, вамъ, ничего мы, молъ, теперь не боимся и на все намъ наплевать... А рѣшетка вся исписана похабными надписями... Мы даже и къ могилкѣ подойти не рѣшились, постояли такъ въ отдаленьи да и пошли назадъ. И подумалось мнѣ, знаете, что лучше бы ужъ на могилку и не ѣздить намъ совсѣмъ, свѣтлѣе бы на душѣ было... А приходимъ назадъ въ усадьбу, смотримъ, стоитъ въ толпѣ мужиковъ Татьяна Львовна и что-то говоритъ съ ними. Подойти близко показалось намъ неловко, но изъ отрывковъ разговора поняли мы, что мужики требуютъ себѣ всей усадьбы уже, всей земли, а она усовѣщеваетъ ихъ, доказываетъ, что нельзя этого сдѣлать, что и безъ того вся земля имъ уже отдана даромъ Львомъ Николаевичемъ... И подумать, что это тѣ самые мужики, которые въ день похоронъ несли предъ гробомъ его полотнище съ надписью: „Левъ Николаевичъ, память о твоемъ добрѣ никогда не умретъ среди насъ!“ ... Какъ тогда всѣ порадовались, что вотъ понялъ мужикъ, наконецъ, кто его друзья, что вотъ почувствовалъ же онъ...

Я не сталъ разувѣрять милаго человѣка въ этой его иллюзіи, не сталъ разсказывать ему, какъ въ самый вечеръ похоронъ Льва Николаевича эти крестьяне явились къ старой графинѣ и попросили съ нея... на чаекъ за то, что они цѣлый день проканителились съ этой самой трогательной надписью, неся ее со станціи до могилы!...

А большевистская гроза надвигалась все ближе. Уже бѣгали по селамъ ихъ агенты, восхваляя блага совѣтской власти и готовя кровавыя возстанія, и находилось не мало сочувственныхъ имъ слушателей: людямъ, вопреки всему, хотѣлось заглянуть въ бездну непремѣнно самимъ. И продолжались всюду погромы еврейскіе, и громили всюду имѣнія вообще и сахарные заводы въ частности, и было понятно всѣмъ и каждому, что авантюра самостійниковъ ничего кромѣ новаго стыда и новыхъ страданій Малороссіи не принесетъ. Но о нихъ самихъ говорили уже, что они бѣжали куда-то заграницу, захвативъ съ собой много денегъ и золота, которое они только что „реквизировали“ у населенія въ Кіевѣ.

Я то и дѣло посылалъ на станцію и ѣздилъ туда самъ, чтобы какъ-нибудь пробраться въ Одессу или хотя до французовъ, которые медленно, какъ говорили, расширяли свою зону въ сторону Кіева. Одни говорили, что они по прежнему стоятъ въ „Раздѣльной“, другіе клялись, что своими глазами они уже видѣли союзныя войска въ „Бирзулѣ“ и даже въ „Жмеринкѣ“, и всѣ негодовали на ихъ медленность и все сравнивали ихъ съ нѣмцами, которые въ нѣсколько дней съумѣли навести въ Малороссіи полный порядокъ и наладить раззоренную жизнь.

Мои постоянные визиты и мое безпокойство замѣтилъ станціонный швейцаръ и рѣшилъ помочь мнѣ.

— Вамъ не жалко будетъ двухсотъ рублей? — спросилъ онъ меня какъ-то.

— Нисколько . . . — даже удивился я его скромности.

— Такъ я переговорю съ поѣздной бригадой и васъ, вѣроятно, охотно возьметъ она въ служебное отдѣленіе . . .

Я поручилъ ему это дѣло и онъ скоро далъ мнѣ знать, что я могу выѣзжать . . .

XIX.

Съ замираніемъ сердца пустились мы въ далекій путь — неизвѣстно куда. Проводить насъ съ завода на станцію дали намъ стражника, который съ винтовкой въ рукѣ и усѣлся на козлахъ. На станціи, конечно, настоящій водоворотъ и, когда подали поѣздъ, буквально, душа въ пятки ушла: до такой степени страшенъ онъ былъ въ своемъ истерзанномъ, раззоренномъ видѣ! Въ служебномъ вагонѣ тоже давка и грязь невѣроятная. Развязно въ высшей степени держутся отступающіе солдаты-петлюровцы. Духъ большевизма совершенно опредѣленно вѣетъ надъ ними. Въ сужденіяхъ своихъ они прямы и рѣшительны, какъ и подобаетъ военнымъ.

— Что? Танки?.... — возражаетъ мнѣ одинъ изъ нихъ, когда я говорю о наступающихъ союзникахъ и о ихъ техническихъ средствахъ. — Не пугайте, пожалуйста! Все это биржуазныя выдумки, чтобы застращать насъ: никакихъ танковъ и на свѣтѣ не существуетъ! Я пробылъ на фронтѣ три года и ни разу ихъ и въ глаза не видалъ. А кто распускаетъ такіе слухи, за тѣмъ надо присматривать поплотнѣе...

— Позвольте... — возразилъ одинъ изъ моихъ сосѣдей. — Вы вотъ и Америку на фронтѣ не видали, а она несомнѣнно существуетъ...

— То совсѣмъ другое дѣло... Никакихъ танковъ нѣтъ... — съ полной увѣренностью рѣшаетъ лоботрясъ.

Съ великимъ трудомъ добрались мы до „Жмеринки“, гдѣ надо было пересаживаться: прямыхъ поѣздовъ до Одессы уже нѣтъ. Я иду къ коменданту и, показавъ ему телеграммы директоріи, прошу оказать мнѣ содѣйствіе.

— Никакого купэ я не требую, — говорю я. — Я знаю, что этого вы дать мнѣ не можете. Но я просилъ бы васъ разрѣшить мнѣ посадить маленькихъ дѣтей въ поѣздъ раньше публики. Ихъ раздавятъ въ этой невѣроятной давкѣ — смотрите, что дѣлается...

Комендантъ — видимо, малограмотный парень, — заглянувъ въ мои телеграммы, почтительно приподымается.

— Конечно. Все будетъ сдѣлано, какъ вамъ угодно... Пожалуйте...

И, широко растворивъ предъ нами двери, онъ громко обращается къ тысячной толпѣ, запрудившей вокзалъ:

— Господа, прошу посторониться... Позвольте, господа: членъ директорій идетъ... Разступитесь!...

Я сперва остолбенѣлъ отъ удивленія, а потомъ понялъ, что онъ просто не такъ понялъ телеграмму, которая была подписана „членъ директоріи Макаренко". Этотъ титулъ онъ отнесъ не къ подписавшему телеграмму, очевидно, а ко мнѣ, адресату. Но не объяснять же было ему ошибку среди гвалта переполненнаго вокзала! Да и къ чему бы это повело?...

— Пропустите, господа: членъ директоріи идетъ... Посторонитесь!... Господа, не мѣшайте же пройти члену директоріи!...

За нимъ я, за мной гуськомъ дѣтишки, за ними жена и шествіе завершается нагруженной всякимъ багажомъ Манюшкой и почтительнымъ конвоемъ.

— Дорогу члену директоріи!...

Снова мы въ переполненномъ вагонѣ-клоакѣ, снова ходъ по четыре версты въ часъ, снова духота и грязь невозможныя. Но въ настроеніи публики замѣтна нѣкоторая перемѣна: близость французовъ сказывается. И вотъ, наконецъ, докатываемся мы до станціи „Раздѣльная" и въ глаза бросаются маленькія чистоплотныя фигурки французскихъ солдатъ въ металлическихъ каскахъ. Глянулъ я въ другое окно: на платформахъ тяжело громоздится нѣсколько сѣрыхъ танковъ.

— Ну, вотъ, землячокъ, вы говорили, что танки выдуманы биржуазами, что бы напугать васъ... — обратился кто-то къ увѣренному солдату. — А это что?

Тотъ глаза вытаращилъ на невиданныя штуки.

— А что? — растерянно повторилъ онъ.

— А вотъ это и есть эти самые танки...

Дуралей былъ словно въ воду опущенный теперь.

И снова потащился поѣздъ едва, едва, такъ что можно было бы прекрасно идти рядомъ съ нимъ по пѣшеходной тропинкѣ, что всегда вьется вдоль полотна желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Но приходитъ радостная вѣсть: поѣзда идутъ уже не до „Первой Заставы", какъ это было въ первую мою поѣздку, а до самой Одессы. Это колоссальный шагъ по пути прогресса, сюрпризъ прямо необыкновенный.

А вотъ и Одесса. Она за тѣ нѣсколько недѣль, что я не былъ тутъ, кажется еще болѣе опустившейся. Присутствіе союзниковъ, какъ оказывалось, и расширеніе ихъ зоны ни къ чему хорошему не повели. Опредѣленно говорятъ, что союзное командованіе рѣшительно не полагается на свои войска, что они переутомлены и не хотятъ вмѣшательства въ нашу гражданскую войну, что среди нихъ идетъ отчаянная большевистская пропаганда, что только что сюда проѣхала знаменитая большевичка Колонтай и провезла сюда до 20,000.000 на пропаганду...

О гостинницѣ, конечно, и думать нечего и, скрѣпя сердце, мы ѣдетъ къ одному едва знакомому мнѣ еврею-сіонисту, педагогу, автору многихъ хорошихъ учебниковъ по естественнымъ наукамъ, г-ну З. Семья его, и безъ того уже уплотненная сверхъ всякой мѣры, тѣмъ не менѣе радушно принимаетъ насъ и отводитъ намъ свою послѣднюю свободную комнату.

Въ городѣ нѣтъ почти совсѣмъ уже свѣта, мало воды, въ окнахъ не хватаетъ стеколъ, потому что они разбиты при страшномъ взрывѣ артиллерійскихъ складовъ и въ продажѣ стекла совершенно нѣтъ, и нѣтъ хлѣба, и дороговизна на все невѣроятная. Особенно страшенъ этотъ постоянный недостатокъ воды, такъ какъ эпидемія сыпного тифа ширится

со страшной быстротой и населеніе лишено возможности поддерживать необходимую чистоту. Вши буквально вездѣ, въ поѣздахъ, на умирающемъ трамваѣ, въ квартирахъ, всюду. И эти полчища сѣрыхъ, почти невидимыхъ, но неисчислимыхъ враговъ, разносящихъ смертоносную заразу, внушаютъ ужасъ и ничего подѣлать съ ними нельзя. Мы всячески примѣриваемся, чтобы не ѣхать дальше, что бы хоть какъ нибудь остаться въ городѣ, но это рѣшительно невозможно: квартиръ нѣтъ, а тѣ, что есть, такъ дороги, что страшно и приступиться. Надо опредѣленно ѣхать дальше. Но куда? . . .

Кто-то подаетъ мысль попытаться пробраться къ Колчаку въ Сибирь. Слухи о все возрастающей силѣ его и о томъ, что жизнь тамъ налаживается спорѣе, чѣмъ въ коренной Россіи, волнуютъ уже многихъ. Узнавъ о существованіи въ Одессѣ какого-то сибирскаго комитета, направляюсь туда. Меня встрѣчаютъ очень радушно и говорятъ, что въ культурныхъ работникахъ въ Сибири большая нужда и было бы очень хорошо, если бы я туда поѣхалъ, — это можно сдѣлать, во-первыхъ, на пароходахъ Добровольнаго флота, которые, правда, ходятъ неаккуратно, и можно воспользоваться военными траспортами „Шилка“ и „Аргунь“, которые вышли уже изъ Владивостока въ Одессу. Но когда они придутъ и придутъ ли, неизвѣстно, такъ какъ, можетъ быть, ихъ направятъ изъ Египта не въ Одессу, а въ Марсель. А Добровольный флотъ даетъ такія справочныя цѣны: билетъ до Владивостока 7000, продовольствіе въ день 50 р. съ человѣка да по 2000 съ человѣка беретъ англійское командованіе ввидѣ какого-то непонятнаго залога — словомъ, переѣздъ моей семьи туда будетъ стоить болѣе 120.000 р.! И это дѣло явно безнадежно, и его надо оставить.

Остается Крымъ, гдѣ страшно дорого, какъ говорятъ, и районъ Добровольческой арміи, куда добраться за почти полнымъ отсутствіемъ пароходовъ очень затруднительно.

И бѣгаешь и ищешь выхода и не находишь его . . . И вдругъ тяжело заболѣваю. Первая мысль, конечно, что это тифъ, но болѣзнь выливается во что-то вродѣ испанки и день за днемъ лежу я въ чужой квартирѣ среди сбитыхъ въ одну комнатку ребятишекъ. И приносятъ разъ мнѣ газету и на первой страницѣ ея бросается въ глаза объявленіе въ черной рамкѣ: А. Н. Коншинъ, съ которымъ мы мечтали о совмѣстномъ обученіи дѣтей въ деревнѣ, съ которымъ вмѣстѣ трудились въ народническомъ „Посредникѣ", разводя христіанскій анархизмъ, съ которымъ вмѣстѣ спаслись изъ погибающей Москвы, только что погибъ отъ сыпного тифа! . . . Его отпѣвали въ двухъ кварталахъ отъ меня, въ соборѣ, а я не могъ даже встать, чтобы сказать ему послѣднее прости . . .

А я кое-какъ отлежался и снова началъ бѣгать, какъ мышь по мышеловкѣ, ища выхода. И разъ встрѣчаю на Пушкинскомъ бульварѣ знакомую фигуру въ полушубкѣ и въ сибирской шапкѣ съ наушниками . . . Присматриваюсь — генералъ А. В. Шварцъ, защитникъ Ивангорода, комендантъ Петрограда при большевикахъ, мой сосѣдъ по черноморскому хутору! Оказывается, онъ не у дѣлъ: въ Добровольческой арміи ему не хотятъ простить, что онъ пытался работать съ большевиками. Я, можетъ быть, не былъ бы такъ строгъ, я взялъ бы на работу такую, какъ говорятъ, крупную военную силу, какъ генералъ, но дѣло обстоитъ пока такъ: генералъ обиженъ и собирается къ Колчаку, хотя тоже не видитъ средства пробраться туда . . . Въ другой разъ въ водоворотѣ улицъ встрѣчаю другую знакомую фигуру, моего бывшаго помощника по кавказскому хутору, Ивана Васильевича, бывшаго члена боевой организаціи с.-р. Онъ постарѣлъ, поуспокоился и трудится, кормя свою семью и по мѣрѣ силъ работая на пользу общую. И онъ утратилъ всякую вѣру въ революцію и говоритъ, что принадлежитъ теперь къ партіи л. л.

— Что это за партія? — недоумѣваю я. — Я что-то не слыхалъ такой . . .

— Это партія ломовыхъ лошадей . . . — говоритъ онъ. — Только трудъ и трудъ лошадиный спасетъ насъ отъ гибели . . .

Это такъ неожиданно среди всеобщей болтовни о завоеваніяхъ революціи, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ явно стоитъ право на лѣнь, что онъ сразу дѣлается мнѣ особенно симпатичнымъ и близкимъ. Онъ мечтаетъ сѣсть на землю и уйти отъ всей этой политической суматохи прочь. И это хорошо, но въ условіяхъ революціи явно невозможно: раньше можно было купить землю, можно было арендовать ее, а теперь земля стала всенародной и никто не знаетъ, какъ и гдѣ взять ее . . .

Я продолжаю усиленно бѣгать на пристани, чтобы хоть какъ-нибудь выбраться изъ обреченнаго на гибель города дальше. Воды становится такъ уже мало, что за ней по утрамъ стоятъ огромные хвосты. Часто хлѣба нельзя достать ни за какія деньги. Большевистская пропаганда въ населеніи растетъ, растутъ симпатіи къ нимъ въ массахъ и присутствіе насъ, бѣженцевъ изъ соціалистическаго рая, не мѣшаетъ этому росту большевизма: насъ не замѣчаютъ, насъ не слушаютъ, намъ опредѣленно не вѣрятъ, всякій слушаетъ и вѣритъ въ то, что ему пріятно, что манитъ. Опять вижу, что людямъ просто хочется самимъ заглянуть въ головокружительную бездну крови и преступленій, и чувствую, что нѣтъ силъ бороться съ этимъ почти больнымъ, стихійнымъ уклономъ массъ. И Богъ съ ними, пусть попробуютъ — это лучшее лекарство. А на стѣнахъ медленно разрушающагося города виднѣются мѣстами зеленыя афиши кадетовъ о какихъ-то собраніяхъ ихъ и въ головѣ этихъ афишъ стоитъ ихъ неувядающій лозунгъ: свобода, равенство, братство. И прямо руками разводишь предъ этимъ благодушіемъ: говоритъ намъ,

пережившимъ всю скалу преступленій во всевозможныхъ варіаціяхъ, подъ всевозможными флагами, узнавшимъ всю бездонность человѣческаго паденія, о свободѣ, равенствѣ и братствѣ!

Наконецъ, кто-то сообщаетъ мнѣ, что есть въ Одессѣ эдакій свой Кукъ, который беретъ на себя заботы по путешествіямъ въ наше революціонное время. Я узнаю его адресъ, отправляюсь туда и за очень недорогую плату — что-то рублей 700, кажется, — получаю обѣщаніе на билеты. И обѣщаніе исполняется: молоденькій, съ тихимъ симпатичнымъ лицомъ еврей-студентъ, читающій въ минуты отдыха Ницше, привозитъ мнѣ желанные билеты на пароходъ; оказывается, у одесскаго Кука всѣ кассиры пароходныхъ обществъ и желѣзныхъ дорогъ на откупу, онъ съ ними дѣлится заработкомъ и тѣмъ живутъ . . .

Но, какъ оказывается, имѣть билеты въ наше время еще никакъ не значитъ сѣсть на пароходъ: ушелъ одинъ пароходъ на моихъ глазахъ и я не могъ получить на немъ мѣстъ, ушелъ другой, готовился уходить третій, но я уже потерялъ терпѣніе и началъ опредѣленно скандалить и потому мнѣ было рѣшительно объявлено, что съ этимъ пароходомъ я уѣду и, мало того, получу даже, не въ примѣръ прочимъ, на семь билетовъ три спальныхъ мѣста.

Пришло и желанное утро отъѣзда и вотъ на холодномъ вѣтру мы стоимъ уже въ длинномъ хвостѣ, ожидая своей очереди посадки на пароходъ, охраняемый французскимъ карауломъ. Дѣти зябнутъ. Вѣрочка прихварываетъ. Я иду къ начальству и прошу разрѣшенія посадить дѣтей внѣ очереди, тѣмъ болѣе, что у меня три мѣста нумерованныхъ. Разрѣшеніе мнѣ дается и я подхожу къ французскому часовому, безусому мальчишкѣ, и прошу его пропустить дѣтей впередъ, такъ какъ начальство разрѣшило мнѣ это. И вдругъ у того лицо искажается въ злой гримасѣ и онъ пускаетъ

мерзкое ругательство, а потомъ, слышу, рычитъ сквозь зубы: „проклятые дикари!...“ Тутъ ужъ не выдержалъ я и заоралъ на мальчишку безъ всякаго стѣсненія: къ нему обращаются съ вѣжливой просьбой на его родномъ языкѣ, говорятъ ему о дѣлѣ, а онъ имѣетъ наглость и проч. Кто же тутъ дикарь? Часовой такъ смутился отъ моей неожиданной аттаки, что отстранился и только повторялъ все: проходите... проходите!...

Пароходъ загруженъ выше всякаго вѣроятія, запущенъ невозможно и явно требуетъ сильнаго ремонта, но ремонта ему не даютъ, а доламываютъ послѣднее. Сгораютъ на невидимомъ огнѣ времени безъ ремонта города, сгораютъ желѣзныя дороги, сгораютъ пароходы, сгораютъ фабрики и заводы и кто и когда остановитъ этотъ страшный огонь всеобщаго разрушенія?... И какъ всѣ ютятся тутъ: кто въ повалку валяется на полу, кто дремлетъ на стулѣ, положивъ голову на общій столъ, кто пристроился на палубѣ, на сѣверномъ вѣтру, на своихъ чемоданахъ... Мы привыкли за время революціи ко всему: къ полному отсутствію комфорта, къ грязи, ко вшамъ, къ немыслимой раньше потерѣ времени, къ безсмыслицѣ жизни невѣроятной. И все терпимъ, во всемъ этомъ упорствуемъ такъ, какъ будто мы отстаивали бы царствіе небесное!...

Идемъ минными загражденіями предъ Одессой, идемъ безъ лоцмана, конечно, на авось, и одни тревожатся, а другіе успокаиваютъ: помилуйте, третьяго дня одинъ пароходъ заблудился въ туманѣ и цѣлыя сутки болтался такъ въ минныхъ поляхъ и ничего — не безпокойтесь, проѣдемъ какъ-нибудь!...

И дѣйствительно, проѣзжаемъ безъ приключеній, не взрываемся, и тихонько добираемся до Евпаторіи, а потомъ и до Севастополя, гдѣ сидитъ на мели огромный „Мирабо“, а на улицахъ слышна французская рѣчь. Такъ какъ Вѣрочка

опредѣленно заболѣла — у нея корь, которая завтра перескочитъ, конечно, и на другихъ дѣтей, — то дѣлаемъ попытку найти какое-нибудь помѣщеніе въ Севастополѣ, но квартиръ мало́ и въ нихъ съ дѣтьми никто не пускаетъ. А пассажиры, прослышавъ, что у насъ корь, требуютъ отъ капитана высадки насъ на берегъ, но мы огрызаемся довольно исправно, по звѣриному, скаля зубы. И ѣдемъ дальше въ Ялту, гдѣ тоже устроиться не удается, и пробуемъ наладить что-нибудь въ переполненной выше всякой мѣры Ѳеодосіи и тамъ ничего не выходитъ, какъ не выходитъ ничего и въ Керчи. Дѣти хворають, но въ общемъ двигаемся потихоньку впередъ, на солнечное и знакомое побережье Кавказа.

Моимъ сосѣдомъ по каютѣ оказывается глухой господинъ въ формѣ гражданскаго инженера. Знакомимся: оказывается, министръ финансовъ республики Азербейджанъ.

— Вы меня извините, я васъ обидѣть нисколько не хочу . . . — сказалъ я. — Но я дѣйствительно не знаю точно, гдѣ эта республика . . . Знаю, что на Кавказѣ, а гдѣ, не знаю . . .

— Ай-ай-ай . . . Какъ не хорошо! . . . — смѣясь, покачалъ онъ головой. — Союзная, дружественная республика, а вы не знаете, гдѣ она . . . Ну, главный городъ Баку . . .

— Ага, теперь вспоминаю . . .

Мы разговорились. Оказалось, что министръ финансовъ ѣздитъ во всему югу Россіи, чтобы найти хотя бы пудовъ триста бумаги для печатанія денегъ, но бумаги нигдѣ не оказывается. Надо ѣхать въ Ростовъ теперь, — можетъ быть, тамъ найдется небольшой запасъ . . .

— А если не найдется? — спрашиваю я.

Жметъ плечами, показывая, что все во власти Божіей.

— А какъ у васъ настроенія въ массахъ?

— Обычное. Сперва татары рѣзали армянъ, потомъ армяне хотѣли рѣзать татаръ, потомъ подумывали-было

о русскихъ. Обычная исторія. Когда турки окупировали Баку, было очень хорошо: сразу такой порядокъ навели, что лучше и желать не надо, а съ приходомъ англичанъ стало замѣтно хуже. Эти все норовятъ какъ по-европейски, а у насъ это не понимаютъ. Но татары, простой народъ, въ одинъ голосъ царя требуютъ: „куды дѣвалъ Мыколай? . . . Давай назадъ Мыколай . . .“

— Недолго же вы наслаждались благами республики! . . . — замѣтилъ я.

— Да вѣдь и вы немногимъ дольше . . . — отпарировалъ министръ.

— Это такъ . . .

Хотя на душѣ и скребло при видѣ нашего неюта и разрушенія, но я дѣлаю свое дѣло, веду рѣчь о необходимости пересмотра нашихъ лозунговъ. И какъ всегда, успѣшно — вокругъ меня въ рубкѣ собирается большой кружокъ. Непо-далеку въ сторонкѣ сидитъ и куритъ трубочку старый, усатый казакъ-кубанецъ, слушаетъ меня и не говоритъ ни слова.

Потомъ, когда я, усталый, кончилъ и всталъ, онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— А вамъ бы, батюшка, пропагандистомъ въ Добровольческую армію ѣхать. Огромный бы успѣхъ вы имѣли! . . . Какой у васъ красочный матеріалъ по Совдепіи, напримѣръ . . . Позвольте однако познакомиться: князь Шаховской, членъ Государственной Думы отъ Псковской губерніи . . .

Я назвалъ себя.

— Пойдемте-ка ко мнѣ въ каюту, — сказалъ князь, — я познакомлю васъ съ одной знаменитостью . . .

— Кто такое?

— А пойдемте — увидите. Увѣряю васъ, вамъ будетъ очень интересно . . .

Мы пошли въ каюту. Навстрѣчу намъ съ дивана поднялся молодой, холеный военный во френчѣ и галифэ, настоящій типъ моднаго англійскаго корнеля.

— Позвольте васъ познакомить, господа, — сказалъ князь. — Писатель Наживинъ, министръ временнаго правительства Переверзевъ . . .

Мы раскланялись и вступили въ бесѣду. Отставной министръ очень заинтересовался моими сѣверными наблюденіями, о которыхъ вкратцѣ разсказалъ ему тутъ же князь, и внимательно разспрашивалъ меня о тамошнихъ настроеніяхъ.

— Откатъ назадъ вообще и въ крестьянскихъ массахъ, въ особенности, тамъ таковъ, что иногда я думаю, что есть уже опасность абсолютизма . . . — сказалъ я серьезно.

— Вполнѣ возможно . . . — согласился онъ. — Только почему же вы такъ странно выражаетесь: какая же „опасность“ абсолютизма? . . .

— То есть, какъ какая? — совсѣмъ удивился я. — Я рѣшительно думаю, что въ абсолютизмѣ для Россіи есть дѣйствительная опасность . . .

— Почему же? Нисколько . . . Присягнемъ нашему Государю Императору и будемъ вѣрой и правдой служить ему . . . — сказалъ революціонный министръ юстиціи съ полной невозмутимосью.

Я отъ изумленія даже назадъ откинулся. Князь молча покуривалъ свою трубочку и смотрѣлъ на насъ смѣющимися глазами.

— Позвольте . . . Но вѣдь вы, если я не ошибаюсь, были откомандированы въ коалиціонное министерство одной изъ соціалистическихъ партій?

— Совершенно вѣрно.

— И — извините за нескромность — давно вы стали говорить такъ, какъ только что говорили со мной? . . .

— А съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ у власти . . .

Я поклонился, — это былъ умный и мужественно-откровенный человѣкъ.

— Мнѣ на Кубани, можетъ быть, придется выступать публично . . . — сказалъ я. — Такъ не позволите ли мнѣ иногда при случаѣ разсказать слушателямъ о нашей съ вами бесѣдѣ? . . .

— Очень обяжете . . .

Я, дѣйствительно, серьезно подумывалъ выступить съ рядомъ публичныхъ рефератовъ на революціонныя темы. Всѣ, кому я разсказывалъ о моихъ деревенскихъ наблюденіяхъ за время революціи, горячо поддерживали меня въ моемъ намѣреніи. Моя бесѣда съ Переверзевымъ еще болѣе подстегнула меня въ этомъ направленіи. Сознаніе, что революція, какъ царь въ сказкѣ, голая, что восхищаться красотой ея несуществующей рубашки, какъ это дѣлали въ сказкѣ хитрые придворные и прихлебатели, можно уже намъ и перестать, видимо, въ отдѣльныхъ лицахъ уже совсѣмъ окрѣпло и надо было только, чтобы кто нибудь изъ си-девановъ выступилъ первымъ и во всеуслышаніе сказалъ то, о чемъ на ушко одинъ другому многіе говорили уже давно . . .

Но вотъ въ опаловой дали показались и знакомыя очертанія Новороссійска, — слава Богу, добрались! . . .

XX.

Не безъ волненія вступилъ я въ Новороссійскъ, это преддверіе Добровольческой Арміи. Все, что я видѣлъ изъ ея жизни самъ, все, что я о ней слышалъ, рисовало мнѣ ее въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Это была какая-то героическая поэма, что-то совершенно несовременное по красотѣ и силѣ подвига и это кромѣ всего этого было единственная наша надежда на спасеніе. Жить съ ними и, можетъ быть, работать даже съ ними было бы большой радостью . . .

Но сурово встрѣтилъ меня Новороссійскъ: нигдѣ не только нѣтъ комнаты, но никакого угла найти невозможно. Цѣлый день прокрутился я по городу въ поискахъ за помѣщеніемъ для семьи, которая въ ожиданіи сидѣла на пароходѣ, и ничего не нашелъ. Ночуй хоть на улицѣ! . . . Наконецъ, одинъ знакомый грекъ, содержатель маленькой гостиницы „Россія“, сжалился надо мной и, войдя вмѣстѣ со мной въ одинъ изъ занятыхъ его соотечественниками номеровъ, притворно сурово сказалъ имъ, что они немедленно должны очистить номеръ, что самъ губернаторъ приказалъ дать мнѣ помѣщеніе во что бы то ни стало. Тѣ перепугались почему то больше чѣмъ даже слѣдуетъ и, галдя, стали собирать свои пожитки, чтобы переселиться въ корридоръ, а мы всей семьей влѣзли въ эту крошечную клѣтушку въ одно окно.

Встрѣтивъ одного изъ моихъ сосѣдей по хутору, я узналъ отъ него, что тамъ, въ Широкой, есть помѣщенія и даже цѣлыя свободныя дачи, что съ продовольствіемъ тамъ тоже легче чѣмъ въ Новороссійскѣ, и мы рѣшили ѣхать туда. Выбравъ день поведренѣе, мы сѣли на катеръ, идущій въ Геленджикъ и собирались уже отваливать, какъ вдругъ на пароходѣ появился какой-то странный типъ въ штатскомъ пальто и сталъ провѣрять у всѣхъ документы. Дошла очередь и до меня. Паспортъ былъ у меня новый, выданный еще при временномъ правительствѣ и подписанный комиссаромъ Москвы.

— Какъ? Комиссаръ изъ Москвы? . . . — поразилась фигура въ штатскомъ. — Ого!

— То есть, какъ комиссаръ изъ Москвы? . . . — удивился я. — Развѣ вы не видите, что это не мой чинъ, а паспортъ выданъ комиссаромъ временнаго правительства? . . .

— Ну, много васъ тутъ разговаривать-то! . . . — грубо оборвалъ тотъ. — Тамъ разберутъ . . .

— Гдѣ тамъ? . . . — спросилъ я рѣзко.

— А вотъ увидите, гдѣ . . . — такъ же рѣзко отозвался онъ и, не возвращая мнѣ паспорта, продолжалъ осматривать документы у другихъ, а когда кончилъ, обратился ко мнѣ: — Эй, синьоръ, пойдемъ . . .

— Я вамъ не синьоръ! . . . — рѣзко оборвалъ я.

— Такъ кто же: товарищъ, что ли?

— И не товарищъ . . .

— Такъ что же: господинъ? . . . Нынче господъ ужъ нѣту . . .

— Вы сами обязаны знать, какъ обращаться къ публикѣ, если вы, дѣйствительно, должностное лицо . . .

Надо сказать, что отъ должностного лица опредѣленно пахло водкой и я долженъ былъ кромѣ того понять, что онъ просто малограмотенъ: если одинъ по безграмотности принялъ меня за члена директоріи, то нѣтъ никакихъ основаній, чтобы другой не принялъ меня за комиссара изъ Москвы.

— Идемъ . . .

— Куда? . . .

— Тамъ увидите . . .

— У меня здѣсь семья . . . дѣти . . .

— Важная вещь: у меня тоже дѣти . . . Вотъ нашелъ чѣмъ удивить! . . .

Я передалъ взволнованной женѣ денегъ и, окруженный тремя агентами, пошелъ подъ конвоемъ ихъ въ контръ-развѣдку. Всѣ были опредѣленно пьяны. Настроеніе у меня сразу упало.

Въ контръ-развѣдкѣ на Серебряковской меня принялъ какой-то не то чиновничекъ, не то офицерикъ керенскаго времени, то есть, полуграмотное существо съ манерами. Что я ни говорилъ ему въ объясненіе, какіе документы ни показывалъ, онъ ничего не понималъ и только все повторялъ:

— Не кричите! . . . Здѣсь кричать нельзя . . .

— Да я не кричу, я объясняю . . .

— И объяснять нечего — придуть полковникъ и все разберуть . . .

— Когда же онъ придетъ?

— Неизвѣстно . . . Можетъ быть, часа черезъ два . . .

— Разрѣшите переговорить мнѣ съ губернаторомъ по телефону. Меня здѣсь многіе знаютъ . . .

— Вотъ еще! Стану я разрѣшать всякому говорить съ губернаторомъ! Вотъ придуть полковникъ . . .

Между тѣмъ одинъ изъ моихъ конвоировъ примостился къ телефону и, вызвавъ какую-то красавицу, безцеремонно усѣвшись въ присутствіи офицера на стулъ, сталъ умолять ее о свиданіи.

— А не то кислымъ молокомъ отравлюсь . . . Огурцомъ зарѣжусь . . . — угрожалъ онъ пьянымъ голосомъ.

Начальство, видимо, замѣтило мое изумленное лицо — въ самомъ дѣлѣ, куда же это я попалъ? Что это за вертепъ? — и рѣшило, что такія манеры въ присуствіи постороннихъ неумѣстны.

— Ну, ты . . . Пшелъ прочь отъ телефона! . . .

Тотъ, что-то грубо ворча подъ носъ, бросилъ трубку и, зѣвая, пошелъ въ корридоръ.

Я началъ поднимать тонъ. И по мѣрѣ того, какъ мое настроеніе пошло на прибыль, настроеніе моихъ тюремщиковъ стало убывать: они начали понимать, какъ будто, что они попадаютъ въ грязную исторію. Рѣшили на компромиссѣ: мнѣ дадутъ конвой и я приведу кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, кто и засвидѣтельствуетъ мою благонадежность. Такъ и сдѣлали. И не успѣли мы выдти изъ этого милаго учрежденія, какъ попадается Н. С. Акуловъ, членъ правленія „Черносоюза“. Онъ съ удивленіемъ выслушалъ разсказъ о моихъ заключеніяхъ, явился въ развѣдку и чрезъ нѣсколько минутъ предо мной стали извиняться за причиненное мнѣ безпокойство. У меня было желаніе сейчасъ же явиться къ губернатору

и просить убрать эго хамье съ отвѣтственнаго дѣла, которое ему было ввѣрено, но надо было догонять скорѣе семью, времени терять было нельзя. Такъ я и оставилъ все, хотя и испытывалъ нѣкоторыя угрызенія совѣсти. Да и понималъ я уже, что, если мы съумѣли такъ основательно разрушить свой домъ, то вполнѣ естественно, не сразу въ немъ все наладится: одинъ дуракъ броситъ камень въ воду и десять умныхъ не достанутъ его. Это было уже ясно мнѣ.

Былъ вечеръ. Ѣхать на ночь сорокъ верстъ лошадьми до Геленджика мнѣ опредѣленно не совѣтывали: по дорогѣ шалятъ „зеленые", — такъ, подъ цвѣтъ зеленыхъ кустиковъ, называли здѣсь укрывавшихся въ нихъ дезертировъ. Но я видѣлъ уже столько опасностей, что одной больше ничего уже не составляло.

— Ничего, доѣдемъ какъ-нибудь . . . — успокаивалъ меня извощикъ. — Ну, а ежели, между прочимъ, какіе и выйдутъ, такъ вы ложитесь въ линейкѣ и я скажу, что везу изъ больницы тифознаго. Авось не тронутъ . . .

Поѣхали. Лежать мнѣ скоро надоѣло и я сѣлъ. Извозчикъ неодобрительно покосился на меня. Благополучно проѣхали цементные заводы, мѣсто репутаціи незавидной, и выѣхали уже въ горы, въ мѣста пустынныя.

— Ну, слава Богу: хулигановъ проѣхали, теперь разбойники начались . . . — проговорилъ извозчикъ.

Было лунно, и тихо, и свѣжо, и хорошо, и казалось обиднымъ, что люди такъ пакостятъ тихую и красивую жизнь, которой они такъ легко, казалось бы, могли жить. Вонъ среди серебряной зыби страшно торчатъ изъ моря мачты затопленныхъ пьяными убійцами-матросами военныхъ судовъ и пароходовъ. Когда шли они на страшное дѣло это, тысячи и тысячи людей умоляли ихъ со слезами не губить флота, пощадить прекрасныя суда, но негодяи сперва разграбили

огромную судовую казну, потомъ растащили все, что только можно было украсть — отрывали краснаго дерева двери миноносцевъ, срывали мѣдныя украшенія съ нихъ, тащили офицерскія койки, все, — а потомъ одинъ за другимъ выводили суда на рейдъ и взрывали ихъ на глазахъ у плачущей толпы... А потомъ, конечно, эти революціонеры, защитники справедливости, отдали разграбленную судовую казну бѣднымъ дѣтямъ, старикамъ? Какъ бы не такъ: въ тотъ же вечеръ начались дикія оргіи въ притонахъ съ продажными дѣвками, швырянье денегъ пригоршнями, катанье на автомобиляхъ и дикіе разстрѣлы биржуазовъ вообще и офицеровъ въ частности. Ихъ ловили вездѣ и всюду, привязывали десятками къ желѣзнымъ рельсамъ и бросали въ бухту, другихъ просто разстрѣливали, третьихъ прикалывали штыками, ибо они враги народа, а вотъ они, матросы, — народные благодѣтели... Теперь все это прошло и только черные въ тихомъ серебристомъ сіяніи луны мачты потопленныхъ судовъ свидѣтельствуютъ небу о совершенныхъ злодѣяніяхъ... И пусть бы злодѣйство простое — его Господь проститъ! — но тутъ было злодѣйство сверх-естественное, прикрывавшееся самыми возвышенными лозунгами братства людей и свободы, злодѣйство изумительное по лживости своей, злодѣйство исключительное по дьявольской наглости... И мысль о немъ тяжело волнуетъ сердце и отравляетъ сіяющую тишину этой вешней ночи....

— Ложитесь скорѣе... — тревожно прошепталъ мнѣ съ козелъ извозчикъ.

Я глянулъ впередъ: на ярко освѣщенномъ луной шоссе у моста стояло шесть черныхъ молчаливыхъ фигуръ. Я быстро легъ на линейку. Черныя фигуры молча подпустили насъ къ себѣ, заглянули въ линейку и, ни слова не говоря, пропустили мимо...

Проѣхали благополучно и Кабардинку.

— Ну, теперь слава Богу, доѣдемъ ужъ... — сказалъ ямщикъ. — Тутъ ужъ не грабятъ...

Въ полночь пріѣхалъ я въ Геленджикъ, разыскалъ въ гостинницѣ своихъ, а на утро пошелъ повидаться со старыми знакомыми, которыхъ не видалъ нѣсколько лѣтъ.

Настроеніе здѣсь было далеко не радужное. Обыватель опредѣленно ворчалъ, какъ это ему и полагается. Добровольческая армія прогнала большевиковъ и разбойниковъ-матросовъ, но этого было мало: надо было, чтобы она добыла населенію сахаръ, надо было, чтобы доставила она всѣмъ мануфактуры, надо, чтобы сдѣлала она сразу хлѣбъ дешевле, чтобы пустила удобные пароходы по морю. Разрушали домъ въ большей или меньшей степени всѣ, всѣмъ, казалось бы, и чинить его, всѣмъ работать надъ постройкой новаго, а пока онъ не построенъ, терпѣливо переносить невзгоды, являющіяся результатомъ общей разрушительной дѣятельности. Но грабить были всѣ мастера, а теперь, когда домъ былъ разграбленъ, всѣ ворчали, что Добровольческая армія не принесла съ собой того изобилія плодовъ земныхъ, которое можно было бы снова разворовать. А то, что она усѣяла своими могилами тихія степи наши, это, конечно, уже забывалось. И мелькала иногда скорбная мысль: какъ въ революціи были честные, святые люди, которыхъ загубила шпанка революціи, размѣнявшая святой порывъ ихъ на мѣдяки, такъ и теперь, въ „контр-революціи", гибли молодые, милые, прекрасные люди, гибли ... ради той сволочи, которая ворчала надъ ихъ еще незасыпанными могилами, что они дали имъ только кровь свою, а не дали дармоѣдамъ птичьяго молока!

Великій подлецъ этотъ, такъ называемый, средній человѣкъ!...

Въ Геленджикѣ намъ оставаться было, въ сущности, не зачѣмъ: хотѣлось на наше деревенское приволье, на нашъ зелененькій тихій хуторокъ. Но новый хозяинъ его сдалъ

его кому-то до Мая и приходилось ждать. И мы рѣшили нанять тамъ пока что чужой домикъ, чтобы дождаться освобожденія своей бывшей усадьбы, гдѣ дѣтишки могли бы покупаться въ морѣ, полакомиться великолѣпными фруктами изъ своего сада, погрѣться на солнышкѣ: всѣ они болѣли теперь корью и нуждались въ тишинѣ и отдыхѣ. Да и жена очень устала отъ нашего головоломнаго путешествія: въ общей сложности оно продолжалось шесть мѣсяцевъ, вѣдь!... А раньше изъ Москвы въ Новороссійскъ я ѣздилъ въ два дня....

Была весна, наша кавказская распутица. Подводчикъ заломилъ съ насъ за сорокъ верстъ пути цѣлое состояніе. Знакомые наши не совѣтывали ѣхать туда, говоря, что по пути насъ непремѣнно ограбятъ. Но мы поѣхали и проѣхали благополучно, только какой-то добрый поселянинъ крикнулъ нашему возницѣ:

— Куды ты ихъ къ чертямъ везешь?... Свалилъ бы подъ откосъ гдѣ и ладно... Буржуи!...

Вечеромъ въ Береговой мы рѣшили остановиться, а на завтра я хотѣлъ идти впередъ одинъ, чтобы найти помѣщеніе. Добрый поселянинъ, у котораго мы остановились, старинный мой знакомый, на вопросъ, сколько возьметъ онъ съ насъ за помѣщеніе, отвѣчалъ, что пятнадцать рублей въ день будетъ достаточно. Помѣщеніе, которое мы у него заняли, была комнатка въ 3 аршина шириной и аршинъ семь длиной, такъ, клѣтушечка въ два окошечка. И пришлось дать, дѣлать нечего. А потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ вечеркомъ явился ко мнѣ и попросилъ меня составить ему какое-то прошеніе по начальству, но я тоже рѣшилъ дѣйствовать съ добрыми мужичками по-новому и отъ этой обязанности уклонился: на войнѣ такъ на войнѣ!...

Утромъ я ушелъ на поиски въ Широкую, но оказалось, что мой сосѣдъ, котораго я встрѣтилъ въ Новороссійскѣ,

все наврал — онъ, между прочимъ, читалъ все Толстого и стремился устроить на землѣ рай — что никакихъ свободныхъ дачъ въ нашемъ краѣ не было, что все было переполнено.

Война и затѣмъ революція произвела среди моихъ старыхъ знакомыхъ и сосѣдей настоящій погромъ: того убили на войнѣ, тотъ умеръ дома, третій, французъ Лебренъ, бывшій одно время секретаремъ Л. Н. Толстого, числился дезертиромъ и на военномъ французскомъ суднѣ былъ увезенъ для военнаго суда въ Севастополь. Но всѣхъ интереснѣе оказалась судьба Ив. Г. Иванова, учителя съ „Холоднаго Родника". Человѣкъ этотъ отдалъ народу рѣшительно все. Онъ былъ балетнымъ артистомъ Императорской сцены, но бросилъ сцену, бросилъ Петроградъ, бросилъ все и уѣхалъ на этотъ самый Холодный Родникъ, крошечную деревушку новоселовъ, затерянную въ дикихъ горахъ. О положеніи ея достаточно говоритъ тотъ фактъ, что для того, чтобы добраться до нея, надо переѣзжать рѣчку въ бродъ разъ что-то тридцать. Это хорошо еще лѣтомъ, но съ наступленіемъ осеннихъ дождей эта глухая деревенька буквально отрѣзана отъ всего свѣта. Онъ завелъ тамъ хорошую школу, поставилъ образцовую пасѣку, открылъ ремесленные классы, устроилъ для крестьянъ плодовый питомникъ и трудился, никому неизвѣстный и невѣдомый, не ища за свои труды иной награды, какъ выговоры отъ начальства за свой черезчуръ широкій для народнаго учителя размахъ. Какъ-то обратился онъ ко мнѣ съ просьбой помочь ему устроить тамъ библіотеку и я охотно отозвался на это, помогъ имъ и по моей просьбѣ устроенная мною библіотека была названа, въ память моей дѣвочки, библіотекой Мируши. И вотъ грянула благодѣтельная революція. Мужики пожелали „все дѣлить": фабрики, земли, лѣса, все, — только на воздухъ да на небо претензій не было, кажется, заявлено. Иванъ Григорьевичъ, конечно,

сталъ говорить, что затѣянный революціоннымъ народомъ раздѣлъ всего міра невозможенъ, за что и былъ немедленно объявленъ кадетомъ и врагомъ народа, и опредѣленно стали ему грозить веревкой: довольно вы нашего брата околпачивали! . . . И онъ бросилъ свой Холодный Родникъ и перебрался къ намъ въ Широкую, гдѣ и затихъ, погруженный въ свои прямыя обязанности школьнаго учителя и въ огородничество, которое при теперешней дороговизнѣ являлось ему солиднымъ подспорьемъ. Дѣтишки его были оборваны такъ, что смотрѣть было страшно, и вообще крайняя нищета сказывалась во всемъ укладѣ жизни этого новоявленнаго врага народа.

Настроеніе крестьянъ въ нашемъ краѣ было смутное и тяжелое. Большевики опредѣленно и сразу напугали ихъ, хотя здѣсь они прошли своей Таманской арміей только мимоходомъ и, такъ какъ это былъ медовый мѣсяцъ большевизма, то они почти совсѣмъ не грабили и почти не убивали. Но все же широты ихъ размаха народъ опредѣленно испугался и когда въ горахъ появились первые разъѣзды добровольцевъ, многіе крестьяне буквально плакали отъ радости. Къ сожалѣнію, для уничтоженія мѣстныхъ большевиковъ, совсѣмъ не опасныхъ по своему количеству, сюда былъ присланъ карательный отрядъ изъ черноморскаго дивизіона, въ составѣ котораго были главнымъ образомъ горцы въ качествѣ солдатъ и гвардейскіе офицеры въ качествѣ начальниковъ. Вели эти отряды себя отвратительно. Разсказывали, что одинъ разъѣздъ при проѣздѣ чрезъ станицу Уланку наѣхалъ случайно на мирно пасшихся гусей. Тѣ подняли изъ канавы головы и го-го-го . . . Одинъ изъ офицеровъ распалился: „не смѣть передъ русскимъ офицеромъ поднимать высоко голову!...“, выхватилъ шашку и бросился рубить гусей . . . Если бы дѣйствія карательнаго отряда ограничились только этимъ, то, конечно, можно было и не очень сердиться на это мальчи-

шество, но онъ пошелъ дальше, онъ сталъ жечь усадьбы не только виновныхъ, но часто и совсѣмъ ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ, авансомъ предполагая, что разъ мужикъ значитъ большевикъ, значитъ, надо проучить, дѣлалъ реквизиціи и не платилъ по нимъ и вообще всячески обижалъ населеніе. Особенно отличались въ этомъ отношеніи горцы и казаки-кубанцы, которые безъ всякаго стыда грабили населеніе какъ только могли, стараясь этимъ путемъ наверстать тѣ дѣйствительно колоссальные убытки, которые имъ нанесли большевики. И чѣмъ дальше, тѣмъ развязнѣе становился этотъ карательный отрядъ. Вопреки прямому запрещенію начальства, онъ сжегъ нѣсколько хуторовъ и, наконецъ, все закончилось убійствомъ моего ближайшаго сосѣда, М. О. Когана, предсѣдателя извѣстной артели „Криница“, артиллерійскаго офицера и пожилого человѣка. Онъ, гдѣ могъ, протестовалъ противъ беззаконій, творимыхъ этими карательными отрядами. Благодаря ему, одинъ изъ такихъ безобразниковъ-офицеровъ былъ даже разстрѣлянъ, и вотъ было рѣшено свести съ нимъ счеты. Его вызвали зачѣмъ-то въ мѣсто расположенія отряда и тамъ онъ былъ измѣннически убитъ! На тѣлѣ его было найдено что-то до тридцати колотыхъ, рубленыхъ и огнестрѣльныхъ ранъ . . .

Въ гибели его, несомнѣнно, играла роль и его еврейская фамилія, но евреемъ онъ не былъ и его мать принадлежала къ очень старинной княжеской семьѣ . . .

Край опредѣленно хмурился и „большевизмъ“ опредѣленно росъ, росла въ горахъ зеленая армія. Главнокомандующій, когда мы ему донесли обо всѣхъ этихъ безчинствахъ, приказалъ во что бы то ни стало доставить ему безобразниковъ, чтобы повѣсить ихъ на одной изъ площадей Екатеринодара, но предупрежденные друзьями объ этой грозѣ, они успѣли скрыться куда-то. Край хмурился и ясно чувствовалось, что жить и тутъ долго не придется, тѣмъ болѣе, что мнѣ по

дѣламъ надо было часто ѣздить въ центры, какъ Ростовъ и Екатеринодаръ, а каждая поѣздка такая по мѣстнымъ условіямъ обходилась не менѣе 500 р.

А уѣзжать не хотѣлось: тутъ въ солнечной тишинѣ нашей покинутой усадьбы была дорогая могилка, о которой я такъ тосковалъ иногда въ дали. Хотѣлось побыть около нея подольше, посидѣть съ милой дѣвчуркой, самымъ дорогимъ существомъ на свѣтѣ, подумать о ней. Но странно: когда пришелъ я съ волненіемъ въ первый разъ на могилку ея, осѣнненную развѣсистыми теперь дубами, не полились слезы, не рвануло сердце острымъ горемъ, — я точно умеръ самъ весь... И вотъ эта-то усталость души, это ея омертвѣніе краснорѣчивѣе всего говоритъ объ ужасѣ нашей проклятой революціи, этаго безконечнаго ряда черныхъ дней, въ которыхъ погибло все, что было дорого и свято...

И, когда я разбиралъ оставленныя здѣсь на хуторѣ вещи, оказалось, что большинство Мирушиныхъ вещей, сохраненныхъ на память о ней, было съѣдено молью и просто истлѣло. Не только сама она, милое, прелестное созданіе, ушла, но вотъ разсѣивались и послѣдніе слѣды ея на землѣ... И надъ головой послышалось холодное вѣяніе великаго ничто и въ уставшемъ сердцѣ поднялась туманомъ тоска надъ грустнымъ жребіемъ человѣка... А онъ-то, дуралей, затѣваетъ всю эту кровавую возню!...

XXI.

Прежде, чѣмъ говорить о томъ, что я видѣлъ и слышалъ въ районѣ Добровольческой арміи, мнѣ надо, наконецъ, сказать, что такое эта Добровольческая Армія, разсказать своими словами эту удивительную героическую поэму, одну изъ самыхъ яркихъ и самыхъ красивыхъ страницъ русской исторіи.

Россія опредѣленно погибала. Армія, разложившись на фронтѣ окончательно подъ вліяніемъ пропаганды нѣмецкихъ „поцѣлуйныхъ“ полковъ и собственныхъ безотвѣтственныхъ демагоговъ, пустившихся ловить рыбу въ мутной водѣ революціи, бурными страшными потоками понеслась домой, по деревнямъ, все сокрушая, все разбивая, вырѣзывая офицерство, убивая желѣзно-дорожниковъ и всякихъ „буржуевъ“. Деревни бурлили, горѣли помѣщичьи усадьбы со всѣми тѣми сокровищами, которыя были собраны въ нихъ часто вѣками, разрушались въ городахъ фабрики и заводы подъ управленіемъ фабричныхъ комитетовъ изъ безграмотныхъ рабочихъ. Голодъ росъ, холодъ росъ, росла дикая звѣриная злоба массъ. Возстаніе большевиковъ, если разсмотрѣть его болѣе внимательно, это возстаніе массъ, остро почувствовавшихъ въ борьбѣ за существованіе свое безсиліе, возстаніе ихъ противъ этого своего безсилія. И весь ходъ революціи есть лишь яркое доказательства этого рокового безсилія и бѣшенства, которое вызывало полусознательное ощущеніе людьми этого своего безсилія. Ихъ вожди много орали на митингахъ о какомъ то революціонномъ „творчествѣ“, но таковаго не оказалось ни на іоту: даже своего революціоннаго гимна не съумѣли мы создать въ моментъ, казалось бы, страшнаго взрыва народной энергіи, мы заняли эти уже полинявшіе гимны у Франціи и изуродовали ихъ до отвращенія . . . Но разрушали мы все съ усердіемъ и ловкостью и злобой необычайной. И среди этой всеобщей гибели и разрушенія, среди водоворотовъ ярко-красныхъ словъ и великолѣпнѣйшихъ жестовъ, среди этихъ буквально непроходимыхъ болотъ всяческой умышленной и неумышленной лжи, въ нѣсколькихъ героическихъ сердцахъ родилась безумная, казалось, мысль: спасти Россію отъ нея самой.

Второго Ноября 1917 г., бывшій Верховный Главнокомандующій, генералъ М. В. Алексѣевъ, который такъ не-

замѣтно исчезъ изъ Москвы, вдругъ появился въ штатскомъ платьѣ въ Новочеркасскѣ, на Дону. Чрезъ мѣсяцъ, 6 Декабря, туда же явился переодѣтый румынскимъ бѣженцемъ уже прогремѣвшій своимъ походомъ на Петроградъ и преданный Керенскимъ тоже бывшій Верховный Главнокомандующій генералъ Л. Г. Корниловъ, такъ смѣло бѣжавшій изъ тюрьмы маленькаго городка Быхова. Имъ казалось, что здѣсь, опираясь на казачество, они смогутъ создать первую опору для борьбы съ заливавшимъ Россію мутнымъ потокомъ такъ называемаго большевизма. И былъ у нихъ тутъ добрый союзникъ въ лицѣ перваго выборнаго атамана Войска Донского, генерала А. М. Каледина. Это былъ крошечный островокъ патріотовъ, захлестываемый со всѣхъ сторонъ волнами крови, клеветы и лжи. Казачество подъ напоромъ толпъ большевистскихъ агитаторовъ разлагалось, съ сѣвера и юга уже шли полки обманутыхъ и озлобленныхъ людей подъ краснымъ знаменемъ, интеллигенція митинговала и спорила изъ-за словъ, уставшій за войну обыватель, махнувъ рукой на завтрашній день, бросился во всякія удовольствія, точно празднуя какую-то побѣду.

Въ концѣ Ноября большевики подняли возстаніе въ Ростовѣ, казаки отказались усмирять его, но на городъ была двинута изъ Новочеркасска Добровольческая Армія — нѣсколько сотъ офицеровъ и юнкеровъ — которая и взяла его съ боя. Населеніе встрѣтило генерала Каледина цвѣтами и кликами радости и устилало путь его коврами.

Среди открытой и скрытой вражды окружающихъ приходилось старымъ вождямъ формировать первые ряды будущей арміи изъ этихъ жалкихъ сотенъ самоотверженныхъ людей. Люди не шли, денегъ не давали, никто не вѣрилъ въ будущее этой явно безумной затѣи. И даже славныя имена генераловъ, ставшихъ во главѣ движенія, не внушали довѣрія обществу. А лѣвые со всѣхъ сторонъ кричали, что это слетъ черной

реакціи на Дону и призывали къ созданію единаго соціалистическаго фронта противъ нарождающейся опасности. И въ то время какъ на „фронтѣ“ лилась кровь безусыхъ, преданныхъ Россіи, мальчиковъ, партизановъ Чернецова и Семилѣтова, города шумѣли весельемъ. Массы вѣрили еще въ пышные лозунги большевиковъ, не замѣчая того, что обѣщанная свобода замѣнилась уже нестерпимой тираніей, хлѣбъ — страшнымъ голодомъ и миръ безпрерывными похоронами жертвъ гражданской войны.

13-го Января штабъ новой Арміи перебрался изъ Новочеркасска въ Ростовъ. По границамъ Донской области плотнымъ кольцомъ стояли многотысячныя рати кроваваго изувѣра Троцкаго-Броништейна. Агенты совѣтской власти сновали по станицамъ, деньгами и ложью подкупая темное казачество. Борьба казалась настолько уже безнадежной, что 29 Января въ атаманскомъ дворцѣ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера А. М. Калединъ, не въ силахъ вынести гибели Россіи и своего родного Дона. Казаковъ, казалось, на мгновеніе пробудилъ этотъ выстрѣлъ, станицы зашумѣли, но порывъ длился недолго и снова упалъ и снова крошечная до смѣшного Добровольческая Армія осталась одна въ непосильной борьбѣ съ большевиками, къ которымъ присоединились уже распропагандированныя ими казачьи части.

Ростовъ эта горсть храбрецовъ удерживать уже не могла и Корниловъ, ставшій во главѣ движенія, приказалъ отступленіе. 9-го Февраля 1918 г. Добровольческая Армія въ составѣ 2000 пѣхоты и 600 кавалеріи, безъ обоза, безъ снарядовъ, имѣя въ качествѣ госпитальнаго оборудованія лишь 10 аршинъ марли и 1 фунтъ гигроскопической ваты, выступила изъ Ростова въ покрытыя глубокимъ снѣгомъ ледяныя степи Придонья, чтобы идти на хлѣбородную Кубань.

И началось что-то совершенно непонятное, изумительное, какъ волшебная сказка, волнующее до слезъ даже холодныхъ

людей . . . Горсточка шла въ неизвѣстное, на вѣрную смерть, въ бояхъ одинъ дрался противъ сотни и побѣждалъ, офицеры шли въ наступленіе цѣпью во весь ростъ, никогда не ложась, никогда не пользуясь никакимъ прикрытіемъ, въ минуты крайней опасности раненые, трясущіеся и мерзнущіе на простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ сзади Арміи, стрѣляютъ въ себя, не желая попадать въ руки врага-звѣря, не останавливавшагося предъ истязаніемъ умирающихъ. Въ послѣдствіи всѣмъ участникамъ этаго страшнаго и свѣтлаго въ то же время похода по приказанію генерала А. И. Деникина былъ выданъ новый установленный имъ орденъ: мечъ въ терновомъ вѣнцѣ на георгіевской лентѣ и едва ли когда какой-либо орденъ съ большимъ правомъ украшалъ грудь воина и едва ли когда выражалъ орденъ болѣе удачно вложенную въ него мысль: георгіевская лента связывала героевъ съ прежней арміей и говорила о ихъ мужествѣ, мечъ говорилъ, что ничего, кромѣ меча въ рукѣ, у нихъ въ это время не было, и терновый вѣнокъ безъ словъ разсказывалъ то, что пережили эти изумительные люди въ глухихъ холодныхъ степяхъ въ кольцѣ враговъ-изувѣровъ . . .

Переформировавшись, Армія пошла дальше и вскорѣ вступила въ первыя боевыя столкновенія съ большевиками, на сторонѣ которыхъ были такія серьезныя силы, какъ знаменитая 39-я дивизія, получившая на кавказскомъ фронтѣ прозвище „желѣзной“. У нихъ были желѣзныя дороги, броневики, артиллерія, неисчислимыя количества снарядовъ и колоссальное численное превосходство — не было только у этихъ толпъ мятежниковъ противъ Родины одного: духа, сознанія своей правоты и потому уже первыя боевыя столкновенія показали, гдѣ настоящая сила. Въ столкновеніи подъ Лежанкой, напримѣръ, большевики потеряли больше 500 чел., у Добровольцевъ же было убито два человѣка и около 20 ранено.

Въ мартѣ въ Армію влилось нѣсколько сотъ кубанскихъ казаковъ, уже на опытѣ узнавшихъ, что такое практическій большевизмъ, но тутъ же было получено извѣстіе, что праздно болтающая кубанская рада сдала большевикамъ столицу Кубани, Екатеринодаръ. Войска, отступившіе отъ Екатеринодара, то же слились съ Арміей, что значительно увеличило ея силы. Но условія жизни ея оставались прежними: никакихъ перевязочныхъ средствъ, полное отсутствіе снаряженія, затрудняющіе путь раненые, лишенные почти всякой помощи, полная потеря всякой связи съ близкими и полная неизвѣстность впереди. А вокругъ, ежедневно, только бой и бой съ противникомъ хорошо вооруженнымъ, численно превосходящимъ во много десятковъ разъ и почти нѣчеловѣческія тяготы похода. Достаточно сказать, что всѣхъ снарядовъ у Арміи въ началѣ было только 600 штукъ! . . . И это все такъ дѣйствовало на невѣжественныя толпы „большевиковъ“, что многіе изъ нихъ искренно вѣрили, что Добровольцамъ помогаетъ нечистая сила.

И Добровольцы пользовались этимъ сразу установившимся паническимъ настроеніемъ.

Армія отступала отъ Екатеринодара, страшно нуждаясь въ снарядахъ. Расположивъ цѣпи по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна, генералъ Марковъ, одинъ изъ яркихъ героевъ Арміи, съ бомбой въ рукахъ вскочилъ въ бронированный поѣздъ большевиковъ и крикнулъ:

— Товарищи, спасайтесь! . . . Кадетня идетъ . . .

Красноармейцы отъ неожиданности бросились кто куда. Генералъ бросилъ въ нихъ бомбу, затѣмъ вторую и — стальной поѣздъ былъ захваченъ, богатая добыча въ видѣ массы снарядовъ досталась Добровольцамъ и сотни труповъ противника усѣяли полотно . . .

Въ концѣ марта начались бои за Екатеринодаръ, а въ послѣдній день мѣсяца случайнымъ снарядомъ подъ

городомъ былъ убитъ первый вождь Добровольческой Арміи, генералъ Л. Г. Корниловъ. Теперь не время подводить итоги его дѣятельности. Говорятъ, что онъ, сынъ простого сибирскаго казака, сынъ народа, представитель истинной государственной демократіи, выдающійся ученый изслѣдователь и путешественникъ, былъ убѣжденнымъ республиканцемъ. Черносотенцы звали его злобно „неудачнымъ Лафайетомъ". Я не знаю, такъ ли это, но я, не республиканецъ, горестно чувствую утрату этого мужика-генерала, этого горячаго патріота, отдавшаго Россіи жизнь . . .

На мѣсто убитаго вождя тотчасъ же сталъ, какъ заранѣе было условлено, генералъ А. И. Деникинъ, раздѣлявшій вмѣстѣ съ Л. Г. Корниловымъ и изувѣрство обезумѣвшей толпы въ Бердичевѣ, когда арестованныхъ генераловъ подъ градомъ издѣвательствъ и комьевъ грязи вели по улицамъ этого городка, и заключеніе въ Быховской тюрьмѣ, и опасности побѣга оттуда на Донъ, и грандіозный ужасъ Ледяного похода.

Армія вынуждена была покинуть Екатеринодаръ и снова отойти въ степи. Большевики ликовали въ полной увѣренности, что еще усиліе и проклятые „кадеты" будутъ окончательно задушены. Несмотря на то, что мѣсто погребенія Л. Г. Корнилова было скрыто, они, благодаря измѣнѣ, узнали его, откопали трупъ героя, привезли въ Екатеринодаръ и стали возить его по улицамъ съ хохотомъ и свистомъ, нацѣпивъ на хвостъ лошади генеральскіе погоны. А потомъ подъ уханье и издѣвательство обезумѣвшей черни трупъ генерала-республиканца сожгли на огромномъ кострѣ . . .*)

А Добровольцы отступали въ степи. И вдругъ первая радостная вѣсть: случайно встрѣтившійся на пути арміи

*) Случайно въ сентябрьской книжкѣ 1891 г. журнала „Природа и Охота" я нашелъ разсказъ „Изъ Прошлаго", подписанный Л. Корниловъ. Несомнѣнно, онъ написанъ покойнымъ героемъ въ молодости и ярко рисуетъ сибирскую жизнь того времени.

купецъ сообщилъ, что на Дону началось возстаніе казаковъ противъ большевиковъ, а вскорѣ явились и депутаты отъ донского казачества съ просьбой придти Дону на помощь: и донцы, вкусивъ отъ благъ соціализма оказались ими сыты, и потихоньку стали откапывать зарытые въ садахъ патроны и доставать припрятанныя на всякій случай винтовки.

Добровольцы двинулись на Донъ и тамъ, на границахъ области, были встрѣчены донцами съ хлѣбомъ-солью.

Тѣмъ временемъ, 1-го Апрѣля, казаки самостоятельно взяли свою столицу, Новочеркасскъ, но удержать его не могли: чрезъ три дня большевики снова выбили ихъ. Отступая, казаки успѣли захватить 11 орудій и около 1000 снарядовъ и остановились неподалеку въ степи, ожидая подхода Добровольческой Арміи и своего походнаго атамана съ партизанами. Въ смерть Корнилова казачество не вѣрило и отъ станицъ то и дѣло являлись ходоки, чтобы провѣрить тяжелую вѣсть.

Силы Арміи крѣпли и тяжкая зима смѣнилась теплой весной въ зеленой солнечной степи. Красные стали отступать и 23-го Апрѣля уже съ бою сдали снова Новочеркасскъ. Исходъ боя рѣшила сотня партизанъ Семилѣтова и офицерскій отрядъ полковника Дроздовскаго. Особожденное населеніе встрѣтило избавителей весенними цвѣтами и слезами благодарности. И подошедшій изъ Румыніи тысячный офицерскій отрядъ влился въ ряды Арміи. И казаки слились съ Добровольцами въ одно . . . Силы расли съ каждымъ днемъ, чудо свершалось воочію, смѣшное безуміе горсточки героевъ превращалось въ государственное дѣло.

Но искупительныя жертвы приносились безпрерывно: не успѣлъ уйти Корниловъ, какъ шальнымъ, послѣднимъ снарядомъ, выпущеннымъ бѣгущими большевиками зря, на ура, былъ убитъ яркій герой Арміи, генералъ Марковъ. И, умирая подъ Шабліевской, онъ сказалъ кубанцамъ: „вы

умирали за меня — теперь я умираю за васъ . . :" и прибавилъ: „вѣрьте, что Родина снова будетъ Единой, Великой, могучей . . ." Похоронили его на городскомъ кладбищѣ Новочеркасска, гдѣ похороненъ былъ уже донской партизанъ Чернецовъ, гдѣ, командуя собственнымъ разстрѣломъ, погибъ отъ руки красноармейцевъ генералъ Назаровъ, преемникъ атамана Каледина, гдѣ спалъ уже Волошиновъ, предсѣдатель круга Защиты Дона . . . И Главнокомандующій приказомъ по Арміи отъ 13 Іюня повелѣлъ 1-му офицерскому полку именоваться впредь 1-мъ офицерскимъ генерала Маркова полкомъ.

Отдохнувъ мѣсяца три на Дону, освободившись отъ больныхъ и раненыхъ, Добровольческая Армія снова устремляется на Кубань жаркими, часто безводными степями. Она уже внушительная сила и большевики, тоже уже съорганизовавшіеся, продолжаютъ исправно послѣ каждаго боя поставлять ей заряды, снаряды, пушки, винтовки, обозы; это былъ единственный исправный поставщикъ Добровольцевъ въ это время. И Армія, укрѣпляясь, побѣдоносно движется все впередъ и впередъ и со всѣхъ концовъ Россіи на этотъ разгорѣвшійся огонекъ тысячами бѣгутъ переодѣтые офицеры.

Добровольцы идутъ все впередъ и впередъ, занимая по Кубани все новыя и новыя территоріи и усиливаясь все болѣе и болѣе притокомъ бойцовъ Кубанскаго войска. И наконецъ, 2-го Августа Армія беретъ съ боя Екатеринодаръ и надъ городомъ вмѣсто осточертѣвшаго всѣмъ краснаго флага съ лживыми надписями о братствѣ народовъ и свободѣ поднимается снова старое русское трехцвѣтное знамя.

Чрезъ одинадцать дней Армія овладѣваетъ Новороссійскомъ и выходитъ такимъ образомъ къ Черному морю. И здѣсь, какъ и всюду и вездѣ, цвѣты и слезы встрѣчаютъ истомленныхъ, но радостныхъ побѣдителей и только черныя мачты потопленныхъ негодяями судовъ говорятъ о прошедшихъ черныхъ дняхъ насилія и произвола. Но и здѣсь, какъ и всюду,

не успѣваютъ догорѣть огни торжествъ въ честь героевъ, какъ уже начинается эта подлая русская критика и недовольство: они ждали, что Армія не только прогонитъ насильниковъ, но и вообще всячески устроитъ имъ разлаженную жизнь, а тутъ оказывается, что раззоренный домъ приходится строить самимъ раззорителямъ или попустителямъ разворенія. И ворчатъ, и критикуютъ, и забываютъ о тысячахъ и тысячахъ могилъ, разсѣянныхъ по пустыннымъ степямъ . . . А политиканы снова поднимаютъ свои партійные споры и всевозможные самостійники, только вчера трусливо прятавшіеся за спиной Арміи, начинаютъ предъявлять къ ней какіе-то счета, говорить свои старыя глупости, которыя — слава Богу — не находятъ никакого отклика въ народныхъ массахъ. Опять, словомъ, „паны играють“ — играютъ среди еще свѣжихъ могилъ, надъ незажившими еще ранами.

Но вотъ среди успѣховъ и новый ударъ: истомленный борьбой, истомленный сверхсильными трудностями Ледяного Похода, умираетъ 25 Сентября въ Екатеринодарѣ старый М. В. Алексѣевъ. Изъ уваженія къ памяти основателя Арміи и Верховнаго руководителя ея его постъ не замѣщается никѣмъ — генералъ А. И. Деникинъ довольствуется званіемъ Главнокомандующаго вооруженными силами Юга Россіи.

Въ концѣ Октября очищается отъ большевиковъ послѣдняя кубанская станица. Но дорогой цѣной заплатила Армія за это: болѣе 30.000 добровольцевъ и казаковъ погибли за два кубанскихъ похода въ этихъ безбрежныхъ степяхъ.

И, Господи, сколько звѣрствъ, страшныхъ, неописуемыхъ, вскрывается всюду въ очищенныхъ отъ злодѣевъ городахъ — прямо волосъ дыбомъ становится! . . . И тутъ между прочимъ узнаю я о томъ, какъ звѣрски замученъ былъ въ Кисловодскѣ дряхлый М. В. Рузскій, который такъ недавно, казалось, плакалъ предъ нами въ Москвѣ надъ поги-

бающей, когда то грозной, русской арміей . . . Бѣдный старикъ! . . .

Но тутъ два тяжелыхъ удара разражаются надъ Арміей. Въ Германіи вспыхиваетъ революція, германскія войска уходятъ изъ Малороссіи, гдѣ на минуту поднимаетъ голову фантастическая петлюровщина, а затѣмъ буйно врывается въ благодатный край кровавый „большевизмъ“. Лѣвый флангъ добровольцевъ обнажается и подъ угрозой флангового удара изъ Малороссіи уже далеко ушедшія на сѣверъ войска генерала Деникина должны начать отступленіе на югъ. Въ неустойчивыхъ донцахъ снова начинается опасное шатаніе, снова хочется имъ попробовать благъ „большевизма“: агенты нашептываютъ имъ, что теперь большевики „уже не тѣ, что раньше“, что теперь они дѣйствительно уже несутъ простому народу и миръ, и хлѣбъ, и свободу.

А на западѣ, въ Одессѣ и Крыму, разъигрывается исторія съ французами. которые, простоявъ нѣсколько мѣсяцевъ въ полномъ бездѣйствіи, вдругъ разомъ покидаютъ окупированныя ими мѣстности, не давъ даже Добровольческой Арміи вывести свои запасы и эвакуировать свои части. Страшный взрывъ возмущенія противъ этого вѣроломства поднялся въ русскихъ кругахъ, тѣмъ болѣе, что союзники до сего времени лишь усиленно говорили о помощи Россіи, но кромѣ словъ отъ нихъ ничего не поступало.

И только въ послѣдствіи раскрылась до нѣкоторой степени сущность одесско-крымской исторіи: французское командованіе имѣло въ своемъ распоряженіи ненадежныя части, которыя кончили бунтомъ, — недаромъ Коллонтай и другіе апостолы новаго міра, вооружившись милліонами поддѣльныхъ кредитокъ, работали тамъ; во французскихъ войскахъ повторилось то, что было у насъ на русско-германскомъ фронтѣ, когда мы бросили его, несчитаясь ни съ чѣмъ, кромѣ своего утомленія войной. Французскіе моряки

при бѣгствѣ тысячъ русскихъ людей отъ большевиковъ вели себя — это надо сказать совершенно открыто — самымъ недостойнымъ образомъ, въ противоположность англичанамъ, которые показали себя по общему мнѣнію настоящими джентльменами.

И обнаженіе лѣваго фланга, и одесско-крымскій инцидентъ были тяжелыми ударами для Добровольческой Арміи и она рѣзко попятилась назадъ, но только для того, чтобы, собравшись съ силами, снова перейти въ рѣшительное наступленіе. Если бы не непонятное тогда отступленіе арміи Колчака, о которомъ мы въ то время почти ничего не знали — отсутствіе связи было полное — то, вѣроятно, скоро Добровольческая Армія была бы уже въ Москвѣ и страшная сказка была-бы кончена, можетъ быть . . .

XXII.

Я устроилъ семью въ крошечной хатенкѣ въ Широкой, — другихъ помѣщеній пока не оказывалось — въ этомъ красивомъ поселкѣ, гдѣ такъ некрасиво перемѣшивается жизнь крестьянъ-поселянъ съ жизнью интеллигентныхъ поселенцевъ, по большею части, „идейныхъ". Но не успѣлъ я прожить тамъ и двухъ дней, какъ получаю изъ Новороссійска телеграмму отъ П., который, какъ оказалось, бросивъ насъ въ Кіевѣ, устроился на постоянное жительство въ Новороссійскѣ. Телеграмма гласила, что министерство юстиціи имѣетъ сдѣлать мнѣ какое-то серьезное предложеніе и что я долженъ поскорѣе выѣхать въ Новороссійскъ.

Чрезъ нѣсколько дней я поѣхалъ въ Новороссійскъ, повидался со старыми знакомыми и вмѣстѣ съ П. мы поѣхали въ Екатеринодаръ, бывшій тогда центромъ всей Южной Россіи, къ В. Н. Челищеву, съ которымъ мы нѣкогда встрѣчались на совѣщаніяхъ московскихъ общественныхъ дѣятелей и который былъ теперь министромъ юстиціи.

Съ тѣхъ поръ всякій разъ, какъ приходилось мнѣ бывать по дѣламъ въ Екатеринодарѣ, я всегда останавливался у Виктора Николаевича, который самъ помѣщался въ небольшой комнаткѣ втроемъ со своимъ помощникомъ, сенаторомъ Б. Н. Смиттенъ и правителемъ канцеляріи А. Н. Ясинскимъ.

Я же всегда спалъ у нихъ въ канцеляріи на письменномъ столѣ, подложивъ въ головы свой чемоданчикъ и накрываясь пальто. Оказалось, что спать на промокашкѣ и довольно мягко и очень тепло.

Компанія была довольно веселая, особенно В. Н., который никогда, казалось, не унывалъ, а если иногда унывалъ, то быстро съ этимъ справлялся.

— Позвольте вамъ представить, господа... — говорилъ онъ, знакомя меня съ кѣмъ-нибудь. — Писатель Наживинъ, лѣвый анархистъ. Сокрушалъ Россію, а теперь требуетъ царя... Не угодно-ли полюбоваться?...

Вечеромъ мы всегда дожидались его прихода изъ Особаго Совѣщанія; онъ приносилъ тѣ новости, которыхъ часто не было въ газетахъ. А то придетъ иногда, страшно усталый, и скажетъ:

— Фу, усталъ невѣроятно!... Къ чорту политику! Давайте, писатель Наживинъ, лѣвый анархистъ, разговаривать лучше объ охотѣ... Эхъ, теперь бы на тягу въ нашу Калуцкую губернію...

Онъ былъ страстный борзятникъ и вообще охотникъ и разсказы его объ охотѣ были чрезвычайно живописны и веселы. Онъ разсказывалъ, представляя въ лицахъ, какъ набросили гончихъ въ звонкій островъ, какъ онѣ побудили звѣря, какъ понеслась подъ ними хитрая лиса зеленями, какъ вслѣдъ за ней растянулись его рѣзвыя и злобныя борзыя. И всегда грустно прибавлялъ:

— Нѣтъ, этого ужъ не вернешь!... Погибла наша псовая охота... Развѣ съ ружьишкомъ когда побалуемся

теперь . . . А хорошее было время! . . . Вотъ помню разъ — я еще совсѣмъ молодымъ былъ — былъ у насъ въ усадьбѣ праздникъ какой-то семейный и между прочимъ пріѣхалъ и нашъ калужскій архіерей. Собирались у насъ больше все охотники, конечно, потому что вся наша семья изстари была борзятниками, и, конечно, какъ только соберутся, такъ и давай разбирать лошадей да собакъ — дымъ коромысломъ идетъ! А архіерей присосѣдился, конечно, къ дамской части общества и старается вести бесѣду въ эдакомъ душеспасительномъ тонѣ: что это, дескать, собрались вмѣстѣ и только и разговору, что о собакахъ да о зайцахъ? Жестокая это забава! . . . Мой старикъ промолчалъ, а на утро, когда архіерей собрался домой въ Калугу, а охота уже вышла въ поле, приказалъ везти архіерея какъ разъ тѣми мѣстами, гдѣ уже были брошены гончія. Такъ и варятъ варомъ собаки въ островѣ и, какъ на грѣхъ, такъ прямикомъ на архіерейскую карету и ведутъ. И вдругъ вылетаетъ на зеленя великолѣпный зайчина и претъ на архіерея. Кто-то изъ охотниковъ бросилъ борзыхъ, тѣ понеслись, пронеслись и стали вертѣть зайца на угонкахъ. Архіерея забрало за живое: высунулся онъ изъ окна кареты, махаетъ на собакъ своимъ посохомъ да и кричитъ: „фють, собачки, возьми его, косого! . . . Фють, возьми! . . .“

И разсказчикъ раскатывается своимъ веселымъ смѣхомъ.

— Такъ-то вотъ, батюшка, мы въ старину живали, а вы небось въ это время бомбы динамитомъ начиняли. Отъ васъ, лѣвыхъ анархистовъ, и пошло все къ чортовой матери кверху ногами . . .

Помню, какъ то разъ приходитъ онъ со службы и еще изъ коридора слышу я его веселый смѣхъ. И разсказываетъ онъ намъ, какъ только сейчасъ встрѣтили они на Красной горько плачущаго армяшина-мальчишку: оказалось, что его вздули русскіе мальчишки.

— Да за что же?

— А за то, что мы, армяне, автономіи требуемъ . . .

И, весело смѣясь, Викторъ Николаевичъ прибавляетъ:

— Ну, ужъ если мальчишки стали лупить за автономію, стало быть, національное дѣло Россіи выгоритъ! . . .

Я съ нимъ какъ-то отдыхалъ: ужъ очень онъ русскій человѣкъ былъ! Да и ему какъ будто хорошо было отвлечься иногда отъ своей привычной рабочей и служебной атмосферы и онъ всегда, прощаясь, говорилъ:

— Ну, прощайте, лѣвый анархистъ! Пріѣзжайте скорѣе . . . Съ вами, право, душой отдыхаешь . . . Опять про собачекъ поговоримъ . . . А теперь надо работать . . .

Намъ съ П. надо было, какъ оказывалось, ѣхать въ Ростовъ на Дону, въ министерство пропаганды. Тамъ былъ только что назначенъ новый управлющій этимъ дѣломъ, профессоръ К. Н. Соколовъ, къ которому мы и должны были явиться.

Явились и стали знакомиться съ работой учрежденія. На меня сразу произвело оно угнетающее впечатлѣніе. Оно доверху переполнено было маменькиными сынками и тѣми вездѣсущими барышнями, которыхъ принято называть шерочками и машерочками и которыя съ энергіей прямо изумительной всюду и вездѣ компрометтируютъ идею женскаго равноправія и женской трудоспособности. Я, по крайней мѣрѣ, умной, сознательной работы отъ нихъ не видалъ нигдѣ — механическое и лѣнивое выполненіе того, что приказано, а попутно то милое щебетанье ни о чемъ и обо всемъ, отъ котораго у человѣка посерьезнѣе голова пухнетъ. Общая атмосфера „Освага“ напоминала что-то вродѣ блаженной памяти Земсоюза или Земгора, которыхъ мы въ свое время довольно неискренно столько восхваляли въ пику правительству, которое, видите ли, ничего не дѣлаетъ, а эти вотъ молодыя дѣти молодой русской общественности держутъ на

своихъ плечахъ всю тяжесть европейской войны! На самомъ же дѣлѣ то были пріюты для многихъ ловкихъ людей, не желавшихъ идти на фронтъ, для аферистовъ, примазавшихся къ жирному общественному пирогу, и для тучъ этихъ вотъ барышень и всякихъ бездарностей мужского пола. Журналистъ тамъ завѣдывалъ закупкой скота, старый адвокатъ вѣдалъ кожевеннымъ отдѣломъ, а барышни не знали, что такое припекъ и откуда онъ берется. Точно тоже было и здѣсь, гдѣ гвардіи полковники завѣдывали литературой, моряки готовились управлять кинематографомъ и шерочка съ машерочкой щебетали о какихъ-то эспри въ то время, какъ молоденькій подпоручикъ изображалъ на потѣху всѣмъ, какъ барыня, пуская въ ходъ всѣ свои фигли-мигли, старается выпросить у какого-то полковника сахару . . .

Въ общемъ я получилъ яркое впечатлѣніе развала и полной неработоспособности, царившей здѣсь даже болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, того развала, отъ котораго болѣла душа у всѣхъ и изъ котораго, пока что, выхода не видѣлъ никто. Тотъ же В. Н. Челищевъ горько жаловался, что работа по его министерству упорно не налаживается, что людей нѣтъ, что всѣхъ гражданъ россійскихъ теперь можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни сдѣлались злостными спекулянтами, а другіе до того обезсилѣли, что на все махнули рукой — будь, что будетъ!

— Гляжу вотъ я на своихъ подчиненныхъ и вижу, что имъ кажется, что все, что мы дѣлаемъ теперь, это что-то такое ненастоящее, къ чему можно относиться пренебрежительно, что настоящее еще гдѣ-то впереди — говорилъ онъ. — Является, напримѣръ, изъ своего участка самовольно судебный слѣдователь съ какой-нибудь просьбой. „Да позвольте, скажите прежде всего, кто позволилъ вамъ бросить свой участокъ? Вѣдь вы не имѣете права дѣлать этого . . .“ Тотъ даже удивляется, что съ него требуютъ какой-то тамъ служебной

дисциплины теперь, пробуетъ вести свою линію; но я сталъ настаивать на своемъ: никакихъ разговоровъ, отправляйтесь въ свой участокъ и подайте сперва просьбу о разрѣшеніи явиться сюда, а тамъ мы будемъ уже разговаривать. Охъ, трудно будетъ налаживать жизнь! . . .

Это было замѣтно на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ аккуратное прибытіе поѣздовъ считалось теперь какимъ-то предразсудкомъ, это чувствовалось на телеграфѣ, доставлявшемъ телеграммы почтой, это замѣтно было на почтѣ, гдѣ сидѣли и грубили публикѣ шерочка съ машерочкой и на глазахъ у цѣлаго хвоста кліентовъ взбивали свои кудерьки у зеркальца. И особенно видно это было въ этомъ шумномъ „Освагѣ", гдѣ, казалось, жизнь кипѣла, а работы не было.

Уже тогда чувствовалось, что нужна желѣзная рука какая-то, которая властно надавитъ на рычагъ государственной машины и заставитъ ее работать. Въ общемъ совѣсти у русскихъ людей не оказывалось и больно было за истекающую кровью Армію, подвигъ которой дѣлался этими людьми безплоднымъ. И тогда уже многіе нерѣшительно еще говорили то завѣтное слово, которое одно можетъ спасти этотъ гніющій, легкомысленный тылъ: Диктатура . . .

Вечеромъ мы были приняты сперва полковникомъ Б. А. Энгельгардтомъ, который спросилъ насъ о нашемъ впечатлѣніи. Я прямо сказалъ ему, что люди здѣсь не на мѣстахъ, что нужны спеціалисты и что въ первую голову надо всѣхъ маменькиныхъ сынковъ и машерочекъ попросить вонъ. Такъ баловаться нельзя и въ мирное время, а теперь совсѣмъ ужъ не до баловства. Въ разговорахъ на темы общественныя полковникъ показывалъ себя большимъ радикаломъ.

— Ну, какая тамъ монархія! . . . — сказалъ онъ. — Это все уже изжито . . . Вотъ, помню, былъ я пажемъ. И предстояло какое-то большое торжество съ участіемъ царя и царицы. Насъ, пажей, заставили всю эту церемонію прорепе-

тировать. Я, между прочимъ, долженъ былъ изображать государыню и даже ея горностаевую мантію надѣлъ. Вѣдь это же комедія! И мнѣ кажется, это все кончено . . .

Я, признаюсь, отъ такой аргументаціи противъ монархіи нѣсколько даже растерялся. Полковникъ мнѣ — по крайней мѣрѣ въ эту минуту — не показался человѣкомъ глубокимъ . . .

Затѣмъ вскорѣ пришелъ и проф. К. Н. Соколовъ. Я подѣлился и съ нимъ вполнѣ откровенно своими очень невеселыми впечатлѣніями и отказался взять на себя какое-либо опредѣленное дѣло, но обѣщалъ дать кое-что отдѣлу литературы.

Мы поѣхали обратно и въ пути чуть было не пожали плодовъ той самой распущенности, о которой я только-что говорилъ: среди ночи нашъ скорый поѣздъ налетѣлъ на товарный, стоявшій на запасномъ пути, и произошло большое крушеніе. Было вдребезги разбито нѣсколько вагоновъ и погибло человѣкъ десять пассажировъ. Все полотно было усѣяно разбитыми бакалейными товарами: синькой, мыломъ, папиросами, орѣхами, сардинами и проч. И надо было видѣть публику! . . . Едва оправилась она отъ перваго страшнаго испуга, какъ тотчасъ же бросилась грабить все это добро.

— Господа, да оставьте же! . . . Неловко вѣдь . . . — уговаривала публику поѣздная прислуга. — Чужое . . . Господа, бросьте, не хорошо . . .

Но господа ничего не слушали и набивали себѣ карманы чужимъ добромъ: все равно пропадетъ. Не выдержала и прислуга и тоже бросилась на грабежъ. И жуткую картину представляло это мародерство среди ночи, въ огнѣ костровъ, на виду у изуродованныхъ труповъ, вытянувшихся вдоль линіи . . . И вдругъ явился откуда-то изъ заднихъ вагоновъ одинъ офицеръ:

— Это что такое? Мерзавцы! . . .

И ловкимъ ударомъ по лицу онъ свалилъ одного изъ негодяевъ на землю . . .

— Прочь, мерзавцы! . . . А то всѣхъ перестрѣляю . . .

И громадная толпа грабителей, роняя награбленное и давя одинъ другого, бросилась въ предразсвѣтномъ сумракѣ къ своимъ вагонамъ. И думалось горько: вотъ чего проситъ русскій гражданинъ, вотъ что нужно русской жизни, чтобы все стало по мѣстамъ — очень энергичнаго человѣка и рѣшимости положить конецъ разграбленію Россіи. Это крушеніе поѣзда въ глухой степи, это разграбленіе его и вмѣшательство одинокаго офицера, вооруженнаго однимъ только револьверомъ, вдругъ стало какою-то символической, пророческой картиной. Видимо, не „завоеванія революціи" надо было уже охранять всякому серьезному общественному дѣятелю, а самыя первоосновы человѣческаго существованія, тѣ первоосновы, которыя не позволяютъ человѣку сдавать въ звѣриное . . .

И вспоминается еще одинъ очень характерный фактъ. Ген. П. Н. Врангель штурмовалъ Царицынъ. Кавказской арміи его было трудно. На помощь ему былъ двинутъ корпусъ молодого, но уже прославившагося рѣшимостью генерала Покровскаго. Желѣзнодорожники, среди которыхъ не мало было тайныхъ большевиковъ, умышленно или неумышленно, неизвѣстно, но такъ забили пути подъ Батайскомъ, что корпусъ Покровскаго никакъ не могъ продвинуться впередъ. А тамъ, подъ Царицыномъ, каждая минута была дорога. И вотъ на паровозѣ прилетѣлъ въ Батайскъ самъ Покровскій и приказалъ собрать всѣхъ желѣзнодорожниковъ. Тѣ собрались.

— Господа, — обратился къ нимъ генералъ. — Мнѣ не до разговоровъ. Вы мнѣ или друзья, или враги. Если вы друзья, покажите мнѣ сейчасъ же, какъ вы умѣете работать, а если вы враги, я васъ немедленно перевѣшаю . . . Маршъ! . . .

Чрезъ нѣсколько часовъ желѣзная дорога была въ полномъ порядкѣ, корпусъ прошелъ къ Царицыну и важный узелъ этотъ былъ взятъ.

Да, насколько радовалъ и умилялъ героическій фронтъ, настолько угнеталъ своей какою-то безнадежной безпросвѣтностью разлагающійся за-живо тылъ. И съ какой радостью отдыхалось у себя дома, на зеленомъ солнечномъ побережьи, среди дѣтишекъ — до тѣхъ поръ, пока не появлялись, однако, люди. А какъ появятся, такъ начинается это скрипѣніе, эти беконечныя жалобы на неуютъ жизни, эти надежды, что вотъ придетъ какой-то чужой дядя и все имъ наладитъ. Одни думали, что этотъ чужой дядя будетъ адмиралъ Колчакъ, другіе возлагали всѣ свои упованія на англичанъ, которые вотъ привезли танки и думаютъ вообще наводить у насъ порядокъ, огромное большинство тосковало о германцахъ и никто, никто не видѣлъ, что чужой дядя уже пришелъ, что для нихъ не только тратится колоссальная энергія, но жертвуютъ то, что дороже всего для человѣка: жизнь, что стоитъ уйти тѣмъ же Добровольцамъ хоть на недѣлю, какъ снова начнется звѣриное царство и черный мракъ . . .

А эти разсказы! . . . Приходитъ одинъ — агрономъ и революціонеръ — и разсказываетъ, какъ проходила тутъ Таманская армія большевиковъ и какъ спасся онъ отъ нихъ съ дѣтишками въ лодкѣ, какъ въ то время, какъ одни большевики обстрѣливали эту лодку съ дѣтьми изъ пулемета, другіе разносили его усадьбу: одни выкручивали струны изъ піанино, другіе выгружали изъ книжныхъ шкаповъ библіотеку и складывали книги посреди столовой въ то время, какъ третьи носили съ рѣки воду ведрами, поливали эти книги и затѣмъ съ остервѣненіемъ топтали ихъ . . . Другой разсказываетъ о дѣяніяхъ карательнаго отряда Дикой дивизіи, который въ слѣпой ненависти тоже, какъ большевики, крушилъ все вокругъ, жегъ усадьбы, поролъ крестьянъ, и все вопреки

прямому приказанію Главнокомандующаго! А тамъ приходитъ жена и съ огромной радостью разсказываетъ, что въ одномъ изъ ящиковъ, оставленныхъ нами на нашемъ бывшемъ хуторѣ, при поспѣшномъ бѣгствѣ во время войны отъ непріятельскихъ крейсеровъ и миноносцевъ, она нашла два фунта настоящихъ свѣчей, нѣсколько кусковъ мыла, пачку синьки и — вотъ радость! — шесть катушекъ настоящихъ нитокъ! Эти шесть катушекъ, обрѣтенныхъ нечаянно въ старыхъ вещахъ, служатъ уже предметомъ разговора и зависти сосѣдей и у меня сердце отъ холоднаго ужаса сжимается: пачка синьки, катушка нитокъ, кусокъ мыла — источникъ радости! . . . До чего же мы обѣднѣли, до чего же мы опустились, озвѣрѣли, одичали! . . .

А тамъ приходитъ учитель Иванъ Григорьевичъ, оборванный и грустный, и проситъ оказать содѣйствіе въ осуществленіи его проэкта перевести мою „Мирушину библіотеку“ съ Холоднаго Родника сюда, въ Широкую. Я съ радостью соглашаюсь на это: только въ хорошихъ, надежныхъ рукахъ принесетъ, можетъ быть, библіотека моя нѣкоторую пользу. Видимо, оба мы еще не совсѣмъ отчаялись, еще теплится въ душѣ какая-то надежда.

Но на другой день онъ снова является ко мнѣ.

— А я къ вамъ съ печальными новостями . . . — говоритъ онъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Библіотека наша погибла! . . .

— Какъ такъ?

— Карательный отрядъ разбилъ ее всю . . . Такъ, говорятъ, посреди пола и навалены истерзанныя книжки . . . Казачки постарались . . .

— Да вѣрно ли это?

— Вѣрно. Вчера вечеромъ я видѣлъ холоднородниковцевъ, разсказывали . . . — говоритъ онъ. — А меня снова приглашаютъ къ себѣ . . .

— Одумались?

Онъ только рукой махнулъ: видно, опавшіе цвѣты не возвращаются на свои вѣтки . . .

И охватываетъ невѣроятная усталость и такая жажда отдыха, что готовъ все отдать, только бы уйти, отдохнуть отъ всего этого кошмара. И всѣ усилія патріотовъ и честныхъ борцовъ кажутся какой-то войной Донъ Кихота съ вѣчными вѣтреными мельницами человѣчества. И идешь за четыре версты на свой покинутый, опустѣвшій хуторъ — мы не рѣшились поселиться на немъ, такъ какъ разбой въ краѣ замѣтно усиливался, а онъ стоялъ очень ужъ одиноко — и идешь на дорогую могилку. Какъ все разрослось вокругъ за эти пять лѣтъ, какъ все пышно и зелено въ посаженномъ моими руками, теперь цвѣтущемъ, саду! Какъ тихо и грустно на милой могилкѣ этой, затерявшейся среди пустыни горъ и моря! . . . Бросить все, ото всего уйти, ничего не ждать и запереться съ семьей на этомъ зеленомъ, оторванномъ отъ міра уголкѣ . . . И я бы ушелъ, если бы можно было уйти, если бы міръ, обезумѣвшій и дикій, не напиралъ такъ на тебя — раньше въ видѣ „Гебена" и „Бреслау", а теперь въ видѣ тѣхъ же глупенькихъ зелено-армейцевъ, увѣренныхъ, что они спрятались отъ міра въ этихъ дикихъ горахъ. Имъ ѣсть нечего, они придутъ къ тебѣ, они обидятъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтишекъ, они будутъ носить воду и поливать ею твои книги и топтать ихъ въ дикой ярости на свое безсиліе выдти изъ тисковъ жизни . . .

Не выдти и мнѣ. Можно только на минутку отдохнуть въ мечтѣ о такой свободѣ, а потомъ опять за лямку, чтобы хоть какъ-нибудь съютить разрушенный нами съ такимъ легкомысліемъ домъ . . .

XXIII.

Отъ жизни не уйдешь. Вотъ стали замѣтно изсякать деньги, стала тревожить мысль о томъ, что будетъ, когда онѣ выйдутъ: литературой въ горящемъ домѣ много не заработаешь . . .

. . . .

Я поѣхалъ снова въ Ростовъ: можетъ быть, найдется какое мѣсто по душѣ . . . Не большое это было удовольствіе ѣздить въ этихъ переполненныхъ, зараженныхъ страшнымъ сыпнымъ тифомъ вагонахъ, но дѣлать было нечего: жизнь костлявой рукой стучалась въ дверь и требовала: „иди“ . . .

Я быстро устроилъ, что можно было, въ Ростовѣ и поѣхалъ въ Екатеринодаръ.

Въ Ростовѣ въ комендантскомъ управленіи, гдѣ я тщетно пытался получить, какъ сотрудникъ „Освага“, мѣсто въ вагонѣ, — его дала мнѣ взятка — я встрѣтился съ офицеромъ-летчикомъ, который такъ же получалъ „литеру“. Онъ былъ очень любезенъ и очень воспитанъ, но въ его совершенно правильной русской рѣчи поразилъ меня какой-то легкій иностранный акцентъ.

— Извините мое любопытство, капитанъ: я никакъ не могу опредѣлить, изъ какой мѣстности Россіи вы . . . — сказалъ я. — Что-то въ вашемъ акцентѣ есть непривычное для меня . . .

Капитанъ конфузливо улыбнулся.

— Я — офицеръ германской арміи . . . — сказалъ онъ. — Я прилетѣлъ къ вамъ на своемъ таубэ изъ Николаева, когда наши войска уходили въ Германію, и поступилъ на службу къ Добровольцамъ . . .

Это было очень интересно и мы вступили въ оживленную бесѣду.

— Очень трудно работать съ вами! . . . — разсказывалъ онъ. — Вотъ прилетѣлъ я въ Ростовъ . . . — безъ

карты, безъ всего . . . — и предложилъ свои услуги. Всѣ обрадовались — въ летчикахъ была большая нужда. И не успѣлъ я отдохнуть какъ слѣдуетъ, меня требуютъ къ Маріуполю, на который повели наступленіе большевики. Я уже зналъ немножко ваши порядки и потому прежде, чѣмъ летѣть, запросилъ по телеграфу, есть ли тамъ достаточно бензина. Мнѣ отвѣтили, что бензина много и чтобы я торопился. Я тотчасъ же сѣлъ на таубэ — вы знаете, такихъ аппаратовъ нѣтъ ни въ одной европейской арміи! . . . — и въ Маріуполь. Прилетѣлъ, произвелъ глубокую развѣдку, сбросилъ нѣсколько бомбъ, возвращаюсь въ Маріуполь: давайте бензинъ! Туда, сюда — нѣтъ бензина! А большевики подходятъ. Заметались всѣ, но бензина нѣтъ какъ нѣтъ. И представьте себѣ, мой прекрасный, мой несравненный таубэ былъ за отсутствіемъ бензина брошенъ большевикамъ: никакъ въ безпорядкѣ не могли спасти его! . . . Ну, какъ тутъ можно работать? Нѣтъ, вамъ рѣшительно надо нѣсколько нѣмцевъ — улыбнулся онъ. — Вы знаете, какъ можемъ мы наводить порядки . . .

— Но откуда это у васъ такое великолѣпное знаніе русскаго языка? — спросилъ я.

— Учился и дома, но усовершенствовался здѣсь, сперва въ плѣну, а потомъ во время окупаціи Украины . . .

— Ну, а скажите, что думаютъ нѣмцы о своемъ положеніи?

— Вы живали у насъ, слыхали наше Wacht am Rhein?

— Слыхалъ.

— Скоро услышите новое: Wacht am Pas de Calais . . .

— Да неужели? . . .

— Да! — твердо сказалъ онъ. — Мы никогда, никогда не простимъ этого! Мы сотремъ ихъ съ лица земли!

— Кого?

— Прежде всего французовъ. Это конченная нація, несмотря на то, что играетъ въ побѣдительницу . . .

— А какъ смотрите вы на Россію? . . .

— Мы прежде всего считаемъ, что война между ней и нами была колоссальной ошибкой, за которую и она, и мы заплатили и заплатимъ страшно дорого. Намъ надо было быть не врагами въ европейской войнѣ, въ войнѣ между Англіей и Германіей, а союзниками и тогда мы были бы съ вами теперь владыками міра. Это колоссальная ошибка и тысячи людей у насъ готовы отдать все, чтобы исправить ее.

— Какимъ образомъ?

— Заключеніемъ союза. Я понимаю: большевики. Но если бы мы были увѣрены, что вы пойдете съ нами рука объ руку, нашъ Гинденбургъ освободилъ бы васъ отъ нихъ въ три мѣсяца. Трехъ корпусовъ нашихъ дѣвать было-бы тутъ некуда. Вы знаете, что шутить въ такихъ случаяхъ мы не любимъ: разъ, два и готово . . .

И въ заключеніе онъ прибавилъ:

— И помните, что рано или поздно это случится. И лучше рано, чѣмъ поздно. Намъ безъ васъ и вамъ безъ насъ не жить . . .

Въ суматохѣ екатеринодарскаго вокзала я скоро затерялъ его и очень жалѣлъ объ этомъ: продолжить этотъ разговоръ мнѣ очень хотѣлось бы. Отмѣчу только одно по долгу лѣтописца: разговоры эти послѣ одесско-крымской исторіи находили большею частью весьма и весьма сочувствующую аудиторію. Можно безъ малѣйшаго преувеличенія сказать, что въ то время по своимъ оріентаціямъ общество наше раздѣлялось такъ: 10% на англичанъ (французовъ всѣ ненавидѣли зеленою ненавистью), 5% русской оріентаціи (то есть, своими силами) и 85% на германцевъ. Конечно, союзники могли бы поправить свои дѣла въ Россіи, но Англія стала дѣлать дѣла съ большевиками, польстившись на русское золото, а Франція послѣ Одессы и Крыма вы-

ступила въ еще болѣе гнусной роли въ Константинополѣ. Чѣмъ все это отзовется въ будущемъ, въ этомъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія нѣтъ.

Я остановился въ Екатеринодарѣ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Дѣлалось обычное: одни, какъ Главнокомандующій со своими сотрудниками, работали надъ спасеніемъ Россіи, другіе, какъ члены какой-то выдуманной, неимѣющей подъ ногами никакой реальной почвы краевой рады, вставляли имъ палки въ колеса, третьи спекулировали, четвертые, какъ г. Бычъ, ѣхали въ Парижъ лгать, пятые ворчали, что жареныя куры не летаютъ по воздуху и что надо вообще работать.

Много разговоровъ было въ это время здѣсь о молодомъ генералѣ А. Г. Шкуро, кубанцѣ, который велъ яркую политику „за Единую, Недѣлимую". За нимъ ухаживали все и та же рада. Разъ за какое то дѣло она произвела его въ слѣдующій чинъ, о чемъ въ торжественномъ засѣданіи и довела до его свѣдѣнія.

— Конечно, я очень благодаренъ вамъ, господа . . . — отвѣчалъ онъ. — Но чинъ этотъ я получилъ уже отъ Главнокомандующаго и ваше производство, пожалуй, теперь излишне . . .

Въ другой разъ она пригласила его посѣтить какое-то ея важное засѣданіе. Онъ вошелъ — овація . . .

— Ну, вотъ и я, ребята . . . — сказалъ онъ. — Всѣ кабаки объѣхалъ — теперь къ вамъ . . .

И рада должна была проглотить эту пилюлю, которую молодой воинъ не позаботился даже позолотить.

Я повидался съ Н. Н. Львовымъ, гдѣ познакомился съ однимъ гусарскимъ офицеромъ Р., который чрезвычайно заинтересовался моими разсказами о революціонной деревнѣ и непремѣнно настаивалъ, чтобы я повидался какъ-нибудь съ Главнокомандующимъ, которому будетъ и интересно, и по-

лезно выслушать вмѣсто политикановъ-карьеристовъ и людей партійныхъ свѣжаго человѣка, изъ самыхъ подлинныхъ глубинъ народныхъ. Я самъ думалъ, что живые голоса, а не только „входящія“ за номеръ, должны доходить до власти и потому охотно согласился пріѣхать нарочно для этого въ Екатеринодаръ, когда будетъ нужно . . .

Остановился я, какъ всегда, у В. Н. Челищева, который сказалъ мнѣ, что письменный столъ и промокашка для спанья всегда въ моемъ распоряженіи.

Какъ-то вечеромъ, когда всѣ мы собрались послѣ дня работы и всякой бѣготни въ маленькой комнаткѣ, гдѣ со своими помощниками жилъ В. Н. Челищевъ, я спросилъ Б. Н. Смиттена о результатахъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи, назначенной Керенскимъ для разслѣдованія „преступленій“ царя и его ближайшихъ помощниковъ — онъ былъ одинъ изъ членовъ этой комиссіи. Меня въ особенности интересовалъ вопросъ объ отношеніяхъ императрицы къ знаменитому Распутину. Большая часть продажной прессы и огромная часть публики охотно говорили тутъ о разныхъ „тайнахъ алькова“, а мнѣ и тогда рѣшительно не вѣрилось въ возможность этой грязи — я думалъ, что просто тутъ извѣстная душевная болѣзнь, что ли, религіозная истерія.

— Только если не можете отвѣтить съ полной откровенностью, Борисъ Николаевичъ, не отвѣчайте совсѣмъ . . . — сказалъ я. — Для меня вопросъ этотъ очень важенъ.

— Нѣтъ, отчего же? Могу вполнѣ сказать все, что я знаю . . . — отвѣчалъ онъ съ глубокимъ волненіемъ. — Въ нашихъ рукахъ были всѣ письма императора и его семьи, были дневники ихъ, были всѣ документы, какіе мы могли только найти. Изучено все это было нами полностью и вотъ я по совѣсти долженъ сказать вамъ, что ни одного раза, нигдѣ не нашли мы ни малѣйшаго намека на грязныя отношенія этого преступника къ императрицѣ . . . И вы не мо-

жете себѣ представить, какъ это вышло кстати, что насъ разогнали большевики!... — продолжалъ онъ съ еще большимъ волненіемъ. — Всѣ накричали до слѣдствія о преступленіяхъ, а преступленій не оказалось. Была болѣзнь, было, можетъ быть, легкомысліе, но никакихъ преступленій...

Опубликованныя въ послѣднее время во французской „Illustration“ воспоминанія гувернера Наслѣдника, г-на Жильяръ, написанныя очень вдумчиво и тепло, въ полной мѣрѣ подтверждаютъ эти слова. Тамъ была тяжкая драма страдающей за сына матери и изъ драмы этой вышло все остальное.

Съ моей души точно камень свалился. Но съ другой стороны что же это тогда было?! За что освистывали всякіе негодяи эту больную и страдающую женщину, за что кидали въ нее грязью люди съ репутаціей явно позорной, за что замучили и убили ихъ съ невинными дѣтьми въ глухомъ сѣверномъ городкѣ? Поступокъ явно подлый, преступный со всякой точки зрѣнія, а сколько красивыхъ словъ наговорили мерзавцы по поводу всего этого на митингахъ и въ газетахъ!...

Какъ разъ около этого времени изъ Сибири курьеромъ Верховнаго Правителя были доставлены слѣдственные матеріалы о послѣднихъ дняхъ и смерти царской семьи. Нельзя было безъ чувства отвращенія и боли читать о всѣхъ этихъ издѣвательствахъ и мученіяхъ, которымъ были подвергнуты эти несчастные, беззащитные люди, а въ особенности этотъ ни въ чемъ уже рѣшительно неповинный ребенокъ, Наслѣдникъ, и дѣвушки, изъ которыхъ о той же Ольгѣ никогда кромѣ самого хорошаго ничего не было слышно. Когда насъ гнали въ Нарымъ, мы орали на весь міръ, но когда мы устроили звѣрскую расправу въ Екатеринбургѣ, это хорошо... О, готтентоты!... Но я опредѣленно чувствовалъ, что кровь этихъ мучениковъ пала на головы и моихъ дѣтей...

Тутъ же, у В. Н. Челищева, познакомился я съ бывшимъ министромъ юстиціи при гетманѣ всея Украины А. Ф. Романовымъ. Онъ много разсказывалъ мнѣ о тѣхъ „дурницахъ“, въ которыя на новомъ „государственномъ“ языкѣ неизмѣнно превращались всѣ издаваемые государственные акты, но еще болѣе интересенъ и важенъ для меня былъ его разсказъ объ отношеніи къ щирымъ украинцамъ, ставшимъ у власти, подлинныхъ и старыхъ украйнофиловъ, какъ мать моего собесѣдника, извѣстная малорусская писательница. Какъ только увидѣла она, къ чему привело въ концѣ концовъ невинное, казалось, сперва украйнофильство, она, старая народная писательница, категорически отказалась дать на украинскомъ языкѣ хотя бы одну только строчку новымъ правителямъ, она опредѣленно заявила о своей „великорусской оріентаціи“, о желаніи идти вмѣстѣ съ „Единой и Недѣлимой“ Россіей, а не съ австрійскими агентами. Здоровые элементы были вездѣ и всюду, но они были разсѣяны еще, заглушены ревомъ шпанки — дѣло власти, собирающей Россію, сгрупировать ихъ вокругъ себя, на нихъ опереться, и дѣло пойдетъ . . .

И самое главное, разъ навсегда нужно выучиться не принимать голосовъ революціонной галерки за подлинные голоса народа. Вотъ какъ разъ въ это время кубанская рада усиленно шумѣла о какой-то своей самостійности, ея представитель за-границей г. Бычъ пускался на все, чтобы убѣдить союзниковъ въ существованіи новой націи, кубанской, а въ народѣ шло свое, какъ шло у него свое въ кратковременное царствованіе Петлюры въ Малороссіи. Сижу я разъ у В. Н. Челищева и вижу, какъ на лужкѣ, на скверѣ, около памятника Екатерины II молодые казаки-кубанцы отплясываютъ лезгинку. Я вышелъ посмотрѣть ихъ веселье поближе, а потомъ подсѣлъ поговорить съ ними.

— Ну, какъ дѣла у васъ, станичники? . . .

— Да теперь слава Богу. На фронтѣ повеселѣе и у насъ повеселѣе. А то было совсѣмъ народъ завялъ, какъ неудачи-то были . . . Теперь ничего . . . Вотъ у насъ въ станицѣ призывъ недавно былъ, такъ вмѣсто 1800 человѣкъ, какъ полагалось, явилось только 800 . . .

— Какъ? Да неужели же оказалось 1000 дезертировъ по одной только станицѣ? . . . — воскликнулъ я, непріятно пораженный.

— Какіе дезертиры? — съ неудовольствіемъ отозвались казаки. — То молодятина сама, не дожидаясь призыва, до Шкуры тикала . . . Ихъ прямо не удержишь теперь. Урядника всякому сморкатому заслужить охота. А пріѣдетъ съ фронта урядникомъ-то, дивчата и не подходи . . . У насъ теперь по станицамъ только калѣчь одна осталась да самые старики, а то всѣ на фронтѣ . . .

— Да, кубанцы молодцами ведутъ себя . . . — сказалъ я. — Только почему вы это такъ всѣ Шкуро любите? Вѣдь есть у васъ и другіе хорошіе генералы: Покровскій, Врангель . . .

— Со Шкурой веселѣе. Взять того же Покровскаго — молодчага, словъ нѣтъ, ну только онъ ни себя, ни людей не жалѣетъ. Ему ничего не стоитъ бросить въ конной аттакѣ сотни людей на баттареи — положитъ безъ конца, а своего добьется. А Шкуро тотъ больше хитростью норовитъ взять. И истинно чудеса дѣлаетъ! Да и всѣ шкуринцы, вся эта его „Волчья сотня“ такъ же наловчилась дѣло вести. Вотъ недавно брали городокъ одинъ, Славянскъ, кажется. Подходитъ къ нему восемнадцать человѣкъ шкуринцевъ, а тамъ нѣсколько тысячъ съ артиллеріей. Какъ тутъ быть? Наконецъ, надумали: одѣлся одинъ изъ нихъ краснымъ, звѣзду эту въ лобъ приладилъ, на коня и маршъ въ городъ во весь опоръ: „товарищи, спасайтесь: Шкуро идетъ! . . .“ А Шкуро для тѣхъ давно уже вродѣ чорта . . . Какъ ахнутъ

они изъ города кто куда! . . . Пушки побросали, винтовки побросали, на поѣзда лѣзутъ, другъ друга давятъ, а сзади напираютъ все новые: Шкуро идетъ! И городъ чистенькій, всѣ отбыли — тогда вошли и остальные семнадцать человѣкъ и заняли городъ. А потомъ Шкуро и не препятствуетъ поживиться казаку, потому и казакъ этими подлецами коммунистами обобранъ дочиста.

— А вы сами откуда будете? . . . — спросилъ меня одинъ изъ станичниковъ.

— Изъ Москвы . . .

Всѣ заинтересовались: ну, какъ тамъ?

Я сталъ разсказывать. Всѣ сочувственно ахали.

— А вотъ что, ребята, смущаетъ меня, — сказалъ я. — Нашъ народъ, попробовавъ большевиковъ, царя захотѣлъ, а у васъ какъ будто казаки все еще за республику тянутъ. Такъ ли это? . . .

— Да, у насъ какъ будто болтовни такой еще много . . .

— Вотъ и боюсь я, какъ бы у насъ съ вами опять междоусобія не вышло: нашъ народъ будетъ за царя тянуть, а вы за республику. И пойдетъ опять драка . . .

— Ну, есть изъ-за чего! . . . — пренебрежительно махнулъ рукой одинъ изъ казаковъ. — Будя, поиграли! . . .

Возраженій не послѣдовало.

— Вы вотъ лучше скажите намъ, что Москва о казакахъ думаетъ . . . — сказалъ одинъ похозяйственнѣе. — Мы вотъ на счетъ земель нашихъ все опасаемся . . .

— Я думаю, что казаки столько крови своей пролили на войнѣ, что ни одинъ человѣкъ у насъ и голоса не подыметъ, чтобы захватить казачьи земли или нарушить старыя права казацкія. А если бы кто и поднялъ, такъ мы не дадимъ казаковъ въ обиду . . . Это будьте покойны.

— А если такъ, значитъ, впередъ на Москву! . . . — весело сказали казаки. — Москва за насъ, мы — за Москву, по старому, по хорошему . . .

Я жалѣю, что не было тутъ рады по близости послушать эту бесѣду, что вообще она собственныя фантазіи и доклады посылаемыхъ ею агитаторовъ принимала за голосъ народный. Да слава Богу и не вся рада витала въ облакахъ. Около этого времени мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ ея членовъ, эсауломъ Усатовымъ. И подняли мы вопросъ о будущемъ государственномъ устройствѣ Россіи.

— Конечно, большинство изъ насъ республиканцы... — сказалъ эсаулъ. — Но не слѣдуетъ думать, что мы мыслимъ возможнымъ немедленное осуществленіе республики. Пока что мы ограничимся посылкой въ будущій парламентъ депутатовъ-республиканцевъ . . .

— Это съ Богомъ! . . . — сказалъ я. — Если вы увѣрены, что именно такихъ депутатовъ и выберетъ народъ . . . Вы все же должны учитывать такіе факты, какъ недавній станичный сходъ въ Воскресенской подъ Екатеринодаромъ. Да и городскіе выборы по Кавказу говорятъ многое о настроеніи избирателей: ни одного соціалиста, а все собственники, хозяева прошли, люди дѣловые . . .

— Да, это загвоздка порядочная, эти выборы . . . — согласился депутатъ. — А о Воскресенской я ничего не слыхалъ . . .

Я разсказалъ ему о сходѣ станичниковъ. Долго онъ шумѣлъ о томъ и о семъ и никакъ не могъ вылѣзти изъ моря словъ и споровъ. Наконецъ, попросилъ слова одинъ старикъ.

— Мое слово коротко будетъ, станичники . . . — сказалъ онъ. — Пока царя не будетъ, толковъ не будетъ . . . Хозяина выбирать надо! . . .

И вдругъ со всѣхъ сторонъ:

— Вотъ это дѣло! . . . Вотъ старикъ правильно сказалъ . . . Довольно дурака-то валять! . . . Нѣшто домъ безъ хозяина стоять можетъ? . . .

Былъ у насъ въ Геленджикѣ отставной гвардейскій генералъ X., который своимъ генеральскимъ басомъ всюду и вездѣ бубнилъ:

— Чепуха все это . . . Деникинъ — баба, а Добровольческая Армія — банда! Нужна желѣзная дисциплина. Только тогда нашъ „добросовѣстный“ и работаетъ, когда его желѣзной рукой за шиворотъ держатъ. И нечего дурака валять: нужно скорѣе царя ставить!

И замѣчательно было отношеніе поселянъ къ X. — никому такъ, кажется, не вѣрили они, какъ ему. И это было понятно: ежели генералъ шаркаетъ лѣвой ножкой, выговариваетъ разныя демократическія слова, мужикъ не можетъ ему вѣрить, онъ во всемъ этомъ чуетъ какой-то злой подвохъ. А этотъ генералъ говорилъ то, что генералу говорить полагается, — значитъ, парень былъ на совѣсть, безъ лукавства.

X. жилъ на своемъ уединенномъ хуторѣ въ горахъ. Разъ рабочіе у него поздно вечеромъ крѣпко повздорили между собой. На шумъ моментально вылетѣли изъ кустовъ зеленые, — конечно, съ ржавыми винтовками на веревочкахъ.

— Генерала грабятъ? Гдѣ? Кто? . . .

Генералъ выбѣжалъ на шумъ изъ дома. „Зеленыхъ“ успокоили. Генералъ поблагодарилъ ихъ за добрососѣдскія отношенія, предложилъ имъ покурить и вотъ всѣ усѣлись съ цыгарками на бревнышкахъ. И сталъ генералъ ихъ уговаривать: какого чорта они въ горахъ сидятъ — вѣдь когда нибудь придется же вылѣзать изъ кустовъ? Тѣ отвѣчали, что авось скоро подойдутъ красные. Генералъ засмѣялся: Добровольцы были какъ разъ въ апогеѣ своего успѣха, прошли уже за Кіевъ и стояли подъ Саратовомъ, — какіе

же красные? Другому не повѣрили бы, конечно, но Х-у повѣрили.

— Ну, а когда такъ, такъ пусть ужъ лучше ставятъ царя настоящаго, а кадетамъ служить все равно не будемъ!... — рѣшилъ одинъ изъ зеленыхъ и — остальные молчаніемъ одобрили.

Не надо забывать, что на языкѣ народномъ „кадеты“ совсѣмъ не значитъ кадетская партія. Кадеты это „Родзянка, Жучковъ (Гучковъ)“, кадеты это „баринишки“, кадеты это всѣ, кто не народъ. И часто приходилось объ эту пору слышать въ интимныхъ бесѣдахъ съ федеративными, что „не мы вѣдь, а баринишки царя-то предали . . .“

Вотъ еще фактъ. Ѣхалъ я разъ изъ Екатеринодара въ Новороссійскъ. Пожилой казакъ, подвыпивъ, велъ оживленную бесѣду съ пассажирами, рѣзко осуждая прежніе порядки:

— Теперь народъ долженъ поставить царю законъ: бабу бери себѣ изъ русскихъ — довольно этихъ нѣмковъ да французинокъ мы приваживали! . . . Что это за мадель: какъ жениться, такъ за-границу? Или у насъ бабъ настоящихъ нѣту? . . . Только скажи — во какую предоставимъ, ай-люли, малина! . . .

Я попробовалъ осторожно возразить, указать на неудобство для царя родниться со своими подданными.

— Такъ что? . . . И не надо родниться . . . — согласился тотъ. — Мало ли сиротъ круглыхъ на свѣтѣ, а особенно теперь, послѣ войны да большевиковъ проклятыхъ? Такую-то кралю разъищемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. А нѣмокъ или тамъ французинокъ какихъ не надо! Свои есть . . .

Но вожди интеллигенціи пребывали въ значительной степени по прежнему „въ эмпиреяхъ“. Какъ-то разъ около этого времени попалъ я, не помню, зачѣмъ, въ какой-то

„центръ“ — не то національный, не то еще какой-то, одинъ изъ тѣхъ центровъ, которымъ такъ хотѣлось подмѣнить собой огромный, мятущійся народъ. Тамъ среди лихорадочной стукотни машинокъ, на спѣхъ, пришлось мнѣ обмѣняться мнѣніями съ двумя изъ представителей этого центра, съ кн. П. Д. Долгоруковымъ и г. Юреневымъ, который носилъ брюки все еще „взаправку“, а-ля народникъ.

— Какая тамъ монархія въ народѣ! . . . — съ неудовольствіемъ отмахнулся князь, кося своимъ глазомъ. — Еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ мой староста говорилъ мнѣ, что царь долженъ быть выборный . . .

— Это не аргументъ, князь . . . — отвѣчалъ я. — Потому что нашъ волостной старшина совсѣмъ недавно говорилъ мнѣ, что безъ хорошаго хозяина съ добрымъ кулакомъ — домъ сирота. И всѣ наши владимірцы склонны такъ думать.

— Владимірцы . . . — вмѣшался съ еще большимъ неудовольствіемъ Юреневъ. — А новгородцы изстари были и остались республиканцами.

Я хотѣлъ-было возразить, что новгородцы всегда были и остались большими озорниками, но сознательнаго республиканизма въ нихъ и слѣда нѣтъ, но мнѣ показалось, что говорить здѣсь, въ эмпиреяхъ, объ этомъ пока безплодно: жизнь приведетъ и князей-республиканцевъ въ свое время туда, куда нужно.

Съ фронта приходили съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе радостныя извѣстія . . .

XXIV.

Когда я послѣдній разъ ѣхалъ изъ Ростова, большевики были въ апогеѣ своего успѣха: нашъ поѣздъ шелъ всего въ какихъ-нибудь тридцати верстахъ отъ ихъ передовыхъ линій у Степной. Но снова подъ вліяніемъ владычества пьяныхъ комиссаровъ, на Дону произошелъ переломъ, а тутъ

еще первые танки прошли на фронтъ и положеніе разомъ измѣнилось: неудержимой лавиной двинулась вдругъ Добровольческая Армія впередъ. Начиная съ Торговой, которую заняли было большевики, угрожая снова Кубани, П. Н. Врангель стремительно погналъ ихъ къ Царицыну, забирая каждый день тысячи плѣнныхъ, десятки орудій, сотни пулеметовъ и безконечные склады и обозы. То же приблизительно происходило и на западномъ фронтѣ, гдѣ одинъ городъ сдавался за другимъ и обыватель не успѣвалъ отмѣчать на картѣ булавочками успѣхи Арміи. Но на востокѣ, гдѣ предъ бойцами были раскаленныя безводныя калмыцкія степи, дѣло ея было безконечно труднѣе. Однако, и тамъ она справлялась съ этими огромными трудностями и доблесть этого огневого похода немногимъ развѣ уступала героизму стараго Ледяного похода. Имена генераловъ Улагая, Покровскаго, а въ особенности вождя, П. Н. Врангеля, у всѣхъ были на устахъ.

Вотъ на восточномъ фронтѣ пала опора большевиковъ на Волгѣ Царицынъ, а на западѣ разъ за разомъ были взяты Харьковъ, который защищалъ лохматый и наивный Юрочка Саблинъ, и Екатеринославъ, гдѣ рабочіе къ приходу Арміи уже сами развѣшали звѣрей-комиссаровъ по телеграфнымъ столбамъ, и Полтава. Что-то торжественное, напоминающее 1812 г., чуялось въ воздухѣ. Невѣроятными восторгами встрѣчали освобожденные города приходъ „деникинцевъ", а когда самъ Главнокомандующій пріѣхалъ въ освобожденный „Красный Харьковъ", ему была устроена прямо царская встрѣча: еще за пять верстъ отъ города поѣздъ его былъ встрѣченъ тысячными толпами народа, въ которыхъ преобладали рабочіе, и, окруженный со всѣхъ сторонъ этими толпами, тихо двигался къ городу и со всѣхъ сторонъ летѣли въ него цвѣты и „ура", не переставая, перекатывалось вдоль путей. Добровольцы, вошедшіе въ городъ въ нѣсколько минутъ превратились въ какія-то живыя корзины цвѣтовъ: сверху

цвѣты и улыбающаяся голова, снизу ноги, вотъ и весь воинъ. Люди становились на колѣни, люди плакали навзрыдъ на улицахъ, люди цѣловали руки и шинели добровольцевъ . . .

И немудрено: не говоря уже о страшномъ голодѣ и холодѣ, о полномъ развалѣ всей хозяйственной жизни страны грабителями-„коммунистами" — которые, повторяю еще и еще, отъ коммунизма взяли только названіе — надо было видѣть ужасы ихъ проклятыхъ застѣнковъ, гдѣ сотни и сотни, большею частью, ни въ чемъ неповинныхъ людей были преданы самымъ невѣроятнымъ мукамъ. Узникамъ снимали съ рукъ кожу и мышцы, все, до самыхъ костей — это называлось на коммунистическомъ языкѣ „снимать перчатки", — людямъ откручивали ступни ногъ, вращая ихъ до тѣхъ поръ, пока не отмочаливалось все, людямъ выкалывали глаза, людей зарывали живьемъ въ могилы, людей кормили сырыми человѣческими мозгами! А о разстрѣлахъ и говорить нечего: это была легчайшая изъ смертей. Женщины, дѣти, старики, безусые юноши, профессора, студенты, священники, купцы и даже рабочіе, не говоря уже о крестьянахъ, — никто не избѣгъ кровавой участи этой, никто не могъ считать себя застрахованнымъ отъ этой толпы звѣрей, часто опредѣленныхъ садистовъ . . . Настроеніе въ освобожденныхъ городахъ было таково, что В. Н. Челищевъ не могъ сразу наладить жизнь Харьковскаго окружного суда и палаты: судебные слѣдователи и прокуроры схватили винтовки и бросились на фронтъ вслѣдъ за убѣгающими красными . . . А тѣ, что остались, были безъ силъ. Командированный въ Харьковъ сенаторъ Б. Н. Смиттенъ, бывшій прокуроръ харьковскій, встрѣтилъ на улицѣ едва живого курьера своего:

— Ну, что, старикъ? . . . Скоро опять служить будемъ? . . .

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство . . . — загробнымъ, равнодушнымъ голосомъ отвѣчалъ несчастный. — Разрѣшите отдохнуть. На той недѣлѣ послѣдняго ребенка

хоронилъ, всѣ отъ голода умерли, а самъ ѣлъ послѣдній разъ третьяго дня . . . Силъ нѣтъ . . . Разрѣшите отдохнуть . . .

И все это съ полнымъ равнодушіемъ въ тускломъ голосѣ и въ омертвѣвшихъ глазахъ — точно выходецъ какой съ того свѣта . . .

А у красныхъ все разваливалось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе — извѣстія объ этомъ не были уже извѣстнымъ агитаціоннымъ пріемомъ для поднятія духа, свѣдѣнія объ этомъ шли со всѣхъ сторонъ. Полки ихъ разлагались и часто въ полномъ составѣ переходили на эту сторону. Во всякомъ случаѣ за послѣднюю операцію плѣнные ихъ насчитывались уже десятками тысячъ. Добыча, брошенная ими, не поддавалась уже никакому учету. Одно время красные отбили слабо защищенный деникинцами Екатеринославъ, и заняли его на нѣсколько часовъ. Въ городѣ было сосредоточено нѣсколько тысячъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Когда красные были снова выбиты изъ города и отброшены на нѣсколько десятковъ верстъ, обнаружилось, что ни одинъ изъ плѣнныхъ за своими товарищами не послѣдовалъ, хотя имѣлъ къ тому полную возможность: всѣ были сыты! Тѣ плѣнные, которыхъ я видѣлъ объ эту пору въ Новороссійскѣ, жалкіе, голодные, оборванные до послѣдней степени, уже пѣли по вечерамъ обычныя молитвы, а на ученіи, подъ звуки старыхъ солдатскихъ пѣсенъ, маршировали еще босыми такъ, какъ и при царяхъ не маршировали, говорили, смѣясь, новороссійцы.

Настроеніе въ Ставкѣ было бодрое и рѣшительное и вопли всякихъ самостійниковъ замѣтно стихали въ широкомъ патріотическомъ воодушевленіи, охватившемъ Армію, получившую, наконецъ, приказъ готовиться къ походу на Москву. Въ тылу шумѣли грузины и Азербейджанъ, но опасеній этотъ шумъ не внушалъ никакихъ: всѣмъ былъ извѣстенъ фактъ, какъ въ Сочи двѣ сотни пластуновъ кубанцевъ гнали десятисячный отрядъ грузинъ. Въ Грузіи — это было для всѣхъ

совершенно ясно — между народомъ, ничего противъ полнаго слiянiя съ нацiональной, не красной Россiей не имѣвшимъ, и такъ называемымъ правительствомъ была глубочайшая пропасть лжи, точно такая же, какъ и въ центральной Россiи, гдѣ насквозь буржуазное крестьянское царство возглавляла кучка „коммунистовъ“. Не страшны были въ военномъ смыслѣ и тѣ банды „зеленыхъ“, т. е. дезертировъ, которые скапливались въ тылу, въ неприступныхъ горахъ. Правда, къ нимъ, несомнѣнно, пробрались уже большевистскiе агенты, которые и использовали ихъ для своихъ цѣлей, инсценируя разныя безсмысленныя выступленiя, вродѣ захвата какого-нибудь села на нѣсколько часовъ, и разстраивая жизнь тыла и безъ того очень разстроенную. Перепуганные поселяне бросали насиженныя гнѣзда и со всѣмъ своимъ скарбомъ устремлялись въ города. Въ Черноморской губернiи были заброшены такимъ образомъ всѣ культурныя хозяйства, тысячи десятинъ виноградниковъ, огородовъ, садовъ, посѣвовъ: по ночамъ являлись шайки грабителей и грабили одинокiе хутора и усадьбы и иногда брали заложниковъ, чтобы потомъ получить съ нихъ выкупъ. Зеленые пытались мѣстами выдать себя за партiйныхъ работниковъ, но это, конечно, было только красивой позой: большинство изъ нихъ просто дезертиры, меньшинство просто уголовный элементъ и на все это — нѣсколько агитаторовъ-большевиковъ, стремящихся создать въ тылу Армiи тѣмъ больше затрудненiй, чѣмъ блистательнѣе были успѣхи ея на фронтѣ.

Дѣло спасенiя Россiи, если о немъ судить только по успѣхамъ генерала А. И. Деникина, быстро крѣпло, несмотря даже на глубокiй отходъ войскъ адмирала А. В. Колчака, о дѣлахъ котораго здѣсь ничего точнаго, въ сущности, не знали. Только все слухи одни ходили, противорѣчивые и часто нелѣпые, на которыхъ нельзя было строить ничего. Но раздражало постоянное вмѣшательство союзниковъ въ наши внутреннiя дѣла, это нестерпимое желанiе указывать намъ тотъ путь, по кото-

рому мы, по ихъ мнѣнію, должны были пойти. Нужно ли намъ Учредительное собраніе и, если нужно, то какое, какія реформы назрѣли у насъ и съ какими можно подождать, все это, казалось, ближе намъ, и извѣстнѣе.

Мы желаемъ остаться у себя полноправными хозяевами. Мы раздѣлились на враждебные лагери внутри страны. Ну, такъ что же, пусть одни выбираютъ себѣ среди насъ однихъ союзниковъ, другіе — другихъ, а какихъ выбрать, это должна подсказать государственная мудрость каждаго народа, его способность читать въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, вполнѣ правъ, по моему мнѣнію, горячій патріотъ В. М. Пуришкевичъ, который въ своемъ открытомъ письмѣ къ королю румынскому, заявилъ, что сойти со сцены такъ, здорово живешь, 150,000.000 русскихъ людей не могутъ, что они жить будутъ и что недалекъ тотъ часъ, когда съ ними придется опять считаться очень и очень — такъ вотъ, что скажетъ тогда его величество по поводу захвата Бессарабіи? И точно такъ же правъ другой горячій же русскій патріотъ, который не такъ давно въ частной бесѣдѣ кричалъ:

— Они заставляютъ насъ платить теперь одинадцать рублей за франкъ, — прекрасно, но попомните мое слово, мы еще увидимъ то время, когда за рубль будутъ давать одинадцать франковъ и мы еще будемъ думать, взять намъ или нѣтъ. Не забывайте: насъ много и у насъ всего много. За нашимъ рублемъ, сколько бы ихъ ни напечатали мы сдуру, все же есть Сибирь, Уралъ, Печорскій край, Кавказъ, безграничные лѣса, неисчерпаемыя запасы нефти, россыпи золота, колоссальные залежи руды, а за ихъ франкомъ что есть въ концѣ концовъ? . . .

Эти рѣчи уже слышались въ оскорбленной Россіи и съ ними надо считаться всякому, кто думаетъ не о сегодняшнемъ только днѣ, а и о завтрашнемъ . . .

Какъ то разъ пришлось мнѣ говорить на темы дня съ однимъ хитроумнымъ греческимъ Улиссомъ. Онъ любилъ Россію, какъ многіе греки почему-то дѣйствительно, а не на словахъ, любятъ насъ во всей нашей нелѣпости и нищетѣ теперешней.

— Ваша революція! . . . — сказалъ онъ. — Да вы до сихъ поръ не поняли, отчего ваша революція произошла . . . Единственная причина ея — съ жиру вы сбѣсились . . .

Я выразилъ удивленіе: это объясненіе слишкомъ ужъ просто.

— Просто? — повторилъ на своемъ курьезномъ русскомъ языкѣ мой Улиссъ. — Просто да вѣрно. Посмотрѣли бы вы какъ живетъ нашъ греческій народъ: кусочекъ немудренаго хлѣба, пара маслинъ, глотокъ вина, вотъ и все. А вы, чего у васъ не было, чего? . . . Я пріѣхалъ къ вамъ сюда, такъ удивился: жретъ рабочій колбасу, булку бѣлую пшеничную, водки пьетъ сколько влѣзетъ да еще и жалуется, мерзавецъ, все ему еще мало. Нѣтъ, ты влѣзъ бы вотъ хоть на недѣлю въ шкуру нашего рабочаго или крестьянина, тогда бы ты узналъ, что такое нужда . . . Зажрались, на стѣну съ жиру полѣзли, вотъ и вся ваша революція . . . — сердито заключилъ онъ. — Ну, теперь, по крайней мѣрѣ, вы будете знать, какъ дѣлать революціи и къ чему это приводитъ! . . .

Онъ, конечно, не правъ, мой собесѣдникъ, но правъ онъ несомнѣнно въ одномъ: жиру у насъ было довольно встарь, довольно осталось его и на будущіе годы и потому съ нами надо считаться теперь же.

Тамъ слишкомъ ослѣплены были еще своими побѣдами и своимъ величіемъ и, видимо, не совсѣмъ отдавали себѣ отчетъ въ положеніи, — маленькое доказательство этому имѣлъ я въ бесѣдѣ съ адмираломъ Бубновымъ, который только что вернулся изъ Парижа и съ которымъ встрѣтился я у помощника Главнокомандующаго, генерала А. С. Лукомскаго за вечернимъ чаемъ.

Адмиралъ Бубновъ, маленькій плечистый человѣкъ, съ бритымъ по новой модѣ лицомъ, одѣтый въ штатскій костюмъ, разсказывалъ, какъ неожиданны были для Франціи одесско-крымскія событія.

— Я совсѣмъ собрался уже домой и мнѣ надо было сдѣлать прощальный визитъ фельдмаршалу Фошу, человѣку, предъ именемъ котораго теперь во Франціи склоняется все... — разсказывалъ онъ. — И въ бесѣдѣ съ нимъ я коснулся роли Франціи въ южной Россіи и между прочимъ самымъ осторожнымъ образомъ спросилъ: „да надежны ли ваши войска тамъ, фельдмаршалъ?“ Тотъ первое мгновеніе только отшатнулся отъ меня и долго молча смотрѣлъ на меня округлившимися глазами, а потомъ только выговорилъ: „все, что могу я сказать вамъ, адмиралъ, это что вы — сумасшедшій!...“ Да, и тѣмъ не менѣе, когда мы были уже въ пути, мы получили радіо о сдачѣ Одессы...

И, слушая все это и зная, кто представляетъ нашу несчастную мужицкую Россію за-границей, я все болѣе и болѣе упорно думалъ о томъ, что мнѣ надо ѣхать за-границу, чтобы разсказать тамъ, что у насъ происходитъ въ дѣйствительности. Я — сынъ мужика, я — лѣвый писатель въ теченіе больше двадцати лѣтъ, человѣкъ ничѣмъ своей общественной репутаціи не запятнавшій, я, слѣдовательно, не менѣе, чѣмъ всякій другой, имѣю право выступить тамъ, какъ представитель русской демократіи. Я, какъ демократъ самъ, совсѣмъ не думаю, чтобы демократія въ новой Россіи была сведена на нѣтъ, — отъ этого я далекъ, потому что и я, демократъ, желаю сказать свое слово, но я хочу, что бы демократія допускалась къ дѣлу только съ очень большимъ разборомъ, ибо есть демократія и демократія. И Маруся Спиридонова демократія, но мѣсто ей все же въ санаторіи, а не въ Учредительномъ собраніи великой страны, и пьяные матросы, потопившіе свой флотъ, то же демократія, но мѣсто имъ въ ка-

торжныхъ работахъ и на висѣлицѣ, и г. Керенскій демократія, но послѣ его бѣгства изъ Россіи ему лучше остаться, конечно, тамъ, гдѣ онъ сидитъ, и безграмотный мужикъ, вѣрящій въ анчутку, демократія, но ему надо сперва выучиться грамотѣ. Демократія должна сказать свое вѣское слово, но вѣсъ этого слова долженъ опредѣляться не степенью безграмотности, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, не отсутствіемъ носоваго платка и даже панталонъ запасныхъ, а можетъ быть, какъ разъ обратнымъ путемъ . . . А кромѣ того, хотѣлось очень мнѣ напечатать, наконецъ, заграницей всѣ свои книги — ихъ въ продажѣ не было уже ни одной . . .

И я подалъ чрезъ генерала А. С. Лукомскаго докладную записку Главнокомандующему, прося его разрѣшить мнѣ съѣздить за-границу.

XXV.

. . . .
. . . .
. . . .

XXVI.

Мнѣ часто приходилось теперь бывать въ Екатеринодарѣ и Новороссійскѣ — докладная записка моя была принята Главнокомандующимъ очень сочувственно и меня вызвали туда для переговоровъ и для совершенія необходимыхъ формальностей. Семью я хотѣлъ взять съ собой, чтобы, пока я буду дѣлать свое дѣло, дѣтишки учились бы, а жена отдыхала. Она очень устала отъ жизни и ничего такъ не хотѣла, какъ почти недостижимаго въ наши дни покоя.

Сухумское шоссе для проѣзда было теперь очень опасно — „зеленые“ грабили, — и потому приходилось ѣздить моремъ, большею частью, съ турками-рыбаками, кото-

рые съ окончаніемъ войны снова вернулись на свои насиженныя мѣста на нашихъ берегахъ.

И вотъ разъ, когда я послѣ утомительнаго и бурнаго перехода моремъ подъѣхалъ, наконецъ, къ берегу и спрыгнулъ на хрустящую гальку, изъ толпы широчамъ, слѣдившихъ съ берега за борьбой баркаса съ волнами и вѣтромъ, кто-то бросилъ мнѣ:

— У васъ дома неблагополучно . . .

— Что такое? — сразу встревожился я.

— Тяжело заболѣла дочка . . . Младшая . . .

Бросивъ багажъ у школы, я, задыхаясь отъ бѣга въ крутую гору, быстро направился домой. И какъ только отворилъ я дверь, жена съ плачемъ бросилась мнѣ на шею, а тутъ же въ тѣсной мазанкѣ нашей, на той самой кровати, на которой скончалась Мирочка, лежала въ тяжеломъ безпамятствѣ маленькая, какъ Мируша, и такъ похожая на нее, Вѣрочка.

— Что съ ней? . . .

— Не знаю . . . не можемъ опредѣлить . . . Но, кажется, менингитъ . . . Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что что-то мозговое.

И, часъ за часомъ, потекли съ ужасающей медленностью невыносимые въ своей мукѣ черные дни. Вѣрочка совсѣмъ не приходила въ себя и часто мучительно стонала. Иногда страшная судорога сводила это крошечное милое тѣльце и личико искажалось въ нестерпимой мукѣ. Приглашенный фельдшеръ сосѣдъ подтвердилъ діагнозъ жены: сомнѣній не было и — погасла послѣдняя надежда. Менингитъ это значитъ въ лучшемъ случаѣ смерть, а въ худшемъ или сумасшествіе или идіотизмъ. И стоило подумать объ этомъ, какъ въ головѣ поднималась муть безумія и душа холодѣла отъ ужаса и состраданія: какъ, это миленькое, прелестное созданіе, такое умненькое, такое очаровательное, будетъ, можетъ

быть, страшнымъ идіотомъ со слюнявымъ ртомъ и безсмысленными глазами?! Гдѣ же божеское милосердіе, гдѣ справедливость? . . .

Жена изнемогала, а я почти не могъ помочь ей у кроватки умирающаго ребенка — и потому, что вообще мы, мужчины, какъ то не умѣемъ браться за больного и просто потому, что я рѣшительно не могъ выносить этой казни, и я настаивалъ, чтобы взять сидѣлку, которой все же было бы легче переносить видъ истязуемаго ребеночка: для нея онъ все же былъ-бы чужой . . .

И бѣдной дѣвочкѣ становилось все хуже и хуже. Спинка ея была выгнута дугой въ неотпускающей ее судорогѣ, глазки скошены въ бокъ, шейка не ворочалась, закаменѣвъ въ страшномъ напряженіи. И почти невозможно было дать ей хотя бы ложечку молока: такъ стиснуты были зубки. А потомъ она и глотать перестала . . .

И вотъ разъ ночью, когда я забылся въ черномъ снѣ отчаянія и безсилія, жена вдругъ будитъ меня:

— Она умираетъ . . . — говоритъ она, плача. — Посмотри, она уже обираетъ себя . . .

И дѣйствительно, бѣдная крошка въ забытьи слабыми, исхудавшими ручками какъ бы ловила на себѣ что-то невидимое и тонкое и сбрасывала съ себя. Но я не желалъ поддаться очевидному, я въ глубинѣ души все надѣялся на чудо — на что же тутъ еще надѣяться! — и только разсердился на жену: совсѣмъ не „обираетъ“ — это просто въ тоскѣ она не знаетъ, какъ и куда положить ручки . . .

— Но посмотри: у нея уже холодѣютъ ножки! . . .

— И совсѣмъ не холодѣютъ . . . Это только такъ кажется . . . Не торопись хоронить — всегда успѣешь . . .

Но тяжкія рыданья рвались изъ моей груди и въ невыносимой тоскѣ я не находилъ себѣ мѣста. Ну, взять, такъ бери — зачѣмъ же еще издѣваться-то? . . . Но никто ни-

какихъ объясненій не давалъ и мучилъ ребеночка на нашихъ глазахъ безъ конца . . .

П. А. Дьячковъ, нашъ сосѣдъ —, онъ раньше служилъ фельдшеромъ въ императорскомъ поѣздѣ — усиленно настаивалъ на слабительномъ и на клизмахъ. Я совсѣмъ не вѣрилъ въ это — смерть резиновымъ шарикомъ не запугаешь — но все же настаивалъ, чтобы все неуклонно и добросовѣстно дѣлалось. Прежде всего суета эта помогала намъ, остающимся, забыться немного: надо принести ванночку, надо приготовить теплой воды для клизмы, надо перемѣнить компрессъ на головкѣ и, пока все это дѣлаешь, смерти, а часто и мученій этихъ, не видишь.

Ночь прошла. Развязки не было ни въ ту, ни въ другую сторону. Ножки опять согрѣлись немножко, ручки прекратили свое страшное движеніе, она проглотила нѣсколько ложечекъ молока. Но я не поддавался: точно также незадолго передъ смертью Мирочка пришла въ себя и слабымъ голоскомъ даже говорила со мной немножко — точно для того, чтобы проститься навсегда . . .

И вдругъ спинка какъ-будто ослабѣла въ своемъ страшномъ напряженіи, какъ будто стала она глотать полегче, какъ будто, неуловимо, стало ей вообще чуть полегче — все „какъ будто“ только, все нерѣшительно, все обманно, можетъ быть, только для того, чтобы, давъ минутку понадѣяться, потомъ снова предать пыткѣ и ее, и тебя — ее, совсѣмъ не сознающую, что съ ней дѣлаютъ, и тебя, все сознающаго съ невѣроятной жестокостью . . .

И вдругъ прибѣгаютъ ко мнѣ двое сосѣдей, встревоженные до послѣдней степени.

— Бѣда: Уланку заняли большевики! . . .

Уланка — или иначе Архипоосиповка — это большая станица верстахъ въ двѣнадцати отъ насъ.

— Говорятъ, до сорока тысячъ, съ артиллеріей, обозами, все какъ слѣдуетъ. Намъ съ вами надо немедленно бѣжать въ горы . . .

Нелѣпость сообщенія бросалась въ глаза.

— Позвольте, Василій Григорьевичъ, давайте сядемъ, успокоимся и обсудимъ дѣло хладнокровно . . . — сказалъ я. — Садитесь, о. Николай . . . Сорока тысячъ быть, конечно, не можетъ, такъ какъ имъ просто-на-просто не откуда взяться. Не съ неба же они упали. А продвиженіе такого отряда не могло остаться незамѣченнымъ, если бы онъ даже гдѣ и сформировался . . . Это явный вздоръ . . .

— Но оттуда прибѣжалъ Алешка къ о. Николаю вотъ. Большевики убили тамъ священника и его зовутъ на панихиду. Алешка самъ видѣлъ, своими глазами . . .

— Этого быть не можетъ. Сорокатысячный корпусъ растянется по шоссе на десять верстъ. Это абсурдъ . . . И во всякомъ случаѣ я отъ умирающаго ребенка въ горы и никуда не побѣгу . . . А вотъ, если хотите, пройдемте вмѣстѣ на развѣдку, узнаемъ все точно, какъ и что . . .

Мы пошли и подъ „Криницей" встрѣчаемъ нашего поселянина Тараса на лошадяхъ. Мы спросили его о новостяхъ. Онъ сказалъ, что въ Береговой все тихо, а вотъ изъ Уланки вѣсти нехорошія: спустились, будто бы, изъ горъ зеленые и возстановили въ станицѣ совѣтскую власть.

— А сколько ихъ?

— Говорятъ, много . . .

— Ну, а сколько много? . . .

— Да человѣкъ сорокъ будетъ . . .

— Ну, что вы на это скажете? — обратился я къ моему спутнику.

Тотъ сконфуженно молчалъ.

— Въ концѣ концовъ это все равно . . . — сказалъ онъ. — И сорокъ человѣкъ дѣловъ тутъ, въ глуши, понадѣлать могутъ довольно . . .

Онъ имѣлъ право быть испуганнымъ: въ спинѣ у него уже сидѣлъ зарядъ дроби, пущенный дезертирами, а работникъ его былъ убитъ на глазахъ его дѣтей и жены выстрѣломъ изъ револьвера въ голову.

Положеніе было, дѣйствительно, тяжелое. Надо бы уѣхать, но какъ везти Вѣрочку? Ее даже въ ванночку было трудно перекладывать . . . И рѣшили: будь что будетъ . . . Жена тоже настаивала, чтобы я скрылся куда-нибудь, но я отклонилъ это.

И опять потянулись тревожные черные часы.

И вдругъ ночью, часовъ одиннадцать, въ нашу дверь раздается страшный стукъ. Я вскочилъ:

— Кто тамъ?

— Зеленая армія. Товарищъ Наживинъ, отворите! . . .

— Что вамъ надо?

— Оружія. Отворите! А то стрѣлять будемъ . . .

— Оружія у меня нѣтъ.

— Отворяйте! . . .

И въ дверь снова раздался страшный стукъ. Испугъ могъ отозваться на Вѣрочкѣ очень тяжело. Я отворилъ дверь. Предо мной вырисовались въ темнотѣ фигуры трехъ оборванцевъ съ винтовками за плечами.

— Оружія у меня нѣтъ никакого.

— Смотрите, если найдемъ, то будете строго отвѣчать . . .

— Хорошо. Только я прошу отложить обыскъ до утра — у меня очень тяжело боленъ ребенокъ и вы можете перепугать его . . .

— А, если боленъ ребенокъ, то мы васъ не потревожимъ . . .

— Спасибо. А сколько васъ тутъ?

— Сорокъ человѣкъ. Мы только что взяли Уланку и продвигаемся впередъ.

— Такъ, пожалуйста, скажите и вашимъ товарищамъ, чтобы до утра насъ не тревожили. Утромъ сдѣлаете все, что нужно . . .

— Не безпокойтесь, спите спокойно, никто васъ не тронетъ . . . До свиданья!

И, пожавъ мнѣ очень дружелюбно и очень поспѣшно руку, гости мои ушли. Мы были очень перепуганы, но еще болѣе перепуганы, кажется, были они. И такъ какъ я имъ ничего не сдѣлалъ, то, видимо, они испытывали ко мнѣ чувство благодарности.

На утро выяснилось, что никакихъ сорока человѣкъ тутъ не было, а что всѣхъ сосѣдей поочереди обошли такимъ образомъ тотъ Алешка, который принесъ извѣстіе о сорокатысячномъ корпусѣ, и еще двое мѣстныхъ лоботрясовъ-парней. Добычи всей съ поселка они забрали: старое ружье Винчестера безъ затвора и старую генеральскую шпагу, которой можно было въ печкѣ мѣшать, а утромъ съ перепугу передъ содѣяннымъ скрылись куда-то!

Запуганный „зелеными“ урядникъ не рѣшился предпринять у насъ какихъ либо мѣръ, а затѣмъ вскорѣ въ Уланку пришла карательная экспедиція и при ея приближеніи „зеленые“, не принимая боя, ушли въ горы. Результатомъ посѣщенія ихъ было нѣсколько труповъ въ Уланкѣ и ограбленіе нѣсколькихъ домовъ: надо же чѣмъ нибудь кормиться въ горахъ! . . . Бѣдные, темные люди совершенно, видимо, не понимали, что и зачѣмъ они дѣлаютъ . . . Но вся хозяйственная жизнь округи быстро разрушалась. Извѣстное сухумское шоссе фактически перестало существовать, такъ какъ почти никто не рѣшался ѣздить по немъ даже днемъ. Грабили не только „чистую публику“, но даже несчастныхъ

грековъ-колонистовъ, только тяжелымъ трудомъ поддерживающихъ свое существованіе . . .

Я поѣхалъ въ Новороссійскъ: и Вѣрочкѣ надо было привезти лѣкарствъ, и другія неотложныя дѣла были, съ деньгами. И каждый день почти приходили туда радостныя телеграммы: лучше . . . лучше . . . И когда я вскорѣ вернулся домой, Вѣруша уже, видимо, стала выздоравливать. При этой болѣзни признаки эти рѣшительно ничего не стоили, потому что каждую минуту могло начаться все съизнова, но пока что дѣло шло на поправку. Дѣвочка уже узнавала меня и слабымъ голоскомъ сказала мнѣ о Люсѣ:

— Тамъ стаканчикъ держитъ . . .

Это были ея первыя слова ко мнѣ. И какъ нѣжны, какъ трогательны были ея первыя попытки улыбнуться! И разъ, когда я сидѣлъ съ кѣмъ-то изъ сосѣдей на терасскѣ, она прислала мнѣ подарокъ: грибокъ-мухоморъ изъ папье-маше и попугайчика изъ позолоченной бумаги.

И потихоньку, медленно началось выздоровленіе: поигралъ кто то со мной, какъ кошка съ мышью, и рѣшилъ дать передышку.

Жить здѣсь становилось невозможнымъ, ѣздить сюда къ семьѣ было страшно дорого да и не всегда море было ласково и безопасно для утлой лодченки, на которой я совершалъ эти сорокаверстные переходы до Геленджика, и я рѣшилъ перевезти всѣхъ ихъ въ Геленджикъ пока, гдѣ было и безопаснѣе, и ближе онъ былъ ко всѣмъ моимъ дѣламъ. А потомъ, можетъ быть, переѣдемъ мы и въ Ставрополь, гдѣ было сытнѣе, спокойнѣе и значительно дешевле и гдѣ мнѣ предлагали на хорошихъ условіяхъ мѣсто редактора газеты; отъѣздъ за-границу затягивался . . .

Часовъ въ семь вечера на моторномъ катерѣ выѣхалъ я за семьей изъ Геленджика и около полуночи прибылъ въ Широкую. Тотчасъ же перевезли мы на катеръ вещи,

подняли и одѣли ребятокъ, а въ три часа ночи, на свѣтку, погрузились сами и понеслись по слегка волнующемуся морю. Ребятишки сперва во всѣ глаза смотрѣли на невиданную ими картину ночного моря, но слегка качало, они улеглись и мирно уснули. Погода была неувѣренная и я тревожился, какъ бы не захватила насъ въ пути буря; да и черные пустынные берега, мимо которыхъ мы проходили, смотрѣли такъ зловѣще. Но все кончилось, слава Богу, благополучно и мы уже свѣтлымъ утромъ выгрузились въ Геленджикѣ . . .

А тамъ. сзади, становилось все тревожнѣе и тревожнѣе. И вотъ, наконецъ, разъ, когда я шелъ Геленджикомъ, навстрѣчу мнѣ буквально бросилось нѣсколько широчанъ: то были новые бѣженцы изъ Широкой. Туда явился отрядъ „зеленыхъ", долго обстрѣливалъ дачу доктора Дробнаго, у остальныхъ забралъ у кого скотъ, у кого одежду, у кого деньги и золотыя вещи, у кого медъ и другое продовольствіе и со всѣмъ этимъ добромъ удалился снова въ неприступныя горы. И разсказали мнѣ широчане, что тотъ Алешка, который принесъ намъ въ Широкую вѣсть о появленіи сорокатысячнаго корпуса и который потомъ ночью произвелъ у всѣхъ обыскъ, былъ уличенъ „зелеными" въ какой-то грязной исторіи и разстрѣлянъ. Трупъ его валялся въ канавѣ при дорогѣ.

Сумасшествіе продолжалось. „Зеленые" крѣпли въ горахъ и становились все болѣе и болѣе смѣлыми. Нападенія ихъ на окрестные хутора и селенія все учащались. Было нѣсколько дерзкихъ ограбленій и въ Геленджикѣ. Всѣ попытки изловить ихъ не приводили ни къ чему: отряды несли потери убитыми и ранеными, а врага и въ глаза не видали — онъ прятался въ непроходимыхъ горныхъ дебряхъ. Положеніе становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе серьезнымъ . . .

...И вотъ я дописываю эти послѣднія строчки и подбѣгаетъ ко мнѣ совсѣмъ выздоровѣвшая Вѣрочка — чудо свершилось-таки!... — и сообщаетъ мнѣ послѣднюю новость:

— Папъ, а у киски два зуба большихъ, а остальные ма-аленькіе, ма-аленькіе...

И я, растроганный, цѣлую ее и въ ней далекое дѣтство мое, и всю мою жизнь, и всю жизнь человѣческую...

XXVII.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается!... При полномъ сочувствіи всякихъ министерствъ, при всякомъ покровительствѣ власти дѣло о моей заграничной поѣздкѣ шло, однако, въ высшей степени туго: административный аппаратъ упорно не налаживался. Такъ въ хлопотахъ прошло еще мѣсяца два и только въ Августѣ, когда Особое Совѣщаніе вслѣдъ за продвигающейся Арміей перешло въ Ростовъ, получилъ я все, что было нужно. Но за эти мѣсяцы нашъ рубль такъ упалъ, что моихъ средствъ опредѣленно не хватало теперь, а въ особенности, если взять туда съ собой семью, — оставлять ее на долгое время въ такой обстановкѣ очень не хотѣлось.

Приходилось искать другихъ способовъ къ выѣзду заграницу. Я и прив.-доц. Московскаго университета Ю. А. Бѣлоголовый рѣшили въ концѣ концовъ организовать тамъ печатаніе русскихъ учебниковъ — въ нихъ къ этому времени, какъ и во всемъ, впрочемъ, начиналъ чувствоваться рѣзкій недостатокъ: плохенькая потрепанная ариѳметика какая-нибудь „котировалась" теперь на рынкѣ въ 150 р., извѣстная физика Краевича къ зимѣ 1919 стоила уже до 2500 р., а за какіе-то учебники по механикѣ Бѣлоголовому профессора кубанскаго политехникума предлагали по 5000 р! И никакой возможности наладить это дѣло дома, въ Россіи, не было: не хватало

типографій, нѣтъ бумаги, нѣтъ цинка для клише, нѣтъ красокъ, нѣтъ картона для переплетовъ. Мы обратились съ соотвѣтствующимъ прошеніемъ въ министерство торговли и промышленности, прося дать намъ разрѣшеніе на вывозъ заграницу какихъ-нибудь товаровъ для полученія валюты, и опять получилась та же картина: сочувствуютъ рѣшительно всѣ — и министерство народнаго просвѣщенія, и министерство торговли и промышленности, ничего не имѣетъ противъ и экспортная комиссія, всѣ . . . — всѣ даже какъ будто помогаютъ, но вотъ скоро уже полгода, какъ идетъ все это дѣло, а толка никакого нѣтъ! Машина упорно отказывается работать, несмотря на грозно растущую въ странѣ разруху. Жуткое сознаніе, что всѣ мы идемъ къ какой-то пропасти есть у всѣхъ, кажется, но поправиться, стряхнуть съ себя эту сонную одурь, овладѣвшую всѣми, начать энергично работать никто не хочетъ или не можетъ, обезсиленный этими страшными годами сверхсильнаго напряженія нервовъ, мучительной трепки. И взяточничество, и всякаго рода хищенія таковы, что буквально страшно дѣлается за людей и за будущее Россіи: какъ войдетъ вся эта гадость въ берега, какъ мы вылѣземъ изъ этого болота? . . .

Жизнь дорожала не по днямъ, а по часамъ, и чтобы хоть какъ-нибудь парировать тѣ удары, которые наносила она моему скромному бюджету, пришлось снова начать газетную работу. Но не одна нужда побуждала меня къ этому: снова и снова ярко заговорила въ душѣ общественная жилка — хотѣлось закричать, поправить, помочь, указать. И я много писалъ въ цѣломъ рядѣ газетъ и для Отдѣла Пропаганды. Статьи мои имѣли успѣхъ, то есть, о нихъ говорили, ихъ отмѣчали, а это еще болѣе воодушевляло меня и поднимало на дальнѣйшіе подвиги, хотя всякіе кривотолки и возбуждали отвращеніе и скуку: такъ, за двѣ моихъ статьи по еврейскому вопросу слѣва мнѣ кричали: „погромщикъ“, а справа: „жидъ!...“

Думать, вчитываться распаленнымъ борьбой людямъ было рѣшительно некогда. Въ Отдѣлѣ Пропаганды работы мои очень цѣнились, но работать въ этой фирмѣ было очень тягостно.

Надо много отваги,
Чтобы работать въ „Освагѣ“ . . . —

сказалъ мнѣ экспромтомъ одинъ офицеръ. Это было вѣрно: безграмотность, изумительный во всемъ безпорядокъ и разноголосица страшно угнетали. Привлекалъ туда, во-первыхъ, большой тиражъ, большое распространеніе, а во-вторыхъ, и заработокъ: за спиной у меня стояло шестеро, а башмаки стоили уже 2000, фунтъ масла 100 р. и т. д. Въ народѣ „Освагъ“ очень не любили и, конечно, ни на іоту ему не вѣрили. Они считали всю эту музыку такъ какою-то барскою шалою затѣей.

— Чего они эти картинки-то развѣшиваютъ? . . . — сказалъ мнѣ одинъ поселянинъ въ Геленджикѣ. — Никто на нихъ и не смотритъ! И выхвалять Деникина на всѣхъ углахъ тоже дѣло пустое . . . Пусть вотъ вмѣсто того, чтобы бросать деньги на картинки, Деникинъ велитъ выдать намъ по отрѣзу на штаны или фунта по два сахару, тогда и будемъ мы видѣть, что дѣло у него сурьезно идетъ, и такую-то уру ему споемъ, что ажъ пыль пойдетъ. А картинки это дѣло плевое! . . .

Мы все хотимъ, чтобы „по-европейски“, но мы не въ Европѣ, — мы прежде всего въ странѣ безграмотныхъ.

Я въ концѣ концовъ не вытерпѣлъ и разразился противъ „Освага“ отчаянной статьей. Въ послѣднюю минуту я не рѣшился, однако, печатать ее, чтобы не производить непріятнаго для главнаго командованія шума, а лично передалъ статью помощнику А. И. Деникина, ген. А. С. Лукомскому, у котораго я довольно часто бывалъ теперь въ связи съ моей

заграничной поѣздкой. Въ статьѣ своей, приводя примѣры, я разсказывалъ объ ужасающей малограмотности литературныхъ произведеній „Освага", я приводилъ цѣлый рядъ безсмысленнѣйшихъ телеграммъ, которыя онъ гналъ срочными во всѣ стороны, заваливая телеграфъ такъ, что у насъ, напримѣръ, въ Геленджикѣ часто отказывались принимать частныя телеграммы за полной невозможностью передать ихъ по назначенію: не хватало силъ, „Освагъ" съѣдалъ все одинъ. И какія телеграммы откалывалъ онъ ежедневно! . . . Намъ, въ Геленджикъ, напримѣръ, изъ Новороссійска — изъ города, лежащаго въ 40 верстахъ отъ насъ — телеграфировали срочно: „Новороссійскъ. — Вчера въ Геленджикѣ застрѣлился комендантъ города. Причины самоубійства неизвѣстны. Производится слѣдствіе." Чрезъ часъ новое важное сообщеніе: „Въ Новороссійскѣ идетъ отчаянная спекуляція. Подъ лавочки спекулянты снимаютъ всѣ свободныя помѣщенія, даже амбары, даже углы. Спекулируютъ на всемъ, наживая огромныя деньги. Населеніе стонетъ отъ произвола спекулянтовъ . . ." и т. д., безъ конца и, конечно, непремѣнно срочно. А то вдругъ шарахнутъ: „Въ Вѣнѣ найдены документы, которые съ несомнѣнностью доказываютъ, что виновницей міровой войны были Австрія и Германія". Сотни газетныхъ и журнальныхъ работниковъ, бѣжавшихъ отъ большевиковъ, голодали, а пропаганда — въ особенности въ провинціальной глуши — была отдана въ руки оставшихся не у дѣлъ спортсмэновъ, отставныхъ предводителей дворянства, чиновниковъ казенной палаты и даже милыхъ дамъ, которымъ лишняя пара тысячъ нисколько, конечно, не мѣшала. И, конечно, вся эта компанія пропаганду поставила-таки! . . .

Когда я въ слѣдующій разъ явился къ А. С. Лукомскому, онъ, смѣясь, поднялся ко мнѣ навстрѣчу.

— Ваша статья объ „Освагѣ" имѣла огромный успѣхъ ! . . — здороваясь, сказалъ онъ. — Поздравляю васъ! . . .

— Какъ? Гдѣ? Развѣ вы напечатали ее?

— Нѣтъ . . . — отвѣчалъ онъ. — У главнокомандующаго. Вотъ какую резолюцію положилъ онъ на вашей рукописи: „приказываю полковнику Энгельгардту[1]) немедленно разогнать всю эту сволочь. Освагъ въ глазахъ порядочныхъ людей все болѣе и болѣе становится сборищемъ всякихъ негодяевъ и идіотовъ. — Генералъ-лейтенантъ Деникинъ.“ А на той брошюркѣ, которую вы приложили для характеристики изданій „Освага“ — „Бесѣда бѣлогвардейца съ красноармейцемъ“, — главнокомандующій написалъ по адресу автора: „Немедленно выгнать вонъ этого осла“. Поздравляю васъ съ успѣхомъ! . . .

Мы засмѣялись, но — напрасно: строгая, но совершенно справедливая резолюція Главнокомандующаго не имѣла никакихъ послѣдствій: потихоньку, незамѣтно ее засосало бюрократической тиной и все осталось на своемъ мѣстѣ, только нѣсколько настоящихъ писателей пригласили: И. А. Бунина, Е. Н. Чирикова, И. Д. Сургучева, С. А. Кречетова... И это вотъ явленіе какого-то точно паралича власти тревожило меня и фигура Деникина вырисовывалась среди всеобщаго развала этого, безволія, апатіи и прямо невѣроятнаго жульничества въ какомъ-то рѣзкомъ, трагическомъ одиночествѣ, и думалось иногда, что не вывезти ему и горсточкѣ другихъ искренно преданныхъ Россіи людей русской колесницы изъ того болота, въ которомъ она завязла. Онъ мучился, онъ бился, онъ топалъ ногами, онъ плакалъ и — оставался одинъ: назначаемыя имъ на мѣста лица ѣхали туда и корчили изъ себя тамъ, по выраженію генерала Драгомирова, какихъ-то „суве-

[1]) Министръ пропаганды, проф. К. Н. Соколовъ, уѣхалъ въ это время въ Парижъ со спеціальнымъ порученіемъ и „Освагомъ“ завѣдывалъ извѣстный по революціонному Петрограду членъ Государственной Думы полковникъ Б. А. Энгельгардтъ, къ которому всѣ, а въ особенности офицерство, относились съ невѣроятной антипатіей.

реновъ", для которыхъ необязательны ни указанія центральной власти, ни законъ. Онъ назначалъ другихъ — они были не лучше. И у него, чувствовалось, не хватало силъ властно призвать ихъ къ порядку. Развалъ опредѣленно росъ и иногда казалось, что дѣло въ Россіи не въ томъ, что вотъ государственность побѣдитъ анархію, а въ томъ, какой развалъ побѣдитъ, „ихъ" или нашъ. И успѣхи Добровольческой Арміи на фронтахъ уже не радовали, но пугали . . . .

Помню, вышелъ я какъ-то разъ въ это тяжелое время изъ дома — смотрю, обыватель сіяетъ, точно праздникъ какой свѣтлый вдругъ наступилъ. Я думалъ, что за ночь получены какія-нибудь очень радостныя вѣсти съ фронта. Оказалось, нѣтъ:

— Калабухова повѣсили . . . Слава Тебѣ, Господи! . . . — говорили вокругъ. — Наконецъ-то власть показала свою силу! Давно пора . . . Ну, теперь дѣло пойдетъ . . .

Калабуховъ былъ одинъ изъ очень безпокойныхъ членовъ кубанской рады, которая создавала въ тылахъ чрезвычайно большія затрудненія своей „самостійной" политикой. Достаточно сказать, что въ то время, какъ на Кубани было изобиліе всего, у насъ, въ 30 верстахъ отъ границы ея, ничего не было и народъ буквально голодалъ.

— Давно пора . . . Только мало одного — всѣхъ перевѣшать надо! Довольно, побаловались . . . — только и слышно было вокругъ.

Но чрезъ нѣсколько дней опять все вокругъ потухло и насупилось: опять начались „уговариванія" . . .

Гражданскій зудъ не покидалъ меня, но все усиливался. Я билъ въ набатъ не только въ газетахъ — моему газетному набату, долженъ отмѣтить, довольно опредѣленно мѣшала по старому глупая цензура, установившаяся на Дону, — я сталъ писать всѣмъ власть имѣющимъ, начиная съ А. И. Деникина, чтобы указать имъ на снова сгущающіяся въ тылахъ тучи.

Я разсказывалъ имъ о подвигахъ администраторовъ на мѣстахъ, о томъ, какъ стосковался народъ по законности, порядку и твердой, но честной власти, я требовалъ отъ нихъ желѣзной рѣшимости въ борьбѣ съ этимъ развaломъ прежде всего на верхахъ. Намъ былъ нуженъ Диктаторъ, но не для крестьянъ или рабочихъ, не для народа, а для тѣхъ анархистовъ въ генеральскихъ эполетахъ, которыхъ населенiе встрѣчало съ цвѣтами и кликами и которые это самое населенiе подымали на дыбы чрезъ двѣ недѣли. Вѣшать зеленыхъ и мелкихъ мазуриковъ дѣло пустое — пусть повѣсятъ одного губернатора беззаконника или командующаго армiей и край подтянется и вляжетъ въ хомутъ, ибо на дѣлѣ увидитъ, что пришла власть настоящая, нелицепрiятная, власть „для всѣхъ“. Второе, что было нужно, это рѣшительная земельная реформа, передающая крестьянству всю землю въ собственность и за деньги, какъ этого и хочетъ само крестьянство. У него въ рукахъ вся живая сила, весь хлѣбъ, много денегъ — съ нимъ надо считаться. И только опираясь на удовлетворенное крестьянство, власть можетъ быть сильна теперь. И третье, что было нужно, это снять съ частной иницiативы въ дѣлахъ устроенiя хозяйственной жизни страны всякiя ограниченiя и путы, которыя не помогаютъ ничему и душатъ всякое живое дѣло, давая въ то же время возможность разнымъ проходимцамъ, пробравшимся къ власти, наживать на этихъ запрещенiяхъ и ограниченiяхъ огромные миллiоны. Объ этомъ я говорилъ всюду, объ этомъ я всѣмъ и всюду писалъ, но — толку опредѣленно не получалось . . .

Не болѣе толка получалось и изъ моихъ выступленiй среди народа. Особенно запомнилась мнѣ почему-то моя рѣчь къ гарнизону Геленджика послѣ парада во время какого-то добровольческаго праздника. Я говорилъ солдатамъ о нашей Россiи, о долгѣ нашемъ предъ нею, предъ нашими дѣтьми, о законности, о порядкѣ, говорилъ понятно, говорилъ съ

огонькомъ, говорилъ и смотрѣлъ на ряды этихъ тупыхъ, совершенно равнодушныхъ лицъ, на которыхъ было написано совершенно ясно: „какая тамъ Россія? Какой долгъ? Да отвяжись ты къ чортовой матери! . . . Не выматывай ты душу . . .“ Публика апплодировала, а они, сѣрые, тупо смотрѣли передъ собой, ко всему равнодушные. Понятно имъ было, увы, только одно: или совсѣмъ старое „смирна-а-а-а“, или совсѣмъ новое „грабь и безобразничай, какъ только твоей душенькѣ угодно!“

Но въ дѣйствительно сознательныхъ кругахъ народа и среди толковаго офицерства какъ разъ объ эту пору пошли довольно оживленные толки объ образованіи всероссійскаго офицерско-крестьянскаго союза. Мотивировали это дѣло такъ: офицеру нѣтъ рѣшительно никакого смысла лить безъ конца кровь за сохраненіе помѣщичьихъ земель — гражданская война, въ сущности, идетъ теперь только вокругъ земли: какъ только крестьянство ее получитъ твердо, такъ, конечно, оно побросаетъ винтовки. Съ другой стороны крестьянству совершенно необходима организующая сила, начальство, которое наладило бы жизнь въ привычныхъ рамкахъ и построже — это могутъ сдѣлать офицеры. Отсюда: надо бороться вмѣстѣ, за одно.

Но жизнь уже не оставила времени для осуществленія этого интереснаго проэкта и онъ такъ и остался въ области пожеланій . . .

И среди печальной дѣйствительности этой, среди напряженной борьбы за возстановленіе нормальной человѣческой жизни вдругъ изъ сумрачныхъ далей одна за другой принеслись двѣ тяжелыхъ вѣсти, такія естественныя и въ то же время такія печальныя: въ Омскѣ скончался милый А. С. Бѣлоруссовъ, а въ голодной и холодной Совдепіи, въ разоренной „Ясной Полянѣ“, охраняемой отъ русскихъ крестьянъ отрядомъ латышей, скончалась графиня С. А. Толстая.

И вспомнилась розовая, свѣтлая, обаятельная бабочка Кити, вспомнился весь этотъ милый укладъ яснополянской жизни, какъ отразился онъ въ вѣчно для меня прекрасныхъ страницахъ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, и тяжелая семейная драма, завершившаяся уходомъ и смертью въ Астаповѣ милаго старика, и, наконецъ, трагическій закатъ и Кити, и всей той старой, красивой жизни среди громовъ, лжи и крови революціи . . . Бѣдная Софья Андреевна! . . . И бѣдный старикъ Алексѣй Станиславовичъ, такъ и не дождавшійся воскресенія Россіи и умершій какъ разъ въ тяжелые моменты отступленія арміи А. В. Колчака! . . .

XXVIII.

Несмотря на царящій въ тылахъ невѣроятный, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивающійся, позорный развалъ, Армія энергично шла все впередъ и впередъ, быстро одинъ за другимъ брала Кіевъ, Черниговъ, Воронежъ, Курскъ, Орелъ, и появилось уже въ оффиціальной сводкѣ за день новое направленіе: Тульское. Настроеніе было радостное, приподнятое, заграничные планы какъ-то сами собой падали: скоро въ Москву! . . . Я подготовилъ себѣ уже пока квартиру въ Орлѣ съ тѣмъ, чтобы оттуда, вслѣдъ за Арміей, подвигаться въ Москву. Оттуда косвеннымъ путемъ прилетѣлъ ко мнѣ слушокъ, что мой старикъ страшно одряхлѣлъ, не можетъ безъ посторонней помощи уже ничего дѣлать, но, какъ это ни удивительно, все еще живъ среди всего того голода и холода. Ужасно стало жаль его и очень потянуло въ Москву. И въ то же время тревога часто сжимала сердце: прочными не казались мнѣ эти быстрые успѣхи Арміи при насквозь гниломъ тылѣ!

И вотъ, наконецъ, грянулъ громъ!

Внѣшне все это началось съ крестьянскаго возстанія подъ предводительствомъ знаменитаго Махно въ Екатерино-

славской и Херсонской губерніяхъ. Какъ говорили, Махно человѣкъ съ опредѣленно каторжнымъ прошлымъ и съ человѣческой кровью на рукахъ. Это одинъ изъ тѣхъ господъ, которыхъ добросердечный г. Керенскій выпустилъ изъ-подъ тюремныхъ замковъ тысячами на Россію. Я не знаю, какая у него программа. Разсказываютъ, что онъ носится по деревнямъ на тройкѣ великолѣпныхъ лошадей, въ прекрасной поддевкѣ, въ малиновой рубашкѣ — настоящій Емелька! — и, прилетѣвъ куда-нибудь, немедленно созываетъ народъ и приглашаетъ его, не теряя времени, расправиться съ своими врагами, каковыми, по его мнѣнію, являются „попы, жиды, интеллигенція и офицеры". Во всякомъ случаѣ программа эта выполнялась съ полной добросовѣстностью: вездѣ въ районѣ возстанія вырѣзаны многія тысячи евреевъ, священниковъ, офицеровъ, даже маленькихъ кадетиковъ изъ корпусовъ и интеллигенціи. Говорятъ, что, когда къ Махно явились въ раззоренномъ до тла Екатеринославѣ желѣзнодорожники и телеграфные служащіе просить о чемъ-то, „батько" приказалъ выдать имъ мѣсячное жалованье и сказалъ: „а больше вы намъ не нужны — ищите себѣ другой работы. Сто лѣтъ назадъ люди жили и безъ телеграфа, и безъ желѣзныхъ дорогъ, и ничего, хуже не было . . ."

Въ газетахъ повстанцевъ и въ ихъ малограмотныхъ прокламаціяхъ подъ эти вспышки народнаго недовольства и раздраженія пытаются, однако, подвести анархистскую идеологію, расцвѣчая ее обычными цвѣтами краснорѣчія: „обманулъ насъ царь, обманули насъ большевики, но теперь мы узнали, гдѣ правда. Гордо рѣетъ черное знамя анархіи . . ." и проч. Они говорятъ, что ни пушки, ни пулеметы не страшны имъ, потому что въ ихъ рукахъ есть „французскій ключъ, зубило и молотокъ", которыми они разрушатъ желѣзныя дороги, водопроводы, фабричныя машины, фонари, все, „что служитъ врагу". И дѣйствительно, полетѣли подъ откосъ

переполненные людьми поѣзда, почти перестала работать почта, сталъ телеграфъ, громадные города, какъ Ростовъ или Харьковъ, остались совсѣмъ безъ топлива, безъ воды, безъ свѣта, и тысячами коситъ тифъ и другія эпидемическія болѣзни обезумѣвшее населеніе. И быстро, быстро распространился огонь возстанія среди крестьянъ; было нѣсколько случаевъ измѣны среди войскъ, какъ на переправахъ чрезъ Днѣпръ подъ Екатеринославомъ, напримѣръ, гдѣ два батальона, перебивъ своихъ офицеровъ, присоединились къ махновцамъ; и Армія, ослабленная нѣсколькими корпусами, снятыми съ фронта для подавленія этого тылового возстанія, начала отходъ, все болѣе и болѣе быстрый, и къ Новому, 1920 году, фронтъ изъ Тульской губерніи снова откатился до Ростова и былъ отданъ большевикамъ стоившій такъ дорого Царицынъ. И нельзя себѣ представить той страшной картины паники и безумія, которая имѣла мѣсто всюду въ оставляемыхъ Арміей городахъ: желѣзныя дороги изнемогали подъ этимъ напоромъ бѣженцевъ, сотни тысячъ рублей платили состоятельные люди носильщикамъ только за одинъ билетъ, тѣ, что не попадали на поѣзда, по снѣгу, разутые и раздѣтые, тянулись на десятки верстъ обозами и пѣшкомъ, то и дѣло погибая отъ всякихъ болѣзней. И въ исходѣ этомъ, въ этомъ страшномъ переселеніи народовъ принимали даже участіе и рабочіе, а тѣ, что оставались — по неосторожному признанію большевистской „Правды“, — не выражали по поводу возвращенія большевиковъ никакой радости, ни крестьяне, ни рабочіе . . .

Что дало власть Махно, что подняло такъ легко крестьянство въ этой изстари забубенной и малоземельной Екатеринославской губерніи? Несомнѣнно, въ первую голову совсѣмъ неудачная земельная политика Особаго Совѣщанія — не ген. Деникина, а именно Особаго Совѣщанія, ибо генералъ Деникинъ не разъ въ политически трудныя минуты откровенно заявлялъ своему Совѣщанію: „господа, вы на меня не очень

разсчитывайте — помните, что я все же только солдатъ! . . .“ Онъ не надѣялся на себя, онъ довѣрялъ имъ. Но и они, какъ будто, сами себѣ не довѣряли: поздней осенью В. Н. Челищевъ сообщилъ мнѣ, что земельный законъ ими принятъ, но и имъ самимъ — онъ былъ предсѣдателемъ земельной комиссіи, — уже овладѣли сомнѣнія.

— Кажется, мы дѣлаемъ не то, что нужно . . . — говорилъ онъ. — Мы даемъ только половину земли крестьянамъ, а надо, кажется, отдать всю . . .

— Да, надо всю . . . — отвѣчалъ я. — И не надо медлить . . .

И все же они дали половину . . .

Несомнѣнно, съиграла тутъ свою роль и вѣковая тьма, и ловкая демагогія, но всего болѣе безумныя дѣйствія возвращающихся на мѣста помѣщиковъ и агентовъ власти, которые были искренно увѣрены, что послѣ большевиковъ народъ раскаялся и ничего такъ не хочетъ, какъ возврата стараго, привычнаго и спокойнаго уклада. А многіе были увѣрены, что разъ на ихъ сторонѣ теперь сила, то на ихъ сторонѣ и право. Были сведенія личныхъ счетовъ, былъ произволъ, были насилія и все это вопреки прямымъ приказамъ главнаго командованія. И въ результатѣ — пожаръ . . . Достаточно присмотрѣться къ тому, что дѣлалось, напримѣръ, въ томъ сравнительно спокойномъ районѣ, гдѣ я живу, о чемъ я тутъ уже разсказывалъ, чтобы имѣть представленіе о томъ, что дѣлалось по неостывшимъ еще слѣдамъ большевиковъ. Уже одни грабежи, которая позволяла себѣ раздѣтая и голодная армія, а въ особенности казаки, могли вывести населеніе изъ терпѣнія весьма скоро . . . А повальное взяточничество? А это пьянство невѣроятное? . . .

Народъ не видѣлъ правды, народъ не видѣлъ закона, народъ не видѣлъ власти, какъ и всѣ мы не видали ничего этого. Господи, сколько злодѣевъ большихъ и малыхъ откро-

венно кривлялось на зловѣщемъ фонѣ гражданской войны! Вотъ извѣстные „патріоты своего отечества“, братья-милліонеры Р. попались на какой-то огромной и весьма грязной аферѣ съ поставками. Вотъ въ нашемъ тихомъ Геленджикѣ вдругъ появляется откуда-то молодой человѣкъ самаго послѣдняго фасона. Онъ былъ раньше эсъ-эромъ и членомъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ Т., потомъ министромъ въ самостійномъ кубанскомъ правительствѣ, а когда самостійность пошла явно на убыль, онъ хорошо пристроился къ Особому Совѣщанію и нашилъ трехцвѣтный уголъ на рукавъ. Здѣсь, возбуждая всеобщую зависть и удивленіе, онъ скупаетъ земли на сотни тысячъ рублей, ни сколько не смущаясь, на глазахъ у всѣхъ . . . Вотъ на глазахъ у всѣхъ пьянствуетъ и развратничаетъ генералъ Добророльскій, назначенный къ намъ главноначальствующимъ по борьбѣ съ „зелеными“. Результатовъ никакихъ эта его борьба не дала да и дать по мѣстнымъ условіямъ не могла, но слухи о его художествахъ достигли до Ставки. Его уволили, но въ приказѣ объ отчисленіи его куда-то было сказано, что увольняется онъ не за подвиги въ „Chat noir“, а „за полной ликвидаціей зеленыхъ“. И это бросалось въ лицо намъ, которые носу съ наступленіемъ темноты высунуть изъ дома не смѣютъ, которые побросали всѣ свои хутора и усадьбы на произволъ судьбы! . . . А посмотрите въ переполненные кафе на бойкихъ улицахъ городовъ! . . . Прекрасныя дамы въ сногсшибательныхъ туалетахъ — ничѣмъ не проймешь этихъ безстыжихъ! — и полковники генеральнаго штаба, и черномазые восточные человѣки, и шустрые евреи, и совсѣмъ зеленые молодые люди несомнѣнно призывного возраста, и чиновники, и бывшіе помѣщики спекулируютъ на дамскихъ чулкахъ, на валютѣ, на спичкахъ, на пуговицахъ, на хининѣ, на всемъ, что угодно, жадно, лихорадочно, отвратительно . . . И тутъ же за столиками сидятъ больные и раненые офицеры, изможденные, часто

грязные, оборванные, часто въ не разъ прострѣленыхъ шинеляхъ, часто съ пятнами высохшей крови на нихъ, и пьютъ холодный поддѣльный чай съ противнымъ привкусомъ сахарина. Такъ какъ ни квартиръ, ни комнатъ нѣтъ, то ютятся они на подоконникахъ у знакомыхъ, въ переднихъ, во вшивыхъ, тифозныхъ общежитіяхъ.

— Ничего, изворачиваемся по маленьку . . . — весело смѣются за однимъ столикомъ проклятые. — Вотъ вчера за какіе-нибудь полчаса заработалъ на пробкѣ 400.000. Мы вѣдь не рубль на рубль беремъ, — съ насъ и копеечки на копеечку довольно . . . Ха-ха-ха! . . .

Молодой, замученный офицеръ, сидящій за сосѣднимъ столикомъ, слышитъ все это. Чаша переполнилась. Онъ встаетъ, поднимаетъ стулъ и — опускаетъ его на головы мерзавцевъ. Крики, шумъ, — офицера уводятъ въ комендантское управленіе. Онъ блѣденъ, молчитъ, только нижняя челюсть его трясется. И что у него въ душѣ теперь? . . . За что онъ тамъ мучился, за что проливалъ кровь?! . . .

И сколько, сколько этихъ тихихъ офицерскихъ и солдатскихъ драмъ идетъ теперь незамѣтно среди насъ! . . .

Когда Особое Совѣщаніе назначило Главнокомандующему нищенское — по курсу рубля — жалованье въ 10.000 р. въ мѣсяцъ, онъ поднялъ страшный шумъ и, собственноручно вычеркнувъ эту цифру, написалъ 5000. Онъ самъ былъ безкорыстенъ, ходилъ въ выцвѣтшихъ кителяхъ и хотѣлъ чтобы и всѣ подражали ему въ этомъ и не грабили бы Россію. Когда въ автомобиль ген. Эрдели грузинами-большевиками была брошена бомба, которою былъ убитъ шофферъ, Главнокомандующій назначилъ пособіе семьѣ убитаго въ 3000 р., т. е., принимая во вниманіе курсъ, въ 30 руб.! Мы буквально ахнули всѣ . . . Также сурово и скудно содержалъ онъ и офицеровъ, заставляя ихъ и ихъ семьи буквально голодать . . . То же бережное отношеніе къ Россіи видно и изъ его пере-

говоровъ съ окраинными „новообразованіями“: „ни пяди русской земли!“ — было его единственнымъ отвѣтомъ на ихъ притязанія. Напрасно ему говорили, что нельзя изъ такой трепки выдти Россіи безъ потерь, что если онъ будетъ такъ упорствовать, то дѣйствительно скоро у него не останется ни пяди русской земли, — онъ былъ непреклоненъ... Онъ былъ благороденъ, онъ былъ какимъ то спартанцемъ и хотѣлъ чтобы и всѣ отдавали Россіи все, а вокругъ шелъ дикій канканъ... И каюсь: при взглядѣ на эти сонмища негодяевъ, на этихъ разодѣтыхъ барынь въ брилліантахъ, на этихъ вылощенныхъ тыловыхъ молодчиковъ, я думалъ, я чувствовалъ только одно, я молился: Господи, пошли сюда большевиковъ хоть на недѣлю, чтобы хотя среди ужасовъ чрезвычайки эти животныя поняли, наконецъ, что они дѣлали, что они сдѣлали съ людьми! И я вѣрю, что чаша гнѣва не минуетъ ихъ — безъ этой вѣры прямо невозможно жить... И еще все ворчатъ, мерзавцы, что армія не идетъ впередъ, что Деникинъ слабъ и не вѣшаетъ, что это не жизнь, а чортъ знаетъ, что такое...

И бѣдный генералъ бьется, какъ въ тенетахъ, въ этомъ ужасномъ болотѣ, среди этихъ сонмищъ негодяевъ и христопродавцевъ. Я помню, я былъ какъ-то у В. Н. Челищева, когда ему принесли записку отъ главнокомандующаго, который писалъ въ категорической формѣ, чтобы Особое Совѣщаніе въ три дня провело законъ о спекуляціи и что наказаніемъ должна быть смертная казнь. А сбоку, рукой генерала А. С. Лукомскаго, было приписано, что главнокомандующій упорно настаиваетъ на этой мѣрѣ. Викторъ Николаевичъ разводитъ руками:

— Ну, значитъ, опять что-нибудь остренькое разсказали!...

Для него, умнаго и ученаго юриста, кажется, что это немыслимая затѣя: гдѣ провести границу между торговлей

просто и спекуляціей? И я слушаю его и невольно соглашаюсь съ его аргументаціей, но въ душѣ думаю, что еще болѣе правъ ген. Деникинъ: пусть не юридически, пусть даже не логично, но страшная дубина все же должна, наконецъ, ударить по преступнымъ головамъ! . . .

Обливаясь кровью, армія, разутая и раздѣтая, — у буржуазіи не нашлось средствъ обуть и согрѣть умирающихъ за нихъ людей, — отходитъ, дороговизна растетъ неумолимо, жизнь опредѣленно разваливается. И на всѣхъ углахъ мы оремъ теперь объ „оріентаціи“: не мы виноваты во всемъ томъ, что происходитъ, но союзники, которые не помогаютъ намъ живой силой. Надо немедленно начать переговоры съ нѣмцами, которые пришлютъ намъ свои войска и Гинденбурга и чрезъ три мѣсяца Россія будетъ очищена. И ни одному негодяю этому и въ голову не приходитъ, что нѣтъ никакихъ основаній ни французскому, ни германскому солдату умирать за него, когда самъ онъ только и дѣлаетъ, что разрушаетъ армію и Россію. Къ этому времени на союзниковъ у насъ смотрѣли уже какъ на враговъ. Союзники, дѣйствительно, разъѣзжаютъ здѣсь только на автомобиляхъ, пьютъ шампанское и рѣшительно ничего не понимаютъ въ этой распрѣ между генераломъ Деникоффъ, „генераллисимусомъ“ Петлюрой и совѣтами. Они, союзники, и противъ „Soviéts“, въ сущности, ничего не имѣютъ, — они сердятся только на этихъ дикихъ bolchevistes. И въ одной французской газетѣ — кажется, это была „Humanité“ или, можетъ быть, и „Populaire“ — я своими глазами читалъ, что русскіе это „un peuple des tolstoyens“, который и дѣлаетъ революцію „avant tout religieuse“! . . . И потому мы хотя и посмѣялись, но нисколько не удивились, когда одинъ изъ представителей союзниковъ поднялъ на обѣдѣ бокалъ въ честь двухъ нашихъ великихъ вождей: le général Denikoff et le général Kharkoff . . .

Долгомъ считаю прибавить, что часто союзники вели себя у насъ какъ въ завоеванной странѣ, позволяли себѣ крайне дерзкія выходки по отношенію къ русскимъ вообще и къ офицерамъ въ частности, что окончательно добивало послѣдніе остатки старыхъ симпатій. Я самъ не разъ своими ушами слышалъ, какъ мечтали наши офицеры когда-нибудь въ будущемъ идти плечомъ къ плечу съ германцами на . . . Парижъ! . . .

Германцы тѣмъ временемъ не дремали. До чего многообразны были ихъ способы въ борьбѣ и представить себѣ нельзя! . . .

Мой компаньонъ, Ю. А. Бѣлоголовый, встрѣтилъ въ Сочи своего знакомаго нѣмца, который раньше служилъ, конечно, на англійскомъ индо-европейскомъ телеграфѣ, идущемъ вдоль нашего берега Чернаго моря. Разговорились. Въ концѣ концовъ нѣмецъ предложилъ своему безработному собесѣднику на очень выгодныхъ условіяхъ большое дѣло по скупкѣ на свое имя земель въ М. Азіи, гдѣ при новой обстановкѣ нѣмцы не имѣли права пріобрѣтать недвижимости. Это было нужно имъ, во-первыхъ, для устройства цѣлаго ряда нѣмецкихъ курортовъ по анатолійскому побережью, а во вторыхъ, для нѣмецкихъ колоній, куда, по словамъ агента, предполагалось направить, какъ опытныхъ колонизаторовъ, нѣмецкихъ колонистовъ изъ Россіи, а въ Россію, на ихъ уже насиженныя мѣста, пустить новыхъ переселенцевъ. А все вмѣстѣ это должно было осуществлять старый нѣмецкій Drang nach Osten, котораго, видимо, разбитые и униженные, они и не думали оставлять . . .

Что за живучій, что за удивительный народъ! . . .

Страшный, невѣроятный моральный развалъ царилъ въ это время не только въ администраціи, но и среди интеллигенціи.

Вотъ мой знакомый, А. А. П., предводитель дворянства одной изъ центральныхъ губерній, юристъ по образованію. Онъ негодуетъ на непорядки, онъ всячески защищаетъ привиллегіи дворянства, доказывая, что оно имѣетъ огромныя историческія заслуги, и, продавъ часть своей недвижимости тутъ за 350.000, жертвуетъ умирающимъ Добровольцамъ — 100 руб.!

Вотъ молодой художникъ, бездѣтный, состоятельный. Его мобилизовали. Въ тотъ же вечеръ ко мнѣ прибѣгаетъ его жена.

— Ради Бога спасите Сережу! . . .

У нея какъ-то создалось преувеличенное представленіе о моихъ связяхъ и возможностяхъ.

— Да что же я могу сдѣлать?

Оказывается, похлопотать, замолвить, написать . . .

Я пытаюсь возражать, доказывать, что это невозможно, напоминаю, что на Дону мобилизованы уже 60-лѣтніе старики — ничего не помогаетъ: совѣсть спитъ крѣпкимъ сномъ!

— Ну, хорошо . . . — соглашаюсь я, наконецъ. — Я напишу. Диктуйте . . .

— Но вы сами лучше съумѣете . . .

— Сударыня, все, что я, по совѣсти, могу написать, это вотъ: „Ваше превосходительство, предъявитель сего — мой хорошій знакомый. Я буду очень обязанъ Вамъ, если Вы поэтому освободите его отъ военной службы: ему такъ не хочется . . .“ Васъ удовлетворитъ такая редакція?

Такъ и ушла ни съ чѣмъ и теперь оба очень сердятся на меня.

И сколько такихъ молодыхъ, сильныхъ людей слоняется теперь по тыламъ! . . Сколько людей, порядочныхъ, культурныхъ, погрязло въ самой безстыжей, наглой спекуляціи! И, видя все это, снова глухо ворчитъ народъ . . . И иногда

въ безсонную ночь стучится въ голову тяжелая мысль: а что, въ самомъ дѣлѣ, если правы нѣмцы, которые такъ хорошо изучили насъ, что, если мы, въ самомъ дѣлѣ, народъ конченный, только навозъ для какой-то высшей культуры?... Если бы греку временъ Перикла или римлянину временъ упадка имперіи сказали бы: „вотъ грядетъ время, когда отъ великой Эллады твоей или отъ желѣзнаго Рима твоего ничего не останется, самые боги твои умрутъ и въ прекрасныхъ капителяхъ колоннъ этихъ прекрасныхъ храмовъ вскорѣ будутъ гнѣздиться летучія мыши...“ — что сказалъ бы онъ? Навѣрное, разсмѣялся бы и, конечно, не повѣрилъ бы, хотя, если бы онъ захотѣлъ внимательно оглянуться, онъ увидѣлъ бы позади величественныя развалины Вавилона и мертвыя пирамиды Египта, эти памятники по умершимъ народамъ, умершимъ государствамъ, умершимъ богамъ. Но человѣкъ такъ устроенъ, что онъ какъ-то нутромъ въ такихъ случаяхъ чуствуетъ, что это была какая-то особенная порода людей, которой свойственно было умирать, а чтобы онъ умеръ, умерла бы эта шумная Эллада его, умеръ бы его желѣзный Римъ, да развѣ мыслимо это?!... А между тѣмъ, я, потомокъ дикаго скиѳа, мерзшаго въ своихъ степяхъ въ то время, какъ въ Аѳинахъ творилъ Пракситель, я провелъ цѣлую ночь среди павшихъ храмовъ Акрополя, на ступеняхъ прекраснаго Парѳенона, и также мрѣло море вдали, за Саламиномъ, какъ и въ старину, и такъ же, какъ и при Платонѣ, садилась луна за Ликабетъ, и шумѣлъ внизу, въ равнинѣ, Иллисусъ, на берегахъ, котораго любилъ пофилософствовать Сократъ. И я всѣмъ существомъ моимъ ощущалъ, что да, Эллады нѣтъ, и дѣйствительно умерли ея безсмертные боги и что статуи ихъ нужны теперь только развѣ для украшенія нашихъ музеевъ. А что, если и мы въ самомъ дѣлѣ умираемъ, сходимъ въ Вѣчность, и что чрезъ нѣкоторое время развалины нашихъ храмовъ будутъ посѣщаться туристами

новыхъ странъ, которыя еще не родились, и надъ Василіемъ Блаженнымъ или московскимъ Кремлемъ они будутъ мечтательно грустить о бренности всего земного? . . .

Можетъ быть, умираетъ даже вся Европа. Вѣдь, не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, все чаще и чаще слышатся тамъ голоса о возможной гибели всей нашей цивилизаціи со всѣми ея богами, упованіями, храмами, библіотеками, форумами и проч. Человѣчество безумно ринулось въ неизвѣстное и никто не знаетъ, остановится ли оно предъ этими горами труповъ и вернется ли вспять или, несмотря ни на что, понесется, какъ безумное, въ пропасть съ крикомъ: „а, пропадай все, разъ не выходитъ по моему! . . .“ Что по ихъ не выходитъ, это слишкомъ очевидно и имъ, которые поумнѣе, а что „пропадай все“, это ясно видимъ всѣ мы: если Луначарскому еще и жалко стараго Кремля, то солдатамъ, которые били по этой чудной каменной сказкѣ изъ пушекъ съ Ходынки, нисколько уже не жаль его, но „наплевать съ самаго высокаго дерева“ . . . Вкругъ нихъ разстилается уже страшная, мертвая пустыня и не надо быть огромнымъ сердцевѣдомъ и пророкомъ, чтобы сказать, что нѣтъ у нихъ творческихъ силъ, чтобы заселить эту пустыню. Они очевидно безплодны, эти новые вандалы. Ну, что же, природа все же „не терпитъ пустоты“, какъ говорили въ старину, и на опустошенныхъ пажитяхъ нашихъ какая-то новая, неизвѣстная намъ сила, — какъ были мы неизвѣстны Периклу или Марку Аврелію — зажжетъ огни новой жизни. Люди, государства, боги проходятъ, жизнь остается, вѣчно молодая, вѣчно играющая у гробового входа игрою новой . . .

Болѣе тысячи лѣтъ прошло какъ стоимъ мы, русскіе, на землѣ, — за тысячу лѣтъ Римъ пришелъ, расцвѣлъ и ушелъ. Почему мы хотимъ быть вѣчными? Но куда же дѣнется полутораста-милліонный народъ — не можетъ же вѣтеръ сдуть его съ лица земли! Мы будемъ жить . . . Но какъ?

Ни одинъ мудрецъ въ мірѣ не знаетъ каково наше будущее. Судьбы народовъ такъ же многообразны, какъ и судьбы отдѣльныхъ людей, и никто, никто не скажетъ, какая именно судьба уготована намъ . . .

Но одно только можно сказать: если намъ суждено оправиться и жить, то жить человѣческой жизнью можемъ мы только подъ нашимъ старымъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, подъ которымъ строили прадѣды нашу милую Россію. А если судьбой суждено намъ погибнуть, то опять-таки пристойнѣе, прекраснѣе уйти не только не отрекаясь отъ своего, но въ послѣдній моментъ съ особой любовью преклоняясь предъ нимъ всей своей истекающей кровью душой — предъ далекимъ теперь видѣніемъ Кремля московскаго, преданнаго интернаціоналу, предъ тихими курганами по безбрежнымъ степямъ нашимъ, предъ кроткими лампадами нашихъ старенькихъ, грустныхъ, опозоренныхъ теперь церковокъ . . .

XXIX.

И вотъ мы продолжаемъ сидѣть въ прокисломъ болотѣ Геленджика, отрѣзанные бушующимъ моремъ отъ всего свѣта. Газетъ нѣтъ. Телеграфъ едва дышетъ. Раньше хоть черезъ мѣсяцъ приходили сюда письма изъ Кіева, напримѣръ, теперь и это все оборвалось. Слухи одинъ другого чудовищнѣе ползаютъ темною тучей по несчастному, страдающему краю. Мѣстные „большевики“ поднимаютъ голову и снова и снова слышатся всюду и вездѣ эти злобныя, темныя удушливыя рѣчи, въ которыхъ есть доля правды, но нѣтъ надежды: не выростетъ спасенія изъ этой темноты и злобы! По ночамъ грохаютъ выстрѣлы патрулей и какъ палкой, бьютъ они по мозгу въ этой черной, жуткой темнотѣ. Иногда шальная пуля залетаетъ и къ намъ на усадьбу и чокаетъ въ дерево. И нельзя выразить всего того отвращенія, всей муки, которыя вызываются въ душѣ этими выстрѣлами, такъ опротивѣвшими за

эти несчастные годы. Душа вымотана и хочется крикнуть: довольно, больше не могу! . . . Кричи, пожалуй, — никто не услышитъ, никто не поможетъ. И все, что остается, это, сжавшись изъ всѣхъ силъ, терпѣть и ждать, испытывая въ душѣ это нестерпимое ноющее чувство, эту злую тоску: вотъ сейчасъ ворвутся, вотъ начнутъ сейчасъ . . . .

И выйдешь на люди, не легче. Поселяне позажиточнѣе и поумнѣе рвутъ и мечутъ противъ зеленыхъ и большевиковъ, бѣднота рисуетъ ихъ себѣ рыцарями безъ страха и упрека и поноситъ Добровольцевъ... И интеллигенція и буржуазія, дѣлая круглые глаза, шепотомъ передаютъ другъ другу слухи: въ Ростовѣ на улицахъ бой, гдѣ-то перевѣшали сотни большевиковъ, нашъ геленджикскій гарнизонъ уходитъ на фронтъ и тогда „зеленые“ покажутъ. Нѣтъ, Деникинъ размазня — надо на его мѣсто желѣзнаго человѣка, вродѣ только что назначеннаго главнокомандующимъ Добровольческой арміей и уже уволеннаго Врангеля . . . И нѣмцевъ, нѣмцевъ скорѣе! . . . Впрочемъ, скоро прибудутъ сербскія дивизіи и болгарскіе корпуса. Нѣтъ, нѣтъ, только нѣмцевъ и кончено! . . . Но лицо оффиціальное успокаиваетъ: къ намъ прибываетъ эвакуированная изъ Царицына саратовская стража, а кромѣ того на Тонкій Мысъ везутъ 4000 женъ и дѣтей офицерскихъ, для охраны которыхъ будетъ поставлена дроздовская батарея. Всѣ подбодряются . . . А на душѣ тоска смертная: не могу больше, не могу, не могу! . . .

А дома то нѣтъ спичекъ, то керосина, то хлѣба, и нѣтъ у бѣдныхъ ребятишекъ ни чулокъ теплыхъ, ни калошъ и Люся должна шлепать къ своей учительницѣ по этой невылазной грязи въ рваныхъ башмачонкахъ . . . А изъ Широкой приходитъ письмо отъ старика Борсука, который когда-то служилъ у меня помощникомъ при постройкѣ моего хуторка. Старикъ пишетъ чрезъ третье лицо — почта окончательно стала, — что осталось у него двѣ индюшки и пудъ фунду-

ковъ, и онъ умоляетъ обмѣнять все это на хлѣбъ, котораго тамъ нѣтъ и они голодаютъ. Но хлѣба нѣтъ и здѣсь — въ тридцати верстахъ отъ благодатной Кубани: такъ хочетъ геніальная рада!... А домикъ, который я такъ заботливо и любовно строилъ для ребятишекъ, разгромленъ „зелеными“: выбили стекла, порубили топорами двери, поломали все, что попалось подъ-руку. И могилка моей Мирочки тамъ одна, брошенная, но не забытая... Не могу, не могу!...

Врешь, вытерпишь!... Это — экспериментальный курсъ государственнаго права. Раньше мы читали его по „Максимъ Максимычу Ковалевскому“, по его гектографированному курсу, а теперь вотъ проходимъ его экспериментально. Да какъ проходимъ!... Горы кишатъ „зелеными“, снова собрались ихъ цѣлы сотни, обуться, одѣться, ѣсть имъ надо и вотъ, вооруженные до зубовъ, они спускаются въ станицы и обираютъ у поселянъ свиней, гусей, табакъ, хлѣбъ, коровъ, одежу, обувь, лошадей, деньги, все. И никто не смѣетъ оказать сопротивленія, хотя сами всѣ нуждаются до крайности. И вздыхаютъ о покоѣ, о законѣ, и мечтаютъ о томъ, какъ бы перебить „всю эту сволочь изъ поганаго ружья“. А тѣ, награбивъ, уходятъ въ горы, на покинутые поселянами хутора, варятъ раку, пьянствуютъ, составляютъ какіе-то дурацкіе штабы и ждутъ „своихъ“.

Но кто эти „свои“? Неизвѣстно. Большевики? Не всегда.

Идетъ на дняхъ одинъ изъ мѣстныхъ большевичковъ по шоссе къ Михайловскому Перевалу. Онъ хорошо заработалъ въ Новороссійскѣ на разрузкѣ судовъ, пріобулся, пріодѣлся и мечтаетъ отдохнуть дома. Изъ кустовъ выходятъ „зеленые“ и просятъ — снять сапоги и новенькій костюмчикъ.

— Да что вы, товариши? Я самъ большевикъ... И мой отецъ ушелъ добровольно съ большевиками, съ таманской арміей...

— Ну, запѣлъ!... Давай, снимай, что ли, а то прикладомъ въ морду!

Видитъ, дѣлать нечего: раздѣлся, отдалъ все и налегкѣ, по морозцу отправился за двадцать верстъ къ дому. Что у него было въ душѣ? Возблагодарилъ ли онъ судьбу и отца за благодѣтельную свободу? Во всякомъ случаѣ, и у поселянъ, и у этого большевичка теперь подходъ къ „Максимъ Максимычу“ долженъ быть нѣсколько иной...

Или вотъ этотъ состоятельный поселянинъ-сектантъ, который раньше отъ большого ума былъ ко всему рѣшительно въ оппозиціи, — кто что ни говори, Бровко непремѣнно въ оппозиціи! И вотъ какъ-то вечеромъ „зеленые“ ворвались въ его хату — это чрезъ нѣсколько домовъ отъ меня, — крѣпко выпороли его жену шомполами — самого его не было дома, — и, взявъ что-то тысячъ тридцать, ушли. Теперь оппозиціонный духъ покинулъ Бровко, теперь это — государственно-мыслящій человѣкъ, который, забывъ о непротивленіи злу насиліемъ, готовъ — какъ онъ самъ мнѣ признался — взяться за винтовку.

Да, мы всѣ быстро становимся государственниками.

Я не изъ тѣхъ, кто любитъ осуждать: разсуждать лучше. Я понимаю, что въ исторіи нѣтъ виноватыхъ и что ничего въ жизни безъ причины не дѣлается. Я понимаю, что та страшная пугачевщина, которая томитъ теперь нашу страну тяжкимъ кошмаромъ и которую профессіоналы революціи и люди наивные до сихъ поръ пытаются принять и выдать за какую-то „соціальную революцію“, выросла изъ всей нашей исторіи. Я не осуждаю, я только отмѣчаю, что никакого царствія небеснаго изъ звѣриной склоки этой не получилось и не получится, что выходъ изъ этого кроваваго тупика будетъ только назадъ — въ этомъ основное свойство всякаго тупика, — а назади нѣтъ даже стараго корыта — оно разбито. Человѣкъ остался такимъ же какимъ былъ

онъ до сихъ поръ и потому и жизнь его останется такою же, какою была раньше. Можетъ быть, требованія массъ и понятны, — всякому погрѣться на солнышкѣ хочется, — но разсвирѣпѣвшіе орангутанги не могутъ создать того рая, который въ началѣ революціи обѣщала всѣмъ въ ближайшую же весну эта жалкая Маруся Спиридонова . . .

И вотъ разъ стоялъ я у окна, и думалъ свои тяжелыя думы, и смотрѣлъ въ непогожій вечеръ, на этотъ испуганно притихшій городокъ, на эти курящіеся сѣдыми, тяжелыми облаками горы. И вдругъ вальдшнепъ протянулъ надъ деревьями — ихъ много остается тутъ зимовать. Вальдшнепъ! . . . Сразу встали въ воображеніи милыя картины лѣсныхъ пустынь, гдѣ нѣтъ человѣка и гдѣ такъ спокойно поэтому дышется, пустынь, которыя я такъ любилъ всегда. И какъ потянуло меня снова туда въ эти — непремѣнно сѣверныя, родныя . . . — пустыни, въ синихъ даляхъ которыхъ такъ много тихой печали . . . Все, что я прошу отъ человѣчества, это 2—3 десятины земли гдѣ-нибудь въ большой глуши, скромный домикъ и возможности писать свои теперь безобидныя, примиряющія книжки, а послѣ работы — одиноко бродить по полямъ, лѣсамъ, по берегамъ пустынныхъ рѣкъ. Только и всего! . . . И чтобы Мирушина могилка была тутъ, неподалеку, за оградой какого-нибудь старенькаго монастырька, чтобы пѣли и плакали надъ ней старые колокола, а изъ раскрытыхъ оконъ храма въ ароматѣ развѣсистыхъ березъ и ладана доносилось бы до нея стройное пѣніе хора и щебетанье ласточекъ, вьющихся вкругъ потемнѣвшихъ главокъ-луковокъ . . . Только и всего! . . . Надѣюсь, что это не очень ужъ контръ-революціонно? Надѣюсь, что это и не Богъ знаетъ какъ ужъ революціонно? . . . Отпустите меня! . . . Устраивайтесь какъ хотите, а я больше рѣшительно не могу! Вѣдь мнѣ осталось жить всего 5—10 коротенькихъ лѣтъ — дайте мнѣ прожить ихъ такъ, какъ мнѣ хочется! . . .

Но знаю: если и отпустятъ когда, то не очень скоро!... Но Господи, что это будетъ за счастливый день, когда моя нога переступитъ впервые порогъ этого моего уединеннаго скита!...

А можетъ быть, мечта эта и никогда не осуществится: вспыхнетъ ночью шалая перестрѣлка между одурѣвшими людьми, случайная пуля и — конецъ всѣмъ мечтамъ!...

XXX.

И опять я сталъ около этого времени кружиться душой около Церкви, точно притягиваемый къ ней какою-то невидимой силой. Я все какъ бы стоялъ у вратъ церковныхъ: стою и не вхожу, но и не отхожу.

Я думаю, что ближайшему времени предстоитъ колоссальная религіозная работа. Мы узнаемъ все болѣе и болѣе, что безъ Бога трудно жить на землѣ. Можно безъ Бога мучить людей, можно безъ Бога гнать ихъ купленными штыками въ бойню за чуждое имъ, можно безъ Бога строить на мукѣ безъисходной и на крови свое пьяное благополучіе, но человѣческой жизнью безъ Бога жить нельзя. Какъ ни виновата наша Церковь или, точнѣе, представители ея предъ страной, все же теперь многіе поняли, что религія это не „глупая поповская выдумка". Не только народъ, но и интеллигенція уже не тянется, а рвется къ Церкви и дѣло батюшекъ удержать вкругъ стѣнъ церковныхъ эту новую, очищенную въ страданіяхъ, паству. Для этого прежде всего и имъ надо тоже очиститься, какъ очищается, напримѣръ, наша интеллигенція теперь, какъ очищается въ мукахъ ужасныхъ вся Россія. Духовенство, если оно хочетъ жить, если оно не хочетъ окончательно погубить умиравшей такъ еще недавно среди всеобщаго равнодушія Церкви, должно дать Россіи свой Ледяной Походъ, какъ дали его намъ эти наивные мальчики,

бросившіеся вслѣдъ за Л. Г. Корниловымъ и М. В. Алексѣевымъ въ ледяныя степи и сложившія тамъ свои головы.

Я не жду многаго отъ старыхъ батюшекъ, погрязшихъ въ старомъ синодскомъ болотѣ, но многое, кажется мнѣ, могутъ дать тѣ новые батюшки, которые пошли служить Церкви въ наше страшное время въ полномъ сознаніи не только важности, но и святости своего подвига. Можетъ быть, они дѣйствительно сдѣлаютъ Церковь городомъ, стоящимъ наверху горы, вѣрнымъ прибѣжищемъ для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. За ними пойдутъ и маловѣрные, и уже милліонные крестные ходы поднимутся вслѣдъ имъ и, можетъ быть, вся русская жизнь просіяетъ новымъ свѣтомъ и зацвѣтетъ.

И интеллигенція, отбросивъ ложный стыдъ, котораго въ ней еще такъ много — точно она боится все, что подумаетъ о ней бабушка русской революціи или Маруся Спиридонова, — придетъ Церкви на помощь. И не такъ, что вотъ, молъ, невѣжественному народу нужна еще религія, а мы, эдакіе маленькіе „великіе инквизиторы", станемъ съ нашими Вольтерами и Ренанами въ сторонкѣ и будемъ мудро помалкивать и одобрять, — нѣтъ, это будетъ преступленіемъ, той хулой на Духа Святого, которая не прощается. Я говорю объ искреннемъ устремленіи къ Церкви на великую и вѣчную работу. Я слишкомъ хорошо знаю, какъ много тутъ для интеллигенціи препятствій чисто внутренняго порядка, но послѣ всего перенесеннаго она не должна быть очень ужъ спѣсивой, не должна забывать, къ чему привелъ ее „гордый умъ". Я не думаю требовать отъ нея отреченія отъ разума, но она должна же, наконецъ, понять что, во-первыхъ, совсѣмъ не разумъ въ жизни главное, а во-вторыхъ, что, если въ старыхъ, мшистыхъ церковкахъ и не мирится что съ нашимъ разумомъ, то въ совмѣстной, соборной работѣ, работѣ терпѣливой, мирной, благожелательной, можно все потихоньку очистить,

чтобы заключенная въ Церкви истина могла уже возсіять міру безъ этого досаднаго налета вѣковъ, который не можетъ ужъ не отталкивать насъ: не во времена Владиміра Святого живемъ вѣдь мы въ концѣ концовъ!... И работу эту можно сдѣлать — конечно, не сразу, конечно, очень осторожно, конечно, только съ очень широкой терпимостью и великой любовью къ этому великому дѣлу возрожденія Церкви, возстановленія разрушенной души нашей. Однимъ хлѣбомъ не можетъ жить ни человѣкъ, ни народъ и никакая „земля и воля“ никогда не замѣнитъ человѣку немеркнущаго свѣта, вѣчно, неизсякаемо льющагося изъ Церкви.

Но прежде чѣмъ приступить къ этой работѣ, сдѣлайте маленькій, но совершенно необходимый опытъ. Раньше мы цѣлыя ночи напролетъ проводили, обсуждая, что умнѣе, Эрфуртская ли программа или статьи Михайловскаго, а теперь давайте собираться вмѣстѣ и спокойно и терпѣливо бесѣдовать о Церкви. Реформы въ Церкви необходимы — это совершенно вѣрно, но предъ реформой ея продѣлайте дома двѣ задачи:

1. — спокойно, любовно, вдумчиво изучите строка за строкой содержаніе Церкви, ея внѣшнія формы, ея историческую жизнь, а затѣмъ, если что отвергнете, то

2. — попытайтесь отжившее, негодное замѣнить новымъ лучшимъ, причемъ возьмите самое легкое, внѣшнее, — напишите напримѣръ, свою обѣдню, свою вечерню, свою всенощную . . .

И какъ только приступите вы къ этой работѣ, вы съ изумленіемъ увидите, что это подвигъ почти нечеловѣческій, что если что поправить и нужно, то для этого нужны колоссальныя и соборныя усилія людей, усилія, которыя возьмутъ, можетъ быть, вѣка. Вѣдь недаромъ же оказался смоковницей безплодной въ этой области О. Контъ, вѣдь недаромъ же сломалъ тутъ голову нашъ Левъ Толстой, вѣдь недаромъ же выходятъ безвкусны, какъ непосоленый

супъ — сравненіе покойнаго В. В. Розанова, — всѣ эти сектанты! Я это пробовалъ и пробовалъ серьезно въ очень тяжелыя минуты жизни и поэтому-то я здѣсь и не осмѣливаюсь не только „точно изложить программу“ совершенно неизбѣжнаго церковнаго обновленія, но даже и намекнуть на пути ея: до такой степени все это колоссально, во-первыхъ, и во-вторыхъ, до такой степени поражаетъ меня одно прямо чудесное свойство Церкви: вѣдь подъ сводами ея плечомъ къ плечу не только свободно, безъ малѣйшаго стѣсненія, но даже съ нѣкоторымъ умиленіемъ отъ сознанія этой близости, можетъ стоять самая рязанская Матрена съ самымъ большимъ профессоромъ вродѣ В. Соловьева. Рязанская баба принесла туда съ собой и Анчутку, и матушку Прасковею Пятницы, и какой то непонятный Семикъ, а профессоръ неизбѣжно захватилъ съ собой и исторію религій, и Вольтера, и Толстого, и тѣмъ не менѣе оба эти человѣческихъ существа, почти столько же далекіе другъ отъ друга, какъ дикій негръ и пресвѣтлый Гетэ, находятъ у таинственнаго алтаря что то Единое, одинаково имъ доступное, какое-то одинаково ихъ волнующее — по выраженію Гетэ — schönstes Glück . . . Не замѣчательно ли это чудо изъ чудесъ?! . . .

Почиститься, конечно, надо, но очень, очень осторожно, чтобы не быть намъ похожими на тѣхъ самоувѣренныхъ владимірскихъ богомазовъ, которые ничто же сумняся брались поправлять древнія фрески старыхъ владимірскихъ соборовъ и „подновляли“ ихъ съ полнымъ усердіемъ такъ, кто ничего отъ нихъ не оставалось, кромѣ развязной мазни глупаго маляра. Нельзя подражать и тѣмъ умникамъ-сектантамъ, которые топоромъ прошлись по ажурной церковной работѣ вѣковъ и совсѣмъ стесали многое драгоцѣнное, такъ, что на мѣстѣ стараго вдохновенія стала пустота, страшная и безобразная. Возьмите хоть тотъ же древне-славянскій языкъ богослуженія, — многіе мудрецы хотѣли бы замѣнить его русскимъ, какъ

„болѣе понятнымъ народу“, совершенно забывая, что „понимать“ тутъ рѣшительно нечего: на какомъ языкѣ ни совершай богослуженія, оно все равно будетъ таинствомъ, тайной, въ которой нечего понимать, нельзя понимать, это не задача изъ Малинина и Буренина и не газетная передовица. И эту вотъ ненужность „пониманія“ очень нужно всѣмъ помнить. И какъ бы потеряло наше богослуженіе, если бы, въ самомъ дѣлѣ, надумали замѣнить этотъ сѣдой, августѣйшій языкъ его тѣмъ языкомъ, на которомъ мы пишемъ наши фельетоны и бесѣдуемъ съ пріятелями за чаемъ!... Если нужно немножко пояснить, пусть батюшка разъ въ недѣлю собираетъ свою паству и, по мѣрѣ возможности, объясняетъ всѣмъ желающимъ то, о чемъ онъ будетъ молиться съ ними въ храмѣ, — если онъ, конечно, съумѣетъ сдѣлать это. Я думаю, что это будетъ очень трудно, ибо „объяснить“ можно развѣ только 1/1000 того, что происходитъ въ храмѣ. Конечно, жалка та старуха, которая возгласъ „оглашенные, изыдите“ понимаетъ, что это батюшка чертей изъ храма выгоняетъ, которые наводили на нее сонъ, но еще болѣе жалокъ будетъ тотъ батюшка, который попытается „объяснить“ обаяніе „херувимской“. Церковь тѣмъ и сильна, тѣмъ и нужна, что бы иногда по этому мосту могъ человѣкъ проникнуть душой „по ту сторону“, туда, гдѣ совсѣмъ уже не нуженъ его „эвклидовскій“ умъ, гдѣ глаза видятъ, уши слышатъ, сердце постигаетъ смутно какія-то новыя возможности, о которыхъ, вернувшись на землю, почти нѣтъ словъ разсказать. Товарищу-матросу изъ коммунистическаго отряда товарища Троцкаго этого объяснить нельзя, а старушка, которая плачетъ передъ Матушкой, слушая „херувимскую“, объясненій не проситъ: ей и такъ хорошо...

Я началъ бы эту великую работу съ того, что сталъ бы благоговѣйно на колѣни и сказалъ бы почтительно: „Мать, вотъ я вижу на свѣтлыхъ ризахъ Твоихъ темное пятнышко, оставлено неосторожными, — благослови, Родимая, сына

Твоего снять его, дабы ризы Твои и Твоя красота неизреченная возсіяли бы еще ярче . . .“ Да и не только въ Церкви, но и вообще въ жизни мѣнять, пожалуй, надо какъ можно меньше: plus ça change, plus ça reste la même chose. А крови, крови всегда сколько льется за эти призрачныя измѣненія!

Этотъ походъ къ Церкви новой, многомилліонной паствы одно изъ грандіознѣйшихъ завоеваній революціи, хотя и далеко не новое въ исторіи явленіе: тоже было и послѣ революціи французской и всего того періода „Drang und Sturm“. И все, о чемъ можно и должно молить тутъ Господа, это что бы духовенство, бросивъ свои самовары и тексты, изъ широко распахнувшихся вратъ церковныхъ, въ свѣтлыхъ ризахъ, въ сіяніи вѣчныхъ огней, въ облакахъ куреній вышло бы навстрѣчу этимъ голоднымъ душой милліонамъ съ побѣдною пѣснью „Христосъ Воскресъ“, вышло бы съ просвѣтленной и очистившейся душой, полное желанія забыть, простить взаимное недовѣріе и обиды, полное сознанія и своего великаго грѣха, полное духа смиренномудрія, терпѣнія и безбрежной Христовой любви къ слабымъ и бунтующимъ . . .

И, если это чудо свершится — это можетъ свершиться только чудомъ — то поднимется со дна всероссійскаго Свѣтлояра чудный градъ нашъ Китежъ и подъ радостный перезвонъ его колоколовъ, подъ сѣнью старыхъ стѣнъ его, въ свѣтломъ духовномъ пирѣ забудемъ мы и простимъ другъ другу наши теперешнія великія бѣдствія и страданія . . .

Но тяжело поднимались иногда въ отравленной вѣкомъ душѣ ядовитыя сомнѣнія: а, можетъ быть, тщетны эти наши попытки оживить и удержать умирающее православіе? Вѣдь стоятъ же на нашихъ глазахъ опустѣвшіе египетскіе или греческіе храмы . . . И какъ за смертью тѣхъ боговъ не послѣдовало рѣшительно ничего страшнаго, такъ не будетъ ничего страшнаго и за смертью нашихъ боговъ . . . Крушеніе, отмираніе отжившихъ формъ это только вѣчная игра вѣчной

жизни: формы гибнутъ — жизнь остается... Чего же бояться?...

Не знаю, но мнѣ нашего стараго православія было бы очень, очень жаль...

XXXI.

Положеніе все болѣе и болѣе обострялось. Красная туча снова надвигалась все ближе и ближе. „Зеленые" фактически владѣли всѣмъ нашимъ побережьемъ. Снова параличъ быстро сковывалъ всю государственную машину: не работалъ телеграфъ, едва дышала почта, стояли за отсутствіемъ угля пароходы, разбитыя желѣзныя дороги едва двигались... Цѣны безумно расли. И на фонѣ всего этого развала страшно кривлялись разные калифы на часъ, которыхъ назначалъ несчастный А. И. Деникинъ на мѣста, и которые дѣлали все, чтобы разрушить Россію до основанія и снова и снова поднять на дыбы все населеніе. Воровство шло повальное, взятки не стѣснялись брать нисколько, пьянствовали и развратничали у всѣхъ на глазахъ, совершенно открыто и, если одни, какъ начальникъ штаба нашего военнаго губернатора полковникъ де-Роберти попадали за это въ арестантскія роты, то другіе, какъ генералъ Добророльскій, назначенный къ намъ для борьбы съ „зелеными" и отводившій душу въ „Chat noir", просто уходили по весьма милостивому рескрипту. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ Корвинъ-Круковскій, весьма ретивый администраторъ, который вдругъ объявилъ у насъ въ краѣ безпощадную трудовую мобилизацію, приказавъ взять все и всѣхъ до 55 лѣтъ, кажется. У насъ въ Геленджикѣ людей хватали безъ всякаго предупрежденія на улицахъ и гнали въ сельское управленіе, а тамъ, отобравъ бумаги, васъ зачисляли безъ всякихъ разговоровъ въ трудовое ополченіе и запирали въ отведенную для такихъ арестантовъ школу, не давъ даже проститься съ близкими. И все это для

того, чтобы враждебно настроенное населеніе, узнавъ о мобилизаціи, не разбѣжалось бы по горамъ, къ „зеленымъ“ . . . Вой, плачъ поднялись по тихому, сонному городку . . .

На утро, подъ холоднымъ зимнимъ дождемъ эту толпу — тысячи въ двѣ человѣкъ, — погнали подъ конвоемъ по невылазной грязи къ Новороссійску. Тутъ были студенты, поселяне, чиновники всякаго рода, врачи, старики, больные, ремесленники и — надо отдать полную справедливость — даже генералы . . . И какъ только вышли они, сопровождаемые воемъ женщинъ, за околицу, городокъ точно вымеръ. Закрылись всѣ общественныя учрежденія, школы, лавки, базаръ, даже аптека, все, — вся жизнь остановилась по одному мановенію сумасшедшей генеральской руки . . . И всѣ предсказывали, что добромъ это не кончится. И дѣйствительно: не успѣли мобилизованные отойти и пяти верстъ, какъ подъ „Марьиной Рощей“ изъ густыхъ зарослей затрещали винтовки „зеленыхъ“ и вся эта жалкая орда, съ изступленно выпученными глазами, побросавъ весь свой скарбъ, понеслась назадъ, въ Геленджикъ, а значительная часть поселянъ съ крикомъ „ура“ бросилась къ „зеленымъ“ и — ушла съ ними въ неприступныя горы . . .

Но въ самомъ Новороссійскѣ безумное дѣло провели-таки и тысячи ни на какую тяжелую работу негодныхъ людей были высланы рыть вокругъ города ни на что не нужные окопы. И рыли, и гибли отъ тифа, и гибли отъ пуль неуловимыхъ „зеленыхъ“ . . .

И этого генерала, слава Богу, скоро убрали за эти самыя работы, но его недѣльное пребываніе у власти стоило жизни сотнямъ людей . . .

Ясно было только одно: подходила страшная развязка. Въ Новороссійскѣ всѣ это понимали и англичане открыли уже бюро для эвакуаціи желающихъ за-границу — на Принцевы острова, на Мальту, въ Египетъ, въ Сербію . . .

Поѣхалъ и я посмотрѣть, что тамъ дѣлается и куда бы мнѣ отвезти своихъ . . .

Настроеніе въ городѣ было тяжелое, тревожное и тысячи людей осаждали съ ранняго утра эмиграціонное бюро на Серебряковской. И кого-кого только ни было въ этой разношерстой толпѣ! . . . Барыни въ драгоцѣнныхъ мѣхахъ и брилліантахъ, раненые, истомленные, безрукіе и безногіе офицеры, бѣгущіе отъ своей паствы попики, весьма ловкіе молодые люди призывного возраста, оборванные и грязные чиновники безъ копѣйки въ карманѣ, сестры милосердія, крупные капиталисты, извѣстные общественные дѣятели, бывшіе губернаторы. Вотъ блеститъ очками толстый С. Г. Сватиковъ, бывшій посолъ Россійской Республики въ Римѣ, вотъ уныло стоитъ въ сторонкѣ извѣстный журналистъ А. А. Яблоновскій, вотъ худенькій и нервный генералъ-отъ-кавалеріи Шкинскій, бывшій генералъ-губернаторъ Туркестана, вотъ иконописный и деликатный Римскій-Корсаковъ, курскій губернаторъ, вотъ похудѣвшая, очень потрепанная фигура М. В. Родзянко . . .

— Господа, среди насъ находится предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко . . . — раздается вдругъ чей-то голосъ. — Давайте пропустимъ его впередъ внѣ очереди . . .

— Почему это? . . . — рѣзко возражаетъ кто-то. — Благодаря этимъ господамъ, мы и стоимъ вотъ здѣсь нищими, вымаливая милостыню у англичанъ. Они въ борьбѣ за власть, разрушили Россію, а теперь мы будемъ еще оказывать имъ почести . . .

— Да, конечно . . . — поддерживаютъ злые, нервные голоса. — Довольно . . .

— Господа, ради Бога . . . — говорилъ смущенный Родзянко. — Я нисколько не претендую . . .

И черезъ нѣсколько минутъ несчастный старикъ незамѣтно скрывается . . .

Параллельно съ англичанами усиленно хлопоталъ о вывозѣ всѣхъ этихъ „контръ-революціонеровъ" и сербскій посланникъ Ненайдичъ. Добрый старикъ сердечно принималъ всѣхъ къ нему приходящихъ и горячо увѣрялъ насъ, что только въ Сербію и надо намъ ѣхать, что насъ встрѣтятъ тамъ, какъ родныхъ братьевъ, что намъ дадутъ тамъ все . . . И я на всякій случай записался съ семьей и на сербскую эмиграцію, на пароходъ „Иртышъ", и на англійскую, на „Hannover", который долженъ былъ отойти на дняхъ на Принцевы острова.

И вдругъ глухимъ раскатомъ грома доносится тяжелая вѣсть: Геленджикъ, гдѣ осталась моя семья, взятъ въ ночь „зелеными"! . . . Я бросился на пристани: дѣйствительно, ни одинъ пароходъ, ни одинъ катеръ не идетъ туда. Я на телеграфъ — онъ обрѣзанъ. И глухо говорятъ о разстрѣлахъ, объ уведенныхъ въ горы заложниками, объ уличныхъ бояхъ . . . Душу охватила страшная тревога за своихъ, но пробраться въ Геленджикъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности. И вдругъ случайно встрѣчаю на улицѣ содержателя разгонной почтовой станціи въ Геленджикѣ богатаго лезгина Муртазали, вѣжливаго и чрезвычайно любезнаго человѣка, но горячаго, вспыльчиваго и гордаго. Онъ подтверждаетъ все о Геленджикѣ и говоритъ, что завтра онъ самъ ѣдетъ туда на лошадяхъ: у него отъ прежнихъ большевиковъ остался какой-то безграмотный, смѣшной пропускъ, который въ глазахъ столь же безграмотныхъ „зеленыхъ" являлся важнымъ документомъ благонадежности и они всюду свободно пропускали Муртазали. Лезгинъ съ полной готовностью выразилъ свое согласіе лично передать мою записку женѣ и, если будетъ хоть малѣйшая возможность, доставить моихъ въ Новороссійскъ сухимъ путемъ. Онъ уѣхалъ, а я,

полный тревоги, заканчивалъ послѣднія формальности для эмиграціи. Жилъ я тогда на столѣ въ конторѣ Черноморскаго Союза Кооперативовъ: городъ, расчитанный на 40.000 жителей, вмѣщалъ теперь болѣе 200.000 и все было забито до послѣдней возможности. Многіе случайные путники ночевали въ эти морозныя ночи на бульварахъ, въ сараяхъ, на пароходахъ, на зараженномъ тифомъ вокзалѣ, у проститутокъ . . .

. . . .

И среди этихъ чисто апокалипсическихъ картинъ ударъ за ударомъ раздавались грозныя вѣсти. Вотъ умеръ въ больницѣ отъ тифа громокипящій В. М. Пуришкевичъ, съ которымъ мы такъ еще недавно сидѣли въ гостинницѣ „Европа", наскоро обмѣниваясь мнѣніями о происходящемъ и смерть котораго теперь, въ общей сумятицѣ, прошла совершенно незамѣченной, хотя его выстрѣлъ въ Распутина и былъ, въ сущности, первымъ раскатомъ революціонной грозы. За нимъ ушелъ — тоже отъ тифа — князь Евг. Н. Трубецкой, съ которымъ мы не разъ засѣдали во время войны въ полумертвомъ обществѣ Славянской Культуры въ Москвѣ. За нимъ наступила очередь моего стараго пріятеля А. С. Зонова, москвича-кооператора, съ которымъ мы столько лѣтъ дружно толстовствовали вмѣстѣ и котораго я недавно видѣлъ въ Ростовѣ одинокаго, больного, растеряннаго. А изъ Сибири пришла тяжелая вѣсть о гибели преданнаго чехами и союзниками А. В. Колчака, этой благородной и яркой фигуры послѣднихъ лѣтъ нашей исторіи . . . Одинъ за другимъ сходили со сцены актеры, но пьеса все продолжалась — тяжелая, нелѣпая, кровавая . . .

Иногда среди суеты Серебряковской появлялась чрезвычайно высокая и худая фигура генерала въ черкескѣ. Всѣ оглядывались на него съ уваженіемъ а потомъ недовольно и сердито шушукались между собой:

— Въ такое время оставлять такихъ людей безъ дѣла!...

Это былъ генералъ П. Н. Врангель, оставшійся не у дѣлъ и сидѣвшій теперь съ своимъ штабомъ въ своемъ поѣздѣ на Каботажной пристани. Я не разъ слышалъ, что генералъ очень цѣнилъ мои статьи въ газетахъ на темы дня, а одну изъ нихъ, мое „Письмо къ офицерамъ", въ которомъ я говорилъ о необходимости строгой законности, дисциплины, гуманности въ Арміи, по его приказанію было сперва перепечатано въ царицынскихъ газетахъ, а потомъ расклеено по стѣнамъ. Чрезъ одного общаго знакомаго генералъ выразилъ желаніе повидаться со мной. И я пошелъ на Каботажную...

Онъ встрѣтилъ меня очень радушно. Разумѣется, разговоръ зашелъ на самыя больныя темы, о событіяхъ дня. И потомъ мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать съ нимъ на эти темы и я былъ радъ встрѣтить въ немъ человѣка просвѣщеннаго, понимающаго, что надо дѣлать для созданія новой Россіи. Онъ говорилъ, что все дѣло безнадежно испорчено, что надо начинать его съизнова и вполнѣ откровенно выкинуть новое знамя.

— Есть одинъ лозунгъ, который нельзя не выкинуть теперь... — сказалъ я. — Это — немедленная и строгая отвѣтственность агентовъ власти за всякое беззаконіе. Народъ изстрадался по законности и порядку...

— Совершенно вѣрно, — согласился онъ. — И мой основной принципъ въ дѣлахъ управленія это: „бей въ голову"... Если плохо въ губерніи, бей и бей больно по губернатору, плохо въ арміи — бей по командующему...

И у него это не было простыми словами. Его суровая справедливость была извѣстна всѣмъ и недаромъ получилъ онъ на востокѣ кличку „царицынскаго святителя" — русскій обыватель на такія прозвища для генераловъ очень скупъ!

и всѣ спекулянты, жулики, беззаконники-администраторы трепетали при одномъ имени суроваго генерала — его расправы съ ними въ районѣ его арміи слишкомъ хорошо всѣмъ были извѣстны. Но именно эта-то его черта и привела его на Каботажную.

Когда онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Доброарміей на смѣну окончательно спившемуся Май-Маевскому, онъ, ознакомившись съ положеніемъ арміи, уже оставившей Харьковъ и безобразными, недисциплинированными бандами, грабя населеніе, отходившей къ Ростову, телеграфировалъ А. И. Деникину: „армія погибаетъ отъ пьянства, грабежа и беззаконія. Леченіе надо начинать съ головы. Требую преданія военно-полевому суду генерала Май-Маевскаго, генерала Шкуро . . .“ и проч. Отвѣтомъ на это было полное молчаніе въ теченіе двухъ недѣль, назначеніе ген. Шкуро командующимъ Кавказской арміей, которой раньше командовалъ П. Н. Врангель, оставленіе всего угольнаго района и Ростова и — пребываніе П. Н. Врангеля на Каботажной. Общество относилось къ этому вынужденному бездѣйствію его съ большимъ сожалѣніемъ и рѣзко осуждало А. И. Деникина. И какъ ни любили всѣ А. Г. Шкуро, все же серьезные люди думали, что мѣсто главнокомандующаго арміей не по силамъ лихому партизану и всѣ съ сожалѣніемъ признавали, что, дѣйствительно, грабежи шкуринцевъ много содѣйствовали развалу арміи и развитію недовольства въ ея ближайшихъ тылахъ . . .

Вопросъ объ этихъ грабежахъ очень безпокоилъ главное командованіе и Особое Совѣщаніе и разъ былъ поставленъ въ сферахъ ребромъ.

— Господа, — сказалъ А. И. Деникинъ, — это, дѣйствительно, очень большое зло. Но если съ нимъ бороться серьезно, то первый, кого я долженъ буду повѣсить, это — генералъ Шкуро Вы согласны на это?

Отвѣтомъ было общее молчаніе и — вопросъ былъ снятъ съ очереди.

Подвиги разныхъ администраторовъ Добровольческой Арміи краснорѣчиво говорили, что рамки „Ревизора“ и Салтыкова-Щедрина для новыхъ помпадуровъ уже явно узки. Едва ли не самымъ красочнымъ фактомъ въ этой области былъ торжественный въѣздъ генерала Май-Маевскаго въ только что отвоеванный Харьковъ.

Для встрѣчи главнокомандующаго*) были выстроены войска съ хоромъ музыки, а на правомъ флангѣ собрались депутаціи отъ города, земства, университета, кооператоровъ и проч. И вотъ среди торжественнаго молчанія подходитъ поѣздъ „Мая“ — подошелъ, остановился и — ничего... Потомъ въ открытое окно вагона вылетаетъ пустая бутылка изъ-подъ шампанскаго и, звеня, откатывается въ сторону. И опять ничего... Общее недоумѣніе и растерянность. И, наконецъ, въ рамѣ окна появляется толстая, жирная и совершенно пьяная физіономія Мая. Онъ тупо оглядываетъ всѣхъ заплывшими глазками и, наконецъ, обращаясь къ общественнымъ депутаціямъ, по генеральски, хрипло кричитъ имъ:

— Здорово, корниловцы!...

А когда попытались депутаціи проникнуть къ нему въ вагонъ, адьютантъ попросилъ ихъ отложить разговоръ до завтра; сегодня генералъ не совсѣмъ здоровъ, — настолько нездоровъ, что онъ не могъ даже держать пера, чтобы подписать срочныя, представленныя ему бумаги...

И все это на глазахъ у всего населенія и войскъ!... О чемъ думали эти безшабашныя, преступныя головы? На что они надѣялись? Какъ представляли они себѣ завтрашній

*) Май-Маевскій былъ главнокомандующимъ Д. А. только, а А. И. Деникинъ — главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами юга Россіи, въ которыхъ Д. А. была только частью.

день? Преданные Родинѣ люди усѣяли своими могилами весь югъ Россіи, отъ Кавказскаго хребта до Орла, а эти помпадуры наплевали на эти могилы, обгадили ихъ, продали ихъ . . . И винить А. И. Деникина тутъ можетъ только очень легкомысленный человѣкъ: нельзя одному человѣку справиться съ этой духовной „испанкой“, которой заболѣли тутъ почти всѣ поголовно. И какъ выйдутъ изъ этого русскіе люди, не ясно даже теперь, годъ спустя послѣ деникинской катастрофы, и будущее наше поэтому попрежнему и темно, и грозно. Но прилетѣвшій въ послѣдніе дни Добровольческой Арміи изъ Константинополя на французскомъ миноносцѣ Бурцевъ увѣрялъ тогда всѣхъ насъ, что все обойдется, что дѣло наладится и что онъ бодро смотритъ на будущее, отъ котораго, однако, самъ онъ поторопился на томъ же миноносцѣ улетѣть обратно. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка тупого, человѣка одной идеи. По его мнѣнію, напримѣръ, катастрофа Добровольцевъ произошла отъ трехъ причинъ: дурной административный аппаратъ, военныя ошибки и то, что здѣсь никто . . . не читалъ его „Cause commune“! . . .

Но возвратимся опять къ П. Н. Врангелю. Онъ слылъ у насъ германофиломъ. И я ребромъ поставилъ ему вопросъ объ „оріентаціи“.

— Да вѣдь это обывальщина, эта пресловутая германская оріентація . . . — сказалъ онъ. — Германія разбита, обезсилена, а помимо всего этого отдѣлена отъ насъ огромнымъ пространствомъ. О какой же помощи съ ея стороны можно говорить теперь? А что касается будущаго, то я говорю совершенно опредѣленно: я пойду со всякимъ, разъ это будетъ выгодно для Россіи. Мой девизъ: „хоть съ чортомъ, но за Россію“ . . . Я вотъ надѣюсь скоро перебраться въ Одессу — тамъ у меня въ тылу будутъ сильные славянскіе резервы.

Я выразилъ сильное сомнѣніе въ существованіи такихъ резервовъ.

— А если бы даже они и были, — замѣтилъ я. — то едва ли союзники дали бы возможность намъ использовать ихъ. Завѣты лорда Биконсфильда о всемѣрномъ ослабленіи Россіи имъ настолько нравятся, что они даже молчать объ этомъ не могутъ . . .

Въ это время въ освѣдомленныхъ кругахъ вполнѣ опредѣленно говорили о разныхъ секретныхъ мѣропріятіяхъ французскаго правительства на Балканахъ, имѣвшихъ цѣлью воспрепятствовать посылкѣ подкрѣпленій ген. Деникину.

— И не въ тылу у васъ резервы, генералъ, — сказалъ я, — а впереди васъ, въ коренной Россіи. Если вы выставите надлежащіе лозунги и, если главное, вы съумѣете твердо воплотить ихъ въ жизни, никакихъ славянъ вамъ не надо . . . Посмотрите, что раздѣлываетъ Махно, — пошутилъ я. — Это очень опасный конкуррентъ для нашихъ генераловъ! . . .

Про Махно въ это время говорили — кажется, безъ большихъ основаній, впрочемъ, — что онъ оставилъ свой пресловутый „анархизмъ“ и выбросилъ новый флагъ; земля народу, власть — царю. Во всякомъ случаѣ популярность его среди крестьянства была огромна и наши острословы уже пророчили, что, пожалуй, за заслуги предъ будущей монархіей и Россіей этотъ каторжникъ станетъ родоначальникомъ фамиліи графовъ Махно, свѣтлѣйшихъ князей Гуляй-Польскихъ . . .

Между тѣмъ растерявшееся подъ натискомъ „зеленыхъ“ начальство пришло понемногу въ себя и генералу Носовичу дано было порученіе ликвидировать ихъ выступленіе въ Геленджикѣ. Туда ушелъ уже военный транспортъ „Бугъ“ и французскій миноносецъ, а подъ Кабардинкой сталъ на рейдѣ и открылъ огонь по горамъ британскій дредноутъ —

не то „Iron Duke“, не то „Malborough“. Я слушалъ съ пристаней глухое буханье орудій вдали и сердце сжималось: бѣдныя дѣтишки! . . . Что-то тамъ съ ними? . . . И все это стало обычной, нормальной обстановкой жизни! . . .

— Вы можете спать спокойно . . . — сказалъ мнѣ маленькій и юркій, какъ весенній воробей на заборѣ, генералъ Носовичъ. — Я не сплю . . .

Но это мало успокаивало: мы привыкли всѣ слова начальства понимать наоборотъ. И я, узнавъ, что „Бугъ“ высадилъ дессантъ и что „зеленые“ отошли въ горы — гарнизонъ весь добровольно ушелъ съ ними, — напрягалъ всѣ силы, чтобы поѣхать за своими, тѣмъ, болѣе, что „Гановеръ“ не сегодня-завтра долженъ былъ выдти въ море. Но это было нелегко: пароходы не шли за полнымъ отсутствіемъ угля, а маленькіе моторы чего-то опасались. Наконецъ, мы, геленджикцы, уговорили одного моряка, выѣхали въ море, но моторъ сломался и насъ свѣжимъ нордомъ потащило въ открытое море. Мы подняли сигналъ бѣдствія и чрезъ часъ портовый пароходикъ прибѣжалъ къ намъ и, взявъ насъ на буксиръ, снова оттащилъ въ портъ. А оттуда, изъ-за хмурыхъ горъ, ползли тяжелые слухи о разстрѣлахъ, о повѣшенныхъ, о полномъ отсутствіи продовольствія, о полной гибели несчастнаго края . . .

Наконецъ „Протекторъ“, добывъ гдѣ-то угля, рѣшился пойти туда. Съ тяжелымъ волненіемъ шли всѣ мы геленджикской бухтой мимо стоящаго на якорѣ „Буга“: что-то тамъ, дома? Мы ошвартовываемся у пристани, занятой военными, и одинъ изъ нихъ обращается къ намъ съ рѣчью:

— Предупреждаю васъ, господа: мною разрѣшено ходить по улицамъ только до 6 час. вечера. Всякій, кто появится послѣ этого часа хотя бы на пять минутъ позже, будетъ разстрѣлянъ на мѣстѣ, кто бы онъ ни былъ, — даже

женщина, даже ребенокъ . . . Я сюда присланъ не шутить и шутить съ собой я не позволю . . .

Рѣчь производитъ на всѣхъ крайне тягостное впечатлѣніе: никто изъ насъ и не думалъ, конечно, шутить. Это былъ новый комендантъ города, полковникъ гвардіи М. Мы обращаемся къ начальству съ вопросомъ, можно ли намъ будетъ завтра вывезти на „Протекторѣ“ свои семьи отсюда. Намъ съ непонятнымъ раздраженіемъ отвѣчаютъ:

— Какъ бы не такъ! . . . Намъ самимъ пароходъ можетъ понадобиться каждую минуту. Можетъ быть, чрезъ нѣсколько дней и вывезете . . .

— Такъ нельзя ли нанять намъ моторъ?

— И моторовъ не выпустимъ. Самимъ нужны . . .

Въ ловушкѣ! . . .

На берегу ко мнѣ бросается Люся, взволнованная, со слезами на глазахъ, и наша прислуга, Маня. Безпорядочно, вперебой, онѣ разсказываютъ мнѣ, какъ рвались надъ городкомъ снаряды, какъ летали пули, какъ прятались они всѣ по канавамъ . . . Поселяне одни были противъ насъ, увѣряя, что я писатель „фальшивый“, а другіе все же отстаивали насъ и отстояли: „зеленые“ не сдѣлали у насъ даже обыска. Но когда при первыхъ выстрѣлахъ орудій съ „Буга“ „зеленые“ торопливо бѣжали въ горы, уводя съ собой почти все населеніе поголовно, и власть снова взяли Добровольцы, у меня былъ произведенъ крайне грубый обыскъ съ угрозами разстрѣломъ, причемъ былъ взятъ, выданный мнѣ по распоряженію губернатора для самозащиты, австрійскій карабинъ.

Идти ночевать домой мнѣ рѣшительно не совѣтывали: только центръ города, саженъ 150 въ діаметрѣ, охранялся Добровольцами, на окраинахъ же хозяйничали „зеленые“, просто жулики и . . . солдаты-добровольцы, которые подъ видомъ „зеленыхъ“ грабили всѣхъ! . . . И на пристани, и на

улицахъ всюду виднѣлись лужи высохшей крови, — то были слѣды разстрѣловъ и боя. Охранную службу несли мальчики-гимназисты, 14—15 лѣтняго возраста, едва державшіе винтовки и не умѣющіе владѣть ими, а солдаты и офицеры, обставившись пулеметами, пили въ „Центральной". А на базарной площади, на старомъ деревѣ, видѣвшемъ еще, вѣроятно, черкесовъ, висѣлъ на узловатой веревкѣ, съ синимъ лицомъ и высунутымъ языкомъ, молодой оборванецъ-большевикъ . . .

Я повидалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ и остался ночевать у знакомаго скопца-часовщика. Геленджикцы разсказывали, что „зеленые" разстрѣляли нѣсколькихъ офицеровъ, а остальныхъ увели заложниками въ горы, гдѣ они потомъ тоже были разстрѣляны, убили на улицѣ мѣстнаго священика о. Александра, проповѣди котораго не нравились имъ, сожгли живьемъ адьютанта комендантскаго управленія за то, что онъ жегъ ихъ хаты, убили сектанта Бровко, того самаго, который изъ оппозиціи во что бы то ни стало послѣ того, какъ „зеленые" ограбили его и высѣкли шомполами его жену, перешелъ въ лагерь на все согласныхъ государственниковъ. Тоже дѣлали, вернувшись, и Добровольцы. И страшнѣе всѣхъ была ужасная, безсмысленная гибель Муртазали . . .

Какъ только онъ пріѣхалъ въ Геленджикъ, онъ тотчасъ же, какъ и обѣщалъ, передалъ письмо моей женѣ, а чрезъ нѣсколько часовъ къ нему нагрянули съ обыскомъ Добровольцы. Офицеръ повелъ себя грубо; гордый лезгинъ вспылилъ, не захотѣлъ отдать „какому-то поручику" своего оружія, на которое у него, человѣка лойяльнаго, были разрѣшенія чуть не отъ десяти губернаторовъ. Въ результатѣ арестъ этого прекраснѣйшаго человѣка, почтеннаго гражданина, твердаго монархиста и — его разстрѣлъ . . . Жена видѣла, какъ вели его на казнь. Онъ вѣжливо, какъ всегда, поклонился ей, но лицо его было исковеркано гри-

масой страданія: онъ, если не зналъ, то догадывался, куда его ведутъ.

Я мѣста себѣ не находилъ отъ ужаса, отвращенія и негодованія. Ясно было только одно: такой „режимъ“ существовать не можетъ. Это были уже судороги и надо было бѣжать скорѣе . . .

Но на чемъ? Какъ?

Я убѣдилъ нашу городскую управу сходить къ коменданту, который не хотѣлъ шутить, и убѣдить его, что, если онъ будетъ такъ хватать пароходы, то ни одинъ изъ нихъ не зайдетъ болѣе въ Геленджикъ, послѣдняя связь наша съ міромъ будетъ оборвана и городокъ останется совсѣмъ безъ продовольствія. Городской голова и члены управы согласились со мной, пошли и убѣдили-таки ретиваго коменданта умѣрить свой административный восторгъ. Пароходъ былъ назначенъ къ отходу съ такой быстротой, что мы едва успѣли, комкая все, собраться, погрузились и, наконецъ, отплыли съ облегченнымъ сердцемъ: отъ генерала А. С. Лукомскаго, который былъ теперь главноначальствующимъ нашимъ краемъ, я узналъ по секрету, что „Бугъ“ стоять въ Геленджикѣ долго не можетъ, такъ какъ у него и котлы неисправны да и топлива нѣтъ. А если бы онъ ушелъ, то трудно себѣ и представить то положеніе, въ которое мы попали бы! . . . Только его пушки и держали „зеленыхъ“ въ отдаленіи . . .

Мы уходили въ море, а сзади оставался сумрачный, голодный, окровавленный край. И на площади, высунувъ толстый языкъ, висѣлъ синій оборванецъ, а рядомъ съ нимъ была прибита дощечка съ надписью: „за измѣну Родинѣ“.

XXXII.

Квартиръ въ городѣ не было. Я нашелъ для своихъ крошечную клѣтушку на самой окраинѣ, у одной подозри-

тельной дѣвицы-конторщицы, которая приставляла къ своей фамиліи „фонъ“, но ѣла, видимо, не каждый день, красила свое испитое лицо всякой гадостью и говорила, что она „измухилась“ . . . Въ доброе старое время такая клѣтушка стоила 2—3 руб. въ мѣсяцъ, а теперь 150 р. въ сутки . . .

Когда выходили мы на „Протекторѣ“ въ море — капитанъ клялся, что онъ больше ни за какіе милліоны не пойдетъ въ Геленджикъ! . . . — мы видѣли, какъ прошелъ, дымя вдали, „Ганноверъ“, увозя на Принцевы острова первую партію бѣженцевъ. Дѣлать было нечего, надо было ждать другого парохода. У англичанъ чувствовалась какая-то неувѣренность, точно растерянность. У нихъ для вывоза было записано еще тысячи три человѣкъ, но на всѣ вопросы о времени погрузки слѣдующей партіи они отвѣчали одно: неизвѣстно. Тутъ изъ бурныхъ волнъ житейскаго моря вынырнула еще одна тѣнь изъ прошлаго, А. В. Тыркова. Много лѣтъ тому назадъ мы начали съ ней вмѣстѣ разводить революцію на страницахъ „Сѣвернаго Края“ въ Ярославлѣ. Тогда это была скромная, начинающая журналистка съ „интересными“ глазами, а теперь пожилая дама, которой казалось, что она играетъ большую роль. Новороссійскіе журналисты нѣсколько разъ пытались добиться чего-нибудь опредѣленнаго отъ англичанъ чрезъ ея мужа, г. Вильямсъ, но она всякій разъ твердо удерживала его отъ излишнихъ увлеченій въ этой области. Много горечи вызывало это поведеніе ея у нашихъ бѣдныхъ журналистовъ, хотя, можетъ быть, она и была права: зачѣмъ обольщать людей мечтой напрасной? . . .

А съ все приближающагося фронта и изъ тыловъ вѣсти шли все болѣе и болѣе безотрадныя. Тяжело разъигрывался этотъ послѣдній актъ сильной исторической драмы „Добровольческая Армія“. Надо было торопиться и выѣзжать или съ польской организаціей, зафрахтовавшей до Констанцы „Колыму“, или же съ сербами, которые везли русскихъ на

„Аѳонѣ“. Старый Ненайдичъ, сербскій посланникъ, горячо совѣтывалъ намъ ѣхать непремѣнно въ Сербію и ревниво предостерегалъ насъ: въ Болгаріи насъ будутъ всячески удерживать, заманивать, уговаривать остаться у нихъ, но мы не должны поддаваться этимъ увѣреніямъ раскаявшихся болгаръ, мы должны ѣхать въ Сербію, гдѣ насъ встрѣтятъ, какъ родныхъ братьевъ. Господи, — думалось, — за нами еще ухаживаютъ! . . . Мы кому-то еще нужны! . . . И, конечно, многіе зазнались, подняли носъ и въ такомъ видѣ, побѣдителями, поѣхали въ позорное изгнаніе . . .

Я остановился на „Аѳонѣ“. Эти дни я такъ идейно сблизился съ П. Н. Врангелемъ, что было рѣшено, что я отправлю свою семью за-границу, а самъ поѣду съ нимъ въ Одессу, гдѣ онъ долженъ былъ взять дѣло въ свои руки. Но событія развивались тамъ подъ просвѣщеннымъ руководствомъ генерала Шиллинга такъ катастрофически быстро, плацъ д'армъ одесскій такъ быстро сокращался, что этотъ планъ былъ скоро оставленъ и вмѣстѣ съ семьей я собрался въ Сербію. Нашъ губернаторъ, милѣйшій С. Д. Тверской, дѣлалъ все возможное, чтобы устроить моихъ ребятишекъ на пароходѣ получше, но изъ всѣхъ его усилій ничего не выходило, все тонуло въ хаосѣ послѣдняго столпотворенія . . .

. . . .

Подошелъ и послѣдній день отъѣзда. Я пошелъ проститься съ ген. А. С. Лукомскимъ, который всегда, когда было нужно, оказывалъ мнѣ возможное содѣйствіе. Этотъ всегда осторожный и скупой на слова генералъ былъ, видимо, разстроенъ всѣмъ происходившимъ и, вопреки своему обыкновенію, смотрѣлъ теперь на ближайшее будущее съ недовѣріемъ. Мы заговорили о положеніи въ краѣ.

— Но что же могу я сдѣлать, когда въ моемъ распоряженіи нѣтъ ни одной надежной части? — сказалъ онъ.

Я спросилъ о положеніи въ Крыму.

— Довольно устойчиво, но С. пьетъ . . . — развелъ онъ руками.

Какъ разъ въ это время въ одной французской константинопольской газетѣ — не помню, въ „Stamboul" или въ „Levant" — появилась статья, въ которой очень жесткими словами говорилось, что помогать Россіи довольно безполезно, ибо все, что подвозится союзниками, — танки, снаряды, артиллерія, обмундированіе и проч. — исправно передается пьянствующими генералами большевикамъ. Какой же смыслъ помогать? И статья заканчивалась энергичнымъ призывомъ: „довольно пьянствовать! . . ." По долгу добросовѣстнаго историка я долженъ сказать, что это жестоко, но увы, вполнѣ справедливо. Нельзя себѣ и представить, какіе колоссальные запасы всего были отданы большевикамъ въ Ростовѣ, напримѣръ . . .

Когда я выходилъ изъ пріемной генерала А. С. Лукомскаго, въ самыхъ дверяхъ я столкнулся съ П. Н. Врангелемъ, который пріѣхалъ со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Шатиловымъ и съ адьютантомъ.

— Ну, какъ, генералъ? Въ Крымъ? — спросилъ я. — Я пріѣхалъ бы къ вамъ на работу . . .

— Нѣтъ, меня опредѣленно не хотятъ . . . — громко и возбужденно отвѣчалъ онъ. — Я привезъ свою отставку . . .

— Объ этомъ пожалѣютъ тысячи русскихъ гражданъ . . . — сказалъ я.

— Что дѣлать! . . .

Мы простились . . . У подъѣзда стоялъ автомобиль генерала, въ которомъ, закутавшись въ башлыкъ, сидѣлъ П. Б. Струве, часто бывавшій теперь у опальнаго генерала.

Налету простился я и съ В. Н. Челищевымъ, который былъ очень занятъ въ переговорахъ съ обезумѣвшей, явно идущей на погибель Кубанской радой, и очень разстроенъ.

— Да вы хоть отправили бы вашу дѣтвору со мной . . . — сказалъ я. — Все было бы спокойнѣе . . .

— Нельзя. Главнокомандующій категорически воспретилъ старшимъ чинамъ правительства вывозить свои семьи . . . — отвѣчалъ онъ. — Это можетъ произвести дурное впечатлѣніе . . .

— Жаль . . . Ну, до свиданія за-границей . . .

Наступило и утро отъѣзда. Было сумрачно и холодно. Но когда пѣшкомъ, вслѣдъ за ломовымъ, мы шли на пристань, въ одномъ садикѣ прозвенѣла повесеннему синичка. И какъ-то пріободрилась душа: весна . . . Скоро солнышко . . . Богъ дастъ, все будетъ хорошо . . .

Но тѣмъ не менѣе сердце тяжело сжалось, когда мы увидали отведенный намъ трюмъ: желѣзныя стѣны, желѣзный потолокъ, желѣзный полъ, все было покрыто бѣлымъ инеемъ. Холодъ пронизывалъ до костей. Полный мракъ . . . И въ такой обстановкѣ нѣсколько дней . . . Да вѣдь это гибель! . . . Но дѣлать было нечего . . .

Послѣдняя суета . . . Третій свистокъ . . . Съ грохотомъ подымается покрытый иломъ якорь. Пристань поползла назадъ. Вонъ С. Д. Тверской — онъ утираетъ слезы, провожая семью. Вонъ привѣтливо махаетъ намъ шляпой милый Ненайдичъ.

. . . .

Мы вышли уже за молъ. Море спокойно. Свѣтитъ солнышко. И вдругъ стоявшая рядомъ со мной на палубѣ Люся какъ зарыдаетъ! . . .

— Что ты, дѣвочка? Что съ тобой? . . .

Она долго не можетъ отвѣтить.

— Да что съ тобой? Что ты?

И, наконецъ, сквозь рыданія она едва говоритъ:

— Жалко! . . . Не хочу уѣзжать изъ Россіи! . . .

Отвѣтъ ребенка глубоко волнуетъ меня. Онъ не совсѣмъ обыченъ у дочери бывшаго всечеловѣка и интернаціоналиста . . .

Я очень хочу, чтобы дѣвочка не забыла ни этихъ слезъ своихъ, ни этихъ словъ . . .

Мы уходимъ въ море все дальше и дальше . . . Я съ тоской смотрю вдаль, за тотъ синій мысъ, — тамъ ея могилка . . . Опять и опять она остается одна . . . Прощай, моя дѣточка, моя любимая, мое солнышко! . . . Покидать своихъ мертвыхъ, оказывается, часто бываетъ также тяжело, какъ и живыхъ . . .

О, неразрѣшимая печаль жизни человѣческой! . . .

XXXIII.

„Аѳонъ“ былъ забитъ пассажирами выше всякой мѣры. Въ темныхъ трюмахъ его, насквозь промерзшихъ, едва можно было пройти. Всѣ рубки были переполнены. Люди валялись всюду на полахъ, примащивались спать ночью на стульяхъ, на полу, ютились на сквознякѣ въ корридорахъ; нѣкоторые, несмотря на холодъ, ночевали даже на палубахъ. Пароходная администрація и матросы сдавали свои каюты и койки желающимъ по невѣроятнымъ цѣнамъ — А. С. Суворинъ, напримѣръ, заплатилъ за крошечную двухмѣстную каютку 120.000 р. Къ моему удовольствію, мои малыши переносили невыносимый холодъ несравненно легче, чѣмъ я ожидалъ, и вообще все въ пути такъ интересовало ихъ, что они не замѣчали тяжести лишеній: ни холода этого, ни давки, ни грязи — пароходная прислуга смотрѣла на насъ, какъ на недорѣзанныхъ по недосмотру буржуазовъ и враговъ народа и относилась къ своимъ обязанностямъ соотвѣтственно . . . — ни нашего убогаго эмигрантскаго стола, отпускаемаго изъ кухни. Я жестоко страдалъ отъ холода и спалъ не въ трюмѣ, гдѣ мнѣ не хватало ни одѣяла, ни подушекъ, а сидя на лѣстницѣ, ведущей въ курилку . . .

И кого, кого не было въ этой нервной, разношерстной толпѣ эмигрантовъ! . . . Вотъ въ нашемъ трюмѣ пріютилась испуганная семья какого-то небольшого чиновничка-юриста съ жалкимъ багажомъ и съ 8000 р. „донскими“ въ карманѣ — это по курсу было что-то вродѣ старыхъ пятидесяти рублей . . . Она богата только надеждой на какого-то братца, который уже устроился довольно благополучно въ Константинополѣ. А вотъ тутъ же, надъ ихъ головой, въ I классѣ, съ утра до ночи пьетъ ликеры по 3600 р. за бутылку и флиртуетъ извѣстный богачъ-гусаръ Б., безъ боя отступающій на западъ. Вотъ маленькій, рыженькій лэндлордъ графъ А. Д. Шереметьевъ, вотъ цѣлая серія бывшихъ губернаторовъ, вотъ старенькій А. С. Суворинъ въ лѣтнемъ пальтишкѣ, вотъ извѣстный экономистъ проф. Мигулинъ, вотъ ректоръ петроградскаго университета проф. Э. Д. Гриммъ, вотъ маленькій, горбатенькій ген. Стаховичъ, съ женой котораго я нѣкогда встрѣчался въ „Ясной Полянѣ“, вотъ милая семья нашего губернатора С. Д. Тверского, вотъ сотни двѣ-три опустившихся, обовшивѣвшихъ институтокъ Харьковскаго и Донского институтовъ, вотъ высокій кавалерійскій генералъ Мартыновъ, только что съ честью служившій большевикамъ, а теперь снова воздѣвшій свои опозоренные погоны, вотъ породистый и нелѣпый, въ дикой фуражкѣ, сшитой его дочерью, съ двумя огромными, непротертыми моноклями въ глазу и съ серьгой въ ухѣ Васильчиковъ съ его французскими прибаутками, вотъ оборванный, неряшливый, басистый и грубоватый князь Вяземскій, вотъ высокая, стильная, интересная, похожая на скитскую послушницу Маргарита Дурново, имя которой часто упоминалось въ связи съ послѣдними днями жизни царской семьи, вотъ нѣсколько изувѣченныхъ и больныхъ офицеровъ, вотъ еще больше офицеровъ совершенно здоровыхъ, удачно пристроившихся къ разнымъ заграничнымъ „миссіямъ“, вотъ нѣсколько батюшекъ, побросавшихъ свои церкви и паству,

вотъ знаменитый архимилліонеръ еврей Венгеровъ, только двадцать лѣтъ тому назадъ служившій мальчикомъ въ аптекарскомъ магазинѣ въ Минскѣ за 4 р. въ мѣсяцъ, какъ не безъ удовольствія разсказываетъ онъ мнѣ . . .

И тяжкое впечатлѣніе производила на меня эта толпа новой русской эмиграціи! Болѣе всего былъ тяжелъ этотъ ея отвратительный, бездушный эгоизмъ: на глазахъ у голоднаго судейскаго чиновника гусары Б. не стѣснялись пропивать и проигрывать сотни тысячъ рублей, институтки, большею частью, сироты офицеровъ, валяются въ повалку въ промерзшихъ и вшивыхъ трюмахъ, а здоровенные жеребцы лежатъ на бархатныхъ диванахъ, у одного карманы пухнутъ отъ во время запасенныхъ англійскихъ фунтовъ — въ послѣдніе дни въ Новороссійскѣ фунтъ стоилъ 6000 р.! — а другой въ ужасѣ смотритъ на завтрашній день. Казалось бы, перенесенныя страданія и ужасъ смерти, общее изгнаніе должны были бы подсказать этимъ сердцамъ необходимость нѣсколько большей теплоты во взаимныхъ отношеніяхъ, но этого не только не было, напротивъ, никогда обычная свалка человѣческая за лишній кусокъ, за болѣе уютное мѣстечко не принимала, кажется, формъ болѣе рѣзкихъ, болѣе отталкивающихъ. На пароходѣ съ утра до ночи стояла отвратительная, животная грызня изъ-за каждой мелочи . . .

Были тутъ и честные слуги старой Россіи, но еще больше было старорежимнаго мусора, тѣхъ безсознательныхъ преступниковъ, которые, сами того не понимая, подготовили гибель дѣла той же Добровольческой Арміи. Они и теперь не понимали, что они сдѣлали съ Россіей, не понимали, что это они продали тысячи и тысячи безъименныхъ могилъ патріотовъ отъ Кавказскаго хребта до Орла, что это они безъ поцѣлуя Іуды сдѣлали Іудино дѣло. Напротивъ, воздѣвъ свои опозоренные погоны, они требовали себѣ и теперь всякихъ правъ и преимуществъ и добивались ихъ . . .

Въ самый день отъѣзда я встрѣтился на пароходѣ съ извѣстной дѣятельницей Москвы графиней В. Н. Бобринской.

— Вотъ и прекрасно, что вы ѣдете . . . — сказала она. — И отлично . . . Я тоже скоро выѣзжаю . . . И мы наладимъ тамъ великолѣпное издательское дѣло. Въ книгѣ теперь такая нужда въ Россіи. А въ особенности въ дѣтской литературѣ . . . Теперь туда ѣдетъ масса милыхъ дамъ, которымъ, все равно, дѣлать будетъ нечего, и онѣ напишутъ намъ чудесные дѣтскіе разсказы, а мы издадимъ ихъ . . .

— Графиня, позвольте писателю, проработавшему уже около двадцати пяти лѣтъ, сказать вамъ, что, если есть что трудное въ нашемъ дѣлѣ, то это какъ разъ дѣтскія книги . . . — сказалъ я. — И ничего тутъ ваши милыя дамы сдѣлать не смогутъ . . .

Но, конечно, шумная графиня ничего не слушала: „наладимъ — у меня рука счастливая . . .“ Издательствомъ же думалъ заняться и членъ Государственнаго Совѣта графъ Д. А. Олсуфьевъ, тоже очень довольный, что встрѣтилъ меня, писателя, на пароходѣ: вотъ ужъ мы разведемъ съ нимъ пары! . . . Какъ фондъ для будущаго издательскаго дѣла, у него было съ собой 100.000 р. „донскими“, 2 ковра, 1 золотая миніатюрная табакерка и скромная брилліантовая брошь, если не считать какой-то маленькой пишущей машинки, на которой старый чудакъ думалъ зарабатывать себѣ въ Европѣ хлѣбъ . . . Третьи, сбившись гдѣ-нибудь въ уголокъ, мечтали, какъ они оснуютъ въ Берлинѣ — оріентація сказывалась на каждомъ шагу! . . . — ресторанъ „Къ Мартьянычу“, какъ на Пасхѣ у нихъ будетъ для публики настоящій пасхальный столъ, а въ передней будетъ стоять эдакій молодчинище-городовой съ медалями во всю грудь и съ рыжими прокуренными усами. Четвертые высчитывали колоссальные

барыши, которые дастъ имъ комиссіонный магазинъ. Многіе очень и очень обезпечили себя на долгіе годы валютой, золотомъ, брилліантами, но большинство было богато только болѣе или менѣе эфемерными надеждами. И чувствовалось опредѣленно, что многіе поплатятся.

Рано утромъ справа далекимъ видѣніемъ встали, озаренные солнцемъ, берега Крыма. Вотъ сумрачный Чатырдагъ, вотъ характерно прильнувшій къ водѣ Аю-дагъ, вотъ тутъ должна быть Ялта, гдѣ я въ далекой молодости и любилъ, и страдалъ, вотъ четкій профиль Фіолента. Это послѣдній кусочекъ Россіи . . . Конецъ! . . .

Но когда чрезъ нѣсколько часовъ крымскіе берега растаяли въ туманѣ моря голубомъ, то отзвуки русской земли, обезумѣвшей въ мечтѣ о несбыточной Бѣловодіи съ молочными рѣками и кисельными берегами, все еще долетали до насъ, затерявшихся въ этой пустынѣ моря. Разъ какъ-то вечеромъ бреду я по пароходу въ поискахъ за уголкомъ потеплѣе, гдѣ можно было бы поспать ночь, смотрю, у входа въ машину стоитъ на часахъ съ винтовкой офицеръ.

— Что такое?

— Проходите . . . — сурово отвѣчаетъ онъ. — Вы знаете, что съ часовыми разговаривать нельзя . . .

Только на другое утро уже узналъ я отъ профессора Мигулина, что наканунѣ наша команда взбунтовалась и потребовала, чтобы пароходъ шелъ не въ Варну, какъ требовалось, а въ Одессу, только что занятую большевиками: милымъ мальчикамъ хотѣлось полакомиться тѣми милліонами, присутствіе которыхъ на пароходѣ ясно обонялъ ихъ революціонный носъ! Офицеры взялись за винтовки. И въ оживленныхъ переговорахъ было рѣшено, что пароходъ пойдетъ въ Варну, но „за то“ оттуда онъ долженъ будетъ идти въ Марсель, гдѣ революціонный пролетаріатъ, сдававшій свои каюты

и койки по невѣроятнымъ цѣнамъ, накупитъ по мѣрѣ силъ разныхъ товаровъ, которыми и спекульнетъ по возвращеніи въ Новороссійскъ. Прочность этого договора и обезпечивали вооруженные офицерскіе караулы, занявшіе всѣ входы и выходы . . .

Но тѣмъ не менѣе настроеніе на пароходѣ было непріятное, подавленное. И, когда на горизонтѣ показывался далекій дымокъ, по пароходу тотчасъ же начиналъ ползать слушокъ, что вотъ насъ нагоняетъ большевистскій миноносецъ и вотъ сейчасъ начнется . . . А другіе тревожными глазами ищутъ въ сѣдыхъ волнахъ блуждающей мины, на которой они обязательно должны взорваться: „вы слышали, что нашимъ радіо только что перехвачено сообщеніе о гибели „Петра Великаго“ на такой минѣ у береговъ Болгаріи? . . .“

Я подмѣчаю признаки своей популярности: ко мнѣ подходитъ знакомиться гр. Д. А. Олсуфьевъ, старый князь Енгалычевъ выражаетъ мнѣ сочувствіе по поводу моей послѣдней въ Россіи статьи „У стѣнъ церковныхъ“, извѣстный финансистъ А. Я. Чэмберсъ, не зная, что я въ числѣ слушателей, знакомитъ публику со взглядами на создавшееся положеніе „довольно извѣстнаго писателя Наживина“ . . . А вечеромъ, взявъ меня подъ-руку, со мной долго ходитъ по палубѣ Венгеровъ, смѣлый и оригинальный въ своихъ сужденіяхъ.

— Вамъ, писателямъ, теперь надо быть болѣе чѣмъ когда либо осторожными въ своихъ писаніяхъ . . . — говоритъ онъ. — Знаете ли вы, напримѣръ, что стоила Добровольческой Арміи ваша статья о еврейскомъ вопросѣ?

— Ну?

— Она была въ главныхъ чертахъ передана въ Америку по телеграфу и американскій желѣзнодорожный трестъ, только что согласившійся поставить добровольцамъ двѣсти паровозовъ

и десять тысячъ вагоновъ и имѣющій въ своей средѣ, конечно, не мало влiятельныхъ евреевъ, взялъ назадъ свое обѣщаніе и Южная Россія осталась безъ подвижного состава — благодаря вамъ . . .

— Если это и такъ, — отвѣчалъ я, — то это доказываетъ только, что людямъ и въ Америкѣ нѣтъ времени понимать то, что они читаютъ, какъ это я замѣтилъ и у насъ. Всякій умный еврей могъ быть, конечно, только доволенъ моей статьей, ибо во-первыхъ, вину за гибель Россіи, вопреки мнѣнію улицы, я перекладываю въ ней опредѣленно съ головы еврейской на безшабашную голову русскую, а во-вторыхъ, я говорю, что, если выбирать между поголовнымъ истребленіемъ еврейства по рецепту Махно и признаніемъ евреевъ иностранными подданными, находящимися подъ охраной международнаго права, то я, какъ человѣкъ культурный, стою за второе. Если же мнѣ укажутъ третій, еще болѣе разумный выходъ изъ создавшагося тяжелаго положенія, то я, конечно, приму его, какъ я и говорю это въ концѣ статьи . . .

Мой собесѣдникъ смягчился.

— А потомъ — добавилъ я, — этотъ случай довольно ярко доказываетъ всю премудрость вашего древняго Экклезіаста и всю тщету человѣческой дѣятельности. Не напиши я своей статьи и не переври ее люди въ Америкѣ, локомотивы и вагоны были бы доставлены и попали бы теперь въ руки большевиковъ. Ergo, статья моя была не вредна, но полезна Россіи.

На другой день, около полудня, за гранью моря туманно встали гористые берега Болгаріи. Мы вышли значительно южнѣе Варны и потому рѣзко измѣнили курсъ, взявъ прямо на сѣверъ .И на пароходѣ тревожно зашептались: ужъ не въ Одессу ли? . . . Но у меня на душѣ полегчало: ребятишки не только были живы, но и вполнѣ здоровы и веселы. Чортъ

не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, — въ тысячный разъ съ удивленіемъ узнаю я старую, какъ міръ, истину.

Часа черезъ четыре мы подошли къ Варнѣ и, выкинувъ желтый карантинный флагъ, бросили якорь на рейдѣ. Первый этапъ былъ конченъ — мы были на порогѣ Европы, Европы новой, взбаламученной, незнакомой . . .

Что-то ждетъ насъ въ ней? . . .

Того же автора

появилось въ 1921 году:

„Осени поздней цвѣты заповдалые“ — изд. Поволоцкаго въ Парижѣ.

„Новые разсказы“ — изд. „Русской Земли“ въ Парижѣ.

„Менэ-тэкэл-фаресъ“, романъ, на болгарскомъ языкѣ — к-во „Животъ“ въ Софіи.

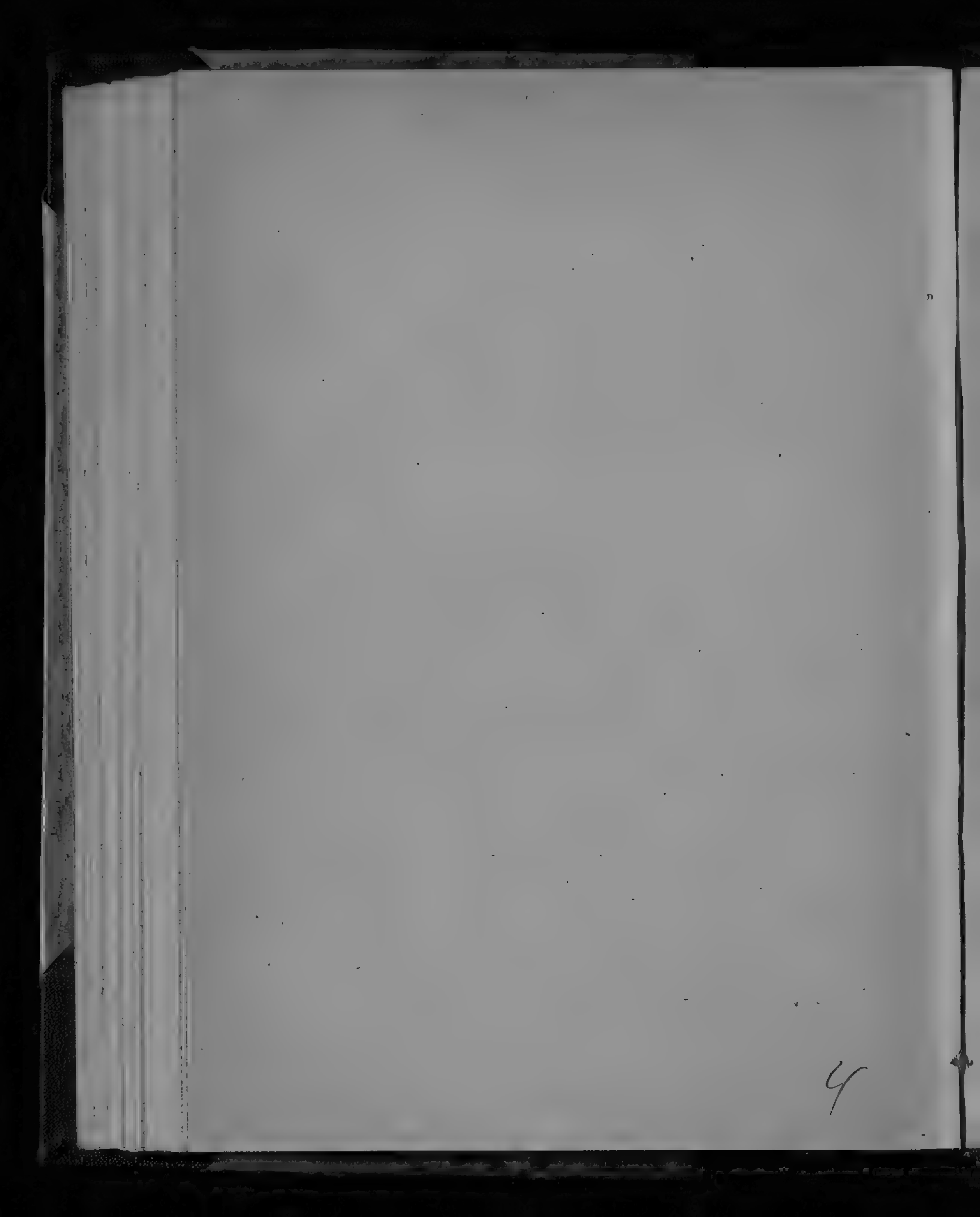
„Въ долината на скърбьта“, разсказы, на болгарскомъ языкѣ — к-во „Животъ“ въ Софіи.

„Записки о революціи“ на чешскомъ языкѣ — к-во „Polygraphia“ въ Брюннѣ.

„Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ“, на нѣмецкомъ языкѣ, въ „Tolstoj Denkwürdigkeiten“ — изд. „Graphischer Kunstverlag“, Вѣна.

„Во мглѣ грядущаго“ — к-во „Дѣтинецъ“, въ Вѣнѣ.

Адрессъ автора: Herrn Iw. Naschiwin,
bei Dr. Jar. Doležal, Wien, VIII., Langegasse 24.


4

Печатаются:

Сочиненія С. Т. АКСАКОВА:

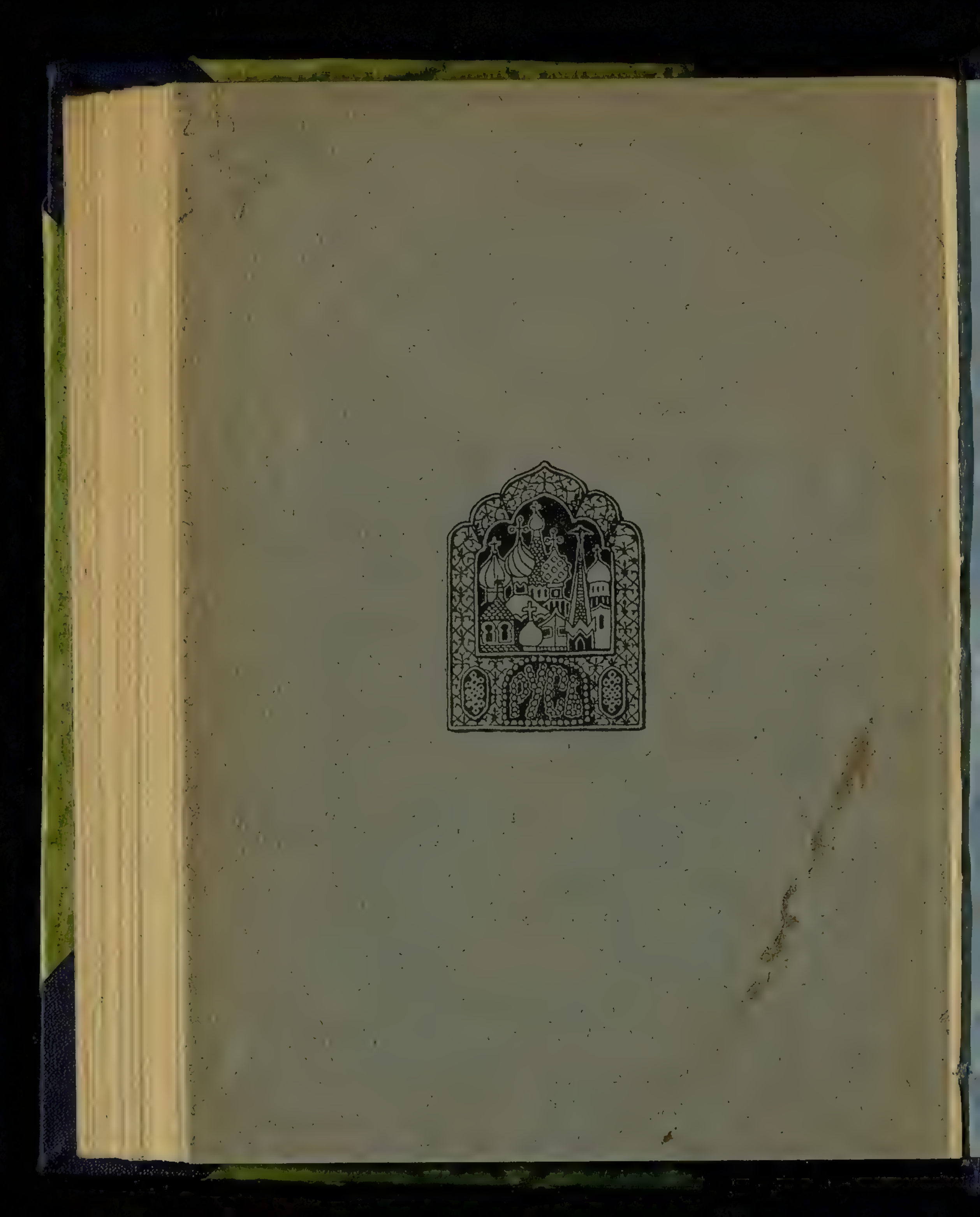
I. Семейная хроника.
II. Дѣтскіе годы Багрова-внука.

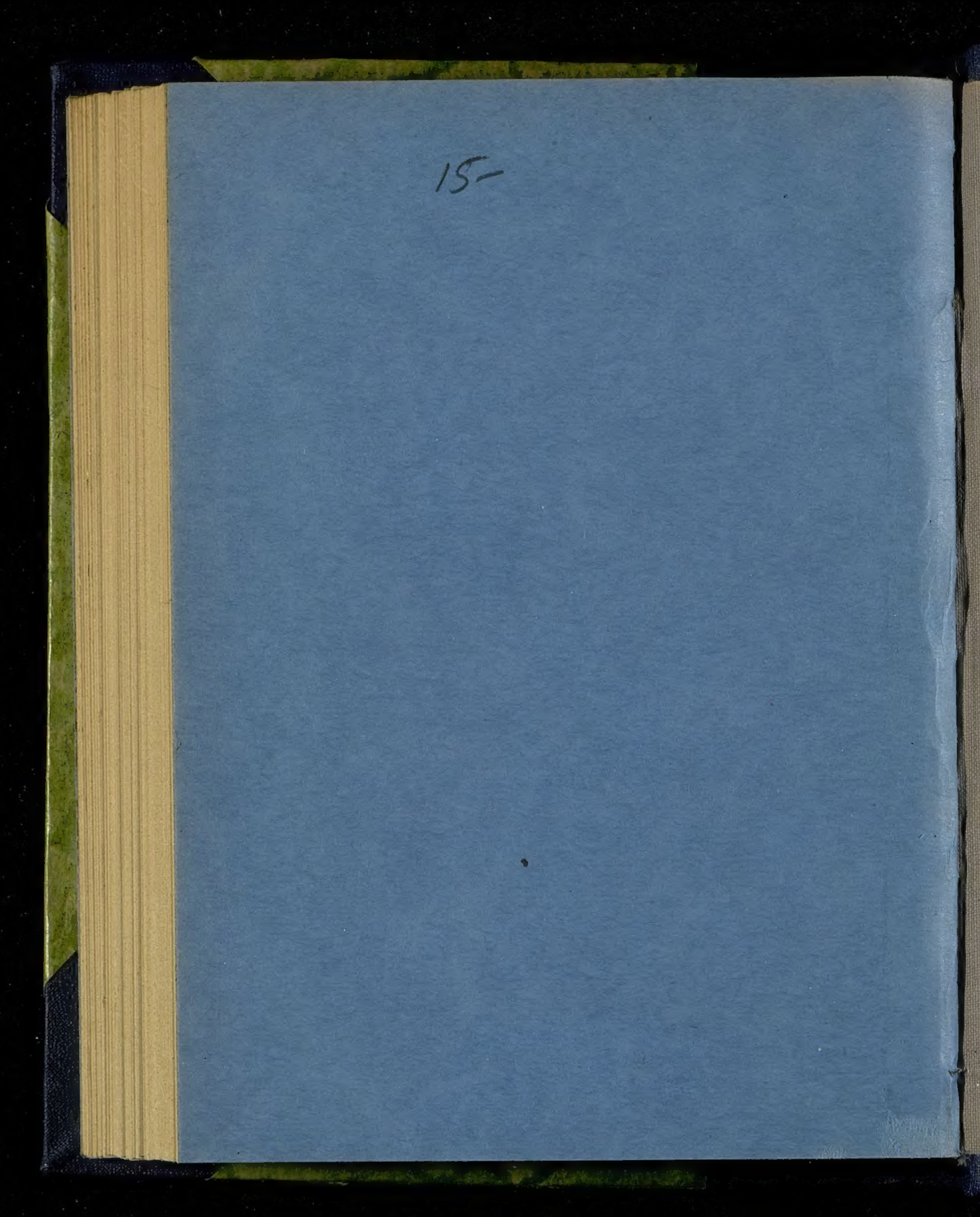
ЖИЛЬЯРЪ:

Императоръ Николай II и его семья.
(Петергофъ, Сентябрь 1905—Екатеринбургъ, Май 1918.)

По личнымъ воспоминаніямъ бывшаго Наставника Наслѣдника Цесаревича.

Единственное полное разрѣшенное авторомъ русское изданіе, художественно исполненное со многими снимками. Появившіяся ранѣе изданія, подъ заглавіемъ; Трагическая судьба Императора Николая II и его семьи представляютъ напечатанные, безъ разрѣшенія автора, переводы статей его во французскомъ журналѣ „Illustration“. Эти статьи, расширенныя и дополненныя, вошли въ содержаніе нѣсколькихъ главъ настоящей книги, заключающей въ себѣ, кромѣ того, воспоминанія автора за 13 лѣтъ пребыванія его при Дворѣ, въ качествѣ Наставника Царскихъ дѣтей.




15-